С К А Р Ы Н І Ч

Літаратурна-навуковы гадавік

Выпуск 10

Москва
2011

ББК 83.3.Бел.7
С42

Укладальнікі:
Аляксей Каўка
Віктар Чайчыц (каардынатар праекта)

Скарыніч: Літаратурна-навуковы гадавік
Вып. 10. – Москва : "ПКЦ "Альтекс" 2011. – 344 с. : іл.
ISBN 978-5-93121-293-7

Чытачу прапануюцца творы беларускай літаратурнай класікі, прысвячэнні М.Багдановічу, Ул.Караткевічу, малавядомыя старонкі спадчыны М.Лабойкі, І.Грыгаровіча, І.Насовіча, П.Шпілеўскага, В.Ластоўскага, Я.Хлябцэвіча, Б.Тарашкевіча, Ул.Дубоўкі, М.Улашчыка; скарыназнаўчыя матэрыялы, архіўныя сведчанні пра адраджэнне беларускай дзяржаўнасці, пра эміграцыю - БНР 1920-х. Доўжыцца тэма прысутнасці Беларусі, беларуса ў расійскай, маскоўскай прасторы, уключна з таемным лёсам Крыжа Лазара Богшы і Еўфрасінні Полацкай.

ISBN 978-5-93121-293-7

Змест

“Каб не умёрлі…”

На ўгодкі
Максіма Багдановіча, Уладзіміра Караткевіча, Браніслава Тарашкевіча, Мікалая Улашчыка

З Масквы гледзячы

Беларусь учора і сёння. Міжнародны кантэкст

Scoriniana

Varia

З пошты “Скарыніча”

* * *

1. На вокладцы: помнік Францішку Скарыну ў Мінску каля Нацыянальнай бібліятэкі (на былых содалевых сотках у Зялёным лузе). Скульптар А.Дранец.

2. Браніслаў Тарашкевіч па заканчэнні Пецярбургскага універсітэту [1918-1919 г.г.]. Аддзел рэдкай кнігі і рукапісаў ЦНБ імя Я.Коласа Нацыянальнай Акадэміі Беларусі. Фотарэпрадукцыя А.Клешчука.

3. Беларусіка ў фондах Расійскай дзяржаўнай бібліятэкі. Вокладка часопіса “Змаганьне”, 1924 г.

4. Народная артыстка Беларусі Ларыса Александроўская.

5. Дарчы аўтограф кампазітара Д.Шастаковіча – Александроўскай. 1950 г. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва.

6. Мікалай Улашчык у таварыстве М.Купавы, Я.Куліка, У.Крукоўскага, А.Марачкіна, В.Маркаўца, М.Раманюка. Мінск, 1978 г. Фота В.Дубінкі.

7. Уладзімір Караткевіч на Вышэйшых літаратурных курсах у Маскве (другі справа ў другім радзе знізу). 1960 г.

8. Юбілейны канверт пошты Беларусі ў гонар Ул.Караткевіча. 2010г.

9. Генадзь Бураўкін – дэлегат з'езда пісьменнікаў СССР (першы справа ў другім радзе; у першым радзе – Валянціна Шчадрына). Масква, 1976 г. БДАМЛіМ.

10. Яўгеній Еўтушэнка сярод беларускіх Еўтушэнак. Вёска Хомічы, Гомельшчына, 1971 г. Перадрук: "Известия", 1992 г., 8 февраля.

11. Андрэй Макаёнак і Яўгеній Еўтушэнка. Мінск, 1971 г. З фотатэкі Міхася Скоблы.

12. Уладзімір Конан (першы справа) – удзельнік Доўнар-Запольскага чытанняў. Рэчыца, верасень 2003 г.

13. Беларусы Масквы (С.Астроўская, А.Бабарэка, А.Глод, А.Кажадуб, А.Каўка, А.Сабалеўскі, Я.Шэгідзевіч…) каля помніка Янку Купалу (скульптары Л. і С.Гумілеўскія). 8 ліпеня 2006 г. Фота А.Улашчыка, Р.Чырвонцава.

14-15. Беларуская бібліятэка і музей імя Ф.Скарыны ў Лондане. Фота А.Чайчыца.

16. З дарчых аўтографаў у лонданскай "Скарынаўцы".

17. "А хто там ідзе...?" Плошча. Менск, 19 снежня 2010 г.

Ад укладальнікаў

Трэба запярэчыць катораму з мадэрновых крытыкаў, падкаму ў чарговыя "рожкі" з класікамі. Праўда, цяпрашнія арт-радыкалы ні Багушэвіча ні Купалу не зрынаюць з "корабля современности" (мабыць з-за адсутнасці мора ў азёрнай краіне), але колкіх шпілек у адрас таго і другога не шкадуюць. Абок несуцешлівых, вядома ж глыбокадумных, высноў кшталту: нацыянальны праект на Беларусі не адбыўся. Зноў жа, ці не з віны папярэднікаў-будзіцеляў Адраджэння - тыя, маўляў, квола, прымітыўна пракламавалі рух вызвольны: "Бедна мая хатка…"; "А хто там ідзе..?". Ну што тут, скрушліва моршчыцца іншы інтэлектуал-дэканструвіст, эстэтычнага, філасофскага, парыўчага да дзеяння?

Будзьма ўсё ж справядлівымі: і Бурачкова трубнае заклінанне "Каб не ўмёрлі!" і Купалаў младабеларускі покліч "Занімай..!" – не для архіва. Ім доўга лунаць і грымець над змагарнаю Плошчай, хваляваць лятуценні, вастрыць сціло новых і новых творцаў. Не ведаем, каго як, а нас і сёння гострым болем працінае Паэтава літанне "Над народу доляй.., Над народу сконам". Лекавацьме той боль з гаючай крыніцы Францішкавай…

Так што, гаварэнне пра хібнасць Беларускага праекта не мае сэнсу. Нацыя адбылася – з самабытнай, знанаю ў свеце культурай, з гожым, ласкавым словам беларускім, з … неадчэпным, горкім парадоксам: "*Мы ў сваім чужыя – край забраны тут*".. Хоць пастылую "*забранасць*", сіроцтва наша культура-духоўнае вызначае ўжо не прыбыш-захопнік, але чужак уласнае гадоўлі, драпежны ўладарнік – прагны пад спакуслівае "накормить» фактычна збыдлячыць люд паспаліты, выпетрыўшы з яго істоты нацыянальную памяць і годнасць. Пры незайдросным наканаванні Беларускага лёсу – слова роднае, спадчына продкаў скрозь застаюцца магутным чыннікам грамадзкага супраціву асіміляцыі-"манкуртызацыі", гарантыяй нацыянальна-творчага самавыяўлення беларуса. Гэтулькі – адносна літаратурнага (сумна-пафаснага, крыху гумарыстычнага) напаўнення "Скарыніча" №10.

Некалькі паясненняў. Падарожнае эсэ, лісты Я.Хлябцэвіча пра Ясную Паляну, Л.Талстога дадаюць яскравы штрых да творчага партрэта пісьменніка-"нашаніўца", аднаго з лідэраў беларускага студэнцкага руху ў Пецярбургу пачатку XX стагоддзя, багацяць тагачасную хроніку беларуска-расійскіх літаратурных сувязей.

Упершыню друкуюцца ўспаміны пра Б.Тарашкевіча яго другой жонкі Н.Палянскай, частка “Хронікі”, лісты М.Улашчыка, матэрыялы Багдановічавых чытанняў (1991г.), старонкі з спадчыны Ул.Дубоўкі, Ул.Караткевіча.

Асобным раздзелам вылучаны шматвяковая прысутнасць, пачуванне беларусаў у Маскве. Даўняе сваяцтва, узаемнае прыцягненне-адштурхоўванне народаў-суседзяў не абавязкова нівелюе, зацярушвае этна-ідэнтычнае аблічча чалавека (лёс ці не бальшыні нашых суродзічаў на расійскіх і іншых замежных абшарах), але і падсілкоўвае, кантрастуючы, яго нацыянальную адметнасць, незалежнасць. У гэтым сэнсе асабісты жыццёвы досвед аўтараў і персанажаў прапануемых тэкстаў бачыцца нам даволі паказальным, павучальным.

У раздзеле “Беларусь учора і сёння” аналізуюцца міжнародныя сувязі Беларусі, у тым ліку ў гістарычным кантэксце, пачынаючы з беларуска-літоўскай мінуўшчыны. Абмяркоўваюцца няпросты стан сучасных адносін з суседзямі і неабходнасць выхаду Беларусі - краіны ў геаграфічным цэнтры Еўропы, на перакрыжаванні геапалітычных рухаў на кантыненце – на шырокую дарогу шматбаковай еўрапейскай інтэграцыі.

У “Scoriniana” звяртаем увагу чытачоў на адпаведныя нататкі І.Лабойкі, І.Грыгаровіча, П.Шпілеўскага, І.Насовіча, - іхні, пачынальнікаў, след у станаўленні новай беларускай літаратуры дасюль па-належнаму не асэнсаваны, не ацэнены. Лічым таксама пераканаўчымі контрдовады Я.Станкевіча адносна версіі В.Тумаша пра падарожжа Ф.Скарыны ў Маскву.

Матэрыялы “Varia” – яшчэ адно, малавядомае сведчанне пакручастага, драматычнага шляху беларусаў да ўласнае дзяржаўнасці. Яна, як відаць, не ў 1991-м раптоўна звалілася на іх збянтэжаныя галовы (меркаванні некаторых аўтараў). Наадварот, падрахавала многавечнае змаганне наступнікаў Льва Сапегі, Кастуся Каліноўскага, Янкі Купалы за “пачэсны пасад” між народамі.

Чытай жа, ласкавы чытэльніку, “вачыма поўнымі Беларусі, а сэрцам поўным болю” (Ларыса Геніюш). Так – пераможам.
Шчасці Божа.

Аляксей Каўка *Віктар Чайчыц*

“Каб не ўмёрлі…”

Францішак Багушэвіч

Мая дудка

Эх, скручу я дудку!
Такое зайграю,
Што ўсім будзе чутка
Ад краю да краю!
Ой! то будзе гранне,
Як на павітанне
І як на васэле,
Нядоўга тыкеле:
Прэндка скончу песні...
Покі дудка трэсне,
Ці паглохнуць людзі,
Ці высахнуць грудзі,
Сілы надарвуцца
На радаснай дудцы,
І выцякуць слёзы
На сухія лозы...
Выйдзе душа парай,
Падымецца з хмарай,
Туманом па рэчца,
Расой разліецца,
Каласочкі зрося,
Каб жыта ўдалося.
А хлеб з'ядуць людзе,
І зноў сляза будзе.
Ну, дык грай жа, дудка,
Каб жа была чутка,
Каб аж вушы драла;
Каб ты так іграла,
Каб зямля скакала!
Заграй так васола,
Каб усе у кола,
Ўзяўшыся ў бокі,
Ды пайшлі у скокі,
Як віхор у полю —

Аж выючы з болю,
Каб аж рагаталі,
А усё скакалі...
Каб скакалі горы,
Як фаля на моры,
Як паны на балі,—
Каб вот як скакалі!
Каб аж пыл курыўся,
Каб свет заваліўся
Ды усё круціўся,
Як ў нашага брата
У п'янога хата...
Га! Чаму ж не граеш?
Хіба ты не знаещ,
Не ведаеш хіба,
Што, як тая рыба
Ды на лёдзе б'ецца,
Так вот я, здаецца,
Сорак гадоў б'юся,
Ніяк не звярнуся,
Ніяк не натраплю
Вадзіцы хоць каплю,
Ды такой вадзіцы,
Ды з такой крыніцы,
Што як хто нап'ецца,
Дык вольным стаецца.
Грай, васола ж грай,
Альбо долю дай!..
....
Енчыш безумолку!
Не, не будзе толку!
Кіну ж дудку тую,
А зраблю другую.
Цяпер зраблю дудку
Ад жалю, ад смутку.
Га! зраблю ж другую,
Жалейку смутную,—
Ды каб так заграла,

Каб зямля стагнала,
От каб як заграла:
Каб слязьмі прабрала,
Каб аж было жудка,
От то мая дудка!..
Вот зрабіў такую!
Дай жа папрабую...
Ну, дык грай жа, грай жа,
Усё спамінай жа...
Штодзень і штоночы
Плач, як мае вочы,
Над народу доляй,
І плач штораз болей.
Плач так да астатка,
Галасі, як матка,
Хаваючы дзеці,
Дзень, другі і трэці
Іграй слёзным тонам
Над народу сконам!
Каб ты так іграла,
Каб немарасць брала.
Як слязы не стане,
Заціхне іграние,—
Кінь наўкола вокам,
Дык крывавым сокам —
Не слязой — заплачыш,
Як усё абачыш.
Як крыві не стане,
Тагды кончу гранне!

Янка Купала

Перад будучыняй

Стаім мы перад будучыняй нашай,
І ўсё варожым, сочым ейны ход…
Ці ўскрэснем мы, душою ўпаўшы, звяўшы,
Каб выйсці ў свет, як нейкі здольны род…

Сягоння мы жывём і ў дзень мы блудзім
Пад маскай, сляпляючаю нас,
І што сказаць самім сабе і людзям,
Не ведаем, не можам, хоць і час.

Зацiснуты, задушаны, як мышы
Пад жорсткім венікам з усіх бакоў,
Шукаем, як сляпыя, не згубіўшы
Таго свайго, што наша ад вякоў.

Пакрыўленыя колісь нашу душы
Дагэтуль выпрастаць не ў моцы йшчэ;
Снуёмся, ў думках зводных затануўшы,
А хтось, а штось і мучыць і пячэ.

Цябе чакаем, будучыні нейкай,
Што прыйдзеш, недзе ўсіх нас павядзеш,
І гінем марна пад чужой апекай,
Адбіўшыся ад родных вехаў, меж.

А хтось далёкі ці хтось, мажа, блізкі
Засеў за наш бяседны, сытны стол
І кідае, як з ласкі, нам агрызкі,
А мы к зямлі з падзякай гнёмся ўпол.

Нявольніцтва й жабрацтва так нас з’ела
І так нам высмактала з сэрца сок,
Што нат у вочы глянуць, плюнуць смела
Не смеем, стоптаныя на пясок.

Там чутна: Беларусь! Там – Незалежнасць!
А там - “Паўстань пракляццем…” Ну, а мы?
Мы ў страху… дум крутня… разбежнасць…
Без толку крыллем лопаем, як цьмы.

О, так, як цьмы, як спуджаны вароны!..
І слухаем і нюхаем тут, там:
Які павеяў вецер на загоны, -
Заходні, ўсходні, й ці ад нас, ці к нам?

Аграбленыя з гонару й кашулі,
З свайго прыпынку выгнаныя вон,
Мы дзякуем, што торбы апранулі
На нас ды з нашых нітак-валакон.

З кійком жабрачым так мы, паўналеткі,
Брыдзём, паўзём у свет – скрозь неўпапад.
І прысягаем, клічам Бога ў сведкі,
Што мы – не мы, што нехта вінават…

І так жывём, сябе саміх не знаўшы,
Учора, сёння лазім між канаў…
Няўжо ж бы хто й над будучыняй нашай
Навек залом пракляты заламаў?

Няўжо нас не аб’ясніць розум ясны,
І не пакінем біцца з кута ў кут?
Няўжо кліч вечны будзе ў нас напрасны –
Кліч бураломны: вызваленне з пут?!

1922 г.

Сяржук Сокалаў-Воюш

* * *

Віншую цябе, Беларусь,
З вялікім 1000-годдзем!
Няхай скаланецца хлус,
Бо праўда жыве ў народзе!

* * *

Мая.
        Не мая?
                Мая!
Вам спрэчкай мяне не адолець,
Бо праўды ад маскаля
Не мушу пачуці ніколі!
Гісторыю нашу ўшчэнт
Разнеслі з сілы права
І неяк сляпы дацэнт
Адмовіў маю дзяржаву.
Казаў ён: “Дзе вы былі,
Каб не прыйшоў Кастрычнік?”
Казаў, што на маскалі
Трымаўся яшчэ наш язычнік.
Ды толькі не ўцяміў ён,
Што іншыя нашы крылы –
Яшчэ ад часоў плямён,
Яшчэ ад часоў Ярылы!
Ў гісторыю кіну зрок
І бачу, як князь пры сконе
Ў сыноў сваіх браў зарок
Высока трымаць Пагоню!
І жыў гэты герб святы
І жыць яшчэ доўга мусіў,
Пакуль маскалі на ты
Не лезлі да Беларусі.

Уладзімір Караткевіч

Амаль хрысціянскі тост за ворагаў

Адаму Мальдзісу

Гіене – баяцца, сабаку – вішчаць,
Свінні – рыцца ў гноі сваім.
А льву патрэбны калючы гушчар,
Родны край і свабода ў ім.
П’ю за тое, каб нам сярод родных лясоў
Не вішчаць, не дрыжаць, не крывіць,
Бо ўсе мы тут не з гіен і не з псоў,
Бо мы – сапраўднай крыві.
І таму давайце за ворагаў піць
І за імі сатканую сецьь,
Бо ім не дадзена нас палюбіць
І не дадзена нас зразумець.
Бедалагі!
        Не ўцяміць іх бедным мазгам,
Пакуль не праб’е ім канец,
Як добра быць другам і братам нам,
І яму, і табе, і мне.
Божа, дай ім даўжэй пражыць,
Хай спаўна аттрубяць свой час,
Хай да самай апошняй нашай мяжы
Будуць яны у нас.
Божа, ты скінуў іх нам, як дары,
І мы славім мудрасць тваю,
Бо яны нас будзяць яшчэ на зары
І рана заснуць не даюць.
І ўстаем, і арэм мы нашы палі,
Пакуль не апусціцца змрок,
І мы ўстаем, і зброю сталім,
Словам сталім і радок.
Ім няма з кім ісці пліячо да пляча,
З кім любіць, з кім стаяць у баі,
З кім смяяцца, спрачацца і нават маўчаць.
А памруць – хто паплача па іх?
Даруй ім. Яны пакараныя й так,

(Даруй хоць на гэты раз),
Бо розуму ў іх, як слёз у ката́,
І не могуць пазычаць у нас.
І даруй нам, што сеем мы ў душы ім жах,
Як скачком бяром частакол,
Што даводзіцца ім дрыжаць у дамах,
Калі гойсае леў вакол.
Твой закон, што вазіць нявартыя гной
Чалавек такі і народ,
Калі вораг ад назвы іхняй адной
Не бялее, як снег і як лёд.

Ліст да Лідзіі Панамарэнкі [1]

Думал было так и кончить письмо. Но вдруг вспомнил еще одну причину для счастья. Познакомился с замечательной пожилой женщиной, поэтессой Ларисой Гениуш. Вы о ней не знаете, да и я до недавнего времени (этой весны) ничего не знал. Её единственный сборник вышел в Праге чешской в сорок втором (кажется) году. Она из Западной [Беларуси] и еще до войны выехала в Чехию за мужем-врачом (в Польше не было работы). Там писала стихи и печаталась в газете белорусской колонии. А потом напали немцы и, хотя она нарочито стояла вне политики, те предложили ей написать стихи в честь немецких «вождей». Она отказалась, высказав издевательскую мотивировку: « У меня мало таланта, чтобы воспеть их, как они того заслуживают». Осталась жива. Потом пришли наши и потребовали от чехов выдачи, хотя она и муж никогда не были нашего [советского] гражданства. Те выдали. Допрашивал начальник белорусского МГБ Цанава, ставленник и друг Берии. «Я, говорит, уж и сама не помню, чему молилась на допросах, чтобы нечаянно не сказать, чтобы не выбили. Может, тени Кастуся». Инкриминировали ей писание безыдейных стихов, национализм (хотя она такой не была) и еще вывоз богатейшего архива колонии [белорусской в Чехии]. Она, собственно, его и не вывозила, но не могла не содействовать, зная, что книги редчайшие ждет пламя. И еще, когда вывозили, поцеловала герб. Экзальтированная, в высшей степени чистая и страстная личность – какими только женщины могут изредка быть.

Не разбиралась ни в чем, потому что видела только бериев да цанав. Странное дело, но ведь в самом культе заложены всегда семена гибели, потому что он ожесточает людей, которые могли быть ценны. Так и случилось.

И вот вам стихи, написанные тогда. Худшей оплеухи белорусским мужчинам я еще никогда не видывал. И эта оплеуха вся в названии. Попытайтесь его закрыть и прочесть. А потом взглянуть и на него. В общем, в те страшные дни… Да что Вам говорить, сами понимаете. Нам должно быть мучительно стыдно, мужикам, потому что в слабой оболочке этой женщины живет такой могучий дух, какого нам и почувствовать в себе не дано. Единственный мужчина среди нас, жалких тряпок, ничтожного бабья, дачных откормленных собак. Словом, несуществующие. Напрасно и порох тратила, милый человек.

Вот так. Все это о моем житье-бытье. Если не сердитесь, если понимаете меня и ход моих мыслей – пишите. Что делать, я, конечно, могу быть неприятен, но ведь любой человек меняется. А из волчонка ведь тоже можно воспитать хорошего пса, настоящего друга.

Если только не держать его на цепи и не бить. Иначе – пусть не кладет его хуторянин возле постели.

Вот такие дела, милая Лидия Арсеньевна, настоящий мой, всегда меня понимавший друг.

Крепко жму Вашу добрую руку.

Ваш друг Владимир.

---

[1] Лідзія Арсенеўна Панамарэнка – выкладчыца Кіеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Т.Шаўчэнкі. Дадаткам да ліста – верш Л.Генiюш, перапісаны таксама рукой Ул. Караткевіча – *Уклад*.

Ларыса Генiюш

Неіснуючаму

Градам слоў б’еш у сэрца маё,
На’т вясняных не слухаеш казак,

Толькі ў маршы ідзеш праз жыццё,
Знаеш слова адно: абавязак.

Быццам панцыр на сэрца ўзлажыў –
Не прабіць яго нават вачыма.
Не ад шэптаў кахання дрыжыш,
А ад яснага слова “айчына”.

Маіх вуснаў не хочаш, як мак,
Ані песняў маіх на сутонні, -
Ўсё мяняеш на вырыты знак
Вечна рвучай наперад Пагоні.

Места ў вочы – глядзіш на курган,
Места рук маіх – меч абдымаеш,
На’т не бачыш як гнуткі мой стан,
На’т не чуеш, як шчыра кахаю…

Тваё сэрца рашуча так б’е…
Толькі сіла, нязломная сіла…
Ці не чуеш, што травень пяе,
Што чароўная ноч гаманіла?

Цябе, знаю, нішто не сагне,
Ты жывеш толькі, моцна, для Краю.
Ўсё-ж ты казачны сон для мяне,
Ўсё-ж цябе я бязмерна кахаю.

Шчасце колісь як птах адляціць,
На’т каханне згарыць як лучына, -
Сонцам толькі не згасне ў жыцці
Несмяротные слова “Айчына”.

Публікацыя Алены Сінькевіч

Рыгор Барадулін

Мы людзі такія

Ад торбы да кія
Кароткая сцежка.
Мы людзі такія –
Нас грэе суцешка.

Сваё не баронім,
Не прагнем чужога.
І ў граі варонн ім
Узгадваем Бога.

Блукаем аблудна,
Ганьбуем Радзіму.
Нас вэндзяць марудна –
Мы ўдзячныя дыму.

Выгнанец-тужынец
Прачнецца ў застудзе.
Нас хваліць чужынец:
Рахманыя людзі!

Апроч дамавіны
Хапае спакусы.
Мы выжыць павінны,
Бо мы – Беларусы!

20.V.[19]95. Менск
БДАМЛіМ. Ф.340

Ня быць!

Ня чуцьме гісторыя байструка.
Асінай
Зямля пракліне зьнявагу.
Ня згасіць

Імперыі друзлай рука
Сьвітальнае неба
Крывіцкага сьцягу.
Назад не паверне
У заўтра хаду
Плячо халуя
Ў кэгэбісцкім пагоне.
Рука крыгаломная
Змые брыду
Ня быць у глюгастым палоне
Пагоні!

14.V.[19]95.

Ніл Гілевіч *

Ода беларускаму нацыяналізму

О ты, якому дзякуючы мы,
Твае даследчыкі-спецыялісты –
Гісторыкі, філосафы, лінгвісты -
Вучоныя ступені маем, званні,
Узнагароды, прэміі, прызванне
І хлеб надзённы – для сябе й дзяцей!

Кім мы былі б цяпер, эпохі блазны,
Калі б не ты, звыродны, буржуазны,
Калі б не наша барацьба-змаганне,
Супроць цябе, супроць тваіх ідэй?
У барацьбе з табой, з табой, пракляты,
Мы здабылі, займелі ўсё, што маем, -
Пасады, і кватэры, і зарплаты,
Аўтамабілі, гаражы і дачы,
І хлеб надзённы – для сябе й дзяцей!

О, што б мы значылі, калі б не ты!
Хто знаў бы нас, бязглуздых і бяздарных,
Апроч як плюндрыць –
ні на што не здатных?
Таму і надалей, да дзён астатніх,
Цябе даіць – не трацім мы надзей.
Пакуль ты ёсць – мы будзем мець і працу,
І неблагі заробак, і прыплату,
І хлеб надзённы – для цябе й дзяцей!

Якое шчасце, хоць наш бой крывавы,
Што ты – такі жывучы і трывалы!
Бо як уявіш нават на імгненне,

* ***У сувязі з юбілеем - 30 верасня 2011 г. Нілу Гілевічу споўнілася 80 гадоў – рэдакцыя “Скарыніча” павіншавала народнага Паэта і перадала яму найлепшыя пажаданні здароўя, натхнення і дабрабыту.***

Што больш няма цябе, о рэакцыйны!
О ненавісны! Контррэвалюцыйны!
Антысаве… пардон, антыгвінейскі! –
Жах працінае мошчы зверху ўніз!
Крый Бог, каб нам змагацца стала не з кім!
Таму – пакуль мы маем зубы ў пашчы –
Ты не павінен назусім адпасці:
Жыві і вечна трохі целяпайся,
Ты, працадаўца наш і хлебадаўца,
Ты, беларускі нацыяналізм!

20.10.1996
Крыніца. №3(63). 2000

Вялікі чалавек рускай культуры

Прачытаўшы ў кнізе Г.В. Свірыдава "Музыка как судьба" яго думку пра тое, што было сказана мною на Пленуме Саюза пісьменнікаў СССР, я, вядома ж, узрадаваўся, нават вельмі, але – не здзівіўся, як бы іншага і не чакаў. Чаму? Таму што ўжо доўгі час – каля сарака гадоў – трымаў у памяці адзін ягоны ўчынак, які зусім адназначна характарызаваў адносіны гэтага геніяльнага кампазітара да нацыянальнай культуры беларускага народа. У сярэдзіне 1960-х часта сустракаўся з тагачасным патрыярхам беларускай музыкі Р.Р. Шырмам. У адной з гутарак Рыгор Раманавіч распавёў мне, як у Маскве на Пленуме (ці Сакратарыяце?) Саюза кампазітараў СССР абмяркоўваўся стан сучаснай беларускай музыкі і што там адбылося. Хтосьці з гаспадароў папракнуў кіраўніцтва Саюза кампазітараў Беларусі за недастатковую прапаганду беларускай народна песеннай творчасці. "На гэты папрок, – як зараз чую голас Рыгора Раманавіча, – старшыня нашага Саюза кампазітараў Камінскі адказаў: "Сёння прапагандаваць беларускую народную песню сіламі прафесійных выканаўцаў, майстроў сцэны – гэта тое самае, што над парадным уваходам у філармонію павесіць стаптаны лапаць". Як толькі ён гэта ляпнуў – з ганаровага месца

ў першым радзе рэзка падняўся Георгій Васільевіч Свірыдаў і ў відочным абурэнні рушыў прэч з памяшкання”.

Аповед Рыгора Раманавіча мяне, помню, моцна ўразіў. Які бліскучы ўчынак! Які красамоўны выказ ганьбы невуку і цыніку, ненавісніку беларушчыны, што будучы прыблудам прабіўся аж на пасаду старшыні Саюза кампазітараў! Я выказаў захапленне высакародным учынкам знакамітага кампазітара, на што Рыгор Раманавіч, на свой прыродны заходне-палескі лад, “праокаў”: “Дык гэто ж Свірыдаў! Композітар надзвычайно яркого нацыянального облічча. Розумее, у чом жыве душа народа…”

І вось, праз дваццаць з гакам гадоў, прачытаўшы ў “Литературной газете” прамову беларускага паэта на Пленуме СП СССР, Георгій Васільевіч пацвердзіў свае адносіны да нацыянальных моў і культур, да нацыянальнай школы. І пацвердзіў вельмі рашуча, з рэзкім асуджэннем дзікунскай нацыянальнай палітыкі дзяржаўных заправілаў. Трэба сказаць, што мая прамова на Пленуме была да крайнасці вострая. Ніхто, ніводзін беларус пра стан нацыянальнай мовы і асветы ў Беларусі ніколі так не гаварыў, так не агаліў нацыянальную катастрофу вялікага славянскага народа. У сваёй кнізе “Між роспаччу і надзеяй” (т. 23, 2008 год) я, з пачуццём глыбокай удзячнасці і найвялікшай павагі да Георгія Васільевіча Свірыдава, падкрэсліў, што ўспрыняў яго ацэнку майго слова “як узнагароду, тым больш уцешную, што яе выказаў вялікі чалавек рускай культуры”.

2011г.

Мікола Арочка

Ці ўскрэснем?

Ці ўскрэснем мы, душою звяўшы, ўпаўшы,
Каб выйсці ў свет, як нейкі здольны род?
Янка Купала

Ва мне смыліць адчайнае пытанне,
Што мучыла Купалаву душу.
Пытанне – як укрыжаванне,
Якое ўсё жыццё ў сабе нашу.

Я з ім жыву ў згодзе і нязгодзе.
Пытанне – нібы з Дрэва свету ліст.
Яно ў маім народзе –
не адно стагоддзе
Для кожнага вятрыска нарасхліст.

Ці ўскрэсне люд душой, як ліст упаўшы
У міждарожжа гразкіх каляін?
Хтось, можа, ахрысціў яго прапашчым,
Ды мы з адных разлапістых галін.

З глыбінь узгадаваныя карэннем,
Нясем загадку вечных таямніц,
Дзе і працяг і повязь пакаленняў,
З якімі жыць і падаць разам ніц.

Хоць люд мой не пад шатамі ў зацішку
Вядзе свой жыццедайны радавод,
Ды свежы ліст, зялёную калыску
Рыхтуе зноў і туліць ад нягод
Спавітую, як немаўля, пупышку,
Каб выйсці ў свет з яе,
Пад родны небасвод,
Як, сапраўды трывушчы
І здольны, неадольны
Род!

Літаратура і мастацтва. №45. 12 лістапада 2010.

Леанід Дранько-Майсюк

Эмігрант

Мы ў сваім чужыя.
Янка Купала

Сто англій і дзвесце францый
Ніякай сваёю сілай
Не зробяць з мяне эмігранта,
А наша жыццё зрабіла.

Паўсюль, ідучы па Мінску,
Бачу сцяну глухую,
Бо ні здалёку, ні зблізку,
Таго, што хачу, - не чую.

Прайду праз усе райкомы.
Аптэкі, заводы, кавярні,
Кнігарні і гастраномы,
Міліцыю і казармы;

Праз кожную плошчу, завулак,
Кватэры, з якіх не пратураць, -
Дзе ж роднаму слову прытулак?
Няўжо толькі ў літаратуры?

Няўжо толькі ў ёй – адхланне,
Магчымасць адна – не памерці…
Тыраж у любога з выданняў
Па эміграцкай мерцы!

І гэткія ж тым часам
З'яўляюцца сціпла, нягучна
Напаўбеларускія класы
Па дзесяць-дванаццаць вучняў…

Даволі вярэдзіць раны!
І без таго заўважаю –
Глядзяць, як на эмігранта,
На мяне, калі размаўляю.

Адкуль? З якой рэзервацыі?
З якой Беларусі такой?

Эх, вечная эміграцыя
На радзіме сваёй.

1989

Владимир Некляев

Мой друг, мой брат

Евгению Евтушенко

Мой друг, мой брат, привет тебе, привет!
Ты руку подал мне в нелегкий час, не мешкая.
Поэт в России больше, чем поэт –
И в Беларуси он ничуть не меньше.

Ну, вот ему и вышел укорот.
В том ничего невиданного нету.
Пророс 37-й гадючий год
Из ненависти подлецов к поэтам.

Неся кресты, терновые венцы,
Поэты, наши кровные отцы,
Шли по этапам, вешаясь, стреляясь,
А вслед им ухмылялись подлецы,
В самих себе, как в коконах, рождаясь.

Они себе цепляли ордена
И на погонах звезды зажигали!..
Они украли наши времена!
Они страну у нас с тобой украли!

Украли нашу музыку, стихи,
В лай превратили речи нашей звуки,
По всем святыням расползлись, как мхи, –
Не трогайте моё! Отдайте, суки!

Пусть я кричал про то не по уму,
Пусть не туда я встрял – и мне за это
Башку отбили, бросили в тюрьму,
Но я не предал сам в себе поэта.

Поэзию не предал, видит Бог...

Одно мне душу мучает до жженья:
Какой за нами неоплатный долг!
С ума сойти! Но мы отплатим, Женя!

Не отдадим на поруг и на смех
Святое наше братство цеховое...
Мы, может быть, последние из тех,
Кто еще помнит, что оно такое.

Еще вдохнем мы терпкой густоты
Вина, стихов и, как не раз бывало,
Я выпью за Есенина, а ты,
Со мной обнявшись, выпьешь за Купалу.

И будут в окна бабочки на свет
Лететь всю ночь, и лики с небосвода
Всю ночь смотреть... Привет тебе, привет,
Мой друг, мой брат!.. Привет тебе, свобода!

25.12.2010, внутренняя тюрьма КГБ.

Тацяна Палхоўская

Верш на Свабоду

Прысніўся сон мне ўчора,
Што выйшла на змярканьні ў поле
І бачу…
Вольна, велічна скрозь дым
Ляціць імчыцца з далячынь,
Узбіваючы капытам пыл,
Жалезнай збруяй трасучы
Пагоні старадаўні прывід.
І так той звон лагодзіць вуха
Сапраўднага ліцвіна, беларуса,
Што не збаяцца кроўю захлынуцца,
Каб хоць на момант дакрануцца
Да назвы той сьвятой і мілагучнай,
І да людзей, што беларусамі завуцца.
Ляціць Пагоня,
а за ёй,
за воем паўставае вой,
гатовы бараніць зямлю
і назву родную сваю.

Ужо за лесам зачынае дзень,
Адкідываюць дрэвы большы цень,
Пагоня мчыць, ня стрымлівае хаду,
Рассейвае з-пад капыт імглу,
А воі шэрагі зьбіраюць на вайну,
І як ад сонца, ад шчытоў блішчаць узгоркі,
Але…

Будзільнік. Ранак. На дарогах коркі.
Замест Пагоні – міліцэйскія атрады.
Замест герояў – халуі улады
Чужынцам прадаюць зямлю,
А беларусы не ўстаюць ад сну.

Францішак Аляхновіч

Як для бабы не старайся

Як для бабы не старайся,
Хоць ты працай убівайся, -
Не дагодзіш ёй ніколі,
Ёй заўсёды недаволі.
Рады не дасі кабеце –
Лад паўстаў такі на свеце –
Баба верх заўсёды мае,
За чупрыну нас цягае.
Дык зусім няма ў тым дзіва,
Каб ў раі жылі шчасліва.
Пакуль баба верх не ўзяла –
Яблыкі рваць загадала.
Раптам бачыць яблынь-дрэва –
Кліча да сябе Адама,
Бо дастаць не можа сама,
Наш Адам – цялё дурное –
Замест лупцаваць за тое,
Ён на яблыньку ўзглядае,
Яблыкі для ёй зрывае.
З тэй пары няма ўжо долі –
Ўсе мы ў бабскае нядолі,
Шчасця болей не спазнаем,
Бо на карку бабу маем.
А калі б хто з нас захоча
Глянуць смела бабе ў вочы
Ды у рукі цягу хваце –
Зробе толькі пекла ў хаце.
Бо яшчэ той не радзіўся,
Хто бы бабе спрацівіўся.
Баба верх заўсёды мае –
За чупрыну нас цягае.

Першы беларускі гумарыстычны каляндар на 1931 год.
Вільня. Выдавецтва У.Знамяроўскага

Евгений Хлебцевич

В Ясной Поляне

На великой могиле

От станции Засека Москов.-Курской жел. дороги я шел пешком по шоссе - верст 6-7. Кругом широкая, освежающая роща из лип и дубов.

Где-то вдали раздается трель и щелкание соловья, замирая в глубине рощи. Дорога сначала под гору, затем нечто вроде перевала и опять взгорье. И вот здесь, недоходя до яснополянских ворот, стоит белый столб. На дощечке изображена стрелка и написано: “На могилу”!

Невольно сразу тянет на великую могилу.

Долго идешь, поворачивая направо, минуя усадьбу. Точно великий учитель хочет приучить тебя к исканию… Все лесом идешь, идешь, глядишь – и ничего не видно.

Наконец, на пути перекрещиваются дороги и опять второй столб; “на могилу”, как бы поддерживает вашу бодрость в искании и зовет к зеленому кургану.

И вот виднеется деревянная ограда. Самая простая. Подходишь ближе и вдруг тебя что-то останавливает. Какое-то очень хорошее, непонятное чувство овладевает тобой. И так хорошо! Не хочется уходить.

Трудно передать словами свое душевное состояние. Надо непосредственно побывать там.

Великий учитель Л.Н.Толстой, слившись душою с бесконечным началом любви в людях, телом слился с землей, которой отдал все свои силы. Слился с той самой землей, которой отдал свои силы, всю жизнь, всю любовь к народу, завещав эту землю крестьянам…

Зеленые дубы, выросшие на месте зеленой палочки, приняв верного сына земли и народа, приютили его под своими ветвями.

Могила как-раз в *середине старых сросшихся* дубов. Точно венец *живых* деревьев окружает ее и как бы уготован был самой природой!

И, сплетая корнями великую могилу, деревья меланхолично кивают ветвями.

Лес протяжно шумит, угрюмо колышется, точно силясь выразить длительное горе.

Среди деревьев, обнесенных оградой, растут маленькие елочки, как будто вырастают из той самой зеленой палочки…

Деревянная ограда вся испещрена трогательными посвящениями Л.Н.Толстому.

Имеются надписи на японском, еврейском, французском и др. языках.

Курган с зарытой палочкой и зеленая могила на нем так сильно действуют на вас среди безлюдной рощи, что естественно излить свои чувства в посвящениях.

При мне даже, одна посетившая могилу женщина, несмотря на свою беременность и несмотря на свою детвору, резвящуюся возле нее, подошла к ограде и быстро вырезала слова: "Спи спокойно, дорогой учитель".

Вглядываюсь в ограду и вижу массу надписей. Вот – чувства, пробужденные у людей могилой Л.Н.Толстого в надписях: "Спи, дедушка Л.Н., отстрадал свои часы и минуты, видно и нам здесь без тебя страдать суждено". "Великий учитель мира, твоя любовью звучала лира". "Не говорите мне – он умер, он живет". "Спи, покойся, дорогой учитель! Память о тебе – светлый луч нашей жизни". "Поклоняюсь великому учителю".

Очевидно, пишет малоросс-крестьянин: "И мини прешлося побачиты великого могилу. Почывай велыкий старче". И дальше: "И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть и равнодушная природа красою вечною сиять".

"Не померкнет солнце, не умрешь и ты". "Спи, Л.Н., и возьми меня с собой".

"Великий! Прости меня, что я при жизни ненавидел тебя".

"Дорожите впечатлением, произведенным могилой и храните в сердце своем".

"Л.Н., я столько добивался поклониться праху твоему и желаю тебе *царстве небесно*, " – от крестьянина.

"Хоть помер ты, великий человек, но память о тебе в нас будет целый век. Крестьянин Владим. губ.".

"Я тронут душевно твоей могилой, желаю покоя тебе".

"Могиле твоей преклоняюся милой <...>. Вы избрали мирную рощу, которая вечно шумит и силится выразить Вашему праху,

великой святыне, тяжелое горе усталой России – “посетил народный учитель ”.

“Я вернулся к тебе, не отвергни. Прости. Я покорен мечте неизбежной. Я вернулся к тебе, чтоб с тобой пойти к тебе, чтоб с тобой пойти к высшей красоте безмятежной”.

“Воскресни! Пойдем к неизведанным дням, освещая отставшим дорогу. Создадим на горах человеческий храм, чтоб молиться безсмертному Богу”. “К тебе пришли с вершин Алтая”.

“Чтили, чтим и будем чтить своего учителя”.

“Истинно желающая побывать на Вашей могиле и наконец исполнила свое заветное желание поклонница Ваших творений - Мария”.

Так волнует великая могила посетивших ее. За могилой присматривает ученик Л.Н. еще из его школы (яснополянской) Тарас Фоконов. Александра Львовна поручила ему, как любимому Л.Николаевичем человеку, глядеть за могилой.

Встретив его возле могилы, я начал спрашивать его о Л.Н.Т.

- Такой легкий, такой легкий человек был Л.Н., б-а-льшой шутник, – отвечал мне Тарас.

- Куда бы я ни забрался в лесу – дрова рубить – и всегда Л.Н. так и вынырнет пред тобой как из земли!

Так и вынырнет! Легкий был человек.

Затем мне пришлось отдыхать на скамеечке у исторических яснополянских ворот. С левой стороны домик садовника Л.Н.Толстого.

Спрашиваю жену садовника: “Видели ли Вы Л.Н. задолго пред уходом из Ясной Поляны?”

- Сегодня в 12 часов дня видела, а ночью в 5 часов он уехал на паре в дышлах.

Целый день ходил по лесу, сидел в избах, оставлял завещание на словах.

- Какое завещание?

- Он завещал крестьянам не переходить на отруба и вот земский приезжал и уговаривал крестьян перейти на отруба. Крестьяне отказались. “Граф не велел,” – так и все сказали земскому и не перешли.

- А сильно ли потрясло крестьян Ясной Поляны событие ухода Л.Н.?

- Чего-то много, много потеряли – отвечала особенным тоном.

- Что-то в роде утраты близкого человека?

- Больше. Ну, еще сильнее стала повторять садовница: "Чего-то много, много потеряли".

Чего-то много, много. "Все струсили". Крестьяне не находили места, менялись. И теперь еще не прошло.

"Казалось, мой муж не ел три дня". Потеря касалась самой необходимой, самой живительной стороны их жизни.

А садовник, родом эстонец, вон что поведал мне.

- Еще 18 лет я читал сочинения Л.Н. Мечтал все время увидеть Л.Н., и вот судьба привела меня сюда на службу. Часто Л.Н. приходил ко мне, сам, говорил о разных вещах. Я же на задавал ему вопросов, жалел его… Вот я тут живу у ворот и вижу, как *ежедневно* к нему приходят не меньше 50 нищих, и всем им Л.Н. давал по 5-10 коп. А что Вы сказали про отношения семейные?

- Софья Андреевна называла его "Левочка", а он ее "Соня". Очень вежливо она ухаживала за ним.

Не знаю больше, ничего не видел: а когда Л.Н. уехал и заболел, мы знали, что малая простуда делала его больным и малое волнение тоже делало его больным, а тут и болезнь и волнение…

Хотя мы и не хотели верить, что он не вернется к нам. Крестьяне ждали. Каждая телеграмма из Остапово ударяла как ножом в сердце. Теперь кажется, что вот спускается Л.Н. с горки, где усадьба… И иногда не веришь, что он в могиле там, где зеленая палочка.

Вообще, все крестьяне Ясной Поляны почувствовали, что кто-то вынул душу из них. Слова их полны безмятежной печали, прозрачной любви к Л.Н.

Ведь Л.Н., граф-мужик, величие народа находил в его душевной простоте! Л.Н.Т. так сжился с народом, устраивал школы для детей и сам учился у них.

Земной поклон Л.Н.Толстому – тому самому Толстому – великому учителю правды и *всечеловечной* любви.

Земной поклон учителю бесконечной любви, пред могилой которого *все* человечество склонилось с трепетом душевным, сознавая всю правду и живительность деятельной любви единения и братства!..

Ясная Поляна, 8 июня
Нашъ край. Брест-Литовскъ. 12 июня 1912, №91

Евгений Хлебцевич - В.Г.Черткову

№1

[1912 г.]
с.Кленики, Бельского уезда

Многоуважаемый Владимир Георгиевич!

<…> Я не приехал в Ясную Поляну просто для души и не имел в виду собирать сведения для газеты. Хотел одно – передать своим землякам все то, что так привлекает людей на могилу Л.Н. и кое-что о той живой любви народа к Л.Н., какой одарил меня народ. Я чувствовал, что окружающие Л.Н.Т[олстого] люди после смерти Л.Н.Т. еще более сильно и неразрывно с ним связаны, а это представляет реальную картину всечеловеческой любви – того вечного, живого, радостного «всего», с которым так органически спаяны все его составляющие – весь мир людской и даже более того – весь мир бессмертной и такой живительной идеи <…>

Хотя я так мало знаю, но все же я думаю и думаю, что фельетон мой – непосредственное впечатление в связи с тем, как я понимаю Л.Н.Т. и как мне хочется частицу этого понимания передать другим.

Посылаю Вам, Владимир Григорьевич, этот фельетон «В Ясной Поляне». Если же возникнут какие-либо сомнения в правильной передаче того, что было, прошу простить. Газету «Наш край» посылаю бандеролью.

С искренним уважением и приветом Евгений Хлебцевич.

с. Каленики, Бельского уезда, Гродненской губернии.

№2

2/ I. 1915

Глубокоуважаемый Владимир Георгиевич!

В «Киевской мысли» 1/ 1. 1915 читал статью г.Козловского о выпущенных Вами «Дневники Л.Н.Толстого».

Интересуясь русской литературой и Толстым в особенности, я радуюсь Вашей всегдашней религиозной душевности в отношении ко всем творениям Л.Н.Толстого, в отношении «Дневников» - Вашей тонкой и умной редакции.

Теперь, по окончании университета, я как ратник-ополченец попал на войну. И работаю с удовлетворением в качестве военного фельдшера. Для развлечения и душевного отдыха – в свободные минуты – занимаюсь изучением русской литературы. Кроме личности Л.Н.Толстого меня интересует его язык и прием художественной интуиции (сравнения, образы и проч.). Прав С.А.Венгеров, утверждая, что мировой характер русской литературы обусловлен синтезом вечных идей (истины, правды, красоты, добра) с художественно соответствующей формой. В Л.Н.Толстом наиболее ярко это выражено в детализации. Вот я прошу Вас, если Вас не затруднит, прислать мне 1) «Дневники», 2) посмертные произведения (5 томов) и 3) то, что освещает этот вопрос. Вы сами лучше знаете, какие произведения Толстого представляют такой синтез (наиболее ярко). Буду Вам очень признателен. Денег у меня нет, жалование – солдатское. После войны возвращу, если буду жив.

Адрес: п.ст. Полонное Волынской губ.
Управление этапного коменданта,
Фельдшеру Евгению Хлебцевичу

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.552. Оп.1, ед.хр. 2743а, л.л.3; 7. Автографы.

На ўгодкі
Максіма Багдановіча,
Уладзіміра Караткевіча,
Браніслава Тарашкевіча,
Мікалая Улашчыка

Снежаньскім апоўднем 1991 г. у светлай зальцы “Дома Растовых” – колішняй сядзібе Праўлення Саюза савецкіх пісьменнікаў – адбыліся Багдановічавы чытанні, ладжаныя Институтом мировой литературы им. А.М.Горького (ИМЛИ) з нагоды 100-леццця аўтара нятускнага “Вянка”.

Выступілі пісьменнікі, літаратуразнаўцы – Алесь Адамовіч (Всесоюзный Институт кинематографии), Уладзімір Конан (Нацыянальны навукова-асветны цэнтр імя Ф.Скарыны), Святлана Аліева, Г.Міцін, А.Каўка (ИМЛИ), Тацяна Сотнікава (Литературный институт). Рэзюмэ выступленняў, пасля 20-гадовае вымушанае затрымкі падаюцца ніжэй. Прамова Алеся Адамовіча занатавана з стэнаграмы паседжання.

Вечарына пад юбілей другога нашага класіка Уладзіміра Караткевіча, адбытая ў лістападзе 2010 у чытальні Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва, паспрыяла “Скарынічу” артыкулам А.Вераб’я. Сюды ж напрошваецца і праніклівая нататка расійскага крытыка пра “Сівую легенду” беларускага пісьменніка.

А.К.

* * *

Алесь Адамовіч

Паэт-дзіця

Так здарылася, што Гаспод дачасна забраў ад нас гэтага дзівоснага творцу, ды застаўся ён для нашага народа самым любімым паэтам. Бывае ж і ў сям’і самае любімае дзіця. Так і пра Багдановіча можна сказаць: паэт-дзіця. І як дзіця – бязгрэшлівы, чысты, празрысты ў сваім светаўспрыманні, Багдановіч любіў задаваць пытанні. Згадаю верш “Я хлеба ў багатых прасіў і маліў…” з ягонаю канцоўкай: “”Што будзе, як дрогне, як рухне яна? Каго пад сабой пахавае?“ Такі верш з такім запытаннем маглі напісаць і Янка Купала, і Якуб Колас. Але ўжо вобраз – “цвяток радзімы васілька” стварыць мог толькі Максім Багдановіч. Колькі, памятаецца, было эстэтствуючага бурчання: як гэта – васілёк, пустазельле і ухваляць? А гэты “васілёк” ёсць тое хараство

цудадзейнае, якое так любіў і патрапіў нам пераказаць сваю любоў Паэт. Дастаеўскі гаварыў – “красота спасет мир”. Уратаваць свет краса мо й не ўратуе. Але тое, што яна ратуе душу чалавека – з гэтым не пагадзіцца нельга. Дык вось Багдановіч і быў тым, хто ратаваў прыгожае, вечнае, ратаваў душу народа.

Цяпер на нашых вачах бурыцца імперыя, самавызначаюцца на падставе ўласнае дзяржаўнасці народы. Будуе і Беларусь сваю дзяржаўнасць, незалежнасць, прычам на тэрыторыі, напічканай ядзернымі боегалоўкамі. Мне здаецца, сама гісторыя вызначае Беларусі сваю асаблівую місію: выбавіцца ад гэтага імперскага цяжару, ачысціўшы сваю зямлю ад ядзернага патэнцыяла, падаўшы практычны прыклад у гэтай справе і Расіі, і іншым.

Як гэта ўсй звязана з Багдановічам – не ведаю, але лічу, што звязана з Паэтам, які клапаціўся за тую прыгажосць, што ратуе душу. Калі ж душа ўратуецца – жыць будзе і ўсё астатняе.

Генрих Митин

Откровение любви

Истинная поэзия – речь о земле и небе; нарушение этой связи (в любую сторону) оборачивается антипоэзией, не спасает даже гениальность. Максим Богданович писал о земной любви, за которую не стыдно перед небом. Его творческий путь выпал на десятилетие 1907-1917, когда в философии и прозе России обозначился отход части интеллигенции от материализма и марксизма к идеализму (богоискательство и богостроительство). Но поэзия шла своим путем. Без Христа и без креста писал изысканный В.Брюсов, кончивший одами в честь Октября. Самый популярный «певец любви» К.Бальмонт был безучастен к духовному смыслу любви, воспевая «землю» страсти: «Хочу упиться роскошным телом, хочу одежды с тебя сорвать». Отсюда его декларация: «Я люблю тебя, дьявло, я люблю тебя, бог». У Бальмонта самцы дерутся за самку – вот символ его «любви». Даже А.Блок писал о женщине как о кошке, которую хочется ударить.

Принципиально иное отношение к женщине и любви в поэзии М.Б. Для него женщина – реальная Богородица, дева-мать, единство земли и неба: «В единстве двух начал – «гармонии венец»

(цикл «Мадонны», 1913). Замечательный цикл «Любовь и смерть» стал воистину христианской поэмой, откровением любви. Трагическое звучание позволяет определить его как реквием любви. Смерть любимой ведет поэта в Храм, где душа воспаряет и утешается. «Костел св. Анны в Вильне» (1913) явно противостоит «Девушка пела в церковном хоре» Блока (1905). Пустоту, холод и мрак жизни у М.Б. просветляет образ Христа с «Вещим взором своих воскрешающих глаз». На фоне роковой бездуховности тогдашней поэзии творчество М.Б. заставляет вспомнить образ его сонета 1912 года: чистую лилию «среди болотной плесени и гнили». Возможно, что и сам поэт «примеривал этот символ к себе».

Уладзімір Конан

Астральная сімволіка ў творчасці Максіма Багдановіча

“Па за сімвалізвам няма паэзіі”, - гаварыў В.Брусаў. Як на маю думку, не толькі паэзія, але і ўсё мастацтва, уся культура сімвалічная па сваёй сутнасці, бо выяўляюць духоўны сэнс рэчаў, з’яў і вобразаў, увасоблены ў пэўную “знакавую сістэму”.

Лірыка Максіма Багдановіча адкрыла ў беларускай паэзіі эстэтыку змяркання, вечаровага, начнога і зімовага “іпастасяў” быцця. Традыцыйна ў ёй замацаваліся (ад фальклору) вобразна-сімвалічныя апазіцыі тыпу: ранак-вечар, дзень-ноч, вясна-восень, лета-зіма. Першыя звенні гэтых кантрасных вобразаў сімвалізавалі жыццё і адраджэнне, надзею і веру, а другія, “зімова-начныя” вобразы – роспач, заняпад, уміранне, пакуты. Паэзія М.Багдановіча – пераважна зорная, астральная, у ёй – малюнкі-успаміны “знікшага дня” і вітанне “таго дня, што мае нарадзіцца”. Яна гучыць песняю ірэальнага начнога і зімовага жаваранка (“Добрай ночы, зара-зараніца”, “Блішчыць у небе зор пасеў”, “Зімовая дарога”, “Падымі ў гару сваё вока” і інш.). Ёсць у ёй глыбокі падтэкст: бо ноччу забывае свае драбозкія клопаты, далучаецца да вечнасці, прагне духоўнасці.

“Ціхая, сіняя ноч” – вобразны лейтматыў ягонай паэзіі. М.Багдановіч радыкальна змяніў нашыя ўяўленні пра начную шэрасць і цемень, пра зімовую аднастайнасць, адкрыў у начным і

зімовым быцці мноства каляровых адценняў і музычных паўтонаў. Адкрыццём паэта стала арганічнае знітаванне двух пачаткаў лірычнай паэзіі – выяўленча-жывапіснага, “малюнкавага” – і музычнага, песеннага. Паэтычны сімфанізм – выдытная асаблівасць яго лірычных цыклаў, асабліва ў цыклах “Лясун”, “Вадзянік”, “Змяіны цар”. У апошнім выявілася глыбокая астральная сімволіка. Пільным вокам мастака Багдановіч убачыў у міфалагеме “Змяіны цар” амбівалентную, “зорка-зямную” сімволіку.

Але ёсць у яго астральнаяй паэзіі яшчэ іншы, “усяленскі” сэнс, які афарыстычна выяўлены ў біблейскай кнізе Іова: “Чалавек нараджаецца на пакуты, як іскры, каб паднімацца ўверх”. Яна сімвалізуе духоўны пачатак жыцця, духоўнае адзінства чалавецтва. Пра яго – верш “Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы…” Яго сэнсавая сутнасць – у заключных радках: “Нашто ж на зямлі // Сваркі і звадкі, боль і горыч, // Калі ўсе мы разам ляцім // Да зор?”

Светлана Алиева

Урок Богдановича

Максим Богданович – начало XX столетия. Мечты, чаяния, творческие устремления, суждения благородного и талантливого человека, искренного в молодом порыве сохранить, упрочить и донести большому миру национально-духовное достояние белорусского народа. Протестуя против ассимиляторского давления, или, как он выражался, «овеликорушения народа», ведущего лишь к искажению, уродованию национальной души, он подчеркивает, что лишение родного языка ведет любой народ к культурно-языковому оскудению, замораживанию его духовных потенций. Эта мысль, а в сущности пророческое предупреждение с поразительной злободневностью откликается сегодня, на исходе «советской» истории, перемоловшей этносы былой великорусской империи, отработавшей их с бездушием, превосходящем жестокость компрачикосов.

Национальная и прислуживавшая ей культурная, выстроенная Сталиным политика действительно, как и предсказывал М.Богданович, привела к «растрате результатов громадной, многовековой духовной работы» целых народов. И каждый из них

может сегодня повторить слова белорусского писателя-мыслителя, написанные им в 1915 году: «Коренное переустройство отношений к национальной жизни населяющих Россию народностей – такова одна из наиболее настоятельных наших государственных задач…». Столь же актуальны и злободневны его мысли о гарантиях прав национального меньшинства, о праве каждой нации на независимое политическое существование.

Максим Богданович – сам по себе яркое явление национально-возрожденческих чаяний белорусского народа, выступает также символическим воплощением живучести, неистребимости национальной идеи, всколыхнувшей и поднявшей к новому национально-культурному возрождению народы бывшего СССР,

Татьяна Сотникова

Лирическое самосознание поэта

Самосознание поэта – столь многогранная проблема – философская, литературоведческая, историческая – что я предполагаю рассмотреть лишь один ее аспект. Например, не коснувшись вопроса о национальном самосознании в связи с самосознанием поэтическим, хотя в творчестве Богдановича это соотношение выражено емкой формулой: “Як кожны народ мае сваю нацыянальную душу, так ён мае і свій асаблівы склад (стыль) творчасці, найбольш прыдатны да гэтай душы”. (“Забыты шлях”).

Цельность и раздробленность поэтического мира – эта противоположность представляется особенно существенной, когда речь идет о Богдановиче. Избегая тривиальных сравнений, следует все же отметить, что именно в этой сфере наиболее ощутима противоположность М.Богдановича А.Блоку (несмотря на то, чо их роль в национальных литературах принято уподоблять). “Дробление культуры”, в том числе внешнее – на жанры, направления – трагически ощущалось Блоком как признак упадка (статьи “Крушение гуманизма”, “О назначении поэта” и др.). У Богдановича тот же термин употребляется в прямом смысле: под “дроблением культуры” (статья “Белорусское возрождение”) он понимает лишь ее дифференциацию, самоопределение белорусской, украинской и других славянских культур. Это

отсутствие трагических предчувствий также может быть понято как примета внутренней цельности художника.

Не менее очевидна эта цельная черта поэтического сознания и в тех стихах Богдановича, в которых природа и душа поэта живут в одном ритме (“Перад паводкай”). В русской литературе после “Войны и мира” (“встреча” князя Андрея с дубом) это единство существует больше как желаемое, чем как непреложная данность.

Именно вследствие неразьятости внутреннего мира, для Богдановича характерно “называние” как полноценный художественный прием (“У краіне светлай…”).

Алексей Кавка

Всемирность национального

Всемирное значение М.Богдановича в его белоруском мировосприятии, национальной сострадательности, питавших будительный, возрожденческий пафос поэта-“нашенивца”. И особенно – в “Погоне”, в символических рыцарях, настигающих на вспененных скакунах отреченцев Родины-Беларуси. “Не давайце чужынцами быць!” Батрачество по чужим языкам и культурам, “бездомность” в собственном дому. По ней, злокачественной национальной опухоли, сечет разящее и целительное слово Поэта-врачевателя. Но только ли белорусская эта драма духовных блужданий и заблуждений сынов Отечества, улегающих за призрачными соблазнами, при небрежении своими исконными сокровищами? Вопрос явно риторичен на фоне культуротворческого недомогания, внутреннего рабства, донимающих современную цивилизацию, но все время пробуждающих в людях возрожденческие очистительные порывы.

На сурово праведный рисунок “Пагоні” контрастом накладывается общая, светло-печальная элегическая лира Богдановича: те удивительные узоры родной природы, мастерски отчеканенные миниатюры о славной истории народа, образы легендарных ратников, строителей-ваятелей, книжников-светителей, пленительность «Слуцких ткачих» и «Мадонн», к небесам и звездам устремленных людей и храмов. С душевным трепетом и волненьем взирая на эту земную и космическую

панораму радости, света, любви и таинственности, мыслью невольно повторяешь все тот же, «чыстаю красою» смягченный вопрос - саднящий отзвук грозовой «Пагоні»: от сего ли божества-характва отрекаетесь?

Так не в ней ли, суровой и болесной, просветленно-целительной неутолимости скрыта загадка и всемирной отзывчивости белорусского поэта-мыслителя, сумевшего с поразительной глубиной и деликатностью внять и воспринять как свои собственные, национально-творческие импульсы великоросса Пушкина, украинца Шевченко, индийца Тагора…

Анатоль Верабей

Уладзімір Караткевіч і Масква

Наталля Кучкоўская, старэйшая сястра Уладзіміра Караткевіча, у сваіх успамінах "Юдоль святла", запісаных Галінай Шаблінскай, згадала, што яе малодшы брат упершыню ў Маскву "з'ездзіў гады ў чатыры з маці" [1, с.33]. Там жа паведамляецца, што ў канцы мая 1941 года ў Маскву ехала іх знаёмая, з якой бацькі і адправілі Валодзю, а ён якраз скончыў тры класы школы, да яе, студэнткі Маскоўскага хіміка-тэхналагічнага інстытута. І далей адзначыла: "Я з захапленнем паказвала Валодзю горад: і Гістарычны музей, і Чырвоную плошчу, і музей Рэвалюцыі, і Маўзалей, і музей Леніна, і помнікі гістарычным асобам, і метро, і шмат чаго іншага, што тады звычайна прапаноўвалі паглядзець усім гасцям сталіцы. Я б не сказала, што для Валодзі ўсё было навіною. Многае ён ужо ведаў з кніг. Але цікавіўся ўсім. У Маскве ў той час жыла наша цётка, матчына стрыечная сястра Марыя Сцяпанаўна Жыцянец, настаўніца. Яе мы таксама наведалі" [1, с.33].

Старэйшая сястра будучага пісьменніка ўспаміала, што Валодзя застаўся вельмі задаволены тым маскоўскім падарожжам, што яго перапаўнялі ўражанні, якімі так хацелася хутчэй падзяліцца з бацькамі, з сябрамі.

Сястра і брат збіраліся ехаць да бацькоў у Оршу. Але пачалася вайна… Фронт набліжаўся да Масквы, горад пачалі бамбіць. У канцы ліпеня Валодзя разам са стрыечнай матчынай

сястрой і вучнямі яе школы эвакуіраваўся спачатку ў Разанскую вобласць, потым на Урал у Ленск, што ў наваколлі Кунгура (Пермская вобласць). Адтуль у жніўні 1943 года старэйшая сястра прывезла яго да бацькоў у Арэнбург, куды тыя эвакуіраваліся. Потым хлопчык некаторы час разам з маці і яе сястрой Яўгеніяй Васільеўнай жыў у вызваленым Кіеве. Адтуль вярнуўся ў Оршу.

І ў пасляваенныя гады Уладзімір Караткевіч неаднаразова наведваў Маскву. Згадаем, што з таго часу там стаў жыць і яго стрыечны брат Аляксандр Мікалаевіч Садавы.

У аўтабіяграфіі «Дарога, якую прайшоў» (1964) Уладзімір Караткевіч згадаў, што ўжо на другім курсе Кіеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Т.Р.Шаўчэнкі (там ён вучыўся ў 1949 – 1954 гады) не было ў яго ілюзій адносна асобы Сталіна, аб чым паклапаціўся адзін з яго дзядзькоў (Садавы Мікалай Аляксандравіч, 1893 – 1965, муж бацькавай сястры Вольгі Цімафееўны. -- А.В.), які ў 1939 годзе вярнуўся з турмы, а да арышту быў загадчыкам аблана на Камчатцы. І таму на пахаванне Сталіна ў сакавіку 1953 года Караткевіч паехаў і падбіў на паездку хлопцаў з пакоя «не з-за смутку, а каб убачыць уласнымі вачыма. І ўбачыў. І, разам з хлопцамі, памагаў санітарам выцягваць з даўкі людзей. І трапіў у пераплёт у Веташным завулку ў дзень пахавання. А гэта ўжо не пакідала ніякіх сумненняў і выклікала адно жаданне: «хутчэй бы скончылі з усім гэтым» [2, с.6].

Блізкі гэты горад быў Уладзіміру Караткевічу і тады, калі, пасля вучобы ў Кіеўскім дзяржаўным універсітэце, пасля працы настаўнікам ў вёсцы Лесавічы Таращанскага раёна Кіеўскай вобласці і ў Оршы, ён вучыўся ў Маскве на Вышэйшых літаратурных (1958 – 1960) і Вышэйшых сцэнарных курсах (1960 – 1962). Масква, абок Кіева, таксама зрабіла істотны ўплыў на фарміраванне Караткевіча як асобы і мастака.

У той час Уладзіміра Караткевіча сяброўскія адносіны звязвалі з Нінай Міхайлаўнай Молевай, выкладчыцай гісторыі мастацтваў на Вышэйшых літаратурных курсах. Яна прыкметна паўплывала на творчасць пісьменніка, стала прататыпам Ірыны Горавай у рамане «Нельга забыць». Ён прысвяціў ёй такія паэтычныя творы, як «Дзіва на Нерлі», «Балада пра Невядомага, Першага», «Прарок Геронім Босх», «Трызненне Мужыцкага Брэйгеля». Ёй у 1959 годзе падарыў аўтографы гэтых твораў, а таксама паэм «Плошча Маякоўскага», «Грубае і ласкавае», «Паэма

пра засуш», некаторых вершаў і іх падрадковыя аўтапераклады на рускую мову, некалькі аўтографаў вершаў на рускай мове, машынапіс паэмы «Родина». Упершыню некаторыя з гэтых твораў Уладзіміра Караткевіча, яго лісты да Н.М.Молевай і надпісы пісьменніка на сваіх кнігах, падараваных ёй, а таксама ўспаміны Н.М.Молевай пра Вышэйшыя літаратурныя курсы ў Маскве змешчаны ў кнізе "Уладзімір Караткевіч: вядомы і невядомы" (Мінск, 2010).

У аўтабіяграфіі "Дарога, якую прайшоў" Уладзімір Караткевіч адзначыў: "Літаратурныя курсы шмат далі мне самой сваёй атмасферай, глыбінёй спрэчак, сяброўствам, шырынёй далягляду. Там я напісаў сваю другую кнігу "Вячэрнія ветразі" (1960), некалькі апавяданняў і гістарычную аповесць "Сівая легенда"; разам з напісанай раней аповесцю "Цыганскі кароль" яны склалі трэцюю маю кнігу "Блакіт і золата дня". Акрамя таго, у Маскве быў задуманы першы мой раман "Леаніды не вернуцца да Зямлі", надрукаваны пад назвай "Нельга забыць" у часопісе "Полымя" ў 1962 годзе" [3, т.8, кн.2, с.9 – 10].

Вучоба на Вышэйшых сцэнарных курсах у Маскве паспрыяла працы У.Караткевіча ў кіно, напісанню сцэнарыяў дакументальных «Сведкі вечнасці», «Памяць каменя» і іншых, а таксама мастацкіх фільмаў «Жыцце і ўзнясенне Юрася Братчыка», «Дзікае паляванне караля Стаха», «Чорны замак Альшанскі». Згадаем і такія факты: памета да аўтографа «Легенды аб бедным д'ябле і аб адвакатах Сатаны» сведчыць, што твор быў закончаны 7 кастрычніка 1961 года ў Маскве, а памета да аўтографа верша «Безгаловая Венера», што гэты твор быў напісаны 16 снежня 1961 года ў будынку Вышэйшых сцэнарных курсаў. Падчас вучобы на Вышэйшых сцэнарных курсах быў закончаны раман «Нельга забыць».

Падзеі апавядання «Маленькая балерына» адбываюцца ў Маскве ў другой палове 30-х гадоў XX стагоддзя.

Высакародны капітан царскай арміі Юрый Гораў, адзін з герояў пралога рамана "Нельга забыць", з'яўляецца ўраджэнцам Масквы. У бурлівую жнівеньскую ноч 1863 года ён з цеплынёй згадвае родны горад. Асноўныя ж падзеі рамана "Нельга забыць" адбываюцца ў канцы 50-х гадоў XX стагоддзя ў Маскве. У гэтым творы, пры ўсёй яго шматпланавасці, пісьменнік засяродзіў ўвагу пераважна на духоўных пошуках творчай інтэлігенцыі, на каханні

беларускага паэта Андрэя Грынкевіча і выкладчыцы маскоўскай творчай установы, дзе ён вучыўся, Ірыны Горавай.

Падзеі XII раздзела кнігі другой "Сякера пры дрэве" рамана "Каласы пад сярпом тваім" часткова адбываюцца ў сакавіку 1860 года ў Маскве. Там апісваецца сустрэча Алеся Загорскага і Кастуся Каліноўскага, іх удзел у пасяджэнні нелегальнага маскоўскага зямляцтва, дзе ішла гаворка пра падрыхтоўку будучага паўстання. Пачынаецца гэты раздзел наступнымі радкамі: "Алесь ішоў вуліцамі Масквы. Сакавіцкі набрынялы снег мякка паддаваўся пад нагамі. Ззялі непадалёк купалы крамлёўскіх сабораў. Праляталі часам з Замаскварэчча, Краснай плошчай і на Манежную купецкія тройкі: пачыналася масленіца" [3, т.5, с. 305]. Тады ж Алесь купіў у кніжнага гандляра Біблію ў перакладзе Ф.Скарыны, сфатаграфаваўся ў дагератыпнай майстэрні з Кастусём, расказаў удзельнікам нелегальнага маскоўскага зямляцтва пачутую ад свайго дзеда прыказку-байку пра тое, што Бог даў беларусам райскі куточак на зямлі і "найгоршае ўва ўсім свеце начальства" [т. 5, с. 312]. На тым пасяджэнні Алесь прапанаваў: "Народы вызваляць і сялянам даваць зямлю. Я прапаную: паноў, якія рабавалі, высяляць з краіны, пазбаўляючы маёмасці, а цмокаў – расстрэльваць" [3, т.5, с.313].

Падзеі аповесці "Зброя" адбываюцца зімой і вясной 1862 года ў Маскве, куды Алесь Загорскі са сваімі сябрамі прыязджае, каб здабыць зброю для будучага паўстання і каб вызваліць з няволі Андрэя Кагута. Гэты твор тэматычна звязаны з раманам "Каласы пад сярпом тваім". Сам пісьменнік пра аповесць "Зброя" сказаў: "Гэта не працяг рамана, а яго адгалінаванне" [4, с.5].

Аповесць "Зброя" – гнеўная, выкрывальная сатыра як на самадзяржаўна-прыгонніцкі лад Расіі 60-х гадоў XIX стагоддзя, так і ўвогуле сатыра на лад, варожы і чужы чалавеку і цывілізацыі. Пісьменнік закрануў у ёй значныя сацыяльныя праблемы, раскрыў норавы тагачаснага грамадства, асабліва маскоўскага дна з яго дзікімі законамі, з купляй-продажам, са зладзействам і даносамі, што, як балячкі, раз'ядалі, губілі чалавека і грамадства.

Алесь Загорскі не мог мірыцца з усім гэтым. Рызыкуючы ўласным жыццём, ён хоча абнавіць, змяніць грамадства. Каб здабыць зброю для будучага паўстання, трапляе са сваімі сябрамі ў гэту памыйную яму. Але і там ён змагаецца за лёс жанчыны,

хлопчыка, Сашкі Шчалканава, за іхнія надломленыя душы і загубленае жыццё.

Уладзімір Караткевіч неаднаразова ў наступныя гады быў у Маскве. У жніўні – верасні 1966 года – падчас здымак кароткаметражнага дакументальнага фільма "Памяць каменя", прысвечанага помнікам архітэктуры, узведзеным з удзелам беларускіх дойлідаў. З 29 жніўня да 4 верасня 1967 года пісьменнік быў удзельнікам Дзён культуры і мастацтва Беларусі ў Маскве.

Цікавай старонкай беларуска-рускіх літаратурных сувязяў другой паловы XX стагоддзя з'яўляецца гісторыя перакладаў твораў Уладзіміра Караткевіча на рускую мову. Шырокую вядомасць набылі яго творы ў перакладах Валянціны Шчадрыной - раманы "Каласы пад сярпом тваім", Чорны замак Альшанскі", аповесці "Сівая легенда", "Дзікае паляванне караля Стаха", "Цыганскі кароль", шэраг апавяданняў, нарысаў, казак.

У артыкуле Валянціны Шчадрыной "Як у Маскве выйшлі "Каласы пад сярпом тваім" ёсць каштоўныя звесткі пра складаны шлях да чытача гэтага перакладу.

Так, восенню 1971 года Уладзімір Караткевіч папрасіў яе перакласці раман на рускую мову. Яна згадзілася, хоць і не ведала ў той час, што рукапіс гэтага твору ляжаў у выдавецтве "Советский писатель», дзе яна працавала, з 1969 года, што на яго ўжо арганізаваны адмоўныя рэцэнзіі. Тым не менш Шчадрына адносна хутка перакладала раман. Раілася з Уладзімірам Караткевічам. 17 красавіка 1972 года атрымала ад яго ліст, дзе былі такія словы: "…дазволь цябе павіншаваць. Пераклад проста цудоўны. <...> Усе заўвагі ў дадатку. Заўвагі падрабязныя, бо я паставіўся да тваёй цудоўнай працы не абы-як, як гэта робіцца звычайна. Аднак жа заўвагі мае маюць неабавязковы характар…" [1, с.429].

Валянціна Ніканораўна заўважыла, што ёй было прыемна чытаць працытаваныя радкі, "бо перакладу рамана я аддавала ўсю сябе, увесь свой час. Я шчыра радавалася кожнаму лісту Караткевіча і кожнай новай перакладзенай старонцы "Каласоў…". І далей: "Караткевіч цярплівы быў у сваіх цікавых і заўсёды арыгінальных тлумачэннях. Якая гэта была асалода -- працаваць з такім дасведчаным аўтарам! З беларускай мовы я пераклала больш за 25 кніг, але, прызнаюся, такой творчай радасці, якую зведала ад прозы Караткевіча, не мела ад іншых твораў.

Уладзімір Сямёнавіч быў вельмі акуратны ў сваіх адказах, тлумачыў не толькі значэнне таго ці іншага слова, але і рабіў малюнкі, графічныя накіды розных, невядомых мне прадметаў” [1, с. 429].

Валянціна Шчадрына згадала: “У той час мы вельмі часта вырашалі пытанні па тэлефоне, званілі ў любую гадзіну сутак. Працавалі, як шчаслівыя вар’яты, і не чакалі, што нас чакае бяда. 22 студзеня 1973 года, калі пераклад быў зроблены, нашы “добразычліўцы” з выдавецтва «Советский писатель» замаўляюць новую рэцэнзію прафесару П.Заянчкоўскаму, якую той піша на адзінаццаці старонках. Прысуд прафесара безапеляцыйны: раман трэба цалкам перапісаць, бо ён не адпавядае гістарычным фактам” [1, с.429].

Уладзімір Караткевіч не мог прыняць таксама і недарэчныя заўвагі выдавецкага рэдактара. У адным з лістоў той пары ён пісаў Валянціне Шчадрынай: «Я паважаю рэдактараў, але, не менш, паважаю і сябе. І я ведаю, што напісаў добрую кнігу, якую *ў добрым перакладзе з задавальненнем прачытае і рускі чытач* (падкрэслена Караткевічам. – В.Ш.)” [Цытуецца паводле: 1, с.430].

Валянціна Шчадрына расказала пра далейшы пакручасты шлях яе перакладу: “За дапамогай звярнуліся да Івана Мележа, які заўсёды высока ацэньваў творчасць Уладзіміра Сямёнавіча. Мележ параіў пазваніць нашаму знакамітаму гісторыку Мікалаю Улашчыку, які жыў у Маскве. Я з удзячнасцю выкарыстала гэту параду. Угаварыўшы чыноўнікаў выдавецтва аддаць рукапіс на рэцэнзію ў Інстытут гісторыі СССР (не паведаміўшы, вядома, што там працуе прафесар М.Улашчык), мы неўзабаве, гэта значыць – 31 кастрычніка 1973 года – атрымалі цудоўны справядлівы водзыў М.Улашчыка”. Рыпучая выдавецкая брама мусіла адчыніцца. Але не надта шырока. Нас чакалі новыя цяжкасці. “Пільнасць” пані Часнаковай не мела межаў, і ў літаральным сэнсе рэдактарка чаплялася за кожнае слова. Па маёй просьбе Уладзімір Сямёнавіч прыехаў у Маскву. Ён настаяў на тым, каб памянялі рэдактара” [1, с.430].

Пераадолеўшы многія перашкоды, раман Уладзіміра Караткевіча “Каласы пад сярпом тваім”, перакладзены Валянцінай Шчадрыной на рускую мову, у 1974 годзе выйшаў у Маскве ў выдавецтве “Советский писатель», а потым неаднаразова быў перавыдадзены ў Беларусі.

“Міламу Мікалаю Мікалаевічу Улашчыку, - надпіша пазней пісьменнік славутаму гісторыку другую сваю кнігу, - з падзякай за ўсё, што ён зрабіў для мяне і для “Зямлі пад белымі крыламі” У.Караткевіч. 8 снежня 1977 г.”

---

1. Уладзімір Караткевіч. Быў. Ёсць. Буду!: успаміны, інтэв’ю, эсэ / уклад. Галіны Шаблінскай.—Мн.: Маст. літ., 2005.—518с.
2. Короткевич В. Дорога, которую прошел // ЦНБ імя Якуба Коласа НАН Беларусі, аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў, ф.11, воп.2, адз. зах. 1043. –13с.
3. Караткевіч У. Збор твораў: У 8 тамах.—Мн.: Маст. літ., 1987 – 1991. Творы У.Караткевіча, за выключэннем асобна агавораных, цытуюцца па гэтым выданні. Том і старонка падаюцца ў дужках.
4. “Любую справу рабіць хвацка”. З У.Караткевічам гутарыла Роза Станкевіч // Літаратура і мастацтва, 1982, 3 снежня. – С. 5 –7.

Валерий Крапивин

Горькие слезы ландскнехта

Владимир Короткевич начинал как поэт. Поэзия, по мысли Иосифа Бродского, дисциплинирует прозу, учит умению опускать самоочевидное. Не всегда это правильно работает, но в случае с Короткевичем оно подтверждается. Исторические повести белорусского мастера редко страдают многословием. «Огонь-Девица» (признаемся в скобках, что это название – уступка современному книжному рынку, поскольку сам автор назвал повесть коммерчески менее броско – «Сивая легенда») сюжетно построена очень экономно. По жанру это – почти классическая мелодрама с бурными – шекспировскими страстями. Любовь, по точному определению отца Павла Флоренского, есть землетрясение души. У Короткевича это «стихийное бедствие», ломающее человеческие судьбы, осложнено темой инцеста и тем, что теперешние бойкие беллетристы с идиотической легкостью именуют «фрейдистской сублимацией». Короткевич далек от того, чтобы вывести в своей повести одномерного изверга, мелодраматического злодея в лице родовитого шляхтича Кизгайлы. Хозяин замка в окрестностях Кистеней – человек глубоко несчастный и страдающий от того зла, что он причиняет другим. Ему не в радость ни измена православию и переход в католичество по примеру канцлера Великого княжества Литовского Льва Сапеги, ни отказ устроить счастье благородного нобиля Романа Ракутовича и Холопки Ирины. Его род обречен, ибо в одной из распрей стрела лишила его мужского достоинства. Но Короткевич умело дозирует фрейдистские мотивировки, поскольку ему важнее показать движение человеческой души, а не голую схему. Эпиграфом к его повести могли бы послужить строки Блока:

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!
Мы любим плоть – и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Эти страстные блоковские строки, обращенные к европейцам, тем более уместны потому, что повествование у Короткевича ведется от лица швейцарского наемника-ландскнехта Конрада Цхаккена. Широкое хождение имеет поговорка: что хорошо русскому, то немцу – смерть. Короткевич создал повесть будто наперекор ей. Его рассказчик не просто начинает говорить на славянском наречии. Он словно вбирает в себя все больше и больше год от года славянскую душу. Наверное, свидетельством этого «ославянивания» являются слезы в глазах сурового ландскнехта в конце произведения. Не удивительно, что эта повесть Короткевича с крепким мелодраматическим сюжетом была впоследствии преобразована в оперное либретто. Не удивительно и то, что в Белоруссии про Короткевича говорят так: его произведения сделали для возвращения белорусам их памяти больше, чем весь академический Институт истории.

Нина Полянская-Тарашкевич

Последний поцелуй
О Брониславе Тарашкевиче

Родилась я на Волге, в декабре 1905 года, в городе Царицыне. Родители - простые труженики. По отцу я - Полянская. Отец Александр Иванович, происхождением из Тамбовской обл. (г.Козельск), работал по-разному, вроде мелкого служащего, приказчиком и т.п. В поисках заработка часто переезжали. Из Царицына - в Саратов. Там я два года проучилась в начальной немецкой школе (немцы в Поволжье, при кирхе, с детства хорошо усваивался немецкий язык). Война прервала занятия в школе. Саратов сменился Самарой, далее – Омск, где и прошла моя юность. Да, о матери. Она простая женщина, домохозяйка, нас в семье было пятеро, всех надлежало прокормить, одеть.

Так вот в Омске начала я увлекаться театром и пением. Поступила в городскую театральную труппу. Поездили порядком. Я играла Шурочку в "Булычеве" [Горького] и Наташу - "На дне", даже играла Лизавету, сестру старухи-процентщицы в "Преступлении и наказании" [Достоевский]. С ролью Лизаветы такая получилась история. В Омск на гастроли в 1925 г. приезжал артист П.Н.Орленев, он-то и выбрал меня на эту роль (показывает Программу спектакля «Преступление и наказание». - Омск, Гостеатр, 1925: «Вторая гастроль артиста П.Н.Орленева, он же в роли Раскольникова, в роли Лизаветы - Н.А.Полянская). Но дальше дело не пошло, хотя, говорили, была очень способная.

С 1926 т. - в Москве, занималась на курсах в Литературном институте, одновременно - в студии театра А.В.Жильцова. Здесь, в Москве вышла замуж за врача-психиатра, он из Иркутска, - Топоров Николай.

Как познакомилась с Тарашкевичем? Случилось это в год смерти моего первого мужа, летом 1935-го года. Я пришла с одной своей знакомой к Ульянову, он, помнится, работал за границей дипломатом, а жили они на ул.Горького. Здесь и встретила впервые Бронислава. Ничем особым сначала не запомнился, не заинтересовал. Правда, телефон мой он записал. Позвонил мне через три дня и сказал так: знаете, почему я так долго не звонил? Задал было себе вопрос - смогу ли не звонить Вам. Оказалось, не

выдержал, вот и звоню. Мы стали встречаться. Жила я тогда на Никольском бульваре, с сестрой Галей, младшей на 8 лет (умерла в 1985 г.). С Брониславом часто заходили в Артистическое кафе, в Художественном проезде. Где жил тогда Бронислав? Мопровская гостиница, у Кузнецкого моста, церковь там выходила на улицу. Так вот, садились в кафе за столик, брали мороженое, случалось, и сосиски таксама бралі, и беседовали. Он мне рассказывал про свою политическую жизнь, о своей борьбе в Польше. Еще такой эпизод. Когда я пришла к Ульяновым (в первую встречу с Б.Т.), был там один журналист, Братин Евгений Михайлович. Он, насколько помнится, тоже ездил по заграницам, в том числе и в Польшу, там, видимо, и познакомился с Тарашкевичем. Братин дружил с Радеком и очень гордился этой дружбой. И вот как-то сидим мы с Брониславом в том же кафе, смотрю, входит Братин, а Бронислав, словно не замечая его, закрылся газетой. Когда же тот подошел к нашему столику и увидел нас вместе, прямо оцепенел от удивления, а Бронислав рассмеялся. Оказывается, Тарашкевич назначил ему встречу в кафе, но не сказал, что мы с ним встречаемся и уже почти помолвлены, ведь Братин намеревался сыграть роль "свахи", а тут "свадьба" без его посредничества почти свершилась. Да, вскорости Братин погиб, возможно, покончил с собой – начиналось тяжелое, тревожное время, шли аресты, арестован был Радек, с которым он так дружил.

Аграрный ин-т, где работал Бронислав, выделил нам комнату, в квартире венгерского политического эмигранта Хевеши; в 1937 г. он уехал в Испанию и вскоре погиб там. В свою комнату, метров 17, привезли мы кое-какую мебель из Ин-та – стол письменный, какой-то шкаф, мой рояль «Блютнер» (от первого мужа). Жили на Красной Пресне, недалеко от зоопарка, там часто гуляли вечерами.

Часто заходили мы также посидеть у Михальчуков, - они жили в нашем же доме, на самом верхнем, 7-м этаже (мы – на 5-м). Михальчук работал в том же Аграрном ин-те, заведовал каким-то отделом и считался вроде начальником более крупным, чем Бронислав (отвечал за Польшу и Прибалтику). Михальчуки к нам также навещались. А вообще в гости особенно не ходили, культурных развлечений почти не было, должно быть время подозрительности, страха, неуверенности делало свое. К тому же, Бронислав много работал, часто приносил с собой материалы домой, просиживая над ними, читал, писал до глубоких вечеров.

Как-то, придя домой с работы, сказал: «Знаешь, сегодня я стукнул кулаком по столу, почему меня в партии не восстанавливают?». Ему все объяснили, мол, вопрос выясняется, уточняется. Бронислав и в Испанию просился, - последние дни часто видела в его руках испано-русский словарь, - язык учил. А однажды показывает мне книгу такую, небольшого размера, в темном переплете: «С этой вот книжечки, говорил, переводил на белорусский язык «Илиаду». Часто вспоминаю ту книгу и очень жалею, что не пришло тогда на ум вовремя ее запрятать у сестры, как была запрятала рукопись перевода «Пана Тадеуша». Но кто мог подумать, что так все страшно обернется и оборвется. Ведь «Илиада» уже печаталась в Минске, Брониславу даже аванс был выплачен издательством; он его на сберкнижку положил, и мы потихоньку тратили этот гонорар. Ранней весной, помню, (1937 г.), снег еще не совсем сошел, приходит из Минска, от издателей открытка – Тарашкевича приглашают на вычитку корректуры его перевода «Илиады». Что-то помешало ему сразу выехать в Минск, потом отправили его в командировку на Украину (несколько недель), а в начале мая его арестовали. Боже мой, знай человек, что такое может случиться, можно было бы из Минска сразу же затребоватькорректуру по почте, да мало ли что придумать. Так вот с нашей извечной «русской» раскачкой.

- Как арестовывали, спрашиваете? Просто и гнусно. Сидим мы вечером у Михальчуков за чаем. Вдруг звонок, резкий какой-то, в дверь. Жена Михальчука пошла открыть, потом позвала Бронислава, по лицу ее растерянному сразу заметно стало, что там, на пороге что-то нехорошее. Входит Бронислав в комнату, побледневший, только и обронил: «Нина, за нами пришли». На пороге ожидали нас трое: двое военных и один в штатском. Штатского я зразу узнала. Днем, когда Бронислав был на работе, он заходил к нам в квартиру. Позвонил кто-то, я пошла открыть. Заходит какой-то мужчина, я и рассмотреть его не успела, а тот, не спрося даже разрешения, с порога прямо в комнату - очень неприятное впечатление – «А где Бронислав Адамович?», - спрашивает. «Нет дома», - отвечаю. А он бесцеремонно как-то: «Он что, гуляет сейчас?». Я прямо вспыхнула, не скрывая раздражения: «Как это - гуляет?! Человек на работе!». Тот, правда, смолчал и также молча удалился. Оказывается, это «они» заранее уже уточняли, на месте ли «жертва», чтобы наверняка вечером хватать

ее. Бронислав приходит с работы, я ему - так мол и так - рассказываю. «Должно быть, говорит, это Вермель (Вермель или что-то в этом роде, от вермешели), затянул я с предисловием, надо написать». Он, Тарашкевич, должен был подготовить предисловие к книге какого-то поэта московского (Вермель?). А тут вот какой «Вермель»!

Спустились мы в свою комнату, сопровождаемые «охраной». Нам велено было сесть в сторонке. Начался обыск. Пуще всех усердствовал штатский. Заметив у Бронислава ручку в руках (он сидел у краешка своего стола), съязвил: «Ручка Вам больше не понадобится»! «Почему же, может и понадобится», - не столько в ответ, сколько про себя проговорил Тарашкевич, был он просто в оцепенении от всего происходящего. Наконец, ему сказали собираться. Бросилась я собирать вещи в дорогу: домашние туфли, какое-то белье начала складывать. И снова реплика язвительная, скорее походящая на угрозу того в штатском, «утреннего» визитера: «Кончайте! Не на курорт собираете». Бронислав надел на себя рюкзак, я пошла за ним, в коридоре он крепко обнял меня, поцеловал. Последний поцелуй. Последний взгляд - печальный, безнадежный. Они ушли: штатский впереди, за ним Бронислав, двое конвоиров, сзади.

Знаете, столько времени прошло! Полвека. Сколько я за это время насмотрелась, натерпелась! Но как вспомню последний, прощальный взгляд уходящего Тарашкевича, все во мне цепенеет, от досады, боли, обиды. Ведь что с человеком сделали! Где-то враги, в Польше, его преследовали, судили, в тюрьму упрятали, но он и там не прекращал работы, творчества, - смог перевести на белорусский «Пана Тадеуша», и вот теперь люди читают. А здесь свои без суда и следствия загребли - и никакого следа. Такого человека объявить врагом! Кто-то мне позднее рассказывал, не помню кто, что его били, пытали, потом якобы сослали на 10 лет, но ничего определенного так и не удалось узнать. Я ведь на другой день после ареста стала носить передачи - это на Кузнецкий, 25, но никакой записки, никакой весточки, никакого сигнала так и не получила. Михальчуки, про которых говорила, меня стали сторониться. Жена Хевеши, Герминой её звали, она жила в другой, соседней комнате, вела себя почти враждебно по отношению ко мне. Вскорости, после ареста Бронислава, явно с вызовом в мою сторону: «А ведь Ваш Тарашкевич - польский шпион, за то и

арестован». Надо было все это сносить, стерпеть, но каково это человеку невинному, пострадавшему ни за что. Впрочем, месяц спустя приехали и за мной. Снова на пороге военные с синими околышами и то же самое, знакомое уже: «собирайтесь!». Подумала, что меня повезут на встречу к Брониславу (в здание МВД, на Кузнецком), а оказалось - в Бутырскую тюрьму. Я без денег, без вещей, без передач. Гале, сестре моей, в окошечко отрубили: «Не носите, она с голоду не умрет!». И главное – никакого просвета, никакой надежды. В камере теснота, грязь, смрад, человек 150 женщин, вдвое больше «проектной» вместимости, нары в два яруса, параши целую ночь в помещении. В основном там собрались жены наркомов, военных, других деятелей политических, тех, которых ранее арестовали. Например, жена Шапошникова, бодро она держалась, гимнастику пробовала по утрам делать, других утешать: «Мужество, подруги, выдержка. Все это пройдет». Как-то с допроса возвращается одна и в мою сторону: «Ваш муж Тарашкевич - шпион настоящий и вам лучше рассказать следствию все, что вы знаете». Меня почему-то не вызывали на допрос. 9 месяцев меня продержали и выпустили. Вернулась домой, а комната моя уже занята другими – ни книг (было у нас с Брониславом собрание соч. Пушкина, академическое...), ни фортепьяно. Пошла к сестре. Но все же рукопись «Пана Тадеуша» - семь тетрадок - удалось спасти.

Не дает покоя судьба «Илиады». Не раз с горечью подумаешь: пускай бы - коль выбирать худшее из зол - сохранился перевод на белорусский Гомера, нежели Мицкевича; польский поэт белорусам более доступен и, насколько знаю, много переводился и переводится, а «Илиада» - кто ее переведет, когда? Подвиг Тарашкевича сродни подвигу Греча в русской литературе, который так высоко оценил Пушкин. И какая досадная несправедливость, что мы до сих пор не вернули читателю труд Бронислава Тарашкевича и даже ничего не знаем об этом труде. Почему-то воцарилась труднообъяснимая примиренческая самоуспокоенность: перевод погиб и нет смысла дальше искать его. А ведь и поиском по-настоящему никто не занимался, не занимается. На мой запрос в архив бывшего Аграрного ин-та ответили отказом (в архивах текста перевода не обнаружено), из ЦК КПБ - то же самое, из КГБ - отрицательный ответ. И все же мне думается, что точку на поисках ставить нельзя. Можно принять во внимание в качестве отправных

некоторые гипотезы. У Тарашкевича был экземпляр рукописи перевода «Илиады» с ним, в Москве. Ведь должен же был он сверять корректуру в Минске со своим списком; судьба этого списка пока неизвестна, ясно лишь то, что он не разделил участь "белорусских" списков. Чувствуя неладное, Бронислав мог заранее позаботиться о сохранении «московского» списка своего перевода: мог передать кому-нибудь из хорошо знакомых в том же Аграрном ин-те или Александру Федоровичу Ульянову, с которым был дружен. Правда, Ульянов был также арестован, еще раньше исключен из партии за сокрытие своей еврейской национальности (показывал в анкетах, что он русский). Вообщем, надо искать.

В записи А.К.

* * *

СПРАВКА

Форма №30

Военная Коллегия Верховного Суда СССР
31 января 1957 г., № 4н – 024062/56, Москва, ул. Воровского, 13

Дел по обвинению Тарашкевича Бронислава Адамовича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 26 января 1957 г. Постановление НКВД СССР от 5 января 1938 г. в отношении Тарашкевича Бронислава Адамовича отменено, и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Тарашкевич Б.А. реабилитирован посмертно.

Председательствующий суд. Состава Военной Коллегии Верховного Суда СССР полковник юстиции Лихачев (подпись).

1987 г.

Леаніла Чарняўская-Гарэцкая – Арсеню Лісу

Добры дзень!

Вельмі дзякую за прысланую фотакопію. Сябе я на ёй прызнала адразу. Здымак зроблены ў 1919 годзе ў садзе Беларускай гімназіі. На фота справа сядзяць Алёна Кірылаўна Сакалова, яе старэйшы сын Толік (Анатоль), Максім Іванавіч, малодшы сын Сакаловай Ніны (Мікола) і я. У нас дзяцей яшчэ не было. Дачка Галіна радзілася пазней. Алёна Кірылаўна, як ведаеце, памерла нядаўна. Малодшы сын як памёр ад сухотаў у 1930 г. (прыблізна), старэйшы – загінуў недзе ў часе вайны.

Што я магу расказаць Вам пра Браніслава Тарашкевіча? Знаёмы мы былі з 1919 году па 1923 г. Даводзілася спатыкацца з ім і на працы ў гімназіі, і на вечары, на сходах, і часам, зрэдка, ён прыходзіў да нас.

Быў гэта чалавек высокай культуры, у самам лепшым сэнсе гэтага слова. Апошні раз я бачыла яго на нашых провадах, якія адбыліся на кватэры ў Сакаловай. Мы параязджалі ў Мінск. Сабраўся на провады ўвесь калектыў Беларускай гімназіі, беларускія дэпутаты Сойму. Тарашкевіч у той час быў ужо дэпутатам. Ён сказаў у прамове, што наша праца (Максіма Іван. і мая) была вельмі плённай для беларускага руху, шкадаваў, што гімназія страціць добрых працаўнікоў, але разумеў, што месца наша ў Савецкай Беларусі. Больш я яго не бачыла. Але пазней, праз некалькі гадоў, Максім Іванавіч выпадкова сустрэў яго на вуліцы ў Мінску. Яны пагаманілі коратка, Тарашкевіч прыяжджаў нелегальна па партыйных справах у Савецкі Саюз і да нас зайсці не мог, каб не звяртаць на сябе ўвагі.

У Літве [*так у тэксце – уклад.*] жыве яго жонка ў Радашковічах. Быў у іх сын, які загінуў у партызанах у часе вайны. Жонка яго выйшла замуж яшчэ раз, але ўсё-такі ад яе можна даведацца чаго цікавага аб грамадскай працы яе першага мужа. Яна зможа назваць людзей, якія з ім працавалі. Праўда, мала хто дажыў да гэтага часу, але той-сёй усё ж застаўся.

У нас вельмі няроўнае надвор'е: то гарачае, то сцюдзёнае. Мяне недзе прыхапіла ветрам, і я ніяк не магу ачуняць. Таму і дзякую Вам са спазненнем за фатаграфію.

Прывітанне ад нас Міколе і другім Вашым сябрам.
Жадаю ўсяго найлепшага.

Л.Чарняўская-Гарэцкая

24.06.1965 г.

Публікацыя А.Ліса

Клопат Аляксандры Бергман

На пачатку студзеня 1983 г. пакідаў я Варшаву, давяршыўшы сваю службовую, амаль чатырохгадовую камандзіроўку ў якасці Прадстаўніка Саюза савецкіх таварыстваў дружбы і культурных сувязей з замежжам (ССОД), радцы Амбасады СССР у ПНР. Напярэдадні ад’езду адбылася наша размова з пані Аляксандрай на яе кватэры на вул. Алеі Ерусалімскія. Былі мы ўжо знаёмыя, зрэдчас кантактавалі – пераважна “тэлефанічна”, асабліва, калі савецкаму “пану радцу” рупіла штосьці ўдакладніць з гісторыі беларускага рэвалюцыйнага (націскалася ж, зразумела, толькі на “рэвалюцыйнасць”) руху. Аўтар грунтоўнай манаграфіі пра Браніслава Тарашкевіча (перад тым і мне прэзентаванай), многіх публікацый па гісторыі вызваленчага змагання ў Заходняй Беларусі, дарэчы ёй добра знаёмага з асабістага досведу – удзелу ў тым руху, - была цікавым субяседнікам, прафесійна-пераканаўча адгукалася на кожнае запытанне з майго боку. Падчас развітальнае сустрэчы яна падзялілася некаторымі сваімі меркаваннямі-парадамі тадышняму пачаткоўцу ў беларусазнаўстве. Адшуканая ў маіх паперах сціслая нататка з тае сустрэчы, магчыма зацікавіць каго іншага, - засяроджанага над адпаведнай тэмай.

А.К.

Тарашкевіч… Аб ім сёе-тое напісана. Але ж постаць – глыбокая, супярэчлівая, яе – даследваць, спасцігаць. Дамок у Радашковічах – каля шпіталя, на пагорку. Вера Андрэеўна [Ніжанкоўская – першая жонка Б.Тарашкевіча – *уклад.*] . Там Браніслаў друкарку хаваў, - на ёй “Іліяду” па-беларуску перадрукаваў. Бясьпечна – вокны з усіх бакоў. Цяпер у тым будыначку – трупярня. Абяцалі, што зробяць там музей Тарашкевіча, але дасюль – ні з мейсца.

Самае галоўнае, што мяне хвалюе, чаго я не разумею – гэта Тарашкевічаў пераклад “Іліяды”. Шукаць яе трэба ў Мінску. У 1935 годзе была ж здадзена ў Белдзяржвыдавецтва, пра тое сам Браніслаў у аўтабіяграфіі піша. Тады ж “Полымя рэвалюцыі” апошні раздзел надрукавала. Такім чынам, тры адрасы “хавання” рукапісу: 1) у самога перакладчыка; 2) у выдавецтве; 3) у КДБ.

Рыгор Шырма казаў, што “Іліяда” ёсць у Мінску. У 1956 г. рукапіс давалі чытаць у Саюзе пісьменнікаў, а потым забралі назад, рашыўшы, што друкаваць ня трэба.

А цяпер уявіце, ёсць выдавецтва “Беларуская Савецкая Энцыклапедыя”, ёсць “беларускі” Гамер. Але ў фрагментах. А ёсць жа цэлы твор! У “Полымі”, 1982 г., №1, была нататка пра пераклад усяе “Іліяды”. Варта выйсці на Максіма Танка. Была б я шчаслівая даведацца перад сваёй смерцю, што робіцца з “Іліядай”.

У Вільні – Цэнтральная бібліятэка Акадэміі навук Літвы, аддзел рукапісаў, фонд 21. Рукапісы, другія матэрыялы Уладзіміра Самойлы – дасюль толкам не асвоены. Няхай бы Сцяпан Аляксандровіч скіраваў каго са сваіх студэнтаў папрацаваць там. Вельмі шкада, што 100-годдзе Купалы не скарысталі для рэабілітацыі У.Самойлы. Калі я атрымала том БелСЭ з персаналіяй аб ім – смяялася… А ён жа – фактычны ідыёлаг беларускага народа – нараўні з братамі Луцкевічамі, Купалам. Рускі Самойла цвёрда ставіў на Беларусь, верачы, што такі нешта будзе з гэтым народам. Але ж так усё [трагічна] абярнулася – рэпрэсіі, “пасадкі”… Зразумела, калі не зважаць на манаполію камуністаў у нацыянальным пытанні.

А ў Радашковічы Вам варта наведацца. Заглянуць на мясцовыя могілкі. Пахадзіць слядамі Ядвігіна [Ш.], Купалы, Тарашкевіча, Танка. У Мінску скрозь гаварылі па-руску, у Радашковічах – амаль усюды па-беларуску; такая калыска беларушчыны.

Дарэчы, яшчэ пра Тарашкевіча. Яго бліжэйшым сябрам па гімназіі быў Арцішэўскі, будучы прэм’ер Польшчы, які намагаўся выкарыстаць былога гімназійнага сябра супроць беларускага руху. У Архіве новых актаў [Варшава] захоўваюцца паперы Арцішэўскага, - можна і там нешта вартаснае знайсці па беларускаму пытанню…

Николай Улащик

Мариинск – Суслово[1]

Сентябрь 1933 г. Едем в Сибирь, в Сибирские лагеря. Говорят, что в Мариинск. Где это находится, не имею понятия. Но в общем ничего. Казалось, могло быть хуже. При переезде на лошадях из Нолинска в Вятку схватил воспаление легких, но за два дня пребывания в теплой "внутренней" в Вятке отошел. В июне начал распухать подбородок. Это следы туберкулеза желез, залеченных в 1926 г. в Минске. После голодовки и скандальных переговоров с комендантом получил двухчасовую прогулку каждый день. Это было совершенно удивительно: комендант не только пообещал, но и дал такую прогулку. Я выходил один и лежал на траве, закинув голову и подставив свой подбородок солнцу. Как-то получилось так, что стал чувствовать себя лучше. Затем объявили приговор: на оставшийся срок в Сибирские лагеря. Можно было ждать худшего. Оказалось, что нужно отбыть 22 месяца. Потом и эти месяцы показались ах, какими длинными, но сперва представлялось, что можно вытянуть. В вонючей Вятской тюрьме хлеба давали 300 г и больше в сущности ничего: пол-литра супа, в котором кроме воды ничего не было, и вечером ложка пшенной каши. Началась цинга. В Вятке я увидел, что бывает от цинги (человек передвигался на двух руках, на локтях и одном колене, другая нога как-то тянулась по полу). Опасаясь таких же последствий стал усиленно натирать десна солью, делать гимнастику, почаще мыться. Соленой воды не пил и раньше. Это помогло. Верхние десна, которые приобрели вид гнилого мяса и отваливались
кусочками, стали краснеть, становиться нормальными.

Наконец, - «Давай с вещами!". В купе (столыпинского вагона) важно попасть первым или в числе первых. Тогда можно вскарабкаться на верхнюю полку и лежать там одному, последних же конвой подбодряет сапогами или прикладами. Один раз в купе находился 21 человек. Это предел, но и пятнадцати достаточно, чтобы нельзя было повернуться. Здесь попадаю первым и тотчас залезаю на верхнюю полку, против меня на верхней оказывается совсем молодой парень с очень противным лицом, как бы сделанным из пня. Позже выясняется, что он убил жену и тещу, но так как тогда ему не было и 18 лет, то расстрел заменили 10 годами.

Публика в купе разная. Среди них выделяется Володя Субботин, оренбургский казак. Это студент Ленинградского медицинского института, не успевший сдать 1-2 экзамена. Он среднего роста, фигура атлетическая, курчавые русые волосы и улыбающееся лицо. Все зовут его Володей и даже мой сосед, который, растягивая «а», тянет "Ваалодя". Переболев в Мариинске тифом, Володя оказался инвалидом: сдало сердце. Едут и два топографа, одному дали 5 лет, другому 10. В те времена срок в 10 лет казался ужасным, бесконечным. Спустя 20 лет десять едва не называли "малым сроком", а настоящим - числилось 25. Когда ехал той же дорогой в 1951 г., конвой любил делать такие трюки: запускал в купе одного или двух бандитов, которые начинали потрошить небандитов, вернее потрошить их вещи, отбирая, что получше. На станциях конвой выменивал барахло на водку. На каком-то перегоне наш начальник еле стоял на ногах, часть водки перепадала, конечно, и бандитам. В 1933 г. ничего такого не случилось, и мы мирно катили дальше и дальше на восток.

Люди, бывавшие в лагерях, рассказывали неопытным, что нас ждет. Как только прибудем в лагерь, нас накормят и дадут дня два или больше отдыхать. Ведь мы сейчас и не работники. Все такие вымотанные, дохлые. Когда отлежимся, станут разбирать по специальностям: кто слесарь, кто столяр, а Вас, ученых, заберут на канцелярскую работу. Слушаем, верится не очень. Приходилось ведь слышать что-то совсем иное.

Наконец, приезжаем в Мариинск. Прямо перед нами, метров за 300, тяжелое громадное здание тюрьмы, построенное еще при царизме. Недалеко от него новое двухэтажное деревянное. Это оказалось здание управления Сибирских лагерей. День хороший, солнечный. Разминаемся, ждем отдыха и прежде всего кормежки. Голодны все зверски. Приводят в чисто вымытый барак со сплошными двухэтажными нарами. Залезаю наверх.

Через короткое время подается каша, почти густая гречневая, даже чем-то сдобренная каша. Нас разбивают по 8 человек и на всех приносят таз (у кого какой, но у всех давным-давно немытый) каши. Я черпанул полную ложку, но когда сунулся во второй раз, то таз был почти пустой, но вокруг него валиком лежала на нарах каша. Озверевшие люди глотали горячую прямо с огня кашу, давились и вновь глотали, а ту, которую раскидали около таза, запихивали в рот руками. Если бы каждому выдали его порцию

отдельно, то получилось бы какое-то питание, так как на душу приходилось видимо раз в десять больше, чем в тюрьме, но при общественном питании не насытился никто. В лагере, конечно, были и миски и ложки на всех, но, как везде, всем на все было наплевать.

После такого ужина и проверки, когда нас считали раз десять, можно было лечь и отдохнуть от вагонной толчеи и качки. Два дня будем отдыхать, а потом будет видно. Однако через каких-то полчаса явились надзиратели и начали вызывать добровольцев: кто пойдет на станцию на погрузку картошки (часа на два), тот получит дополнительную порцию каши. Ну, кто? Ну, кто? Целую миску каши. Добровольцев не оказалось ни одного. Надзиратели стали повышать голос, выкрикивая призыв, но затем, видя бесполезность этого, перешли к более действенным мерам.

«Так вы думаете, что приехали на курорт, что с вами тут будут возиться!». Припоминая всех родных заключенных, надзиратель ухватил первые, ближайшие к нему ноги лежавшего з/к[2] и потащил его с нар. Другие стали тащить соседних. Завидя это, лежавшие зашевелились, стали соскакивать с нар. Разъяренное лицо другого надзирателя перекосилось от возмущения. «А вы чего лежите? Вас тоже надо тащить за ноги на пол!?» Поднялись и мы. Картошку из буртов насыпали в мешки, носили и сыпали в вагоны. Часа в два ночи пришли в барак, действительно получили каши, на этот раз как-то более по-человечески, и легли спать.

До предела умотанный, я уснул, но тут же проснулся от каких-то уколов. Лампа была сильная и хорошо освещала спавших. Я взглянул на свою подушонку. По ней бегало не меньше десятка весьма резвых клопов. Я встряхнул подушку, но как только положил ее на место, откуда-то выскочили десятки тощих рыжих кровопийц. Глянул на соседей. Их лица прямо облеплены клопами, но спят почти все. Кто-то вскрикивает, кто-то ворочается. В нарах, видимо, были прямо-таки сотни тысяч паразитов. Как ни был утомлен, я слез с нар, присел у стола и задремал там.

Почему Мариинск, захудалый городишко, раскинувшийся на совершенно ровной, даже немного болотистой местности, стал столицей Сибирских лагерей (в этом звании он, возможно, числится и сейчас)? Когда начали создавать лагеря в Сибири, не было еще ни Колымы, ни Норильска, ни других знаменитых впоследствии лагерей. Большие города (Омск, Новосибирск,

Красноярск) едва ли были удобны как центры распределения лагерников, поэтому и выбрали заплеванный Мариинск, не предвидя грандиозного роста лагерей в дальнейшем. Кроме того, в Мариинске находилась огромная тюрьма, так что на первое время можно было, куда поместить, и легко было караулить прибывающих лагерников. Для управления же было построено специальное двухэтажное здание. Перед этим зданием часто виден был фаэтон, запряженный гнедым раскормленным жеребцом. По коридорам Управления ходили шикарные дамы в модных тогда длинных платьях, немало работало там и специалистов из з/к высокой квалификации - главным образом инженеров и бухгалтеров.

Дорогой бывшие лагерники рассказывали и о том, как отбирают специалистов. Потом я это увидел и своими глазами. Произведя первоначальную разборку документов, устанавливали, какие в этапе есть специалисты, а затем их вызывали к начальству. Заведующие разных производств или начальники командировок (отделений лагеря) начинали отбирать себе людей. Между ними возникали споры тут же, перед самим "товаром". В зубы, конечно, не заглядывали, мышц не щупали.

Поскольку в Мариинск пришлось приехать вторично (в 1951 г.), то есть смысл сказать, какая произошла за 16 лет перемена (уехал оттуда первый раз в феврале 1935 г.), учитывая, что были 1937-1938 гг. и война. Разница за это время оказалась огромная. В 1933 г., когда немного огляделся, т.е. примерно через неделю, сказали, что некоторые из заключенных живут в городе, снимая там комнату. Конечно, это было доступно для тех, кто получал из дома деньги, притом получал через кого-то, так как получать на имя з/к и вообще иметь при себе деньги запрещалось. Через какое-то время о вольной жизни (в сущности это была жизнь не лагерная, а ссыльных, с той однако разницей, что по первому требованию лагерного начальства з/к, живший в городе, должен был вернуться в лагерь) я узнал более определенно. В Омске к этапу присоединили несколько женщин, среди них (когда шли от станции до тюрьмы в Мариинске) была видна молодая девушка, хорошо одетая, по виду интеллигентка. По колонне мужчин прошел слух, что это Маруся Стазаева, что посажена из-за жениха, который в чем-то обвиняется, что дали ей два или три года. Летом 1934 года мой начальник (начальник строительства Сусловского отделения)

М.М.Галенчик рассказывал после поездки из Суслова в Мариинск, как хорошо он там провел время. Был в гостях у Маруси Стазаевой. Стол, понимаете, накрыт скатертью, водка не из бутылки, а из графина (начальник был большой, даже очень большой выпивоха). Еще более удивительная история получилась с Женей Пфляумбаум. В октябре 1934 г. я поехал в Мариинск, чтобы забрать рамы для строящихся бараков. Оформив дело и собираясь отправиться на вокзал, чтобы ехать обратно (от Мариинска до Суслово одна остановка, а там от станции до Отделения 7 км) я подошел к газетному киоску и купил "Литературную газету". В это время женский голос сзади спросил: "А больше "Литературной газеты" нет?". Нет, сказала киоскерша. Я оглянулся. За мной стояла Женя. Когда меня в 1930 г. удалили из Библиотеки, я передал дела Жене, а теперь встреча в Мариинске. Естественно, завязался разговор. Она потащила к себе (комната с покатым полом в дряхлом домике), где угостила затиркой. Долго сидеть там я не мог, но успел узнать, что Женя делает в Мариинске. Оказывается Максима Лужанина [мужа] засудили на два года, и он сейчас работает в Управлении в УРО (Учетно-распределительный отдел), а она приехала, чтобы быть вместе или по крайней мере близко.

Максим заходит к ней, если и не часто, то во всяком случае раз в неделю. Женя сообщила, что Максим сейчас сильно ослабел. Летом как-то с кем-то еще пошли за город, взяли с собой выпивку и закуску. Выпили понемногу (мужчины) по пол-литра, но Максима после этого рвало так страшно, что он сейчас почти не пьет совсем. Женя стала настаивать, чтобы я на обратном пути зашел в УРО, чтобы встретиться с Максимом. Я зашел, но оказалось, что тот был весьма не рад этому. В чем дело - не знаю и сейчас.

Были и еще вольности, которые в последующие годы казались совершенно немыслимыми: з/к ездили к дальние города (Барнаул, Бийск) в командировки. После убийства Кирова (декабрь 1934 г.) всех бывших в командировках срочно вызывали обратно, многие из бесконвойных были переведены в подконвойные и вообще стали прижимать, но 5 февраля 1935 г. я уехал из лагеря, и что происходило дальше, не знаю, знаю лишь то, что были ликвидированы зачеты, причем их не только не стали делать впредь, но и ликвидировали те, которые з/к уже имели, т.е. были ими заработаны. В результате получилось, что если срок у з/к заканчивался, скажем, завтра и он уже собрался уезжать, то вдруг

ему сообщали, что поскольку зачеты отменяются, то ему полагается еще отсидеть годик или два-три и т.д. А это ведь страшнее, чем получить тот самый срок в начале.

Через день-два после приезда стали спрашивать - кто тут грамотный? Это означало - кто из Вас может грамотно писать. Среди прочих грамотным оказался и я, и нас повели в здание тюрьмы, чтобы оформлять документы на вновь прибывших в лагерь, среди них находились документы и наши.

Старик, руководивший этим делом (тоже з/к), просил нас работать побыстрее, так как предвидится еще большой этап, а до его прихода нужно обработать уже имеющиеся материалы. Мы старались. Все же лучше сидеть под крышей, чем копать котлованы или хотя бы грузить картошку. Работа над документами оказалась полезной и в другом смысле. Нам не давали (старались не давать) наших собственных дел, что вполне понятно. Однако каждый из нас, попросив соседей, таки получил и свои материалы. В моем деле (как я, впрочем, и ожидал) переписчик спутал (из-за неясности формулировки) срок окончания моей отсидки: вместо 1935 показал 1938 г. Я сказал об этом старику. Тот встревожился - откуда я знаю, но, забрав дело, сам переписал нужные документы, и таким образом я спасся от неизбежной неразберихи при окончании срока.

Самым главным для всех нас было питание. Изголодавшие в течение длительного срока, получавшие и в лагере скудный паек, все говорили только о том - где бы достать чего-либо поесть. В те времена Сибирские лагеря были в первую очередь сельскохозяйственными. Очевидно, создавая их, Гулаг намеревался, используя целинные земли Сибири, организовать в широком размере производство продуктов питания - зерна, мяса (свиного) и молочных продуктов. Промышленные предприятия, имевшиеся в системе лагерей (овчинно-шубный завод, маслодельный), занимали небольшое место. Среди з/к , по крайней мере среди недавно прибывших, распространились слухи о роскошной жизни, т.е. о хорошем питании в отделениях (лагпунктах), раскинувшихся около Мариинска: там огромные картофелехранилища и всегда можно испечь себе картошки, там масса моркови, которую можно есть и сырой, там сотни коров и можно добыть если не молока, то «обрата» - отходов при переработке молока, там нет заборов и люди ходят вольно и т.д.

Узнав обо всем этом, мы начали расспрашивать, в каком из отделений всего лучше и как туда можно попасть. Между прочим, я спросил - нет ли в лагере белорусов, надеясь встретить знакомых.
Да тут половина лагерников белорусы, ответили мне. А нет ли минских? Есть и минские, сколько угодно, - ответили мне. А кто, например? Да вот, например, начальник строительства в Сусловском отделении - Галенчик. Ого! А как его зовут? Выяснилось, что зовут Михаил Игнатьевич. Так. Значит, это Миша, почти сосед по Вицковщине, ближайший приятель брата[3]. Теперь стало ясно, где в лагере обетованное место. Нужно пробиваться в Суслово. Я послал туда записку, и через какое-то время мне сказали, что я направляюсь в Суслово в распоряжение начальника Стройчасти.

Поездка из Мариинска в Суслово, с точки зрения более позднего времени, тоже может показаться фантастикой. Меня просто выпустили за ворота тюрьмы и сказали, чтобы шел па станцию, садился в поезд и ехал одну станцию, а там спрашивал, как попасть в лагерь (может, есть подводы, а то и на своих двоих). Таким путем я попал в Сусловское отделение Сиблага.

Для центрального пункта отделения было отведено несколько тысяч гектаров земли, для его командировок (их первоначально организовали три) еще несколько тысяч. Когда- то на этом месте была тайга, памятником чего остались огромные, около метра в диаметре, пни кедров, но к моему времени от этого ничего не сохранилось. Кажется, км.20
от железной дороги в обе стороны леса не было, т.е. росли березки, осинки, иногда были деревья лет по 50, но в общем это было голое поле, кое-где поросшее кустарником или молодым лиственным лесом. Строительный лес привозили на станцию, а оттуда транспортировали на место стройки на лошадях. Зато земля - это метр чернозема, никем никогда не паханного. Урожаи на нем были огромные, но из-за бестолковости едва ли не большая часть его пропадала или раскрадывалась.

Отделение, в то время только создававшееся, раскинулось на местности, полого спускавшейся к небольшой речушке - Юре (приток р.Кии, Кия приток Чулыма, Чулым впадает в Обь). Заборов из колючей проволоки, вышек и прочего лагерного убранства не было видно. Среди каких-то домишек высился двухэтажный

сборный дом, называвшийся в то время «Дом ШО», что значило (будто бы) «Шведский остов».

Перед «ШО» стояла какая-то хата-пятистенка. Оказалось, что это контора, сердце отделения. Около находилось еще несколько совсем уж хатенок и строилось несколько бараков. Впрочем, один барак, в линию с «ШО» был готов. В стороне от этих построек был виден высокий плотный забор с вышкой. Там, оказалось, находятся подконвойные. Их утром выводили под конвоем на работу, а вечером уводили туда же. В двух небольших бараках подконвойных находилось человек 80-100, временами меньше.

В стороне от жилых построек находились разного рода хозяйственные строения: овощехранилища, зернохранилище, конный двор, коровник. На одном участке работа кипела особенно энергично. Тут строились ЗОССы.

Галенчик рассказывал, что когда его назначали начальником строительства, то все начальники подчеркивали, что главной его задачей будет строительство ЗОССов; все остальное не так спешно. Галенчик был смущен: он никогда не слышал о стройке с таким названием, предполагая, что это нечто совершенно новое, технически самое совершенное. Как-то осторожно он завел разговор о ЗОССах с одним из з/к и тот ему сказал, что ЗОСС - это примитивный свинарник, а происходит такое хитрое название от слов «Зонально-опытная свиноводческая станция». Строились свинарники так: основу составлял сруб в 3-4 венца. Крыша была покатая из драни. Промежуток между срубом и крышей заплетался плетнем и обмазывался глиной. Все это делалось в спешке и поэтому весьма успешно разваливалось или по крайней мере рассыпалось или расползалось во время дождей. Сейчас несколько раз читал о «знаменитой Мариинской тайге». Очевидно, это тайга, находящаяся где-то в районе Мариинска, но к северу или югу от Мариинска, не знаю и теперь, тогда же выражение «Мариинская тайга» даже не слышал. Вообще, в краю, знаменитом на весь мир тайгой, т.е. лесом, леса резко недоставало и при постройках сараев употребляли саман, который в условиях холодного и относительно влажного климата был явно непригоден, во всяком случае непригоден в лагерных условиях, где все делилось отменно скверно.

Очевидно, наиболее удачным примером нелепости лагерного хозяйства в Суслове служит история о мельнице-электростанции.

Из Мариинска в Суслово я ехал с грузным мужчиной, назначенным мельником в Сусловскую мельницу, которую оканчивали строители. Бывший буденновец Головко был очень доволен своим назначением: Будем булки есть вдоволь», - говорил он. Расщедрившись, приглашал на пир и меня: «Приходи, я и тебе дам булку». Однако, когда мы приехали, то мельница (водяная на р.Юре) еще далеко не была закончена, даже стены не были выведены полностью. Стройку продолжали вести зимой, когда рабочих не гоняли в поле, Дело шло к завершению, как вдруг случилась беда. 31 марта 1934 г. нас подняли криком: «Аврал. Вставай все. На мельницу». Несмотря на весеннее время, мороз оказался в 30 градусов. Все помчались на мельницу. Оказалось, что речушка, истоки которой находились на юге, в предгорьях Алтая, казавшаяся такой смиренницей, показала свой нрав. Она пробила ход под будущим водосливом и грозила смыть его совсем. Пробиваясь через узкое промытое отверстие, речушка гудела. В литературе, вернее в газетных статьях того времени, много писали о геройстве лагерников при постройке того или иного объекта. В особенности, оказывается, отличались «отчаянные тридцатипятники» (уголовники), которые в случаях, подобных нашему, кидались в ледяную воду, заделывая прорыв. Среди собравшегося па берегу народа пошел разговор на эту тему, но в ироническом смысле: «Ну, ты, Багдасов, герой. Чего стоишь? Скидай бушлат и сигай в воду!». Все понимали, что место это не героическое и что охотников кидаться в воду, хотя бы ее было и до колена, здесь нет. Летом 1934 г., когда здание было готово и нужны были лишь какие-то доделки, чтобы пустить мельницу в ход, пришли сильнейшие дожди, и речушка опять напроказила. Проектировщики Стройчасти засели составлять проект доделок, нормировщики подсчитывали, во что это обойдется (сколько трудодней), затем на мельнице опять стало ковыряться несколько человек. При моем отъезде в начале февраля 1935 г. мельница была примерно в том же виде, как и летом 1934 г.

Приехав в то же Суслово в 1951 г., я увидел здание мельницы и спросил - что это такое? Мне ответили, что это электростанция (гидростанция), что ее строят давно, но никак не могут закончить. Я был, пожалуй, единственный человек, который знал начальную историю этого предприятия. Каждое лето сообщалось, что идут последние работы и электростанция вот-вот даст ток, но тут

повторилась история 1934 г. (может быть, она повторялась десяток раз): нужно было что-то доделать плотникам, чтобы все было готово окончательно, но плотников на несколько дней отправили в поле на уборку. В это время опять зарядили дожди, река опять что-то промыла или прорвала и опять все оказалось на уровне 1934 г. Когда я уезжал из Суслова в марте 1955 г., электростанция была в том же положении. Очевидно, если посчитать во что она обошлась, то окажется, что за такие средства можно было построить крупную электростанцию (мельницу), которая давно бы работала. Ответственность за это если кто и понес, то, конечно, з/к, которому можно было давать сколько угодно сроков за срыв, а то и за вредительство. Начальники, понятно, были не причем.

При отсутствии заборов и загородок считалось, однако, что, з/к не должны отходить от зоны дальше, чем метров за 200-300. Тем не менее, мы изредка ходили на реку, несколько раз даже купались летом, а один раз произошло совсем необычайное событие. Было сказано как-то в августе 1934 г., что для улучшения питания нужно организовать сбор грибов, но только в нерабочее время, т.е. с самого раннего утра и притом, чтобы все возвратились обратно к назначенному часу. Назавтра рано утром высыпал едва ли весь лагерь. Вернулись в назначенное время, завалив кухню грибами. Там похвалили и сказали, что подобные походы предвидятся и в будущем. Однако, это вряд ли было согласовано с третьим отделом или самим начальником отделения. Скоро пошли разговоры, что кому-то за такую инициативу здорово нагорело и что подобное не повторится. В самом деле. Заключенные официально отправляются в лес (заросли), откуда так просто выйти на железную дорогу, а там, гладишь, и дальше. Впрочем, едва ли возможность побега в том случае тревожила начальников, так как в то время побег был явлением обыденным.

Можно ли было бежать в то время из лагеря? Можно, даже вполне можно. И даже не только можно, а и бежали тогда очень многие. Чаще всего бежали весной, когда подсыхала земля, и далее летом и осенью, в общем, в такое время, когда побег был всего удобнее, но не исключались и в любое время года. В 1934 г. в мае-июне мне пришлось несколько ночек дежурить в конторе у телефона, принимать разные сообщения и вписывать их в соответственную книгу. С первого же раза после полуночи начинались звонки с командировок: бежал такой-то (имя, отчество

и фамилия, возраст, национальность, номер дела). За ночь таких сообщений поступало 3-4. Очевидно, с одного только отделения за лето бежали десятки, если не сотни. Все беглецы направлялись на железную дорогу, там-то их и ожидали оперативники, одетые в гражданское. Беглые (бежали почти исключительно уголовники) были издалека видны по своему наряду и каким-то специфическим лицам (были, конечно, и такие, которые походили на что угодно, только не на беглых арестантов, но их было мало) и оперативники сразу узнавали, что это за народ. Поэтому беглые, забравшись в вагон, прятались под скамейками, а более искушенные ложились на крышах, прятались под вагонами, в общем, проявляли изобретательность, но все эти штучки оперативникам были тоже известны, и часть беглых возвращалась обратно, но часть исчезала без следа. Один из бежавших уголовников, которым Отделение гордилось, так как он ходил на работу и выказывал намерения настолько благородные, что о них можно было написать в "Правду", прислал своему другу письмо из Барнаула или Бийска, в котором сообщал, как хорошо он живет: на ворованные деньги ходит в рестораны, имеет девочек и пр. О письме стало известно начальнику, тому самому, который гордился, что вот и у него перевоспитываются правонарушители. Начальник приказал написать беглецу письмо, обещая полное прощение за побег, но ответ получился в лагерном стиле, примерно такой, как писали запорожцы султану. Среди прочих несколько раз бежал бывший в Суслове член ЦК немецкого комсомола. Его ловили и привозили обратно, не меняя, однако, режима. Его приятель не бегал ни разу, беглец же говорил, что будет бежать вновь и вновь. Важным недочетом беглеца-немца было то, что он почти не умел говорить по-русски; его поэтому сразу отличали в вагонах и кто-то тут же сообщал о подозрительном пассажире оперативникам.

Состав з/к в Суслове был очень разнообразен во всех отношениях, т.е. социальном, национальном и по статьям, т.е. по приписываемым преступлениям; кроме того, в лагере совместно были мужчины и женщины, при громадном перевесе мужчин. Если припомнить, кто там был, то получаются русские (большинство), масса украинцев, значительно меньше белорусов, были татары, евреи, поляки, немцы, была большая группа белорусов из Западной Белоруссии, были грузины и армяне и т.д. В социальном отношении, кажется, всего больше было крестьян, относительно

немного рабочих и ремесленников и очень большая прослойка интеллигентов. Не знаю, куда отнести прочих, т.е. воров и бандитов. Во всяком случае "шалмана" в лагере было очень много. Один раз, когда был в конторе, начальник Отделения кричал в телефон начальнику строительства: «Инженер Галенчик. В Отделение прибывает двести вуркаганов и триста харьковских блядей. Приготовить помещение!». Для такого случая в лагере имелись громадные двойные брезентовые палатки. Промежуток между между внутренней и внешней частью составляя около полуметра. Этот промежуток забивали соломой, ставили внутри чугунные печки, валили солому на пол, на которой спали, и жилье было готово. Хорошо, что имелось достаточно соломы. Мужчины-шалманы иногда имели даже щеголеватый вид, но женщины, вернее большинство женщин, - это были страшидлы: грязные, трепаные, вечно голодные.

"Шалман" жил где-то как бы вдалеке от нас, но иногда приходилось и встречаться. Раз зимой вечером я зашел в контору. Там сидела женщина лет 30, могучего сложения; она что-то рассказывала. Я захватил только конец: как она с кем бежала из лагеря в Архангельске. «Потом переплыли Двину» - закончила она. «На чем переплыли?» - полюбопытствовал нормировщик. «На руках», - ответила женщина. Переплыть Двину у Архангельска осенью дело нешуточное. Когда она ушла, я спросил, кто это. «Мокрушница", -отвечали мне просто. Были там и бандиты мужчины, но встречи с ними если и происходили, то при обстоятельствах, когда не знал, кто это такой. Зато видел человека, который «приводил приговоры в исполнение». По его словам, это дело простое: пальнул в затылок и все. Он тоже сидел за какое-то дело, но «по специальности» не работал.

Стройчасть числилась учреждением как бы аристократическим. В ней действительно были собраны квалифицированные, технически грамотные з/к. В качестве примера можно привести следующее. Едва ли не в конце 1933 г. мне было поручено поехать в Мариинск, вывести из-под конвоя и привезти в Суслово двоих работников по строительной части. Я нашел их обоих сидящих в том же бараке, в каком сидел сам осенью, и доставил в Стройчасть. Один из них оказался главным инженером Наркомлегпрома - Иван Иванович Зайцев, другой был совсем молодой техник. Пост делопроизводителя Стройчасти до

меня занимал профессор фортификации Миролюбов, а когда я в начале 1935 г. уезжал, то сдал дела хранителю патриаршего престола Самойловичу. Чертежником в Стройчасти работал пианист Ленинградского ТЮЗ Шура Григорович, его брат, виолончелист, тоже работал по строительству, как и третий - кино-художник. Все три брата были осуждены за шпионаж и все имели по 5 лет срока. Шпионов в лагерях имелось такое количество, что о них рассказывались анекдоты, т.е. о том, как, кому и за сколько они продавались, но статья о шпионаже была скверная, т.е. официально они все же числились шпионами (отсюда разные ограничения).

Стройчасть разделялась на собственно «строй», т.е. технический отдел (5-6 человек) и бухгалтерию. Хотя открыто это и не высказывалось, но техническая часть относилась к счетной несколько иронически, счетная же старалась изо всех сил повысить себя в чинах, показать, что выше счетного работника на свете не может ничего быть. Лагерники самых разных чинов любили хвастануть друг перед другом, рассказать, как они жили когда-то, и в этом смысле счетная часть не уступала никому. Даже в самом лагере была потребность перед кем-то блеснуть занимаемой должностью. Придя в нашу убогую библиотеку, я увидел карточку бухгалтера, на которой было написано "Зав.финчастью стройчасти", а у счетовода стояло "бухгалтер". Это была невинная хитрость, так как всем было известно, что собой представляли эти граждане, но им хотелось хоть немного подвысить себя. Как-то раз в конторе вечером начался разговор на ту же тему: кто сколько зарабатывал и как жил ранее, причем особенно напирали на заработки сверх оклада: как легко было, поработав пару вечеров, получить какую-то немалую сумму. Наш счетовод стал доказывать, утверждал, что, выверяя счета, можно заработать чуть ли не всего больше.

Вообще, наш счетовод Миша Бучнев был едва ли не самой примечательной фигурой в Стройчасти. Среднего роста, но очень полный, с ярко румяными щепами (ему было лет 20), он держался очень уверенно и любил рассказывать, как он жил ранее в Харбине (в лагере было несколько человек, работавших на КВЖД в Харбине и затем переехавших в СССР). Разумеется, всех их потом забрали, предъявив едва ли не всем обвинение в шпионаже). Миша рассказывал, в какой роскошной квартире он жил там, а ел так "как

не ест и Калинин". Бухгалтер, родом из Гомеля, был просто дрянь. Он хвастал лишь тем, как в бухгалтерии время от времени начинали "ловить" утерянный гривенник, из-за которого не сходился баланс. "Раз из-за трех копеек вся бухгалтерия просидела целое воскресенье, но таки нашли к вечеру". Это была профессиональная гордость.

В технической части весьма примечательной личностью был Л.И.Тихомиров. Как-то в марте 1934 г. прошел слух, что к нам из одной из командировок прибудет в качестве техника Тихомиров. Кто такой Тихомиров - спросили в конторе. Шпаковский, перебежавший из Западной Белоруссии в Восточную и получивший за это 10 лет, сказал: "К вам прибывает такая зануда, какой свет не видел. Спроси у него перо или ножик хлеб отрезать, так он скажет: свой надо иметь".

Через несколько дней пришло известие о прибытии Тихомирова, которого следовало вывести из-под конвоя (под конвоем - это в той самой брезентовой палатке, которую поставили для харьковских красавиц, стражи там никакой не было, но считалось, что они не имеют права свободного хождения по лагерю). В качестве делопроизводителя из-под конвоя должен был вывести я. Помня характеристику Шпаковского, я не торопился и пришел к палатке только к вечеру. Там меня встретил высокий худой, с военной выправкой человек, с почти седой головой и усами. Голубые глеза его смеялись, во всем чувствовался человек какой-то особой (теперь оказал бы высокой) культуры. Он стал работать в Стройчасти, но так как там и без него было немало работников, то его деятельность ограничивалась, пожалуй, походами на строящиеся объекты, где он любил разговаривать с рабочими, а так как у него в запасе имелись едва ли не сотни старых армейских анекдотов, то принимали его везде с радостью. В дальнейшем выяснилось, что это был начальник артиллерии Северо-западного фронта в 1917 г., что в Красной Армии он был с 1918 г., что работал с весьма высокими персонами и едва ли не десять лет уже находится в лагерях, правда, с перерывами. Срок его оканчивался в 1935 г., но где-то в самом конце. Он окончил сперва физ.-мат. факультет Московского университета, Михайловское артиллерийское училище, живописи учился в Строгановском училище, бывал и на востоке (Русско-японская война) и в Западной Европе, знал о всех постановках московских театров, знал, что

находилось в Эрмитаже и Третьякове и т.д. В разговорах с ним я часто попадал в неловкое положение.

---

[1] Раздел из автобиографической «Хроники» историка, публиковавшейся в предыдущих выпусках «Скарынiча», а также в книге : Улашчык М. Выбранае. Мн., "Беларускi кнiгазбор", 2001. Данный текст публикуется впервые – *сост.*

[2] з/к - заключенный

[3] См. публикацию из «Хроники»: Галенчык // Скарынiч. Вып. 6

* * *

В 20-е годы по стране носились жуткие слухи о Соловках, где заключенные были лишены всех человеческих прав. Однако число побывавших там было невелико, и вообще в то время репрессированные встречались редко. Слово "арыштант" сохраняло свое давнее значение - это значит отпетый человек, с которым неудобно иметь дело. В праздники все еще продолжали распевать песню, в которой говорилось «церкви и тюрьмы сравняем с землей». Число мест заключения если и превышало дореволюционное, то немного.

С конца 20-х гг. все это резко изменилось. Печать и радио без передышки передавали, что в стране есть страшный враг - кулак, что этот кулак скрывает хлеб, не выполняет ряда возложенных на него обязанностей, что он эксплуатирует трудовой народ и т.д. Все, кто был объявлен куланом, лишались права голоса. Вообще, это право реально не имело никакого значения, так как во всех случаях сперва происходило назначение и только потом голосование, но лишенные права голоса лишались ряда реальных прав, в первую очередь на них и обрушились репрессии. В тюрьмы стали сажать массой, из деревень более богатых, в городах тех, у кого предполагалось золото, с тем, чтобы арестованные это золото отдали. Тогда их выпускали, но некоторые получали сроки, обычно три года. В Белоруссии в феврале началось массовое выселение кулаков, тоже и в других районах страны. В связи с этим стали знамениты Котлас, Великий Устюг, Архангельск. Там сосредотачивалось столько народа, что все прежние показатели выглядели просто как игрушечные. Затем по стране один за другим стали проходить политические процессы, прежде всего СВУ[1], потом Промпартии и еще и еще. Преступников оказалась такая

масса, что в тюрьмы втиснуть их оказалось совершенно невозможно, тогда началась эпоха лагерей.

В 1931 г. все больше и больше стали говорить о строительстве Беломорско-Балтийского канала, где работали только заключенные. Туда и шли эшелоны со всех концов страны. Что там делалось, никто, разумеется, не знал, но скоро в печати стали появляться удивительные статьи о том, что получается в результате сидения в лагерях.

Оказывается, что все бандиты, воры, растратчики, фальшивомонетчики, в общем, вся дрянь, которая скапливается в стране, попав в лагерь и оказавшись под руководством чекистов, в кратчайший срок, в течение одного-двух лет, превращаются не просто в добропорядочных граждан, занимающихся общественно полезным трудом, но что они своей гражданской активностью намного превышают обычных людей, не сидевших в лагерях. Это было чудо: с одного конца лагеря доставлялись сотни тысяч преступников, а через короткое время из тех же лагерей выпускались лица, способные служить едва ли идеалом человека. Не упоминались лишь те, кто был осужден по знаменитой 58-й статье. Если отбросить эту оговорку, то казалось, что всякий, не бывший в лагерях, должен стремиться туда попасть, чтобы через год-два выйти оттуда уже в качестве образцового жителя вселенной.

Постройка канала была окончена в 1933 г., причем огромное большинство тех, кто остался живой, получили досрочное освобождение. О стройке канала было издано два тома, в которых описывалось, как строился канал и как там происходила «перековка» (это слово вскоре стало чрезвычайно популярным. Оно означало, что человеческий мусор у нас переделывается в нечто сияющее, достойное нового социального строя). В двухтомнике имелось немало фото, в которых были изображены главным образом те славные чекисты, которые и организовывали работу в лагере и делали чудо. Особенно хорош был начальник строительства Коган, сидевший в небрежной позе, с папиросой в углу рта, у телефона. Из з/к почему-то всего больше прославлялась инженер Кабылина.

Один из разделов книги о Беломорканале был озаглавлен «Туфта», в нем говорилось, что, к сожалению, на стройке имелось и мошенничество. Так, инженер Галенчик, начальник одного из

участков стройки, не добрал 20 см скального грунта, что выяснилось уже после того, как стройка была объявлена законченной. За это начальник, получавший до того кучу благодарностей и освобожденный досрочно, должен был вновь попасть под суд, который и влепил недавнему герою новых три года. По прибытии в Мариинск он и был назначен начальником строительства в Суслове.

Чуть ли не сразу после окончания стройки Беломорканала начали строить канал Москва-Волга. Печать и радио, описывая положение там, взяли нотой еще выше. Это был почти рай. Действительно, бывшие там рассказывали потом, что, на стройке недалеко около столицы условия были хорошие, т.е. гораздо лучше, чем в других лагерях. Но вообще после окончания постройки Волга-Москва канала расписывать о радости пребывания в лагерях перестали, переделка-перековка арестантов перестала быть важнейшим моментом, а затем этот момент и вообще исчез. Подходил 1937г. и размазывать сентименты перестали.

Вполне естественно, что все лагерные начальники хотели, чтобы и о них написали, как они перевоспитывают (у нас везде и все время кого кто-то воспитывает) злодеев, превращая их в почти ангелов, а чтобы усилия начальников не погибли втуне, было постановлено учредить должность историографа. На этот пост был назначен небольшой украинский писатель. Он показывал свою, очень неряшливо изданную книгу. Какие инструкции были даны ему начальством, не знаю, но, конечно, в первую очередь он должен был отметить личную деятельность начальника отделения, товарища Чухиля.

Чтобы хоть в какой-то мере походить на идеальный лагерь, весной 1934 г. было решено провожать бригады, выходящие на работу, с музыкой. Из музыкальных инструментов имелись мандолины и гитары (больше, кажется, ничего). Получалось все это таким образом. Рано утром, в мае, когда еще весьма свежо, за ворота выходили бригада за бригадой. Это испитой, исхудавший народ, одетый в рвань. В самых воротах огромная лужа, на сухом месте стоит начальство. Все они выбритые, в новеньком обмундировании, упитанные даже, не мерзнут, так как почти все в гимнастерках. Оркестр в составе 3-4 человек замерзшими руками играет бодрые марши, дирижирует женщина в ватной юбке, в грязном бушлате. Женщина давно спилась и стала шалманом. Если

бы был художником, то лучшей сцены для показа лагеря 1934 г. не придумать.

Из всего, что делалось (или хотя бы казалось, что делалось) на стройке Беломорканала, выход рабочих под музыку начальнику Сусловского отделения организовать было всего проще. Другое дело, что голодных и угнетенных работяг этот процесс никак не веселил, а скорее раздражал. Что касается других, более существенных деталей жизни з/к, то, возможно, начальник ничего не мог сделать и при желании. Прежде всего, это касалось питания. То, что в Мариинске казалось вполне естественным: испечь картошки, набрать моркови или капусты, получить обрата, на деле оказалось или полностью невозможным или возможным в самой малой мере. Через несколько дней после приезда в Суслово я пришел в Стройчасть и, вымыв великолепную морковь, начал ее есть. «Где Вы взяли морковь?» - спросил меня счетовод. «Вытащил из земли вон за тем бараком» - ответил я. Счетовод почти онемел. «Это ведь строго, очень строго запрещено и Вы можете иметь крупную неприятность, если Вас захватят с этой морковью!» Вот тебе и на! На морковном поле оставалось столько моркови, что ею можно было накормить десятки, если не сотни людей, но взять, оказывается, нельзя. Вот тебе и кормежка в совхозе. «А как с картошкой?» - спросил я счетовода. Ну, это-то уж совсем запрещено. Если так допустить, то в каждом бараке будет своя дополнительная столовая. Я таки таскал морковь и потом, но остерегаясь попасть на глаза начальству.

Основу питания составлял хлеб. Его выдавали минимум 500 г на человека, а служащим, труд которых не нормирован, давали по 600 г. У тех, чей труд нормировался, размер пайки зависел от процента выработки. При выработке в 125% выдавали 1200 г. Чем ниже был процент, тем меньше пайка. Для человека средней упитанности съесть 1200 г. хлеба в сутки трудно, тем более трудно, если он получает и еще что-то, однако в лагерных условиях это совсем иначе. Работая целый зимний день на воздухе, плохо одетые люди, получая совсем мизерный приварок (щи часто из промерзлой капусты, немного каши), съедали 1200 г (тем более, если пайка была меньше) едва ли не сразу (тут мне припомнилось, что у владелицы трепального заведения в Орле (Н.Лесков) трепачи съедали в день по 8 фунтов хлеба, имея к тому немалую добавку в виде горячей пищи). Лучше всех питались ИТР, для которых была

отдельная кухня. По сравнению с тем, что давали «придуркам», там было и больше, и лучше изготовлено, но ИТР было едва ли больше 15 человек.

Очевидно, вообще рацион на з/к был небогат, но кроме того, значительную часть (надо полагать) раскрадывали как начальники, так и те из з/к, кто работал на кухне или был близок к ним, а то и просто за деньги.

Так же скверно как кормили, одевали лагерников. Зимой полагались бушлаты и ватные штаны, бригады получали и то, и другое, но что собой представляла эта одежда?! Бушлаты, вытертые до предела, годились может быть при нулевой температуре, а тут бывало и по 30, и по 40, при том же, на ветре. Особенно трудно доставалось кровельщикам. Крылись все постройки дранью из осины. Осиновый кряж распиливался на куски длиной около полуметра. Его разрушали на куски и опускали часа на два в кипяток, а затем примитивным станком, на котором работало два человека, отстругивали тонкие планки. Это и была дрань. Прибивать дрань к опалубке полагалось гвоздями, но этого товара в лагере почти никогда не было, и прибивали «вермишелью» - проволокой, которую разрубали на кусочки длиной по см в 10. Полагалось, чтобы один конец такого гвоздя был тупой, а другой острый, т.е. чтобы его отрубали косо. Те, кто рубил "вермишель", не очень заботились сделать концы острыми, да если и делали, то загнать гвоздь в промерзшее дерево молотком, который держали промерзшей рукой, было трудно. Промерзая до костей на ветре, всячески ругаясь, кровельщики прибивали дрань так, чтобы она только не свалилась тут же. Это была хотя и не самая трудная, но самая неудобная работа. Плотники, сидевшие на срубах, промерзали не так, еще лучше было положение работавших внутри здания, где, по крайней мере, не продувал ветер.

Рукопись обрывается.Машинопись правленая. Автограф. Семейный архив. Публикация А.Н.Улащика.

---

[1] СВУ – Спілка визволення України (*укр.*)

Николай Улащик - Александру Зимину[1]

Дорогой Александр Александрович,

Сегодня идет старый новый год. Он не такой богатый, как настоящий, но все же у нас пекут пирог (приехала из Ленинграда сестра Наташи, мастер по части пирогов). Меня выписали из больницы 31.12., выписали несколько досрочно, учитывая приход нового года. Теперь езжу на перевязки. Думал, что меня отчислят со вчерашней пятницы (сегодня суббота), но сказали зайти еще через пять дней. К моему удивлению, я после такой пустяковой операции был слаб, несколько дней вообще не вставал, затем еле-еле ползал и только сейчас, спустя 3 недели, начинаю приходить в себя. Сижу дома и доделываю работу, которую начал лет пять назад - о летописных источниках Стрыйковского. Кроме того, добыл себе самоновейший приемник "Ленинград 002" и вечерами слушаю передачи.

Перед операцией видел Пашуто. Он был в бодром виде и собирался в Узкое, но его соседу по палате - Илье Миллеру не повезло, он не пережил третьего (или четвертого) инфаркта и в среду (11.01.) его похоронили. Непонятно – почему, будучи в тяжелом состоянии, он летом ездил еще в ГДР, а затем в Польшу. Говорят, были нелады и в Институте. А в общем, его нет.

Мой том летописей попадет к редактору только в марте или мае, а это значит, что все лето придется трястись около него (должен по плану выйти в 1978 году). Моя «деревня» [Вицковщина] пошла на обсуждение к этнографам, но что там делается и как это воспринято, не знаю, так как второй месяц, как не был в Институте.

В Крыму скоро начнется весна. Чуть ли не всю жизнь мечтаю (или говорю, что мечтаю) встретить раннюю весну на юге. Желаю для Вас всего самого хорошего, прежде всего, хорошей, солнечной, теплой весны.

14.01.1978

* * *

Дорогой Александр Александрович,

У Вас, вероятно, совсем весна. Даже у нас, хотя и был обещан холодный февраль, почти тепло, т.е. 5-6 градусов. Добрые люди, начиная с пятницы, мчатся с лыжами за город и получают радость от движений, но мои лыжи пылятся уже много лет. Даже Саша редко выезжает в выходные дни. Последний раз после лыжной прогулки он уснул и спал часа четыре. Один раз в феврале мы поехали в Белоруссию. Почти все время стояла чудная солнечная погода, а если был ветер или вьюга, то получалось еще лучше: верхушки елей шумят, а внизу, на лесных дорожках, тихо, мягко падает снег. Я с таким удовольствием ходил по много часов на лыжах.

Мой поход в больницу таки ослабил меня. Сейчас после заседания в ин-те или недолгого пребывания в библиотеке прихожу усталый и почти, как правило, должен полежать и даже поспать потом как бы заезженный.

Моя деревня на подступах. Ждут, когда придет из отпуска М.Г.Рабинович, а также, чтобы приехал из Ленинграда Чистов. Меня эти задержки не тревожат. Если работа, начатая 52 года назад, задержится еще на месяц или два, то это уже не беда.

В Ин-те чествовали 70-летие Самсонова. Он как-то неожиданно стал совсем седой. Впрочем, я с ним ни разу не разговаривал, а на юбилее только взглянул в зал. Утомляться еще на таких заседаниях нет основания.

Вам пора думать возвращаться в столицу, хотя там и начнется самая-самая пора.

12.02.1978

* * *

Дорогой Александр Александрович,

Еще в октябре на меня свалился грипп, который полностью не слез и до сегодняшнего дня. Поэтому о многом не знаю, не знал и того, что Вы уехали в Крым. Сам я надеюсь уехать 26 в Михайловское (где-то около Москвы). Зима пока стоит очень приятная - морозы около 10, тихо падает снег. Мог бы ходить я на

лыжах, но старые ботинки выбросил, а новых купить сейчас если и возможно, то не для меня. В ноябре -декабре идут последние приготовления к концу года, т.е. рекомендуется к печати уйма работ, в особенности много у нас, прямо таки ужас сколько, и мы все обсуждаем и пишем отзывы. Через ученый совет прошла моя «деревня», и завтра на нее будут оформлять документы, а затем потащу в издательство. Работа, начатая в 1926 г., получает завершение, хотя пока сказать "гоп" рано.

Испытываем все неудобства от того, что закрыты рукописные отделы Библиотеки и Музея. Нужна какая-то справка о рукописи, но как ее получить. Третий день хожу в библиотеку, чтобы получить "Описание" Б-ки АН, но меня уверяют, что такой книги нет, так как нет в каталоге. Наконец нашли номер, пойду еще раз, а нужна на одну минуту.

Видимо, до нового года больше писать не буду и поэтому посылаю Вам новогоднее приветствие. У меня, в виду того, что намечавшиеся встречи не состоялись, оказался запас румынского вина и теперь опасаюсь, чтобы оно не погибло.

С новым годом. Привет Валентине Григорьевне. Привет Вам всем от Наташи.

11.12.1978

* * *

Дорогой Александр Александрович,

Уже к концу идет январь; скоро май, а еще скорее масленица; в общем, время летит. Вернулись из санатория. Там было в общем хорошо, много ходил по парку, выходил и в лес, который через дорогу, но на лыжах врачиха запретила, т.е. не дала разрешение взять их на базе, о чем я не очень и сокрушался. Я сильно устал и в первые дни, побыв немного на воздухе, затем засыпал. Вообще, непонятно почему Толстой считал, что старые люди спят мало. О себе никак не скажу этого, потому что молодым спал несравнимо меньше. Под конец санаторная благодать испортилась: мы оба простудились, в таком виде и явились домой, где меня и уложили в постель. Второй день чувствую себя в норме, завтра выйду на улицу. Моего редактора - Левину уложили в больницу с чем-то серьезным. Говорят, выйдет уже скоро, но затем ей будет

предоставлен еще какой-то отпуск. В общем, том летописей, который Левина гнала, на какое-то время засел. Она и меня подгоняла, да я теперь потерял рысистые качества.

Из институтских событий знаю лишь одну новость - у нас в секторе украли телефон, но это беда не большая.

Привет Валентине Григорьевне. Где она сейчас?
26.01.1979

* * *

Дорогой Александр Александрович,

Сегодня 12 февраля, Ваш день рождения через 8 дней. Поздравляю и желаю всего самого наилучшего (под наилучшим обыкновенно понимают здоровье, и я Вам от всей души желаю если не совсем хорошего, то по возможности). Насколько Вы моложе меня. Мне ведь сейчас шестидесятилетние кажутся если не младенцами, то во всяком случае
молодыми, а Вам нет и 60.

С самого возвращения из санатория сижу на бюллетене и почти не показываюсь на улице, хотя временами у нас стоит чудная мартовская погода. Завтра еду в поликлинику и думаю, что меня таки выпишут, после чего опять засяду дома. Левина еще не выписана, и поэтому все дело стоит.

Пишу Вам письмо и слушаю из-за стены музыку. Соседи, если они не у бабушки, крутят свое музыкальное снаряжение без передышки. Просьбы утихомириться действуют на один день, а дальше опять так же. Нужно как-то заделать звукоизоляционным материалом, а где его возьмешь?

Наташа немного отошла и сейчас каждый день выходит во двор, но по улицам ходить страшно - это сплошной каток.

Поздравляем с днем рождения оба.

12.02.1979 г.

---

[1] Зимин Александр Александрович – известный российский историк, коллега и близкий приятель Н.Н.Улащика по совместной работе в Институте истории СССР АН СССР. Письма для публикации любезно предоставила “Скарынічу” супруга А.А. – Валентина Григорьевна Зимина.

Мікола Купава

Згадка пра Гісторыка

Наша знаёмства адбылося зусім нечакана. Хаця я дагэтуль, вядома ж завочна, ведаў гэтага чыннага навукоўца-гісторыка.

Пад час вучобы ў Маскве, Зьміцер Санька, добры знаёмец спадара Улашчыка, у канцы 1976г. прывёз мне заказ ад сп-ра Мікалая зрабіць для яго кніжны знак. Тэма была акрэслена як гісторыя Вялікага Княства Літоўскага, і я адразу ж узяўся за працу. Канкрэтызаваў тэму і знайшоў яе рашэнне: у цэнтры кампазіцыі – фігура летапісца з кнігай у правай руцэ і з ключамі ў левай. На старонцы кнігі – старабеларускім шрыфтам надпіс: “Летапісец Вялікага Княства Літоўскага”. Гэтыя атрыбуты, на мой погляд, сімвалічна адлюстроўвалі спецыфіку творчае дзейнасці вядомага навукоўца. Ніжэй, справа, у геральдычным шчыце быў зьмешчаны гістарычны герб ВКЛ “Пагоня”. Уверсе на стужцы тэкст: “З кнігазбору Міколы Улашчыка. 1977”. Стараўся выканаць экслібрыс да дня нараджэння майго героя – 1 лютага.

Эскіз знака, перададзены праз Саньку ў Маскву, быў ухвалены. Мне засталося яго канчаткова адшліфаваць і аддрукаваць заяўлены тыраж. Неўзабаве той жа Зьміцер паехаў у Маскву – з пажаданым пакуначкам…

Пачалося наша з сп-м Улашчыкам ліставанне па нейкіх важных справах. У гэты час ён займаўся падрыхтоўкай і рэдагаваннем Літоўска-беларускіх летапісаў, выдадзеных маскоўскім выдавецтвам “Навука”. Такую складаную і адказную працу ён мог ажыццявіць праз Інстытут гісторыі Акадэміі навук СССР. Нашы гістарычныя тэксты-хронікі і летапісы былі ўключаны ў агульны “Поўны збор Рускіх летапісаў”. Як потым мне патлумачыў Мікалай Мікалаевіч, толькі так можна было іх выпусціць у свет.

У 1977г. ён прыслаў мне 32-гі том з хронікамі Літоўскай і Жамойцкай і Быхаўца ды летапісамі. Пазней даслаў і 35-ы том з беларуска-літоўскімі летапісамі.

Гісторык амаль кожнае лета або ранняй восенню прыязджаў у Мінск да сваёй сястры Вольгі Мікалаеўны і гасцяваў тут тыдні два-тры, і мы сталі ў гэтыя дні з ім сустракацца. Ці ня ў годзе 1978-м на сыходзе верасня мы зладзілі для спадара Мікалая, як і для сваёй

карысці, вандроўку па Заслаўскай зямлі. У вандроўцы прымалі ўдзел археолаг Г.Штыхаў, мастакі Я.Кулік, М.Раманюк, Г.Сокалаў-Кубай, А.Марачкін, У.Басалыга, В.Маркавец, М.Купава, Х.Ладуцька, фатограф В.Дубінка. Агледзелі тады некалькі градаў, курганоў, пабывалі на Рагнедзіным замэчку, на замчышчы старажытнага Менску на Менцы і, вядома, не абмінулі Заслаўскія помнікі. З гэтага падарожжа засталіся выдатныя фотаздымкі Вячаслава Дубінкі, які, на вялікі жаль, сёлета раптоўна пакінуў наш свет, ад чаго мы ўсё яшчэ знаходзімся ў журбе і жалобе.

Быў сп-р Улашчык і наведнікам творчых майстэрань М.Раманюка ды А.Марачкіна з В.Маркаўцом. Ён вельмі цікавіўся нашым мастацтвам, асабліва яго гістарычнай тэматыкай, этнаграфіяй.

У адзін з прыездаў вучонага ў Менск я, завітаўшы да Вольгі Мікалаеўны, зрабіў з яго малюнак алоўкам. Тады ж, а гэта быў напэўна год 1985, паўстала пытанне пра перанос праха іхнага бацькі, які быў пахаваны на лютэранскіх могілках у Менску*. Тагачасныя ўлады збіраліся ліквідаваць могілкі і на іх месцы збудаваць гмахі й хмарачосы. Але да пераносу справа чамусьці не дайшла. І на месцы могілак пазней такі й паўстаў новы жылы мікрараён.

А на пачатку 1986г. на Беларускім тэлебачанні адбылася сустрэча з Мікалаем Улашчыкам, на якую прыйшлі многія людзі, якія добра ведалі спадара, а таксама моладзь, студэнты. Сустрэча ў прамым эфіры была па-свойму знамянальная. Знакамітаму гісторыку задавалі розныя пытанні, і ён даваў на іх цікавыя адказы. Гэта была ўжо апошняя яго сустрэча з Менскам, з Беларуссю. У лістападзе 1986г. нашага Беларуса ня стала.

---

*/ Лютэранскія могілкі ў Менску былі ў раёне вуліцы Нямецкай (Лютэранскай), бальшавікі яе перайменавалі ў К.Лібкнехта. Нямецкае насельніцтва ў Літве з’явілася даўно. Спачатку гэта былі рэшткі запрошаных наёмнікаў у XVI-XVIII ст. Новая хваля пайшла ў выніку запрашэння немцаў расійскай імператрыцай Кацярынай, якія сяліліся і ў гарадах Літвы-Беларусі: Полацку, Вільні, Менску. У Менску немцы для сваёй супольнасці і заснавалі асобныя могілкі. Але ўжо ў XX ст. на гэтых могілках хавалі як пратэстантаў, так пазней і іншых грамадзян горада і ваколіц.

Памятаю, вяртаючыся з Парыжа, я завітаў да спадарства Улашчыкаў у Маскве. Балазе, жылі яны зусім блізка ад Беларускага вакзала. Дома былі сам гаспадар Мікалай Мікалаевіч, ягоная жонка і сын. Атрымалася вельмі цёплая сустрэча і зацікаўленая гаворка. Час, вядома, пасьціраў з памяці многае. Але тое, што мы ведаем, памятаем пра гэтага Чалавека – частка нашай культуры, нашай гісторыі: цяжкай, трагічнай і багатай. Будзем жа памятаць і карыстаць з яго спадчыны дзеля нашае Беларусі!

Менск, 29.12.2010

З Масквы гледзячы

Белорусская Москва *

Белорусское присутствие в Москве можно отсчитывать с XIV века. В силу различных причин сюда устремляются некоторые беглые крестьяне, ремесленники. С собственным войском, челядью переселяются и представители верховной знати Великого Княжества Литовского. Так, в 1377 г. полоцкий князь Андрей Ольгердович, отказавшись присягать главному предводителю ВКЛ Ольгерду, подался в Москву. В 1408 г. туда же последовал северский князь Свидригайло Ольгердович. В конце XV - начале XVI в. переселяются князья Бельские, Воротынские, Вяземские, Глинские, Одоевские, где они занимают подобающее их родовитости общественное положение, даже входят в близкое окружение верховного правителя. Так, женой великого князя Московского Василия III стала Елена Глинская, а после смерти мужа – регентшей малолетнего сына – царевича Ивана IV, впоследствии царя Грозного, завоевателя Полоцка, других земель ВКЛ. Еще раньше (1391) сближение соседствующих государств знаменовало замужество за великим князем московским Василием I дочери литовского князя Витовта - Софьи. Где-то среди обедневшей литовской шляхты теряются корни Александра Меншикова, графа, светлейшего князя, генералиссимуса - сподвижника Петра I.

Несколько позже среди шляхетских переселенцев оказался Тодор Грибовский в качестве думного дьяка Федора Грибоедова, из родословного колена которого впоследствии явится миру Александр Грибоедов – российская поэтическая знаменитость, автор художественного шедевра «Горе от ума». Подобная "фамильная" трансформация в России не обошла и белорусского шляхтича Писаря Писаревича, предка известного литературного критика Д.И.Писарева. Из древнего “литовского” рода Симеона Бунковского проростает семейное древо писателя Ивана Бунина,

---

* Вариант исправленный, дополненный – в отличие от первопубликации (Беларускае замежжа. Белорусское зарубежье. Мн., «БелЭн. імя П.Броўкі», 2010. С.124-143), редакторская правка, перевод на белорусский которой с автором не во всем согласованы. В.В.Скалабану признателен за отдельные уточнения в публикуемом тексте. – А.К.

запечатлевшего в "Жизни Арсеньева" трепетное неравнодушие к своей древней прародине.

О своей "литвинской" родословной не забывал и гений русской литературы Федор Достоевский, одарив давних сородичей сочувственно провидческим словом: " … народная вера в себя и в собственные силы – вовсе не застой, а, напротив, залог жизненности и энергии жизни. Без этой веры в себя не устоял бы, например, в продолжение веков белорусский народ и не спас бы себя никогда". И далее, предостерегая иных ретивых прогрессистов от небрежения национальным началом в развитии человечества: "не следует замахиваться на самостоятельность национальной жизни, а, напротив, всеми силами поощрять эту жизнь и как можно более стоять за ее самобытность и органичность".

На отношения Московского княжества и ВКЛ во многом повлияло внутриполитическое соперничество в последнем двух главенствующих аристократических ветвей – собственно "литовских" Гедиминовичей и "руских" Рюриковичей. Принадлежность к православию вторых, как и большинства жителей страны, во многом множило притязания Москвы на роль основного собирателя земель всего восточного славянства, с чем столетиями ранее не безуспешно справлялась "литовско-руская" Вильня. Со временем военно-политическое, территориальное преимущество ВКЛ в данном «собирательном» соперничестве, наиболее внушительном при великом князе Витовте, ослабевает, особенно после падения Смоленска (июль-август 1514 г.), когда все очевиднее становится возвышение и превосходство Москвы. Даже победа под Оршей (сентябрь 1514 г.) воинов гетмана Константина Острожского над московскими полками не уберегла ВКЛ от исторического проигрыша в противоборстве с восточным соседом за лидерство в собирании «руских» земель.

Не поправило дела и позднейшее объединение ВКЛ с Польской Короной (Люблинская уния 1569 г.) в федеративную Речь Посполитую, ставшую поводом непрестанных раздоров и войн между Москвой и "Польшей". Не однажды сие противостояние сдерживалось усилиями литвино-польской стороны к мирному урегулированию конфликтного соседства. О том – посольство канцлера Льва Сапеги в Москву, при Борисе Годуновым, с намерением заключения «вечного мира».

Нерушимому миролюбию, увы, не суждено было сбыться. Но некоторые, полагаем, поныне актуальные детали из контекста тех переговоров, зафиксированные писарем ВКЛ, участником посольства Гальяшем Пельгримовским (поэма «Беседа в Москве» 1603), достойны внимания – свидетельством упрямой неуступчивости тогдашних литвинов-белорусов «общерусским» притязаниям московского царя: «Sam sie niech zowie Carem wsieia Rusi \\ Wszak mu to wolno,\\ A nas nie przymusi» (Сам, коль желает, пусть - Царь всея Руси \\ Нас же, однако, к тому не примусит (не заставит)).

Компактное проживание предков современных белорусов в Москве датируется тем же 1514 годом, – после капитуляции Смоленска перед войском Василия III. Значительная часть смолян была переселена в русскую столицу и окрестности. Туда же, на их место, в порубежный город на Днепре направлена на поселение часть москвичей.

Война 1654–1676г.г., самая разрушительная в истории противостояния Речи Посполитой и Москвы, обычно, не без натяжки, именуемая "русско-польской" (фактически российско-белорусско-литовской), стоившая Беларуси каждого третьего жителя, опустошений большинства городов и крупных селений, повлияла на массовый исход белорусов в московские пределы.

Чаще - полон, но также и добровольное, вызванное послевоенной разрухой переселение, в первую очередь сельских жителей ("пашенных людей"), ремесленников. Их присутствие в Московии отмечено во множестве документов тогдашнего Посольского приказа своей этнической и государственной инородностью – "литвинов", "белорусов" "литовских людей", реже – поляков, "латинян". "А на Москве выходец литвин Матюшко в расспросе оказался он литвин, белорусец Мстиславского повету"; "И по государеву цареву указу велети выходцев литовских людей устроити на пашне во государевых дворцовых селах в замосковных и дальних городах". Среди перебежчиков-поселенцев встречается и некто "литвин Корнейко Круковский (со временем, возможно, переиначен в Корнеева или Крюкова), уроженец Оршанского повету, шляхтич белорусской веры".

В основном белорусами заселяется и новая в городе слобода – Мещанская. По данным переписи 1684 г. она насчитывала 477

дворов (612 семей), примерно 10 процентов посадского населения Москвы. Значительная их часть населяла Гончарную, Бронную, Старопанскую слободы. Ново-Девичий монастырь стал обителью для 300 монашек, прибывших сюда из Оршанского Кутеинского женского монастыря. Примечательная деталь: 36 процентов тогдашних мещан, судя по собственноручным подписям, были грамотными. Дети Мещанской слободы обучались в школе под началом Якова Яковлева, учившего "детей словесному".

Возвышение, архитектурно-художественное великолепие Москвы при Алексее Михайловиче и в более поздний период обязано не в последнюю очередь привлечению искусных белорусских мастеров. Кирпичники, золотари, серебреники, печники-ценинники, пушкари, пищальники, сабельники, столяры, иконники, токари, каретники, швейники, часовщики, носители более 40 специальностей были привлечены в Злотоглавую из-под Вильни, Витебска, Полоцка, Минска, Копыси, Слуцка, Борисова, Шклова, Могилева, Дубровны. Они приезжали в Москву в одиночку и семьями, поощряемые, к тому же, царским благоволением: "Которые литовские люди учнут приезжать на наше имя на вечную службу шляхтичи добрые и белорусы и мастеровые добрые люди и всех тех в нашу сторону велено вести и приведчи к хрестному целованию, отпускати к Москве".

Белорусские мастера возводили и отделывали московские храмы, царские и придворные палаты, привнося и совершенствуя новую "барочную" технологию скульптурно-объемной резьбы ("белорусская резь"), изготовления разноцветных эмалевых изразцов, создавали изысканную дворцовую мебель, различные виды огнестрельного и холодного оружия, церковной утвари. Созданные ими уникальные памятники культуры и архитектуры и сегодня не перестают удивлять своей красотой, оригинальностью. Среди них – Коломенский дворец, бывшая подмосковная резиденция царя Алексея "Тишайшего", Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь на Истре, Крутицкое подворье, Оружейная палата, Ново- Девичий храм-обитель, неповторимый своим художественным великолепием – резным иконостасом, исполненным под руководством Клима Михайлова, уроженца Шклова. Архивные источники и поныне хранят многие имена отличившихся в мастеровом деле выходцев с территории современной Беларуси: резчиков Петра Заборского, Василия

Быховца; оружейников Петра Мартынова, Самойлы Богданова, Луки Журина; ценинников Степана Жанова, Игнатия Максимова, – творцов веселого барочного стиля в строгой старорежимной Москве.

Заметен белорусский след в зарождении русского профессионального театра. Именно артисты-исполнители, привлеченные на сцену из той же Мещанской слободы и обученные "комедийному действу" немцем-магистром Иоганом Грегори, давали представления на придворной московской сцене, первое из которых состоялось 16 сентября 1672 г. Действие строилось на основе драматической обработки библейской книги "Эсфирь" с использованием соответствующего перевода Ф.Скорины, издания которого к тому времени были довольно распространенными в Московии. Что и засвидетельствовал тогда польский писатель-путешественник С.Старовольский, видевший « в Москве, всюду на Руси много книг, переведенных на славянский язык Франциском Скориной".

Духовным подвижничеством прославился на русской земле другой именитый полочанин - Самуил Петровский-Ситниянович (Симеон Полоцкий) – ученый, педагог, издатель, поэт и драматург, олицетворивший новую эпоху в отечественном просветительстве.

Следует отметить, что и книжно-печатное дело, начатое в Москве белорусами Петром Мстиславцем и Иваном Федоровичем (Федоровым), продолжалось, набирало размах не без участия других белорусских, украинско-белорусских писателей, переводчиков, печатников – Сильвестра Косова, Епифания Славинецкого, Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого. Знаменитая "Грамматика" последнего, впервые увидевшая свет в Вильне (1619), многократно издавалась в Москве (1648, 1651, 1721, 1723), став своеобразными "вратами учености" для будущего основателя храма российской науки Михаила Ломоносова. Примерно с тех пор и книжный язык изданий "литовской печати" в Москве воспринимался под именем белорусского. Известность в русской столице приобрел и писатель-полемист, послушник Купятицкого монастыря Афанасий Филлипович (1637), пытаясь увлечь царя Михаила в "оброну и помножене веры святой православной», ущемленной в

Речи Посполитой после принятия Брестской церковной унии 1594 г.

К XVI-XVII в.в. относится, по мнению ряда ученых-славистов, и так называемое третье славянское влияние Юго-Западной Руси на языковую ситуацию Руси Московской, а точнее, на демократизацию прежнего древнерусского языка, появление новых литературных вариантов на основе сочетания книжной (церковнославянской) письменности и живой разговорной речи или "простой мовы", как ее называли в Беларуси и Украине. Кстати, и московские буквари, ранее именуемые "азбуками" отныне издаются здесь под названием "Букварь языка словенска", заимствованным из соответствующих изданий Кутеинской, Могилевской, Виленской, Евьевской типографий.

С появлением новой российской столицы на берегах Невы притягательность для белорусов Москвы заметно ослабевает. Их предпочтения, познавательно-созидательное усердие за пределами своего Отечества отныне большей частью устремлены на град Петров, в цивилизационном наполнении которого они сыграли также заметную роль.

Надо принять во внимание и явное затухание в XVII-XVIII вв. белорусской письменности, культуры, обусловленное затяжным социально-политическим кризисом Речи Посполитой, в составе которой ВКЛ постепенно теряет свою самостоятельную роль, культуро-духовную идентичность, а к концу XVIII века почти унифицировавшись, "растворившись" в ставшем фактически унитарным польском государстве, и наконец, в результате разделов Речи Посполитой, оказавшись в составе России в качестве так называемых "возвращенных земель" ("Отторгнутое возвратихъ" императрицы Екатерины II).

Прежняя полонизация сменяется русификацией – стратегическим курсом российских властей в отношении Беларуси, в 1840 г. переименованной в Северо-Западный край, на ее полное слияние с великорусским социумом. Незавидные итоги данной политики как нечто разумеющееся в конце XIX века подведет московское энциклопедическое издание: "Белоруссия – название части России. Название Белоруссия есть географический термин и не имеет особого этнографического значения, как ни особой народности, ни даже особого племени белорусского не существует". В тон энциклопедистам вторили, или их предворяли

и некоторые проницательные умы, предрекая белорусам, украинцам, наряду с другими, "неисторическими народностями", неизбежное растворение в народности исторической, российской: "Северо-Западный и Юго-Западный край точно такая же Россия на точно таких же основаниях как и сама Москва" (Н.Я. Данилевский). Хотя еще столетием раньше этот "несуществующий" народ устами наиболее просвещенной, граждански активной части заявил поработителям о своем достоинстве и неуступчивости в борьбе за свое национально-политическое выживание дерзкой "Песней белорусских жолнеров" (1794), рожденной в повстанческих отрядах Тадеуша Костюшки: "Возьмем косы ды янчаркі // Пойдзем гордыя гнуць каркі // Няхай маскаль адступае // Няхай беларусаў знае…".

Естественно, и наш последующий интерес к белорусскому присутствию в Москве мотивирован обостренной проблемой их национального самосохранения и самовыражения в иноэтнической среде. С учетом того, насколько этой идентичности способствовала российская общественность. Памятуя вещее возражение Николая Добролюбова россказням о безнадежной "исторической" спячке поневольного народа: "Посмотрим, что еще скажут сами белорусы!"

Хотя сами они по-разному представляли себе свою национальную судьбу. Одни, подобно М.Кояловичу, идеологу "западно-русизма" – в полном "слиянии воедино с русскими силами". Другие, поддержанные демократической Россией (Бакунин, Герцен, Огарев), – в отмежевании от московской "опеки", в свободной и независимой Беларуси при возможной федеративной связи с Польшей (Кастусь Калиновский) или с Россией (народническая группа "Гомон").

Вообще же творческий интерес московской публики к Беларуси, ее историко-культурному, языковому своеобразию не иссякает в протяжение XIX - начала XX в. Что отражают путевые заметки, письма русских путешественников-натуралистов В.Севергина, А.Бошняка, офицеров-участников освободительного антинаполеоновского похода – Ф.Глинки, А.Бестужева, первый печатный белорусский словарик К.Калайдовича, знаменитый "Белорусский архив" (1824), выпущенный в Москве старанием протоиерея И. Григоровича, при покровительстве канцлера и графа Н.Румянцева. Издание содержало в себе древние источники

по церковной и гражданской истории Беларуси, их археографическое описание и наряду с тогдашними фольклорно-лингвистическими изысканиями З.Доленги-Ходаковского легло в основу научного белорусоведения.

Приобщению русских коллег к Беларуси – "своей Литве" немало поспособствовал Адам Мицкевич, ссылка которого в Россию обернулась для молодого поэта блистательным творческим взлетом, знакомством с лучшими служителями российской музы. В Москве увидели свет его "Сонеты", историческая поэма "Конрад Валенрод" (1827). Здесь именитый литвин познакомился и близко сошелся с Александром Пушкиным, Петром Вяземским, Евгением Баратынским. Отсюда наш земляк-новаградец в письме к Антонию Одинцу заочно знакомит своего друга-филомата с Первым мастером русского Парнаса: "Пушкину 28 лет, в разговоре очень остроумен и увлечен, хорошо знает современную литературу, имеет чистое и возвышенное понятие о поэзии. Написал теперь историческую трагедию "Борис Годунов". Я читал отрывки из нее, целое хорошо продумано, и детали прекрасны". Позднее в исповедально-лирическом послании "Do przyjaciół Moskali» автор "Дзядов" выразил свое сокровенное понимание-переживание подлинной, недекларативной дружбы между народами, оставив потомкам-полякам, белорусам, россиянам, литовцам нетленный поэтический и нравственный тест на мужество и честность в их взаимных отношениях.

Так в Москве, как и в Петербурге, не говоря о Вильне, Витебске, Минске, Могилеве, начинают заново прорастать первые зерна белорусского национально-культурного возрождения – поначалу в русском или польском "языковом" обрамлении. Об этом зримо свидетельствует летопись Московского университета, откуда "к шляху да Беларусі" проторена не одна стежка. В тех же стенах, до перевода в Петербургский университет, начинал свой творческий путь Виктор Калиновский, родной брат легендарного Кастуся, неутомимый библиограф и книговед, Станислав Микуцкий – белорусский лексикограф и фольклорист, поэт Тадеуш Лада-Заблоцкий, сосланный на Кавказ. Отсюда же старанием профессора О.Бодянского протянулась "белорусская" ниточка (список поэмы "Энеида навыворот") в Прагу чешскую к знаменитому славист Павлу Шафарику, который в своем

"Славянском народописании", изданном в Москве (1843) в переводе того же Бодянского, представил едва ли не первое в славяноведении описание старой и новой белорусской словесности, научно обосновав самостоятельность белорусского языка в восточно-общеславянском ареале. Там же студенты-белорусы, вспоминал выпускник МГУ, витеблянин Максимилиан Маркс в "Записках старика", доставляли известному фольклористу-собирателю П.В. Кириевскому записи народного мелоса своей родины. Текстов тех "от Чудского озера до Волыни и Суража, от литовского Берестья до Вязьмы и Можайска" собралось на богатую, увы, не увидевшей свет, коллекцию. В целом же к исходу 1830-х в Белорусском округе работало 140 выпускников различных российских вузов, преимущественно Московского университета, олицетворение зарождающейся национальной интеллигенции.

В начале 1850-х задержался в Москве, возвращаясь из Варшавы писатель Павел Шпилевский, автор "Путешествия по Полесью и Белорусскому краю" (1855). Здесь он познакомился с М.Погодиным, историком и публицистом, редактором журнала "Московитянин", в котором опубликовал этнографический очерк "О вовколаках". Вскоре в письме к Погодину, посланному из Петербурга, просит содействия по трудоустройству в Первопрестольной, предлагая, правом "прирожденного белоруса", свои творческие услуги в популяризации белорусского народного творчества. Там же деликатно укоряет редакцию "Московитянина" за вычеркивание в его публикациях слов "Беларусь", «белорусский". Не обошел первую российскую столицу литературный критик Ромуальд Подберезкий, налаживая связи с местными интеллектуалами.

Пометка "Москва" значится под рукописью поэмы "Два д'яўлы" ("Два дьявола") Константина Вереницына – выпускника Горецкого сельскохозяйственного института, создателя, как установил Геннадий Киселев, немеркнущего поэтического бриллианта "Тарас на Парнасе", долгое время считавшегося анонимным произведением. Кстати вспомнить о московской «прописке» и первооткрывателя авторства белорусского «Тараса»: родился Геннадий Васильевич в подмосковной Коломне, окончил Московский историко-архивный институт, в ходе своих историко-литературных изысканий основательно углубился в московские

архивы. Благожелательным знатоком Москвы обнаружил себя наш первый дударь-песняр Винцент Дунин-Марцинкевич в поэме "Халімон на каранацыі», явив колоритный образ города и его жителей на фоне торжественного чествования царя Александра II.

К исходу XIX в. белорусская тема в Москве заметно оживляется, в русле национальной консолидации наших земляков. Стараниями историка М.Довнар-Запольского издается "Календарь Северо-Западного края на 1889 год" с литературными и фольклорными текстами. В другом выпуске этого же календаря сообщалось об издании в Москве научно-литературного сборника "По Белоруссии". Но до читателя книга не дошла, по-видимому, из-за "цензурного" ареста. Тогда же будущий автор "Основ государственности Белоруссии" (1918), "Истории Белоруссии" (1926) знакомится со Львом Толстым, обсуждает с писателем возможность выпуска нового литературного еженедельника "Утро". Автор "Войны и мира" советовался с ним относительно темы декабристов, которую намеревался раскрыть в специальной повести.

На рубеже 1880-1890-х в Москве организуется культурно-просветительский кружок, главным образом из числа студентов университета, где в то время занимались Антон Левицкий, будущий писатель Ядвигин Ш., публицист Наполеон Чарноцкий, патронировал над студентами витебский историк Алексей Сапунов… Усилиями кружковцев издается легально отдельной брошюрой рассказ Вс.Гаршина в переводе А.Левицкого на белорусский язык. На «Сыгнал» из Москвы сразу же откликнулся благодарно "Минский листок" (1891, 9 апреля). Из Петербурга белоруский деятель Бронислав Эпимах-Шипилло просит московского библиофила П. Шибанова выслать ему 3 экземпляра этой книжечки. Издание тогда же пополнило коллекцию этнографа и литературоведа Николая Янчука, выпускника МГУ, сотрудника Исторического музея, заявившего о себе к тому времени оригинальными публикациями об Адаме Киркоре, о белорусском фольклоре Минской губернии. Позднее из-под его пера появятся аналитическая статья, монография о старой, о новейшей белорусской литературе. В Московском университете защищает свой труд на получение звания доктора наук (1896) и Ефим Карский, классик белорусской филологии, автор знаменитых "Белорусов» (1903–1922); завершают обучение

минчанин-фольклорист Евгений Ляцкий, Владимир Пичета, в будущем первый ректор Белорусского государственного университета, известный историк-славист. Несколько позднее (1912) этот же университет по юридическому профилю заканчивает Владимир Прокулевич, в последствии один из руководителей Слуцкого восстания (1920), заместитель директора Государственной библиотеки БССР, репрессированный в 1931-м.

Еще раньше (1870) в Москве выходят "Белорусские песни", собранные российским славистом и археографом П.Бессоновым, предварившим издание проницательным наблюдением о соседнем самобытном, исторически неистощимом народе: "До сих пор вступая внутрь этих пределов края, который недавно принято называть не совсем точно Северо-Западным Русским краем, как не отяжелела над ним рука последних столетних событий, видишь, слышишь и чувствуешь всюду, что здесь точно существуют, не надуманы и не начертаны только географические и государственные границы, что внутри их есть действительная особенность, изнутри себя их очертания, что здесь своя почва, свое племя, свой народ".

С наступлением XX в. заявляет о себе белорусское движение, известное под названием "нашенивской эпохи", – согласно консолидирующей в ней роли легальной газеты "Наша ніва", ее руководителей, идеологов движения на начальном этапе – братьев Ивана и Антона Луцкевичей, Александра Власова, Вацлава Ивановского, Вацлава Ластовского и других. В едином русле сходятся прежние культурно-просветительные и новые политические (Белорусская социалистическая Громада) течения, углубляя и динамизируя освободительные устремления долгое время, казалось, инертного "молчаливого" народа, заявившего во всеуслышание, вслед за Ф.Богушевича «каб не умёрлі", о своей неистощимой живучести: "А хто там ідзе? – Беларусы" (стихотворение Янки Купалы, переведенное на русский Максимом Горьким). Из Ярославля в Москву наезжал М.Богданович, создатель поэтического шедевра "Вянок". В один из таких приездов в декабре 1915 г. молодой поэт навестил на Остоженке, 5 тогдашнего приват-доцента МГУ В.И.Пичету – с просьбой содействовать изучению истории и культуры Беларуси (Полымя. 1923. № 5-6. С.15).

В этом процессе национального самоутверждения значительную роль сыграло вызванное первой мировой войной беженство, рассеявшее по всей России свыше миллиона белорусов, в том числе и в Москве. Здесь в 1915 г. задержался, до мобилизации на воинскую службу, Я.Купала, определившись слушателем народного университета им. А.Шанявского. В Петропавловском костеле поэт обвенчался с учительницей Владиславой Станкевич. Спустя четыре года увидит свет его первый сборник на русском языке (в переводах И.Белоусова, В.Брюсова, А. Коринфского). Отсюда же – лестничный пролет гостиницы "Москва" - поздним июньским вечером 1942 народный песняр трагически “шагнет” в бессмертие.

Участь беженца не обошла и другого волота слова белорусского – Якуба Колоса. Тогда, в 1915 году, в сокровенном письме к собрату по творчеству Янке не утаил он щемящего душевного разлада от дилемы: "родина – чужбина": "Весной 1915 г. я вынужден был покинуть родные берега дорогой мне Беларуси и выехать в Москвскую губернию. Побывав там сколько-то дней в школе, я был забран в солдаты. С позиций приехал в Обоянь, где жила моя семья, больным человеком. Браток мой милый! Случалось тебе когда-нибудь застрять где-нибудь на железнодорожной станции, ждать поезда? Вот в таком положении чувствую я себя теперь, где бы ни находился. Все жду, когда наступит время, чтобы оставить эту Московщину и вновь очутиться среди своих людей. Болит моя душа о Беларуси. Чувствуешь ли, братец, как тяжело жить на чужбине?"

В силу "беженских” обстоятельств задержались в Москве Алесь Бурбис, деятель БСГ, председатель ее московской организации (1917), впоследствии генеральный консул Белорусской Народной Республики при правительстве РСФСР, перед скоропостижной кончиной (1922) – зам. Наркома иностранных дел советской Беларуси, а также будущий предводитель БНР, историк, автор “Западно-русизма» (1929) Александр Цвикевич.

На волне Февральской, Октябрьской революций в России, усиления освободительных движений на окраинах бывшей империи о своем праве на самоопределение во всеуслышанье заявляют и белорусы - решениями Всебелорусского съезда (декабрь 1917), провозглашением БНР (25 марта 1918) и

революционно-"классовой" альтернативой ей – созданием Белорусского национального комитета (Белнацкома) при Наркомате национальностей РСФСР.

Деятельность Белнацкома – провозвестника БССР – обеспечила качественно иную социально-политическую базу, правовую легитимность для белорусского вопроса в Москве, во всей России, как и в самой Беларуси. По его инициативе созывается Всероссийский съезд белорусских беженцев (июль 1918), с решениями которого делегация во главе с А.Х.Устиловичем знакомит в Кремле В.Ленина, чье понимание белорусской проблемы, в отличае от "западнорусских", на большевистский лад, заблуждений предводителей так называемого Облискомкомзапа, немало значило для национально-государственного, на советской основе, самоопределения Беларуси.

В те годы (1918– 1920) в Петрограде, Москве, Смоленске предприняты многие принципиальные начинания во благо национального пробуждения белорусов. Издаются периодики "Белорусская криница", "Дзянніца", "Савецкая Беларусь", "Зажынкі", "Чырвоны шлях", создается научно-культурное общество (председатель В.Пичета, члены совета – В.Брайцев, О.Дыла, В.Качалов (Шверубович), М.Любавский, Н.Янчук). Открывается Белорусский народный университет с курсами по истории, географии, экономике, языку и литературе. С лекциями выступают белорусские и российские специалисты – В.Пичета, Д.Анучин, И.Силинич, М.Любавский, П.Расторгуев, В.Добровольский, А.Ясинский, Д.Жилунович. На материалах университета Наркомпрос РСФСР издает "Курс белорусоведения" (1920), следом – исторический очерк национального и революционного движения белорусов Федора Турука – с приложением литературных и документальных источников, а также этнографической карты Белорусского племени, составленной академиком Е. Карским.

Д.Жилуновичем, И.Нетецким, О.Дылой, А.Червяковым и др. осмысливается идея и концепция независимой Белорусской Советской Социалистической Республики – в противовес низлагаемой БНР. Белорусские большевики, оценивая тогдашние реалии, геополитический расклад сил, иного, кроме как советского варианта самоопределения их родины себе не

представляли. Это подтвердилось итогами советско-польской войны и заключения Рижского договора 1921 г., а также тщетными попытками руководителей БНР заручиться международной поддержкой относительно независимости, территориальной целостности Беларуси на мирных конференциях в Париже, Генуе.

С образованием БССР насыщеннее становится и белорусская жизнь в российской, советской столице, особенно в 1920-е гг., когда всплеск национально-культурного возрождения, под девизом "беларусізацыі", в самой Беларуси ощутимо подпитывал подобные устремления сородичей за ее пределами. Заметно стимулирующую роль сыграло в этом процессе тогдашнее Полномочное Представительство Белорусской Республики при СНК РСФСР, СССР (М.И. Мороз, Г.Я. Поречин).

Первыми консолидируются белорусские студенты. Их в московских вузах насчитывалось свыше тысячи человек. Выделяются наиболее инициативные, творчески деятельные – Гаврила Горецкий, родной брат писателя-классика Максима Горецкого (Петровская, позднее Темирязевская сельхозакадемия), Владимир Дубовка (Литературный институт им. В.Брюсова), Леопольд Родзевич, Павлюк Шукайла (Коммунистический университет нацменьшинств Запада). Тогда же учебу в Москве завершают будущие белорусские академики – генетик А.Жебрак, медик-дерматолог А. Прокопчук, композитор Микола Равенский. Стараниями студенческого актива издаются литературно-научные сборники "Маладая Беларусь" (1922), "Змаганне" (1924).

Молодая творческая Беларусь представила московскому зрителю свои сценические способности – начинаниями учащихся Белорусской театральной студии (в числе преподавателей – певица Ирма Яунзем, собирательница-исполнительница народных песен). Среди студийцев – будущие именитости белорусской Мальпомены, обогатившие национальное искусство множеством ярких, незабываемых образов: Стефания Станюта, Александр Ильинский, Татьяна Бондарчик, Тимофей Сергейчик. Тогда же в Москву переселяется витеблянин Лев Выготский, создавая классические труды, их автору – всемирное признание «Моцарта психологии».

В те двадцатые из Москвы романтичным голосом поэта откликается к сородичам новое оптимистическое поколение белорусов:

Скажы ты, Наля, беларусам там, –
Што я бяз бацькаўшчыны й застануся.
Пакуль душу у песнях не раздам, –
Не кіну толькі Беларусі (Вл. Дубовка, поэма "Наля»).

Увы, жизнелюбивый лик Родины-Беларуси оборачивается для поэта мрачной маской подозрительности – расправы. Вместо рыцарски поэтического плаща – потрепанный "зэковский" бушлат и пила на "гулаговских" лесоповалах Сибири. Горькую участь изгнанника-заключенного разделят вместе с Дубовкой лучшие представители белорусской культурной и научной элиты по сфабрикованному делу "Союза вызволенья Беларуси" (1929 – 1931), с клеймом "буржуазного национализма" сошедшие без времени в могилу. В Москве встретит свою кончину (1931г.) Митрополит Минский и Беларуси, иерарх Белорусской автокефальной православной церкви Мельхиседек (Михаил Паевский), репрессированный властями в 1925г. и сосланный в Сибирь.

Вслед за "великим переломом" настает не менее великое запустенье на ниве национально-духовного возрождения, подменяемого пропагандистской трескотней о дружбе народов, всемерном развитии наций и культур, их неизбежном слиянии в призрачном коммунистическом завтра. Свертывается, замирает национальная работа в диаспоре. Постановлением ЦК КП (б) от 4 марта 1936 г. закрываются студенческое белорусское землячество и белорусские клубы в Москве и Ленинграде под предлогом превращения тех в прибежище "нацдемовских элементов" и прочей "контрреволюционной агентуры".

Но и в этот смутный период Москва не перестает привлекать пытливые умы, мастеровые руки молодых людей из весей и городов Беларуси. В 30-е годы вместе с другими легендарными полярниками-папанинцами прославился могилевчанин, математик-геофизик Отто Шмидт. Начинает стремительное восхождение к дипломатическим вершинам Андрей Громыко, будущий Министр иностранных дел СССР, рабочую закалку в прокладке московской подземки прошел другой белорус –

гомельчанин Кирилл Мазуров, позднее известный партийно-советский деятель Беларуси и СССР. С московских, союзных экранов засверкает пленительный талант "Вани Курского» - киноактера Петра Алейникова, воспитанника Шкловской детской коммуны.

Найдут приют в Москве гонимые с родины Павлина Мядёлка, деятель культуры, приятельница Янки Купалы, первая исполнительница главной роли в его искрометной "Павлинке", поэты, писатели, критики Змитрок Астапенка, Юрка Витьбич, Максим Лужанин, Александра Сакович (Инна Ритар), Феликс Купцевич, репрессированный в 1937-м. Трагической участи не избежал и Язеп Адамович – в 1920-е Предсовнаркома БССР, «выдвинутый» московским Центром на руководство рыбозаготовками на Дальнем Востоке, в том же 37-м упредивший самоубийством (как и А.Червяков, Председатель ЦИК БССР, зам. Председателя ВЦИК СССР) "чекистское» разбирательство за мнимые прегрешения против советской власти. Судьба его супруги Софьи Шамардиной, в юности близкой подруги В. Маяковского, повернулась к ней снисходительнее: двадцатью годами лагерей и ссылки, позволивших , однако, выжить, оставив воспоминания об авторе «Облако в штанах», о Янке Купале, Якубе Коласе, быть похороненной на кладбище старых большевиков в окресностях Подмосковного Переделкино.

Тогда же, в 1930-е годы, в Аграрном Институте Коминтерна начинает работать Бронислав Тарашкевич, освобожденный из польской тюрьмы руководитель Белорусской рабоче-крестьянской Громады в Западной Беларуси, создатель "Беларускай граматыкі" (1918), переводчик на белорусский язык "Илиады" Гомера и "Пана Тадеуша" Мицкевича. Освобожденный по обмену с соловецким пленником писателем Фр.Алехновичем, в 1937 году он был расстрелян как «польский шпион» вместе со своим сподвижником по работе в Польше, дипломатом А.Ульяновым. Такая же участь постигла В.Калечица, мужа белорусской москвички Констанции Буйла, поэта - "курганнай кветкі" Беларуси, жившей по Трифоновскому переулку, 11 – возможно, не без горечи, напевавшей свое младенческое «Люблю мой край – старонку гэту…». На Трифоновской провел первые ученические годы малец из беженской семьи Евгений Скурко, будущий волот белорусского Парнаса Максим Танк.

Однако мрачные 30-е не сплошь затмили небосклон жизнелюбия. Словно вызовом «смутному времени» зазвучала Белорусская застольная Адама Русака, Исаака Любана "Бывайце здаровы, жывіце багата..", покорившая москвичей на Декаде белорусской культуры (июнь 1940). Годом раньше та же «Москва» благоволением "вождя народов" Сталина воздала должное белорусскому языку, издавна третируему, опошляемому российскими (ныне – и «суверенно» белорусскими, во главе с самым «чэсным и правильным») правителями. Вспоминала Лариса Помпеевна Александровская, оперная певица, народная артистка БССР – о своем приветственном выступлении на XYIII партийно-большевистском съезде. «Не успела начать, как в наступившей тишине послышался голос [из президиума] Сталина: «Мне думается, что от белорусского народа следует приветствовать по-белорусски!». В зале наступила мертвая тишина. А у меня впереди двенадцать страниц текста, и все - на русском языке! Сердце захолонуло… И вдруг откуда-то явилась упрямая уверенность: «Я – белоруска!»… Пролетела всего секунда, а в голове полный переворот! Решилась: повернулась лицом к залу и… продолжила выступление по-белорусски. Из зала послышался удовлетворенный, одобрительный шумок. Приободрилась, напряглась, и… – всё на белорусской мове». Завершила взволнованная оратор выступление вполне достойно, по-народному – провидчески:

Як ворану вышай арла не лятаць,
Так ворагу нашай зямлі не таптаць!»

(А. Ладыгина. Лариса Помпеевна Александровская. М., “Четыре четверти», 2002. С. 143).

И новоявленный ворон - сколько бы не изголялся над синеокой страной – «Не вечно коршуну кружить, / Не вечно родине тужить..» (А.Блок).

В годы Великой Отечественной войны Москва для Беларуси – оборонительный тыл и плацдарм по освобождению оккупированной фашистами родины. Здесь действуют правительственные и партийные органы БССР, Белорусский штаб партизанского движения, возобнавляет работу белорусское издательство, выходят в свет периодика - «Савецкая Беларусь», «Беларусь», «Раздавим фашисткую гадину!», вещает белорусская

радиостанция: «Слухай нас, беларускі народ, слухай нас, родная беларуская зямля..!». К исходу войны на подмосковной станции Сходня возобновляет работу, до переезда в освобожденный Минск, Белорусский государственный университет, в котором продолжает учебу писатель-фронтовик Иван Мележ.

Тогда же талант военачальников проявили многие московские белорусы: генерал А.Антонов, начальник Генерального штаба Красной Армии, будущие маршалы С. Красовский, В.Соколовский, И.Якубовский. На белорусской земле в предвоенные годы вызревал полководческий талант (зам. Командующего Западным военным округом) Маршала Победы Георгия Жукова. Там же, нельзя не вспомнить, в 1920-1930-е отметился в качестве студента БДУ, командира авиабригады, затем летчик-герой республиканской Испании, боев на Халхин-Голе, командующий авиационными войсками Красной Армии, репрессированный и расстрелянный (1941), генерал-лейтенант Я.В.Смуглевич, уроженец литовско-белорусского пограничья (Рокитишки).

Время мирного созидания для белорусов, выходцев из Беларуси, – русских, поляков, евреев, татар в Москве стали творчески насыщенными, плодотворными. В различных областях науки, техники, культуры ими оставлен заметный след: выпускник БГУ, академик Л. Арцимович, крупный ученый в области атомной и ядерной физики; уроженец Витебска, конструктор А.Брыш – признанный специалист в области оборонной промышленности; другой витеблянин, академик В.Гольданский – автор ряда открытий в экспериментальной физике и химии, минчанин, известный физик Я.Зельдович; геолог, экономист, академик Г.И.Горецкий, его сыновья академик-геолог Р.Горецкий, мастер педагогики, главный редактор журнала «Семья и школа» В.Горецкий; прославленный авиаконструктор П.Сухой; вице-мэр Москвы В.Ресин; математик-программист Я.Шегидевич; летчики-космонавты Петр Климук и Владимир Коваленок.

В разные годы из Минска в Москву выдвигались (и «задвигались») многие партийные и советские деятели Беларуси – П.К.Понаморенко, Н.С.Патоличев, В.Н.Малин, Т.С.Гарбунов, М.В.Зимянин, Н.Н.Слюньков, В.Ф.Шауро, А.Н.Аксёнов, Б.Т.Шумилин, В.Н.Бровиков… Для большинства из них московские погосты – последняя пристань. К исходу 1970-х

ожидался на всесоюзный правящий Олимп Петр Машеров, партийный лидер БССР, трагическая смерть которого «упредила» осуществление возможного проекта.

Среди ученых-гуманитариев выделяется фигура историка Н. Улащика, выпускника БГУ, высланного по делу СВБ, неоднократно судимого, реабилитированного, автора фундаментальных трудов по аграрной истории, археографии и источниковедению Беларуси, о литовско-белорусских летописях, о своей родной Вицковщине, что под Минском. Показательный факт: богатый интеллектуальный потенциал, "белорусская" нацеленность Улащика - исследователя реализовались в благожелательной атмосфере и при содействии российских коллег по Институту истории АН СССР - Н.Бережкова, М.Тихомирова, М.Нечкиной, В.Пашуто, В.Буганова, А.Зимина, А.Хорошкевич, для которых научные познания "упрямого белоруса" сочетались с его живым национально-языковым колоритом и этикетом.

В числе известных историков, литературоведов, философов, деятелей культуры в Москве жили и работали И.Костюшко, многолетний главный редактор журнала "Советское славяноведение», И.Воронков зав. кафедрой южных и западных славян МГУ; библиотечные работники – книговеды Е.Хлебцевич, Н.Сикорский (в 1970 – 1980-х годах директор Всесоюзной государственной библиотеки, знаменитой "Ленинки"), литературовед, исследователь творчества И.Бунина – В.Бобареко (переписывавшийся с женой автора «Тёмных аллей» Н.Муровцевой-Буниной, Б.Зайцевым, Г.Струве, Г.Адамовичем, А.Толстой, другими писателями из русского зарубежья), купаловед Е.Мозольков, П.Ольшанский, В.Фомин, Ф.Константинов, В.Стёпин, Ю. Сенкевич, знаменитый журналист-кинопутешественник.

В Москве свои последние годы провел писатель, киносценарист Алесь Адамович, директор Института кинематографии, депутат Верховного Совета СССР "перестроечного" созыва. Тогда же, на рубеже 1980-90-х, комиссию упомянутого ВС возглавлял Георгий Таразевич, впоследствии Посол Республики Беларусь в Польше.

На рубеже 1990-х годов, в условиях нового подъема национальных движений в советских республиках, оживают занепавшие было консолидационные тенденции в этнических

диаспорах Москвы, включая белорусскую. Как и в 1920-е годы инициаторами национально-возрожденческих начинаний явились студенты - организаторы кружка "Пагоня", который вскоре вошел в Московское общество белорусской культуры имени Ф.Скорины (декабрь 1988 г.). Данная организация своими целями продекларировала всемерную связь с Беларусью, всем белорусским этносом, верность белорусскому языку, песни, мысли, белорусско-российскому братству, содействию беспрепятственному развитию белорусского языка. "Белорус не может оставаться иждивенцем других языков и культур, – подчеркнуто в Обращении учредительного собрания общества, – не должен отрекаться языка и культуры родителей, предков. В общий интернациональный дом белорусы, где бы ни проживали, могут и обязаны привносить свои извечные сокровища, чтобы по праву пользоваться общим духовным богатством человечества".

Распад СССР, образование новых независимых государств на постсоветстком пространстве определили дальнейшее структурирование диаспорных объединений. В рамках патронируемых российскими властями национально-культурных автономий создается соответствующая организация "Белорусы России" (1999), а также ее региональные подразделения, в частности "Белорусы Москвы". Продолжают действовать прежние, возникают новые общественные объединения и кружки, – Товарищество белорусской культуры "Грамада", Московское объединение белорусистов, Клуб московских белорусов "Сябры", фольклорный ансамбль "Кірмаш", землячество белорусских студентов и другие.

Стараниями белорусской общественности подготовлены и изданы работы, посвященные наследию Ф.Скорины, Я.Купалы, Я.Коласа, Н.Улащика, купаловский поэтический сборник "Молодая Беларусь", выходит в свет литературно-научный альманах «Скарынiч». Актив диаспоры инициировал перед властями Москвы и Беларуси установку в российской столице памятника Янке Купале (скульпторы Лев и Сергей Гумилевские).

Хотя на фоне других, более мобильных диаспорных объединений в Москве, белорусские менее консолидированы, заметны. Сказываются идеологические расхождения, а главное, ассимиляционные последствия советской и, по инерции, постсоветской эпохи (Над чем в свое время сокрушался

анонимный московский белорус в «Письме к русскому другу», изданном, с параллельным переводом на английский, в Лондоне, 1979). О том - и количественное снижение белорусского присутствия в российской столице: по двум последним переписям – с 80 да 56 тысяч. Актуальным является создание в Москве **белорусского** культурного центра (аналогичного, к примеру, российскому в Минске), беспрепятственное развитие белорусского языка, национального самосознания на исторической родине.

Тем не менее, национально-творческая самодостаточность белорусов в российской столице очевидна. Она отражена в произведениях местных, из Беларуси, литераторов, публицистов, певцов, ученых, которые несли, несут в русскоязычное пространство облик, идеи, ценности своей первородины. Можно говорить о неформальной московской школе белорусистики, представленной именами В.Пичеты, Н.Улащика, А.А.Бабареки, И.Бурсова, В.Бутромеева, А.Багулиной, А.Власенко, В.Голуба, А.Драенкова, А.Коляды, А.Гулевской, А.Глода, Н.Зеньковича, В.Казакова, С.Кандыбовича, А.Кожедуба, Героя России И.Колоса, П.Кошеля, А.Ладыгиной, Н.Мателицкой, О.Кондыбо, К.Коктыша, И.Летки, Г.Леха, А.Соболевского, Р.Червонцева, И.Шкляревского, И.Рассолова, Ю.Борисёнка, В.Чайчица, А.Чайчица, П. Шеремета, В.Шуткевича, Л.Щавинской, а также россиян С.Городецкого, М.Исаковского, Я.Смелякова, А.Твардовского, Л.Алексеева, И.Дедкова, Е.Евтушенко, А.Смирнова, Е.Немировского, Ю.Лабынцева, В.Новодворской, В.Седова, Л.Лазарева, Ю.Суровцева, В.Оскоцкого, И.Копчинской, Р.Григорьевой, Л.Звонаревой, А.Нарбута, Н.Дебольской, Т.Соловей, О.Солоповой, Л.Турбиной, А.Суздальцева, многих других.

С появлением частного предпринимательства ряд владельцев московских ресторанов и кафе о своем неравнодушии к Родине напомнили символическими вывесками: «Белая Русь», «Белорусская хата», «Крамбамбуля» и т.д. Не обойдены белорусы в современном российском бизнесе, науке, культуре, в политико-административных структурах, хотя они, в силу традиционной «сціпласці», а возможно и хитрости, не очень склонны позиционировать свою белорускость.

Благодаря щедрым тиражам московских издательств мастера белорусского слова – Я.Купала, Я.Колас, Я.Брыль,

В.Быков, В.Короткевич, И.Мележ, И.Шамякин, И.Чигринов, А.Кулешов, М.Танк, П.Панченко, Н.Гилевич, А.Кудравец, В.Некляев, А.Рязанов, Р.Бородулин, Г.Буравкин, А.Василевич, Е.Янищиц, А.Вертинский, многие иные снискали широкую изветность в России, далеко за ее пределами. Равно – не без содействия фирмы «Мелодия» на всемирную арену вышли «Песняры» В.Мулявина, народная капелла Р.Ширмы, другие творческие коллективы Беларуси. Московский зритель не забыл театральные спектакли по пьесам К.Крапивы, А.Макаёнка, К.Губаревича, А.Дударева, как и гастрольные представления в столице белорусских драматических театров им.Я.Купалы, им. Я.Коласа.

Следует вспомнить о «молчаливых», уникальных памятниках белорусской истории, культуры в московских архивах, библиотеках, музеях, картинных галереях. К примеру: многотомное собрание Литовской Метрики в Архиве древних актов; скорининские первопечатные издания в Российской Государственной библиотеке (с решительным росчерком на одном из них: «а взята сия книга в Литовской земли в городе Гродно лета 7163 (1665)…»; слуцкие пояса в Историческом музее; живописные полотна И.Хруцкого, В.Бялыницкого-Бирули, Г.Ващенко, М.Савицкого в знаменитой «Третьяковке». Возможно в Москве (одна из поисковых версий) затерялся след белорусской церковно-художественной святыни – креста Ефросиньи Полоцкой, предположительно вывезенного из пылающего под немецкой бомбежкой Могилева.

О почтительном отношении москвичей к Беларуси напоминают названия на карте столицы: Белорусский вокзал, станция метро "Белорусская", улицы Брестская, Витебская, Гродненская, Минская, Литовский бульвар, размашистая, на Запад устремленная Минская автострада.

В добрый путь! Шырокае дарогі!

А.Кавка

Литература:

1. Абецедарский Л.С. Белорусы в Москве. XVII в. Мн., изд-во Белгосуниверситета, 1957.
2. Александровіч С.Х. Пуцявінамі роднага слова. Мн., выд-ва БДУ, 1971.

3. Белорус в Москве [О Николае Улащике] // Исторический архив. № 5. 2005; № 1. 2006.
4. Гарэцкі Р. Масква Гарэцкіх // Скарыніч. Вып. 7. М., «Советский писатель». 2008.
5. Глод А. Белорусы Москвы // Москва многонациональная М., «Москвоведение». 2006.
6. Григорьева Р.А. Белорусская диаспора // Новые славянские диаспоры. М., Институт этнологии и антропологии, 1996.
7. Да беларусаў Масквы і Падмаскоўя // Скарыніч. Вып.1. Мн., «Мастацкая літаратура». 1991.
8. Ивинский Д.П. Пушкин и Мицкевич. История литературных отношений. М., «Языки славянских культур», 2003.
9. Кавко А.К. От Скорины до Купалы. Белорусская литература в контексте национально-культурного возрождения. М., ИМЛИ РАН, 2006.
10. Каўко А. З братняю Руссю. Беларускія студэнты ў Маскве. 20-я гады. // Маладосць. № 7. 1978.
11. Каханоўскі Г. Адчыніся таямніца часу. Мн., «Мастацкая літаратура», 1984.
12. Каялович М.О. Встреча народности в Западной России с русской государственностью // Русский инвалид. № 117. 1863.
13. Мальдис А.И. Белорусские сокровища за рубежом. Мн., «Літаратура і мастацтва», 2009.
14. Русско-белорусские связи. Сб. документов. (1570-1667). Мн., «Вышэйшая школа», 1963.
15. Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667-1686). Мн.. изд-во БГУ, 1972.
16. Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654-1667. Мн., «Навука і тэхніка”, 1995.
17. Скалабан В. Упершыню, першы.., першыя… // Голас Радзімы. 1988, 24.03 №12
18. Солопова О.В. Этнокультурная и национальная идентичность белорусов Москвы // Информационный бюллетень Московского Дома Национальностей. №10. М., 208.
19. Сяргеева Г. Дыяспара // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т.3. Мн.; Беларуская энцыклапедыя. 1996. С. 328.
20. Letter to a Russian Friend. London. 1979 (В переводе на белорусский Вл.Орлова – Скарыніч. Вып. I. Мн., 1991)

Уладзімір Дубоўка

Пра адзін маскоўскі дом

Жыву я ў Маскве з 1915 году. Праўда, даводзілася выязджаць на некаторы час: то ў Чырвоную Армію (у часе грамадзянскай вайны), то на настаўніцкую працу. Але ўсё ж магу лічыць сябе старым масквічом.

За такі доўгі час, як паўстагоддзя, пабачыў я ў Маскве шмат цікавага – і архітэктурных помнікаў, і людзей выдатных. Некаторых і на свеце ўжо няма. Пра свае сустрэчы з людзьмі я раскажу калі-небудзь адмыслова. А цяпер мне хочацца расказаць пра адзін маскоўскі дом, у якім па волі лёсу давялося бываць тройчы і падоўгу.

Гэты дом (вуліца Вароўскага, 52) належаў калісьці графам Салагубам. Для многіх ён вядомы, як "дом Растовых". Запэўняюць, што нібыта Леў Талстой у сваім славутым рамане "Вайна і мір" апісваў менавіта гэты дом. Ці так яно, ці не так, але добра вядома, што ў часе працы над раманам Леў Мікалаевіч бываў тут не аднойчы, бо гэты дом адзін з нешматлікіх, якія не згарэў у 1812 г. Я, зразумела, не буду разбіраць тут гісторыю дома з дарэвалюцыйнага часу. Нагадаю толькі цікавыя моманты з паслярэвалюцыйнага перыяду.

Калі з Ленінграду ў Маскву пераехаў быў Савецкі ўрад, у гэтым доме размясціўся Беларускі нацыянальны камісарыят ("Белнацком"). Тут жа была і рэдакцыя першай беларускай савецкай газеты "Дзянніца". У гэтым доме рыхтаваліся першыя беларускія савецкія кнігі. Тут жа працавалі тыя выдатныя дзеячы, якія ў 1919 годзе абвясцілі ў Мінску ўтварэнне Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі (А.Чарвякоў, С.Бурбіс, З.Жылуновіч і шмат іншых).

У 1918 годзе, кончыўшы настаўніцкую семінарыю, я прыйшоў у гэты камісарыят з просьбай, каб мяне паслалі настаўнікам на Беларусь. Адзін з тых дзеячоў сказаў мне, што "у даны момант гэта немагчыма. Беларусь занята ворагам. Заходзьце крыху пачакаўшы"... У восень гэтага ж году я паехаў настаўнічаць на Тульшчыну, а адтуль пайшоў у Чырвоную армію.

Дэмабілізаваўшыся ў жніўні 1921 г., я дачуўся, што ў Маскве адкрываецца літаратурна-мастацкі інстытут імя В.Я.Брусава і што Валеры Якаўлевіч будзе рэктарам і прафесарам гэтага інстытуту. Я паслаў дакументы, а ў прызначаны дзень прыйшоў і сам на калоквіум, на уступныя экзамены. Калі глянуў – ды гэта ж дом – мой стары знаёмы! Я быў тут у 1918 г., калі ў ім размяшчаўся Белнацком… Неяк аж дзіўна было мне заходзіць у яго: тая ж самая музейная мэбля, скульптуры, нават “мядзведзь” перад гардэробным пакоем, але і ўсё інакшае: поўна юнакоў і юначак, якія прыйшлі сюды вывучаць таямніцы літаратурнай творчасці. Мяне прынялі і займаўся я тут бадай чатыры гады.

Прайшоў яшчэ вялікі адрэзак часу. Я выязджаў з Масквы на Далёкі Усход, у Сібір. Аб’ехаў, як кажуць, “круг свету”. За гэты час Брусаўскі інстытут ліквідаваўся. Замест яго і ў іншым будынку заснаваўся літаратурны інстытут імя М.Горкага.

Калі я ў 1958 годзе прыехаў у Маскву, мне трэба было зайсці ў Саюз Пісьменнікаў СССР. Узяў я адрас … вуліца Вароўскага, 52! Прыходжу – той самы будынак! А якія перамены! Вялікая зала, дзе калісьці была наша большая аўдыторыя, у якой чытаў лекцыі Валеры Якаўлевіч Брусаў, дзе чыталі свае першыя творы мае сябры студэнты, а пасля вядомыя пісьменнікі (Арцём Вясёлы, Сцяпан Злобін, Іван Кашкін, Барыс Песіс, Ізі Харык, Юры Бярозка, К.Якаўчык…), дзе, прыходзячы ў госці да нас, выступаў А.Луначарскі, Ул.Маякоўскі, С.Есенін, М.Асееў, Г.Шэнгелі… Гэтая аўдыторыя стала канферэнц-залам Саюзу Пісьменнікаў. Меншыя аўдыторыі – пакоі, у якіх чыталі лекцыі П.С.Коган, І.С.Рукавішнікаў, М.О.Гершэнзон, М.С.Грыгор’еў, сталі кабінетамі адказных супрацоўнікаў Саюзу пісьменнікаў…

Тройчы лёс прыводзіў мяне ў гэты будынак… Калі я бываю ў ім цяпер, як жывыя паўстаюць перад маімі вачыма, у маім уяўленні маладыя, жвавыя сябры студэнцкіх часоў і нашыя патрабавальныя настаўнікі. На яве ж бачу тут многіх выдатных і шырока вядомых сучасных пісьменнікаў, якія ў тыя гады рабілі свае першыя крокі…

Вось якім цікавым для мяне выдаўся гэты дом і як для беларуса і як для пісьменніка…

Снежань 1972 г.

Максім Рыльскі

У выдавецтва “Родянскій письменник”

На Білорусі живе і працює один із найстарших її поетів – Уладзімір Дубовка. Поет цей високообразований, мастер слова, знавец цених словесних богатств Білорусі, автор богатьох поем і ліричних творів. Йому в свій час довелося випити гірку чашу, як і богатьом іншим письменником. Хоч він пробув у засланні мало не чверть сторіччя, але лихо не зламало його. Повернувся він сильний духом, повний енергіі і зараз переживае начебто другу молодість: з-під його пера виходять нові твори один крашче за другого. Було б добре познатимити з творчістю Уладзіміра Дубовкі наших читачів та водончас і поетів – у Дубовкі є чого повчитися! Тож і вважаю, що вчасно було б внести в план выдань на 1965 рік однотомник Дубовки. У нас є богато досведчених вміліх перекладичів і нема сумніву, що протягом року вони встигли б перекласти том кращих творів поета.

З щирим привітом,

Максим Рильскій

[люты 1965 г.]

Аддзел рэдкай кнігі і рукапісаў ЦНБ імя Я.Коласа НАН РБ. Ф.14, воп.1, адз. 825. Машынакопія.

Алеся Бабарэка

Помніцца…

Прачытала шэраг вершаў Язэпа Пушчы, апублікаваны ў ЛіМе яго жонкай Станіславаю Плашчынскай. Там заўвага, і раней яна не друкавалася. І згадала сваё ранняе дзяцінства…Бацька і маці чытаюць услых верш, заканчэнне якога моцна ўкаранілася ў памяці, гучыць дагэтуль:

Пішы, мой брат,
Пішы лісты,
Я расцалую ласку слоў…

Памятаю, як уразіла мяне надзвычайная музычнасць верша і тая пяшчотнасць звароту…

Я пісала раней ва ўспамінах пра бацьку і маці, што яны перапісваліся з ссыльнымі ўзвышаўцамі. Скарэй за ўсё, тая падзея адбылася ячшэ ў Слабацкім, гэта значыць, да 35-га году. Да каго той зварот? Ці да майго бацькі? У вершы такі сэнс праглядаецца. Што з тым, да каго зварот? Язэп нядаўна пабачыўся, ці гэта трэба успамінаць фігуральна?

Язэп быў у той час за ўральскім храбтом, а бацька мой у Вяцкай вобласці. Ці мог ён тайна адлучыцца? Можа верш-зварот сапраўды да брата Язэпа, што да яго наведваўся? Ці была ў тым часе з Язэпам Станіслава? І хто аб тым ведае, як склаўся той цудоўны верш?

Чаму прыйшло на думку, што магчыма зварот да майго бацькі? Бо ведаю, што вельмі блізкія адзін аднаму ўзвышаўцы звярталіся так. Вось і Дубоўка яшчэ з Масквы ў Менск пісаў бацьку:

Мой любы браце,
Блізкі і далёкі…

І маці, і сам Дубоўка мне гаварылі, што верш-зварот да майго бацькі.

У рускіх вялікіх паэтаў ёсць даследчыкі, пішучыя пра гісторыю стварэння амаль што кожнага верша, і чытаць пра тое цікава, як і самыя вершы. Чаму мала такіх даследчыкаў у беларускіх выдатных паэтаў?

Ня ўсе чыны Купалу неслі,
Ім памагаў Дубоўка – цесля.
Але схлусілі потым ў ЛіМе,
Што не было Дубоўкі з імі…

Гэтую эпіграму Дубоўка склаў з той падзеі, што калі ён ўдзельнічаў у перахаванні праху Янкі Купалы, ЛіМ у сваёй хроніцы не “заўважыў” яго, пералічваючы ўдзельнікаў, хоць тут у Маскве яго запрашалі на гэтую цэрэмонію (Пачута мною ад Дубоўкі ўслед за падзеяй).

12 чэрвеня 1993 г.
Асабісты архіў укладальніка. Рукапіс. Аўтограф.

Генадзь Бураўкін*

“Як многа ў гэтым гуку…”

Адразу прызнаюся, што Масква ніколі не была асабліва любімым мною горадам. Не тое, што Ленінград ці Прага, ці Вільня, куды заўсёды цягнула неадольная духоўная сіла, дзе адчуваў я сябе нечужым і дзе завулкі і двары здаваліся такімі ўтульнымі і знаёмымі, быццам я ўсё жыццё цешыўся іхняй загадкавай цішынёй і вечаровай сутонлівасцю. Там мне дастаткова было прыкрыць мройліва вочы – і я бачыў ці то раскрыленую накідку імклівага, саркастычнага Пушкіна, ці то самотную ссутуленую постаць задумлівага Скарыны, ці то зажураны, пакутны позірк маладога Купалы. А вось Масква часцей за ўсё здавалася вялізным купецкім мегаполісам з паказною пыхай залатакупальнага Крамля, з шумнай мітуснёю цікаўнага замежнага люду, з неймавернай, звыродлівай канцэнтрацыяй начальнікаў і махляроў.

Добра памятаю першае знаёмства са сталіцай “нашай вялікай Радзімы”, калі нас, студэнтаў-журналістаў БДУ, ідэалагічныя куратары прывезлі ў “самы славуты горад планеты” і прывялі перш за ўсё да маўзалея Леніна (вядома ж!), а потым у рэдакцыю “Правды” і Траццякоўскую галерэю. Найбольш уразіла мяне Траццякоўка, дзе можна было “жыўцом” пабачыць шэдэўры мастакоў, вядомыя са школьных падручнікаў і каляровых укладак часопіса “Огонёк”.

Памятаю змрочныя, халодныя дні, чэргі практычна ўсюды і падкрэсленую абыякавасць масквічоў да нашага нясмелага і трохі перапалоханага правінцыйнага гурту. Усюды нас падганялі, напаміналі пра нашу “прыезджасць” і чамусьці чакалі ад нас

*** “Скарыніч” - Песняру Беларусі Г.Бураўкіну з нагоды 75-годдзя, што адзначалася ў верасні 2011 г.,:***

Не прытоміцца Ліра крыляць
З паміж Свечкі і Зоркі
У бязмежную Майскую просінь
На магутным крыле Жураўлінам…

воклічаў здзіўлення і ўдзячнасці нямаведама за што. Славутая Чырвоная плошча здалася няўклюднай, недагледжанай і пуставатай, а храм Васіля Блажэннага на ёй рабіў ураджанне выпадкова забытай нейкім багатым князем ці баярынам прыгожай цацкі з далёкіх казачных часоў…

Пазней я, безумоўна, разгледзеў і ацаніў і велічнасць крамлёўскай сцяны, і прасторную стрыманасць вуліцы Горкага, і ранішнія зацішныя прысады Сакольнікаў, і вячэрнія прыцемненыя агні Вялікага тэатра, і маладую разняволенасць Вераб'ёвых гораў. Пазней святымі для нас сталі Новадзевічыя могілкі і паўзабытыя "талстоўскія" ды "булгакаўскія" мясціны. І сваім, утульным і нават хатнім, стаў ЦДЛ (Цэнтральны дом літаратара), дзе можна было зблізку ўгледзець паўнаватага, недаступнага Аляксандра Трыфанавіча Твардоўскага і па-юнацку стройнага, парывістага Канстанціна Міхайлавіча Сіманава, мілага, інтэлігентнага Алеся Цярэнцявіча Ганчара і ўсмешлівага, дабразычлівага Мустая Сафіча Карыма, асляпляльна прыгожую, незямную ў паэтычным парыванні Бэлу Ахмадуліну і губастага, рашучага і ўпэўненага Роберта Раждзесцвенскага. А ў рэстаране можна было апынуцца за адным сяброўскім сталом з іранічным, нахохленым Міхаілам Святловым ці змрачнаватым і мужыкаватым Яраславам Смеляковым, які пасля чарговай чаркі мог выцягнуць з кішэні стары, зашмальцаваны пашпарт і паказаць запіс, што родам ён з Сенненскага раёна Віцебскай вобласці… Колькі там прагучала бліскучых экспромтаў і нечаканых прызнанняў, горкіх успамінаў і бязлітасных спрэчак! Якое гэта было "піршаства духу" і сапраўды братняе яднанне талентаў! Непрыкметна і натуральна, пад звон кілішкаў і хмельныя спавяданні, блукалі там вальнадумныя настроі і ідэі, што пасля гучна назваліся "адлігай" і "перабудовай"…

А хіба я магу забыць доўгія вечары ў гатэльных нумарах "Масквы" і "Расіі" з Віктарам Астаф'евым і Дзмітром Паўлычкам. Ніякія разумныя падручнікі і ўніверсітэцкія лекцыі не маглі даць такога глыбіннага адчування гісторыі і характару расійцаў і ўкраінцаў, як мудрыя і бязлітасныя развагі гэтых двух выдатных майстроў мастацкага слова. Мажа, якраз светлай памяці Віктар Пятровіч прывучыў мяне заўсёды спачуваць затурканаму і скалечанаму жыццём так званаму простаму чалавеку, на якім урэшце і трымаецца ўсё ў гэтым зусім не лепшым свеце. А без

Дзмітра Васільевіча я так глыбока не зразумеў бы ні трагедый нашых паўднёвых суседзяў у трыццатыя і саракавыя гады мінулага стагоддзя, ні шчымлівага адчаю шаўчэнкаўскіх вершаў і журлівых песень-дум сівабародых кабзароў. І было ж яшчэ сумоўе з негаманкім, строгім літоўцам Юсцінасам Марцінкявічусам, з чарнавокім, неспакойным малдаванінам Паўлам Боцу, з маўклівым, загадкавым латышом Марысам Чаклайсам, з паважным, удумлівым казахам Алжасам Суляйменавым… Як спявалася ў папулярным некалі фільме “Свінарка і пастух”, “пазнаёміла нас, падружыла” белакаменная і чырвоназорая Масква.

Тут збіраліся мы на тлумныя пісьменніцкія з’езды і пленумы, на ўрачыстыя афіцыйныя паседжанні і канферэнцыі і проста на рабочыя абмеркаванні ў рэдакцыях часопісаў і выдавецтваў. Тут усіх нас яднала і вучыла вялікая руская мова, пераклады на якую давалі не толькі шчаслівую магчымасць сачыць за поспехамі адзін аднаго, а і выводзілі ў шырокі еўрапейскі свет.

Па розных справах бываючы ў Маскве, я абавязкова пакідаў хаця б адзін вечар, каб зазірнуць на вуліцу Чарняхоўскага да ціхага, уважлівага Якава Аляксандравіча Хялемскага ці на Бегавую – да шумнага, кампанейскага Рыгора Куранёва. Не ведаю, як каму, а мне іхнія таленавітыя, беражныя пераклады дапамагалі часам знайсці ў сваіх радках і тое, што не заўсёды заўважаў сам…

Цікава, што якраз з Масквы, з глухіх цэкоўскіх і кадэбісцкіх кабінетаў ляцелі штогод да нашых мінскіх старанных і дысцыплінаваных чыноўнікаў грозныя дырэктывы і інструкцыі па выхаванні мясцовай інтэлігенцыі ў духу пралетарскага інтэрнацыяналізму і бязлітаснай барацьбы з хітра схаванымі антысаветчыкамі і рознымі сепаратыстамі і нацыяналістамі, і менавіта сюды ад самадурства правінцыйных ідэалагічных цэрбераў уцякалі найбольш светлыя і смелыя таленты навукі і літаратуры. Сюды, ратуючыся ад гневу ашалелых сталіністаў, збег Алесь Адамовіч. Сюды па падтрымку і абарону прыязджаў Васіль Быкаў, калі дома цкаванне рабілася невыносным, а рукапісы новых аповесцяў пільнымі цэнзарамі вышкрабаліся і выстрыгаліся да поўнай “стэрыльнасці”. Хоць геаграфічна Мінск намнога бліжэй да Еўропы, дысідэнцтва і славутага плюралізму ў Маскве тады было значна болей і праламіць каменную сцяну тупых забарон і ахоўных страхаў тут удавалася часцей. Дарэчы, мне здаецца ў пэўным сэнсе сімвалічным, што збалелае, неспакойнае сэрца Алеся Адамовіча

заўчасна разарвалася ў будынку аднаго з маскоўскіх судоў, дзе ён з усёй сілай сваёй перакананасці і выбуховага тэмпераменту бараніў маладую дэмакратыю. Свядома безразважна паклаў ён жыццё на алтар справядлівасці і праўды – "за нашу і вашу волю" і назаўсёды вярнуўся ў родную Глушу на Бабруйшчыне, да магіл бацькоў, так і не сустрэўшы шчасця каля непрыступных крамлёўскіх вежаў…

Сёння Масква інакшая, яшчэ больш купецкая і амбіцыйная, шматлюдная і шыкоўная, тлумная і жорсткая. Няма ўжо гатэля "Масква", дзе загадкава трагічна загінуў Янка Купала, няма тых цесных і беднаватых кавярняў, куды мы забягаліся адкрыць адзін аднаму душу з Андрэем Вазнясенскім і Рымай Казаковай, Валянцінам Аскоцкім і Лазарам Лазаравым. Ды і іх ужо няма на гэтым свеце, бяздумна-вясёлым і бязлітасна-прагматычным. Няма кніжных развалаў, дзе можна было знайсці дарэвалюцыйны томік Лермантава ці неразрэзаны раман Мяражкоўскага. Цяпер усё завалена таннай дэтэктыўнай макулатурай графаманістых сталічных дамачак і рознакаляровымі дыскамі безгалосай сталічнай папсы, а з вялізных рэкламных плакатаў і бігбордаў самазадаволена ўсміхаюцца то непрыстойна растлусцелая прымадонна эстрады, то зарослы модным шчаціннем алігарх з юрліва прыжмуранымі алавянымі вочкамі. Яшчэ больш мітусліва бегаюць у канцылярскіх калідорах вышкаленыя клеркі, яшчэ больш адкрыта размахваюць запыленымі імперскімі сцягамі вялікія і малыя начальнікі, і ўсё далей і далей ад удзірванелых прыволжскіх палёў і струхлелых смаленскіх хат ляцяць, вальяжна пагойдваючыся, запушчаныя з Чырвонай плошчы асляпляльна яркія паветраныя шары прапагандысцкіх усхваленняў і прыгожых дзяржаўных абяцанняў…

Не мая гэта Масква, не мая – сучасная, багатая, дзелавая, упэўненая, раскутая, гордая, цынічна-заклапочаная. Магчыма, такой яна і павінна быць у нашы акаянныя, суровыя дні. Магчыма, якраз такой яе і любяць сённяшнія авантурысты і касмапаліты і іхнія ўсемагутныя рэспектабельныя шэфы і босы. Хто ведае, можа, так яно і павінна быць і гістарычна нават апраўдана. Толькі ў "маёй" Маскве было болей мяккай славянскай душы, было болей вярэдлівага сумлення і куды болей дарагіх мне людзей, нават калі я некага асабіста і не ведаў…

І ўсё ж я кажу Маскве дзякуй за тое, што яна была ў маім жыцці і жыцці маёй роднай зямлі і фактам свайго існавання не раз

будзіла ад балотнага правінцыйнага сну і вымушала думаць, а то і зацята змагацца за нашу прыспаную нацыянальную гордасць…

Я разумею класіка, які аднойчы ўзрушана ўсклікнуў: “Масква! Як многа ў гэтым гуку…” І для мяне таксама многа самага рознага злілося ў гэтым з дзяцінства звыклым і да канца не разгаданым гуку…

Валеры Казакоў

“Ды ўваскрэсне Бог…”

(Крыж Еўфрасініі, другая частка)

– Не твая праўда, браце, не твая! – месцанадзорнік ускочыў з крэсла, раззлавана матнуў рукой і засноўдаў па прасторнай зале, цэнтр якой займаў велізарны абедзенны стол, старадаўні і дыхтоўны, як і ўсё начынне гэтага непрыкметнага асабняка ў Чыстапрудным завулку сталіцы, якая губляе сваё гістарычнае аблічча. На цёмнай стальніцы неяк ненатуральна самотна стаялі два чайныя прыборы з ружаватай кітайскай парцаляны, мудрагелістая цукарніца ЛФЗ часоў развітага сацыялізму і нізкая срэбная талерка з хатнім печывам. Талерка прыпадабнялася да стала: масіўная, разлапістая, насуплена зіхцела даўнінным срэбрам. Гэты прадмет сервіроўкі, мабыць, адзіны не выбіваўся з вакольнага інтэр’еру.

“Бач ты, яшчэ і сляды Найсвятога не пабляклі ў гэтых пакоях, а ўжо нейкі пярэпалах у чайнай цырымоніі. Усё ў разнатык, – з уздыхам падумаў мітрапаліт Філафей, хаваючы здрадліва-дрыготкія рукі пад шырокую сівую бараду. І што ўжо я яму такога сказаў? А наваліўся, наваліўся ж як…”

– Хопіць, ласкавы наш Філафей, вочы патуляць! – спыніўся ў куце Кіпрыян, – паспрабуй патлумачыць, што гэта значыць: “Жэрабе Гасподняе ўсё вырашыць”? Ці не страціў ты розум, браце, кідаць на пасмешышча такую працу, такія здзяйсненні! Ці ты вырашыў на ўсё забыцца і перафарбавацца пад прастака? Ды не маўчы ты! – ён капрызна тупнуў нагой.

“Бач, як цябе, небараку, страсці круцяць. Таго і глядзі – у вуха мне заедзе… – Асцярожна, нібы тоячыся, праслізнула крамольная думка, іерарх нават спалохацца яе не паспеў. – Што ж гэта мяне спакусіла ляпнуць пра гэтае трыклятае жэрабя! Эх, язык мой паганы... – мітрапаліт павольна пачаў паднімаць сваю прыгожую і годную галаву; доўгая сівая барада, падзеленая па сяродку яшчэ цёмнай, не пасівелай пасмай, нібы ўзнятая заслона, здрадліва агаліла дрыготкія рукі. Тыя яшчэ з семінарскіх часоў былі яго Ахілесавай пятой: варта было яму толькі ўсумніцца ў праведнасці свайго ці чужога слова, учынку, справы, а то і намеру, як тонкія пальцы пачыналі падрыгваць. – Не хапала яшчэ, каб ён заўважыў маю збянтэжанасць”. – Філафей паспешна склаў рукі.

– Дык жа такая традыцыя і каноны царкоўныя: ці жэрабя перад Святым Аблічам, ці шары белы і чорны. Такая традыцыя, і не намі яна заведзе…

– Бачу я, Філафей, не жадаеш ты мяне зразумець і пачуць! – абарваў яго на паўслове месцанадзорнік, пругка, нібы натрэніраваны спартовец, падскочыў да стала, упёрся рукамі а край і навіс над прыпалоханым суразмоўцам. – Не магу цябе зразумець! Ты ўсё ж са мной – ці не? – рудыя вочы гарэлі разадзьмутымі вуглямі, наздрыны нейк раз’юшана торгаліся, акладзістая купецкая барада тырканулася наперад, нібы невядомая зброя. – Мне з раніцы данеслі, што ты ўчора ўвечары, пасля нашай гутаркі, кантачыў з Уладзімірам… Можа, перакінуцца вырашыў? – Кіпрыян рашуча адпіхнуўся ад стала і выпрастаўся ва ўвесь свой немалы рост. – Ну, адказвай.

Рукі перасталі дрыжаць, і Філафей выразна адчуў, што грозны ўладыка, які скалынае “воздуха и тверди”, проста баіцца наведніка і цалкам залежыць ад яго, Філафеевай, пазіцыі. Звыклы за доўгае царкоўнае жыццё ўзважваць і хаваць ад староннiх не толькі свае словы, учынкі, але нават і думкі, ён павольна ўстаў і, гледзячы прама ў вочы свайму візаві, ціхім голасам прамовіў:

– Усе нашыя дамоўленасці застаюцца: я паспрабую адцягнуць на сябе галасы найбольш радыкальных япіскапаў, а наконадні галоўнага вызначэння зніму сваю кандыдатуру ў вашую карысць. Я, уладыка, вам на гэта крыж учора цалаваў. Пра якія сумневы можа быць гаворка? Што да Уладзіміра, то быў я ва ўладыкі ўвечары, сапраўды быў, і гутарку меў з ім працяглую з прапановай паўплываць на вас і схіліць да самаадводу ў імя выратавання нашай маці Царквы…

– Дык вось яна га́дзіна, прыгрэтая намі ля стальца! Можна падумаць, ён гэтае выратаванне? – уладыка пачаў шнураваць па пакоі. – Ну і што ты яму, браце, на гэта адказаў? – не спыняючыся, як бы не без адмысловай цікаўнасці кінуў ён Філафею.

– Ну а што мне яму было адказваць? Праўду і адказаў: што ні ён, ні я, грэшны, ні хто іншы не здолее быць за стырном нашага шматпакутнага карабля, ні здароўя, ні сілаў, ні запалу нам на гэта не хопіць. Відаць, так ужо наканавана. Толькі, уладыка, трэба традыцый не парушыць…

– Дапільнуем мы тваіх традыцый, не хвалюйся, але галасаваць будзем праз урны. Вось Цэнтравыбаркам гатовы электроннымі

забяспечыць і дапамагчы арганізаваць падлік галасоў. Шары, жэрабе – гэта ўжо сярэднявечнае цемрашальства. Час адыходзіць, Філафей! – узрадавана ўскрыкнуў без пяці хвілін Патрыярх. – Паслухай, Філафей, а хочаш, я цябе святым зраблю? Ды пачакай ты ў бутлю сціпласці лезці, – жалезна абарваў ён схамянелага ўладыку. – О, я ведаю, як уславіць тваё імя ў тваёй мітраполіі! Усё, не пярэч, не дзякуй, друг ты наш душэўны! – Кіпрыян дастаў з кішэні падрызніка пазалочаную візітоўку з дыяментавым – ужо патрыяршым – вензелем. Хутка штосьці чыркануў на адвароце і працягнуў пахкую тонкімі духамі картку агаломшанаму Філафею. – Вось, патэлефануеш па гэтым нумары, прадставішся, скажаш, што ад мяне – і паедзеш, куды скажуць. Я ўсіх папярэджу. Лішняга там не балбачы, а галоўнае, пасля маўчы – і вечнае ўслаўленне твайго імя ў тваім смутным краі забяспечана. Давай, браце, лабызацца, ды я і пабягу. Прэзідэнт чакаць не будзе, а яго падтрымка таксама не зашкодзіць цяпер. А табе дзякуй, я дабро памятаю…

***

Памесны сабор гудзеў, як гуслі самагуды. Ва ўсякага выбарнага парафіяніна, святара, манаха, япіскапа ці проста цікаўнага, які прарваўся ў святая святых, былі свае меркаванні і развагі датычна будучыні Рускай Царквы. Царква, царква! Нібыта і Божае папушчэнне, а без страсцей чалавекаў ніяк ты абысціся не можаш! І дзеюцца справы нябесныя на ўсё той жа шматгрэшнай зямлі нашай. Так і хочацца выгукнуць: Госпадзь, за што ў слугаў тваіх такія мірскія клопаты?!

Гудзеў Сабор. Часовыя партыі то збіваліся ў стройны гоман і гатовыя былі стаяць на сваім да канца, то раптам, без бачных на тое прычынаў, рассыпаліся, “аки дом на песку побудованый”. Да абеда ці вечара ўчарашнія саюзнікі ўжо звярталіся да супернікаў і зноў абяцалі адзін аднаму быць вернымі новай платформе да сканчэння свету.

З прэтэндэнтаў на першасвятарскі сталец безумоўнымі лідарамі былі: Філафей – старэйшы і шматвопытнейшы іерарх (Яму большасць і прадказвала перамогу. Досвед, мяккасць, згаворлівасць, апантанасць веры і, што таксама важна, паважны ўзрост. “Дай Бог, годзікаў з пяць працягне, а там і на супакой ці і наогул у іншыя палестыны”. – Чаго хаваць, многія так думалі, асабліва з моладзі, прымяраючы на сябе ў будучыні Патрыяршы

куколь. “За гэтыя гадочкі якраз я і падрасту ды спрактыкуюся, сувязямі абрасту, ды і ўзмужнею крыху”); другім па справядлівасці ішоў мітрапаліт Уладзімір, улюбёнец і надзея памерлага Патрыярха, за ім стаялі манастыры і заўзятары веры з парафіянаў – сіла ў царквы што ні ёсць станавая; трэцім ішоў Кіпрыян, трыбун царквы, яе медыйная зорка, знаўца Пісання, прыроджаны інтрыган і царкоўны магнат, за ім стаяла свецкая ўлада, а галоўнае – адна вельмі і вельмі кампетэнтная ўплывовая арганізацыя.

Філафей адасобіўся ад усіх у сваім падворку і выходзіў толькі да лекараў, якія клапаціліся над яго хворымі нагамі. Стаянне ў веры – гэта не толькі зацятая малітва і непахісная ўпэўненасць у праваце спраў Усявышняга, гэта яшчэ марудлівае стаянне на сваіх нагах. Пакуль малады – штодзённыя шматгадзінныя службы не такія ўжо і цяжкія, бывала, прыйдзеш у келлю ледзь жывым, абутак скінеш, келейнік ногі разгладзіць, паўгадзінкі падрэмлеш – і зноў, прутчэйшы, да алтара. З гадамі ўсё цяжэй і цяжэй было стаяць, ды і рухацца па настылай каменнай падлозе і гранітных прыступках. Пасля пяцідзесяці ногі дранцвеюць, бервянеюць. А тут, у Маскве, ужо гадоў як з дзесяць абвясціўся адзін цудоўны лекар, ні то бурат, ні то кітаец – гадзінку павядзьмарыць, паціскае лыткі, іголкамі патыкае, маззю натрэ – і ўсе болі, і ўсе цяжары як рукой здымае. Адно клопатна: не меней дзесяці разоў запар трэба з кітайцам сустракацца. Гэта – па-першае, па-другое – раз у паўгода курсы гэтыя паўтараць неабходна, інакш усе непрыемнасці паступова вяртаюцца. Вось Філафей і карыстаўся зацяжным тырчаннем у першапрастольнай. Спасылаючыся на знямогу, цалкам зразумелую ў ягоным узросце, і на душэўныя разлады ў сувязі са стратай не толькі дабрадатнага першасвятара, але яшчэ і даўняга свайго сябра і паплечніка, мітрапаліт пазбег удзелу ў розных партыях. Прыняўшы для сябе рашэнне, ён скарыўся лёсу, паставіўшы на Кіпрыяна, хоць, як ніхто іншы, ведаў сапраўдны кошт гэтаму практычнаму чалавеку з душой ачытаніка. “Але ўсё ў правіцы Тваёй, о Гасподзь! Так ужо склалася ў нашай у Царкве, што ніхто іншы не сцерпіць сёння гэтага грузу, ніхто. Патрэбен такі цвёрды, уладны, свецкі правіцель, інакш, і Кіпрыян мае рацыю, усё рассыплецца, зачаўрэе, раскрадзецца”. – Думкі пра сваё патрыярства ён адганяў, як надакучлівых сабак, хоць, сябе ж не падманіш, чарвяк ганарыстасці ўсё ж тачыў яго знутры. Вось у

такія хвіліны змаганняў ён і ўспомніў пра Кіпрыянаву візітоўку з таямнічым тэлефонам, які даруе людзям святасць.

На іншым канцы слухаўку паднялі амаль адразу. “Відаць казённую ўстанову”, – падумаў ён і прадставіўся.

– Добрага дня, уладыка. Нас папярэдзілі, і мы вас чакаем. Калі ласка, запішыце адрас і прыязджайце ў кожным зручным вам часе. Пропуск на машыну ўжо замоўлены.

Ехаць давялося недалёка, у раён Любянкі. Як і ва ўсякага чалавека сталага ўзросту, ва ўладыкі да гэтага сталічнага квартала была ўстойлівая прадузятасць. Праўда, сёння не тое, каб ён баяўся гэтага некалі ўсёмагутнаго ведамства – пільнага наглядчыка і неадчэпнага ўмяшальніка ў справы царкоўныя; хутчэй па старой памяці ён ніяк не мог пазбавіцца ад устойлівага пачуцця агіды пры кантакце як з самой сістэмай, так і з яе прадстаўнікамі. Сёння палінялыя спадчыннікі Фелікса і Лаўрэнція зноў набывалі сваю цёмна-блакітную афарбоўку, і іх паружавелыя ад напятае цікаўнасці вушы тырчэлі з кожнай хоць трохі прыстойнае ўстановы. Уладыка спадзяваўся на Провід і толькі пасля адпаведных візітаў і сустрэч доўга мыў рукі з мылам, як пасля кантакту з заразнымі хворымі.

Завулак, у які яны прыехалі, знаходзіўся крыху збоку ад асноўнага змрочнага квартала, дзе ад шэрага мармуру і бетону і ў ясны дзень вісела нейкае пахмурнае марыва. Дамок, пазначаны ў адрасе, нічога з сябе характэрнага не ўяўляў, так – сярэдняй рукі маскоўскі асабнячок, толькі незвычайная падвоценка з калонамі.

– З якога ляду тут калоны? – падумаў уладыка і, у думцы ахінуўшы сябе хросным знакам, ступіў у прадбачліва расчыненыя бясколерным чалавекам дзверы.

Усярэдзіне дом выглядаў нашмат старэй, чым гэта здалося знадворку. Нешырокія мармуровыя пакатыя прыступкі ўздымаліся да пакояў. Сходкі былі да таго сцёртыя наведнікамі, і часам, ступаць на іх сярэдзіну было небяспечна, а смяльчак, які занядбаў гэтую асцярогу, рызыкаваў спатыкнуцца ці падвярнуць нагу на коўзкім стаптаным мармуры, што нейкім цудам захоўваў сваю першасную, іскрыстую белізну.

– Рады, рады вас вітаць у нашых палацах, паважаны Леанід Паўлавіч! – па-свецку звярнуўся да ўладыкі сярэдняга росту чалавек, апрануты ў цёмна-шэры гарнітур, шэрую кашулю і ледзь адрозны шэры ў карычневую крапінку гальштук. – Правільна, вось

тут правым бокам і ўздымайцеся, прыступкі пакатыя і, што вельмі важна, плоскія, не тое што пасярэдзіне, там мы і самі ўжо даўно не ходзім. Працерліся, знасіліся, а памяняць гэтую даўніну рука не паднімаецца. Паданні захоўваюць такія расповеды – валасы дыбам устаюць…

Уладыка не спяшаючыся падняўся сходкамі, пасля сеансаў кітайска-тыбецкага лекара такія перашкоды былі для яго звычайнай дробяззю. “Нейкі нядобры дом”, – міжволі мільгатнула ў галаве недарэчная думка. Не любіў уладыка падобных думак, нечакана бянтэжных. – Ды ўваскрэсне Бог і змарнатравяцца ворагі яго… – пачаў ён чытаць малітву, якая здымала ўсякія насланні, выпрабаванні, адпрэчвала ліхія думкі і вобразы. Пацiскаючы руку шэрага чалавека і адступаючы за ім, уладыка дачытаў моўчкі малітву і ахінуў сябе хросным знакам. Бочным зрокам яму здалося, што спадарожнік на гэта кісла ўхмыльнуўся і нібыта хіснуўся ад яго.

– Прабачце вялікадушна, не расчуў, як вас па імі-бацечку? – каб перапыніць ніякаватае маўчанне, спытаў мітрапаліт, з цікавасцю разглядаючы шкляныя вітрыны плоскіх шафаў, што цягнуліся ўздоўж калідора, нібы праскочваючы праз праёмы высокіх спічастых вокнаў, дзверы.

– Гэта вы мне прабачце, трэба ж, забыўся назвацца! – Няшчыра кудахнуў гаспадар. – Палкоўнік Семчышын Антон Генрыхавіч, тутэйшы, так бы мовіць, наглядчык усяго гэтага дабра. – Ён шырока развёў рукамі. – Вось ужо пятнаццаць гадоў як служу пры іх. І яны да мяне прывыклі, і я да іх, так што цяжка разабрацца, хто з нас больш галоўны. Давайце спачатку зойдзем да мяне ў кабінет, гарбаткі вып’ем, пагаворым пра вашыя патрэбы, а потым ужо я вам сам правяду экскурсію па гэтым доме.

– Выбачайце, а што тут за дэпартамент і якому ведамству ён падпарадкаваны?

– Ведамства ўкола пануе толькі адно: ФСБ–КДБ–ОГПУ–ВЧК, як каму зручней. Няўжо той, хто паслаў да нас, не распавёў, куды вас скіроўвае?

– Ды не, неяк часу не хапіла, – як мага абыякавей адказаў уладыка, спыняючыся каля вітрыны, застаўленай пранумараванымі чалавечымі чарапамі. – Па праўдзе сказаць, я толкам і не ведаю, навошта сюды прыехаў. Нейкія дзіўныя ў вас экспанаты. Гэта, тут што – музей? – ён паказаў на шчэпленыя радамі сківі цы.

– Доўгая гэта гісторыя, але мы - не музей; у мінулым вельмі сур'ёзная навуковая ўстанова, а пачыналі са сціплай, вельмі сакрэтнай лабараторыі. Вы што-небудзь пра Глеба Бокія чулі?

– Толькі штосьці самае агульнае: адзін з кіраўнікоў ЧК, блізкі Леніну чалавек і, здаецца, ці то ён сам застрэліўся, ці то яго расстралялі ў трыццатыя. Я нічога не блытаю?

– Увогуле, дык не, – усміхнуўся палкоўнік, – для чалавека культу вы няблага інфармаваны.

Яны павярнулі направа ў бакавы калідор, спусціліся на некалькі прыступак і, абмінуўшы старамодную велізарную прыёмную з пажылой, няветлай сакратаркай, апынуліся ў кабінеце, які хутчэй нагадваў нейкую тронную залу.

– Ну, вось і мае харомы! Зрэдзьчас, не паверыце, выць тут хочацца, а іншых адпаведных памяшканняў няма, вось і пылюся тут як лабараторны інвентар. Праходзьце, давайце вось тут і прысядзем. – Антон Генрыхавіч паказаў крыху зніякавеламу ўладыку на старадаўнія крэслы з вітымі ножкамі і веерападобнымі спінкамі, рэзанымі мудрагелістымі ўзорамі. Побач з трыма крэсламі стаяў такі ж калчаногі нізенькі столік з багата інкруставанай стальніцай.

Уладыка, не тоячы цікаўнасці, азіраўся вакол. Дзівіцца і сцішыцца тут было ад чаго. Высачэзныя гатычныя вокны з вітражамі ва ўсю вышыню ўяўлялі з сябе карціны нейкай старажытнай містэрыі, аднак мазаічны малюнак разабраць было складана, амаль на ўсіх вокнах звісалі паўспушчаныя, некалі белыя, а цяпер пашарэлыя ад часу і пранняў маркізы. Акрамя празрыстых фіранак па баках кожнага акна ад самай падлогі да столі падніматліся цяжкія аксамітавыя занавесы з жоўтымі пэндзлямі вітых перавязяў. Ад недахопу святла ў памяшканні панаваў устойлівы прыцемак, ад чаго мэбля ды іншыя прадметы набывалі нейкі таямнічы, крыху жукаваты выгляд.

– Так, змрачнавата ў нас, – нібыта ўлад ураженню мітрапаліта, абыякава прамовіў гаспадар дзіўных апартаментаў. – Гэта яшчэ сонейка злёгку свеціць, а ў хмурныя дні без электрычнасці і заблудзіцца можна. Зрэшты, гэтая зала калісьці ў дваццатыя гады і была праславутай лабараторыяй Глеба Паўлавіча Бокія, іншыя памяшканні займалі сумежныя аддзелы нашай установы. Усяго тут хапала, аж да кабінетаў спецдазнанняў, – прамоўца зрабіў паўзу, як бы даючы слухачу час асэнсаваць сказанае.

Уладыка маўчаў і засяроджана разглядваў бачныя фрагменты вітражоў.

– Гляджу, вас акенцы нашыя зацікавілі? Забаўныя малюначкі, асабліва калі шторкі паднятыя і сонца пры заходзе іх цалкам асвятляе. Сонца тут, дарэчы, толькі падвечар і з’яўляецца…

– Прабачце міласціва, ніяк не магу разабраць, што за сцэны тут прадстаўлены? – перапыніў яго ўладыка і ўжо было рушыў да блізкага аконнага праёму.

– Непрыстойныя вельмі малюначкі, з паганскіх, звязаныя з культам Дыяніса і Вакханаліямі. Але гэта, так бы мовіць, дасталося спадчынай ад распуснага царызму. Дамок гэты яшчэ той, штосьці накшталт рыжскага “Дома чорнагаловых”… Належаў, праўда, блізкай радні не імператарскай галіны Раманавых… Давайце ўсё ж прысядзем, – ён зноў паказаў на крэслы вакол калчаногага століка.

Расселіся. Дзесьці ў глыбіні зазваніў тэлефон.

– Выбачайце, але трубку гэтага апарата браць трэба ў абавязковым парадку, – і гаспадар як бы растаў у прыцемку.

Неўзабаве ў самым канцы залы нязырка запалілася настольная лямпа пад вялікай зялёнай засняй. Уладыка са здзіўленнем заўважыў, што сцяна за рабочым сталом, які стаіць на невялікім узвышэнні, уяўляла сабою велізарнае акно, наглуха зашторанае аксамітавай заслонай, бо фіранкай гэта назваць ніяк не выпадала. Пра што гаварыў гаспадар, разабраць было немагчыма, ды і размова вялася хутка й на нейкай азіяцкай гаворцы.

“З якога ляду я сюды прыцягнуўся, сядзеў бы сабе дома і цешыўся з спакою. Стары ўжо, а ўсё цікавосткамі праняты, – пачаў ён сябе дакараць, аднак увагу яго прыцягнулі дзіўныя інкрустацыі на століку. Гэта былі надпісы на старажытным іўрыце і нейкія кабалічныя малюнкі. – Так, не дом, а суцэльная брыдота, за такім сталом і хлеб у горла не палезе. – На яго радасць, гаспадар вярнуўся, ды і сакратарка выплыла з цямрэчы з велізарным падносам. Моўчкі яна заслала стол пластыкавымі сервіравальнымі сурвэткамі з малюнкам яркай трапічнай садавіны, расставіла кубкі, на сярэдзіне стала ўзняла вялікі імбрык і дзве невялікія талеркі з ласункамі, акуратнымі долькамі цытрыны, цукрам, арэшкамі і сухафруктамі.

– Не зважаючы на ўсю нашую змрочнасць, чай у нас традыцыйна бездакорнай якасці, – разліваючы бурштынавую вадкасць у тонкія кубкі, прамовіў гаспадар. – Я бачу, вас

бянтэжыць прысутнасць у нас, і ці не пачалі ўжо сябе дакараць у тым, што сюды з’явіліся. Уладыка, не пярэчце. Усе мы дамаседы і вельмі не любім рабіць дзіўныя візіты ці прымаць у сябе дзіўных візіцёраў. Давайце адразу да справы, вы не супраць?

– Не выпадае пярэчыць. Вы праніклівы чалавек, мне сапраўды неяк не па сабе ад усяго гэтага, – Філафей нявызначана павёў перад сабой рукой. – Прызнацца, я ўжо было пашкадаваў, што сюды прыехаў. Аднак у Царквы, як і ў вашай арганізацыі, блаславенне кіраўніка выконваецца бясспрэчна і хутка. Дык навошта я да вас пасланы? Пытанне, вядома, ніякаватае, але шчырае. Я, сапраўды, не ведаю, пра што казаў месцанадзорнік. – Уладыка ўважліва паглядзеў на суразмоўцу. Твар якога, пры ўсёй яго рэльефнасці, быў нейкім знікомым. Вось, здаецца, нос, рот, скулы, але адвядзі вочы – і ты іх не можаш уявіць у памяці, дакладней, па асобку нібыта і ўяўляеш, а вось звесці разам, каб склалася выява толькі што бачанага чалавека, аніяк не атрымліваецца.

Чай аднак быў выдатным, з нейкімі траўкамі ці карэннямі.

– Навошта вы прыйшлі, думаю, вам будучы Патрыярх растлумачыць, ды вы і самі хутка аб усім здагадаецеся. Не будзем мы, напэўна, хадзіць па нашых залах і катакомбах, думаецца, экскурсія для вас будзе не з прыемных. Але кароткую гісторыю пытання я ўсё ж выкладу. – Ён як бы на хвіліну задумаўся, узважваючы, а ці варта наогул працягваць? Бо і саноўны гэты манах, і ўся яго царква з фанатычнымі вернікамі-невукамі адносіць усё, пра што пойдзе гаворка, да сатанізма і сведчання прысутнасці вечнага Зла на зямлі. Але ён усё ж вырашыў працягнуць, а заадно лішні раз праверыць уздзеянне новых ведаў на прафана.

– Па сутнасці, мы такая ж містычная ўстанова, як і вашая царква. У нас ёсць і свае адэпты, і свае святыні… Уладыка, прашу ласкава, не пярэчце. Я вас не збіраюся пераварочваць у сваю атэістычную веру, я кажу толькі тое, што павінен вам сказаць. Лічыце, што з вамі праводзяць закрыты інструктаж. Галоўнае, чым тут займаліся і сёння займаюцца – збор, аналіз і вывучэнне таемных ведаў, паранармальных здольнасцяў чалавека, сакральных прадметаў, рэлігійных практык, ініцыяцый і старажытных культаў. Вось, да прыкладу, гэты стол. З выгляду стол як стол, скрэслены кабалістычнымі заклёнамі, формуламі і магічнымі знакамі. Нічога асаблівага, правільна?

– Вам відней, гэта ж вашая маёмасць

– І то праўда, маёмасць, казённая. Аднак краніце імбрык, толькі асцярожней.

Уладыка нерашуча дакрануўся да пукатага прыгажуна і адшмаргнуў руку:

– Горача!

– У тым і ўвесь сакрэт! Імбрык захоўвае цяпло колькі заўгодна доўга, калі яго паставіць менавіта на гэтае месца. Не верыце? Давайце прыбяром імбрык і на яго месца ўсталюем ваш кубак. – Не чакаючы згоды, Антон Генрыхавіч прарабіў маніпуляцыі з посудам. – Хвілін праз дзесяць я вярну ваш кубак… Усё, што тут захоўвацца, незвычайнае і часам невытлумачальнае. Для вас, я маю на ўвазе вернікаў, усё проста: што не зразумела – ад бога ці яго антыпода, а нам за волю Усявышняга схавацца не атрымліваецца, нам начальству пра вынікі дакладваць трэба. Дык вось, маецца ў нас асобны фонд захоўвання і вывучэння падобных штучак, сабраных і ў вашым Заходнім краі і наўпрост датычных вашай хрысціянскай канфесіі. Я тут рыхтаваўся да вашага візіту і загадаў са сховішчаў сёе-тое перамясціць часова сюды. Хадземце зірнем, пакуль чай ваш падагрэецца.

Філафею нічога не заставалася рабіць, як падпарадкавацца і прайсці за гаспадаром. Яны наблізіліся да вялікай шкляной вітрыны, падобная да тых, у калідорах. Пстрыкнуў уключальнік, і пад шклом уладыка ўбачыў старажытныя, заціснутыя ў з’едзеную часам скуру рукапісныя фаліянты, пацiры, незвычайнай формы аналойныя крыжы, падсвечнікі, кадзілы, лампадкі.

– Вы можаце ўсё патрымаць, пакратаць – замкоў на дзверцах няма.

Уладыка узяў невялікую кніжыцу, пазбаўленую вокладкі і загорнутую ў тонкую, добра выштукаваную скуру. Рукапіс быў старажытны, напісаны дзіўнымі бурымі, месцамі зусім выліняльмі чарніламі. Не спяшаючыся, ён начапіў акуляры і паспрабаваў прачытаць тэкст. Мова аказалася не царкоўна-славянскай, а нейкай дзіўна-знаёмай, як быццам ён яе нядаўна чуў на вуліцы. Гэта відавочна было Адкрыццё Іаана Багаслова з вельмі дзіўнымі тлумачэннямі. Пры гэтым тлумачэнне тэкста ішло адразу за кананічным пісаннем.

– З усіх сабраных у гэтай шафе рукапісаў вы чамусьці ўзялі самую дзіўную…

– Што – і яна таксама чай падаграе?

– Ды не, гэта адзіны, наколькі мне вядома, у свеце асобнік Апакаліпсіса, перапісаны ў шаснаццатым стагоддзі ўніяцкім манахам сваёй крывёй. З прароцкімі тлумачэннямі. Наогул, уніяцкіх і старажытнарускіх, у сэнсе Полацкіх і Кіеўскіх, кніг засталіся адзінкі. Калі вы пры вялікай Кацюшы пачалі зганяць усіх у сваё адзінства, то ўсе кнігі і набажэнскія, і святога пісьма звозіліся ў Жыровіцкі манастыр і спальваліся. Я б дорага аддаў за адну толькі дробку попелу з таго вогнішча. Сотні, тысячы тады згарэла кніг. Не, я не вар’ят. Проста мы яшчэ ў дваццатыя гады даказалі, навукова даказалі, а не тэалагічна, што жменя попелу са згарэлага горада захоўвае ў сабе амаль усю інфармацыю пра сам горад і яго насельнікаў. Кнігі гэтыя цікавыя, але не асабліва каштоўныя, як на маё, дык многія можна было б даўно аддаць у музеі. Хоць там іх расцягнуць, прададуць ці і зусім згнояць у сырых склепах. Мяне, дапусцім, больш цікавіць, што капала Анэнэрбэ ў гады другой сусветнай вайны на стыку Магілёўскай і Гомельскай абласцей, ведаеце – там, дзе вядомая Блакітная крыніца. Вы часам нічога пра гэта не чулі?

– Не, не чуў, я нават і выказаць здагадку не мог, што падчас вайны кагосьці магла цікавіць археалогія, – адказаў уладыка, усталёўаючы на месца крамольныя запіскі.

– Немцаў цікавіла, ды яшчэ як.

Другая вітрына была большай, але змесцівам практычна не адрознівалася ад папярэдняй.

– Тут, уладыка, тая кніга, якую загадана вам перадаць. Паспрабуеце самі адгадаць?

– Не ўжо, прабачце, не выпадае мне гаданнямі займацца, – пакрыўджана адказаў мітрапаліт, – і яшчэ калі кніга будзе не кананічнай, ды яшчэ і крывёй пісаная – я яе не тое, што з сабой – у рукі не вазьму.

– Не, кніга цалкам кананічная, навуцы вядомая, толькі вось з часоў вайны выпала з ужытку. Для нас яна нулявы пункт захоўвання, хоць нейкія вібрацыі і стварае. Вось яна.

Уладыка асцярожна, відавочна баючыся падвоху, узяў важкі том, разгарнуў яго – і ледзь было не страціў прытомнасць. Ён трымаў ва ўласных руках старажытны рукапіс Збужскага Евангелля, беззваротна згублены ў 1941 годзе.

– Гэта копія? – анямелымі вуснамі прамовіў іерарх.

– Крыўдзіце, не тая рэпутацыя ўстановы, каб тут трымаць копіі. Арыгінал, асабіста ў 1581 годзе перапісаны збужскім князем Юрыем Алелькавічам.

– Госпадзі… быць гэтага не можа, не можа! – мітрапаліт прыціснуў да сябе левай рукой кнігу, а правай шырока перахрысціўся.

– Э, давайце-ка ў нас абыдземся без абрадавых жэстаў і малітваў. Не падыходнае для гэтага месца, а то немаведама якія працэсы запусціць можна. Бачу, што вы задаволены… Бярыце свой артэфакт – і пойдзем чай дапіваць.

– Не, не, адну хвілiначку! – прыціскаючы да сябе Евангелле, запратэставаў уладыка. – А дзе *ён*?

– Не зразумеў… Прабачце, хто дзе?

– Як хто, крыж наш! Крыж святой Еўфрасінні?!

– Вось усе крыжы, што ў нас знайшлі прыстанак, які з іх ваш – не ведаю, – відавочна з напускной абыякавасцю прамовіў палкоўнік.

– Не, не… ён у вас! У вас, калі Евангелле тут, то і крыж павінен быць тут. Іх разам вывозілі з Моўска, тады, улетку сорак першага.

– Хадзем, уладыка, чай дапіваць, – стаяў на сваім гаспадар, – хадзем, а там, можа, што і прыдумаем.

Чай сапраўды быў як кіпень, іншым разам уладыка гэтым бы феноменам зацікавіўся, а цяпер з галавы ў яго не ішла думка пра крыж – вялікую святыню нябеснай заступніцы яго мітраполіі, усяго Заходняга краю.

– Вы пакуль пачаюйце тут самотнікам, а я на хвілiначку адлучуся, – перапыніў яго разважанні Антон Генрыхавіч. – Я, здаецца, здагадаўся, пра што вы пыталі. Я хутка вярнуся, – і з гэтымі словамі гаспадар кабінета ўстаў – і яго шэрая постаць практычна растварылася ў падслепаватым змроку.

“Эх, уладыка, уладыка, – не выпускаючы з рук святую кнігу, дакараў сябе мітрапаліт, – і собіла табе ва ўсю гэтую чартаўню ўляпацца. Ды нічога, з чартаўнёй, адмалюся як-небудзь, галоўнае – Кніга гэтая і Крыж. Крыж… Гэта я ўжо больш за трыццаць гадоў на кафедры, а яго ўсё шукаюць. Свецкія, праўда, улады галоўным чынам шукаюць. Прасіў у патрыярха дабраславення на адшуканне нашых святыняў: і не дабраславіў, і забароны не выказаў... Не пра тое ты, стары корч, думаеш: вышукі, дабраславенні! У цябе вунь

поўная тэчка выразак – і ні ў адной з іх няма і паўслова пра Бокія гэтага і яго лабараторыю. Лічы, у Расіі рэліквіі толкам ніхто і не шукаў. Што ж рабіць? Евангелле я ўжо ім не аддам, – уладыка гатовы быў, пакуль няма гаспадара, распрануцца, прыціснуць кнігу да цела рамянём і схаваць ад нячыстых вачэй і рук яе пад шырокімі зморшчынамі рызы. – Ды не, не трэба нічога хаваць, чэкіст гэты нібыта сказаў, што загадана Кнігу мне аддаць. – Думкі міжволі скакалі ў растрывожанай галаве. – А Кіпрыян яшчэ той! Ведаў жа, ведаў, паскуднік, дзе гэта ўсё ўтоена было – і маўчаў, і перада мной маўчаў, і перад Сінодам, а галоўнае – прад Богам. Ох, юдолі нашы цяжкія! А як Крыжа і сапраўды ў іх няма? Можа быць, і дарма я пра Крыж гаворку завёў. Ох, хітрэй, хітрэй трэба было дзейнічаць. Перш Кнігу выратаваць, а потым ужо і за Крыжом прыходзіць, Кіпрыяну назаляць...

– Ну, вось і я, засумавалі, ніяк? – амаль над самым вухам прашамацеў голас фээсбэшніка. – Што ж вы чай не п’яце? Зараз мы яго крыху падагрэем…

– Ды вы ведаеце, я ўжо і так усюды спазняюся… – паднімаючыся, прагаварыў уладыка. – Пайду я, мабыць, з Божай дапамогай.

– Калі ласка, я вас затрымліваць не магу, не было пакуль такіх распараджэнняў, – палкоўнік, задаволены сваёй бестактоўнасцю, усміхнуўся. – Вось фармальнасці сякія-такія ўладзім – і ідзіце сабе. Прашу вас, падпішыце вось гэты фармуляр.

Уладыка апусціўся на крэсла, па-ранейшаму прыціскаючы левай рукой Евангелле.

– Ды пакладзіце вы кнігу, яна ўжо, лічыце, вашая, і адбіраць яе ніхто не будзе.

Мітрапаліт нібы не пачуў міма вушэй гэтыя словы, спрабуючы не прапусціць сэнс чытанага дакумента. Нічога асаблівага папера не ўтрымлівала. На пачатку ішло апісанне артэфакта, дзе, калі і кім створанага, кім знойдзенага, дзе хаванага, каму перадаванага…, нічога новага. Апошні абзац абвяшчаў, што дадзеная адзінка захоўвання бязвыплатна перадаецца прадстаўніку РПЦ… прозвішча, імя, імя па-бацьку, і ў дужках дробным шрыфтам: мітрапаліту Заходнякрайскаму Філафею. Не выпускаючы Кнігі, уладыка распісаўся працягнутай яму асадкай.

– Усё, мне можна ісці?

– Пакуль не, вось яшчэ тэкст абяцання, што вы ні пры якіх абставінах не маеце права выдаваць акалічнасці вашага візіту да нас, перадаваць іншым асобам змест нашай гутаркі, апісанні ўбачанага тут і гэтак далей.

– Як, а Кіпрыяну? Сіноду?

– Маўчаць, уладыка, трэба, як вось гэтаму імбрыку. Выкіпаць знутры, але маўчаць. Гэта, як у нас гаворыцца, у вашых жа інтарэсах.

Уладыка падпісаў і абяцанне.

– Ды ўжо не спяшайцеся, справа зробленая. Чай давайце ўсёткі дап’ём. На Усходзе недапіты чай – амаль абраза гаспадара і яго дастархана.

Падлілі гарачага напою з вечна разагрэтага імбрыка.

– Вы, верагодна, пра гэты крыж казалі? – цалкам адсутным голасам прамовіў палкоўнік і паклаў перад аталапелым уладыкам даўгаваты скураны футарал. – Вось ён, ваш крыж. Абяцайце, што вы да яго не дакранецеся, гэта адзіная ўмова. Рэч гэта каштоўная і яшчэ якая. Ну дык даяце слова?

Цяжка і апісаць, што дзеялася з уладыкам: і розум, і вера сашчапіліся ў нейкай унутранай сутычцы. Здавалася, яшчэ хвіліна – і сэрца выскачыць з грудзей, і ён не толькі не ўбачыць нябеснага крыжа, але ніколі не вынесе з гэтага змрочнага палаца Святое Евангелле. “Не, трэба змагацца, трэба трымацца”… «Сим и победим.» «Да воскреснет Бог и расточаться врази Его, да бежат от лица Его ненавидящие Его, яко тает воск от лица огня…» Дачытаўшы малітву да канца, уладыка вымавіў:

– Абавязваюся…

Футарал расчыніўся, і на светлай тканіне зазіхцеў старажытны знак старажытнай зямлі, шматпакутнай і доўгія стагоддзі безназоўнай, але не зваяванай, не зламанай, зямлі, якая выдужала і цяпер шукае свае ранейшыя імя і славу.

– Благаславёна імя Гасподняе за паказаны цуд здабыцця вачыма маімі крыжа Вялебнай заступніцы зямлі нашай! Дзякуй вам, якім бы вы не былі чалавекам… Пасля гэтага і памерці не страшна, – не адрываючы вачэй ад крыжа, прамовіў Філафей. – Аднаго зразумець не магу: навошта Ён вам? Кнігу аддаяце, а абадратую дзеравяку, па вашым разуменні, пакідаеце ў вязніцы? – Крыж выглядаў, як яго і апісваў Ластоўскі: нямоглым і пашкоджаным і апаганеным паляўнічымі за каменнем. – А ведаеце, што на адной з бакавін

крыжа па навучэнні Еўфрасінні майстар Лазар Богша выразаў праклён таму, хто паспрабуе вывезці гэты крыж з горада Вялебнай?

– Ведаем, і высока гэта цэнім, можа, зрэшты, гэты заклён і з'яўляецца энергетычна найбольш каштоўным элементам ва ўсёй канструкцыі выраба. Калі вам цікава, магу прачытаць гэты тэкст?

– Не, дзякуй, не я вывозіў гэты крыж – не мне і цяжар слоў гэтых несці. Дык усё ж навошта вам крыж? Вы так і не адказалі.

– Па нашым унутраным паданні, якраз на вашым месцы сядзеў небезвядомы свету Лаўрын Паўлавіч Берыя і гэтак жа, як і вы, дзіваваўся выбарам яго падначаленымі прадметаў з толькі што прыбылай з фронту машыны. Так, уладыка, той самай машыны, пра якую вы ўсё спрабавалі завесці гутарку. А выбар быў сапраўды дзіўным. Несамавіты крыж, з якога прадстаўнікі свядомага пралетарыята павыкалупвалі ўсе больш-менш каштоўныя ўстаўкі. Патрапаная кніга, нібыта перапісаная асабіста нейкім князем, ды яшчэ дзіўнай формы карэц з пахаваннеяў позняй бронзы. Вось і ўвесь скарб… Усемагутны Берыя абураўся, маўляў, навошта НКВД уся гэтая старызна, але ён ведаў, што з нашымі спрачацца – сабе даражэй. Ды і наўрад ці тады можна было даць дакладны адказ на падобныя пытанні. Таварышы, адказныя за сартаванне, адгадалі ці адчулі энергетычную сілу спалучэння гэтых прадметаў і накіравалі іх у лабараторыю. Вы разумееце, пра што я кажу?

– Прызнацца, не. Якая энергія, што – у крыжы электроўня ці акумулятар схаваныя? Не разумею…

– Можа, больш, чым электроўня. Уладыка, наша гутарка не мае ніякага сэнсу, мы не зможам зразумець адзін аднаго, бо гаворым на розных мовах, падобнымі словамі. І ўсё ж я паспрабую растлумачыць вам на пальцах. Мы лічым, што свет энергетычны, і ўся жывая і нежывая матэрыя ўзаемазлучаная паміж сабой тонкімі энергіямі. У залежнасці ад прыкладання гэтых энергій, іх канцэнтрацыі ці пераразмеркаванняў залежаць станы планеты і соцыума, на ёй заселенага. Словам, хто навучыцца першым кіраваць энергіямі – той і будзе паўнапраўным гаспадаром свету. Усе ўрады вядуць даследаванні ў гэтай галіне, але толкам вынікаў пакуль ніхто не дамогся. Дык вось, як высветлілася, крыж вашай святой – своеасаблівы энергетычны ключ, здольны пераразмяркоўваць энергіі. Чаму гэта адбываецца – ніхто не ведае, але і вярнуць яго ў энергетычную стыхію вашага народа вельмі небяспечна. Што нарабіла дзіда Лангіна, якая патрапіла з музея

Аўстрыі ў рукі аднаго германскага яфрэйтара, вы, спадзяюся, ведаеце? – палкоўнік замоўк, даўкая цішыня перапоўненага рэчамі і пылам памяшкання навалілася на ўладыку, не даючы магчымасці падумаць і асэнсаваць пачутае.

– Не мне вам, спрактыкаванаму тэолагу, тлумачыць, што ўсякая імперыя нароўні з зямным, матэрыяльным увасабленнем мае і сакральнае, містычнае ўвасабленне. Дык вось, крыж гэты ўтрымлівае вашую краіну ў гранях адзінай імперыі, ну, скажам, Раманавых – і перамяшчэнне яго ў вашыя краі можа прывесці да вельмі непрадказальных наступстваў. Ні нам, то бок Расіі, ні вакольнаму свету не патрэбен моцны, самастойны Заходні край. Не ўпісваецца ён у новы расклад свету, так што крыж гэты народ ваш ніколі назад не атрымае. Можа, яно і да лепшага… А цяпер, уладыка, будзем развітвацца. І галоўнае: забудзьцеся на ўсё, што вы тут бачылі і чулі. Са здабыцця Евангелля цудаў рабіць не варта: проста вернікі прынеслі, хто ды адкуль – ужо й не разбярэш.

Яны ўсталі і накіраваліся да выйсця.

– Не пакрыўдуйце, Антон Генрыхавіч, а што намалявана на вітражы велізарнага акна за вашым працоўным сталом?

– Вы і гэта паспелі разглядзець? Не трэба было вас сюды прыводзіць! Трон Люцыпара, які правіць светам.

– “Ды ўваскрэсне Бог…” – нягучна заспяваў уладыка і, не развітваючыся, выйшаў прэч, па ранейшаму моцна прыціскаючы да сябе неацэнны набытак.

Татьяна Кекелева

Московские адреса Ларисы Александровской

Выдающаяся оперная певица, талантливый режиссёр, активный общественный деятель, народная артистка Беларуси и СССР Лариса Помпеевна Александровская внесла огромный вклад в развитие белорусского музыкального искусства, в укрепление дружбы между народами, театральными коллективами бывших республик Советского Союза.

Благодаря кипучей концертной и гастрольной (в составе Государственного большого театра оперы и балета БССР) деятельности, работе в Белорусском театральном обществе, которое она возглавляла на протяжении тридцати лет, участию в международных организациях борцов за мир, заботе о подготовке талантливой театральной молодежи Лариса Помпеевна наладила широкие творческие связи, приобрела многочисленных поклонников и друзей.

Особенно тесно творческий путь певицы был связан с Москвой и москвичами. Среди тех, кто восхищался её дарованием, редким по красоте голосом, её исключительными вокальными и сценическими способностями, человеческими качествами – добротой, целеустремленностью, жизнестойкостью, неуемной энергией, – выдающиеся деятели русской театральной и музыкальной культуры В.В.Барсова, Д.Б.Кабалевский, И.С.Козловский, С.Я.Лемешев, М.Д.Михайлов, Б.А.Покровский, Т.Н.Хренников, М.И.Царёв, Д.Д.Шостакович, И.П.Яунзем и др. Свидетельство тому – её личный фонд № 316 в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства, в котором собрана огромная переписка с московскими солистами оперы, композиторами, дирижёрами, педагогами, програмы и афишы московских концертов, в которых выступала белорусская «прима», фотографии сцен из спектаклей Белорусского театра оперы и балета с участием московских оперных звёзд, фотографии с дарственными надписями знаменитых мастеров Большого театра, тексты воспоминаний, выступлений и поздравлений Л.П.Александровской и многое другое.

Одной из первых встреч с московской публикой стало выступление молодой певицы в партии Марыси в опере Е.Тикоцкого «Михась Подгорный» во время первой Декады белорусского искусства в Москве летом 1940 г. Искушённые московские зрители были поражены голосом, обаянием, красотой молодой певицы. О предыстории подготовки к Декаде вспоминает А.Б. Ладыгина в книге «Лариса Помпеевна Александровская» [1, с. 144-145]: «Предпоследний довоенный сезон 1939 – 1940 гг. в театре прошел под флагом подготовки к московской декаде. Готовить декадные спектакли белорусам бескорыстно помогали выдающиеся деятели музыкального искусства из Москвы. Так ещё осенью 1938 года приезжали слушать в концертном исполнении оперу Е.Тикоцкого известные советские композиторы Р.Глиэр и В.Белый, дирижёр С.Самосуд А в преддверии декады, в январе 1940 г., в театр специально приезжали замечательные мастера Большого театра – его главный дирижер Николай Семенович Голованов и великая русская певица Антонина Васильевна Нежданова. Они слушали исполнителей, консультировали постановщиков, работали с певцами. Лариса Помпеевна тогда много получила от творческого общения с выдающимися деятелями искусства, крепко подружилась с ними. Она и до того была хорошо знакома с обоими, так как будучи несколько месяцев на стажировке в Большом театре осенью 1939 г., общалась с ними и в театре, и в домашней обстановке (в Москве жила в одном доме с ними в Собиновском переулке – в знаменитом доме, который до сих пор москвичи называют Домом Неждановой).»

В 1963 г. Лариса Помпеевна написала воспоминания об А.В. Неждановой, «большом человеке, великой певице, «соловье» земли русской»: «Одной из светлых страниц моей жизни в искусстве – знакомство, встречи и даже – работа! с Антониной Васильевной Неждановой. Мне не забыть, с какой лаской, по–матерински обняв меня, Антонина Васильевна подбадривала, вселяя уверенность, во время моего первого открытого выступления с симфоническим оркестром в Москве в большом зале консерватории. И как хорошо, легко пелось, зная, что в зале сидит такой великий мастер – Антонина Васильевна, и видеть, что она с таким доброжелательством, своей чудесной улыбкой, сердечно, от души, вместе с тобой переживает и с искренней теплотой, как бы гипнотизируя тебя, помогает хорошо выступить и понравиться

взыскательному московскому слушателю […]. Я не помню Антонину Васильевну сердитой, злой, не в настроении. И меня, как-то всегда поражало удивительное равновесие в ее отношениях к людям, ее готовность выслушать вас, помочь советом, согреть, и никогда не помню ее недовольной, осуждающей кого-либо, не слыхала и жалоб на нездоровье или на неприятности. Удивительная в своем жизнерадостном восприятии всего происходящего! Ее улыбка невольно располагала к душевному спокойствию, хорошему настроению, дружбе […] .

Помню, обратились к Антонине Васильевне с просьбой поговорить с нами о законах вокала, вокальной школе, о том – как надо добиваться в спектаклях такого воздействия на слушателя, какое излучает мастерство ее исполнения, одним словом, просили рассказать, как она поет!

Антонина Васильевна как-то очень молодо застеснялась, смутилась и, как будто, растерялась, а потом, подумав, сказала: «Как я пою? Ну, открываю рот и… пою». Оказывается – так просто, – открыть рот и петь, и больше ничего! Вот в этой простоте огромный смысл всего творчества и мастерства Антонины Васильевны: на сцене она не задумывается, как взять дыхание, как им пользоваться, как надо открывать рот, как произносить слова, как вокалом передавать смысл исполняемого, как делать образ живым, человеческим, волнующим, что надо сделать, чтобы зритель сердцем понял тебя и вместе с тобой смеялся или плакал над образом, созданным композитором. Антонина Васильевна все продумала, все перечувствовала, все «наработала», вжилась в вокально-музыкально-сценический образ – ей все понятно, все ясно и она только «открывает рот, чтобы петь». На сцене она больше ни о чем не думает. Но ведь она не выйдет на сцену, если в исполняемом ею образе что-то ее не удовлетворяет. И вот добившись, поработав, войдя в жизнь образа, поняв его сущность, пронеся его через свое «я» – и только тогда она просто, как в жизни, живет правдой, чувствами, мыслями и поведением изображаемого образа, и для этого только надо «открыть рот … и петь! […]» [2].

Анализируя творческую лабораторию знаменитой певицы, Лариса Помпеевна раскрывала сложности и особенности и своей работы над ролью в оперном спектакле.

Среди выдающихся оперных певцов, друзей и поклонников её таланта, были знаменитые лирические теноры Большого театра Иван Семенович Козловский и Сергей Яковлевич Лемешев, отношение которых к Ларисе Помпеевне отличалось особой приязнью, уважением, почитанием и нежностью. Неоднократно они приезжали в Минск, исполняя ведущие партии в спектаклях Белорусского театра оперы и балета. В фонде Л.П.Александровской сохранилось несколько писем и открыток от московских коллег. С.Я.Лемешев в письме от 13 июня 1971 г. обращается с просьбой: «Дорогая Лариса Помпеевна! Хоть и давно я Вас не видел, но всегда слышу о Вашей кипучей деятельности в родном нашем искусстве. Шлю Вам самые искренние пожелания доброго здоровья, счастья и новых больших успехов в творческом труде. Прочитав в газете объявление о том, что Большому театру в Минске требуется сопрано, Оля Жукова, только что отлично окончившая Московскую консерваторию по классу В.И.Кудрявцевой, захотела поехать на пробу, попытать счастья… У неё голос полного диапазона. Она способная и очень трудолюбивая. В оперной студии консерватории она была любимицей и дирижёров, и режиссёров. Ещё раз примите мои самые, самые сердечные добрые пожелания и простите за беспокойство. Ваш С.Лемешев» [3]. С.Я.Лемешев запомнился белорусским зрителям как Ленский в «Евгении Онегине» П.Чайковского, Альфред – в «Травиате» Дж.Верди.

Давняя дружба связывала Ларису Помпеевну с Иваном Семёновичем Козловским. Из воспоминаний старых актеров известно, что, когда в 1950-ые годы в связи с непопулярностью оперных спектаклей и малыми денежными сборами руководству театра нечем было платить зарплату творческому коллективу, Александровская обратилась с просьбой к Ивану Семеновичу Козловскому украсить своим выступлением спектакли театра. Он, приняв близко к сердцу проблемы белорусской примы, приехал в 1953 г. в Минск, благополучно выступил в 11 спектаклях, в которых исполнил партии Ленского («Евгений Онегин» П.Чайковского), Альфрэда («Травиата» Дж.Верди), Фауста («Фауст» Ш.Гуно), Андрэя («Тихий Дон» Т.Хренникова) и Альмавивы («Севильский цирюльник» Дж.Россини), чем спас финансовое положение театра и престиж Ларисы Помпеевны. В фонде есть его фотографии в ролях, подаренные актрисе, а

единственная сохранившаяся первомайская открытка 1963 г. полна экспрессии: «Дорогая Лариса Помпеевна! С Первомаем! В Крым – к морю болезни гнать! Очень огорчен, прочтя Ваше письмо, что Вы хвораете. И рад получить доброе пожелание. С уважением Ваш И.Козловский» [4]. Удивительный факт вспоминает А.Б.Ладыгина в своей книге об Александровской. За день до смерти Лариса Помпеевна получила огромный букет красных гвоздик, который передала ей от Ивана Семеновича его ученица в знак благодарности за память и поздравление с 80-летием певца. Это был последний в её жизни букет от поклонников её таланта [1, с. 312–313].

Со знаменитой исполнительницей народных песен Ирмой Петровной Яунзем, уроженкой Минска, Александровская познакомилась ещё в 1927 году, когда её, студентку Белорусского музыкального техникума, вместе с цимбалистом С.М.Новицким пригласили на фольклорную музыкальную выставку во Франкфурт-на-Майне, которая проходила под девизом «песня и танец в жизни народов мира». Выставка имела колоссальный успех, и по просьбе рабочих организаций Германии и Швеции, часть артистов находилась на гастролях ещё полгода. Молоденькая певица из Беларуси заменила мастеров высочайшего класса, таких как Ольга Ковалева, Мария Литвиненко-Вольгемут, Ирма Яунзем, исполняя песни народов Советского Союза, «именно у них она переняла отношение к народной песне как к богатейшей драме, к целостной опере, психологическое содержание которой сконцентрировано в двух-трех вроде бы незатейливых куплетах». [1, с. 97-98]. Сердечные, дружеские отношения связывали Ларису Александровскую с Ирмой Яунзем до самой смерти московской певицы. В фонде Александровской сохранились 23 письма и открытки от Ирмы Яунзем, написанные в 1965 – 1972 гг., с просьбой помочь с материалами для передач на московском радио, посвященным исполнителям народных песен, а также белорусским мастерам оперного искусства. Вот одно из них от 23 апреля 1968 г.:

«Дорогая моя и любимая Лариса Помпеевна!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой, прислать мне Ваше фото (выберите по своему вкусу) в виде то ли открытки, то ли портрета кабинетного размера. Дело в том, что «Молодая гвардия» – издательство – выпускает мою книжку, в которой я посвящаю Вам довольно большой очерк. Книга называется «Человек идет за

песней». Там есть главы, посвященные мастерам искусств, исполнителям народной песни… Книга богато иллюстрирована. Все фото артистов я получила и достала, в этом помогла мне «Молодая гвардия»… Книгу я писала года два. Все редакции она прошла с одобрением. Выпускает её издательство «Молодая гвардия» к 50-летию комсомола. Мне было бы обидно, если бы Вы у меня отсутствовали, такая красотка, – душенька!..

Любящая Ирма Яунзем!»[5]

В годы Великой Отечественной войны Л.П.Александровская находилась в эвакуации сначала в Алма-Ате, где выступала на сцене Казахского театра оперы и балета, а потом в городах Горьком и Коврове, в которых благодаря ее воле и настойчивости были собраны артисты Белорусского театра оперы и балета, разбросанные войной по разным городам и театрам страны. Об этом свидетельствует огромная переписка с актёрами театра, сохранившаяся в фонде. Уже в мае 1942 г. в состав исполнителей Горьковского театра оперы и балета имени А.С.Пушкина вошли белорусские артисты Л.Ф.Алексеева, И.М.Болотин, З.А.Васильева, М.И.Денисов, С.В.Дречин, С.Ю.Друкер, Д.З.Кроз, В.М.Малькова, Р.В.Млодек, И.А.Муромцев, А.В.Николаева, В.И.Таланкини др.

В это же время 15 мая 1942 г. в Москве в Концертном зале имени П.И.Чайковского состоялся большой концерт белорусских и российских артистов «Жди нас, Родина, идем!», в котором звучали национальные мелодии, арии из классического репертуара, были представлены хоровые и балетные сцены из произведений А.Богатырева, А.Туренкова, Е.Тикоцкого. Л.П.Александровская исполнила песню М.Шнейдермана «Мы идем, Беларусь!» на слова Б.Туровского, несколько арий и дуэтов. Программа концерта настраивала на оптимистический лад, вселяла надежду увидеть в скором времени освобожденную от фашистов родную Беларусь. В годы войны Лариса Помпеевна часто приезжала в Москву для участия в правительственных концертах, с фронтовой бригадой оперного театра выступала на передовой, в госпиталях и воинских частях. Прославилась как исполнительница народных песен, особенно эмоционально и душевно звучала в её исполнении «Перепёлочка». В фонде сохранились афиши и программы многочисленных послевоенных концертов, которые проходили в Москве с участием Л.П.Александровской, среди которых концерт,

посвященный 800-летию Москвы, симфонический концерт, посвященный I Всесоюзному съезду композиторов и т.д.

Во время работы Л.П.Александровской в эвакуации завязалась личная и творческая дружба Ларисы Помпеевны с молодым главным режиссером Горьковского театра, а позже выдающимся оперным режиссером, главным режиссёром Большого театра, создателем и художественным руководителем Камерного театра, профессором Московской консерватории Борисом Александровичем Покровским. В Горьком им блестяще была осуществлена постановка оперы «Кармен», в которой главную партию исполняла белорусская певица. Покровский высоко ценил актёрский талант Ларисы Помпеевны, её настойчивое желание и умение в любой роли достигать совершенства. В Минске Борис Покровский поставил оперы «Алеся» Е.Тикоцкого в 1944 г. и «Кармен» Ж.Бизе в 1945 г., ставшие явлением в театральной жизни Беларуси, в главных ролях снова блистала любимая им артистка Лариса Александровская.

Находясь с 1951 по 1960 гг. на посту главного режиссёра Белорусского театра оперы и балета, Александровская не раз обращалась за советом к большому мастеру. С глубоким пониманием относился Покровский к её творчеству, а о личной симпатии неоднократно высказывался в своих письмах и открытках. В фонде их сохранилось более 30. Вот одно из последних писем к Александровской:

«Дорогая Лариса Помпеевна!

Во-первых, с Новым годом! Пусть в Вашей, в общем многострадальной, но красивой жизни Новый год выберет хоть немного лучей счастья!

Мне заказали книгу воспоминаний. Их – много. Сейчас взялся за главу «Белоруссия». Пишу, как приехала в Горький женщина, выносившая из огня, болот, дремучести ребенка. Как она репетировала «Кармен», «Алесю». И не знаю, где Вы, а где Белоруссия, где артистка, а где народ, земля, нация, жизнь. Это не нарочно, это так получается. Знайте это! Гордитесь этим! Радуйтесь этому!

Жизнь несет нам много страданий – Вам больше, чем другим, и все же эта жизнь (Ваша жизнь!) – прекрасна. Издали виднее. Даль времени все устанавливает по местам, по справедливости. Судит

наши жизни Время, и оно утверждает: Л.П.Александровская – кусок (славный кусок) Белоруссии.

Это счастье! С этим счастьем я Вас поздравляю и горячо обнимаю!

Ваш Покровский. 29 декабря 1979 г.» [6].

В 1945г. широко отмечалось 25-летие творческой деятельности Л.П.Александровской. В Окружном Доме офицеров состоялся торжественный вечер, вышел 2 октября 1945 г. специальный номер газеты «Літаратура і мастацтва», посвящённый актрисе. В фонде сохранились и многочисленные телеграммы, присланные со всех концов страны, в частности из Москвы, от учреждений культуры, друзей и ценителей оперного искусства:

– Московский академический ордена Ленина Малый театр горячо поздравляет с двадцатипятилетием сценической деятельности лауреата Сталинской премии, народную артистку Советского Союза Ларису Помпеевну Александровскую. Шлём талантливой дочери братского белорусского народа сердечные пожелания новых творческих достижений на родной белорусской сцене. Художественный руководитель народный артист СССР Пров Садовский;
– От коллектива Большого театра Союза ССР: Мы восхищаемся силой Вашего музыкального и сценического таланта, огромной энергией в труде. В детстве в старых сказках мы читали про волшебных фей. Прикосновением волшебной палочки они одаряли людей радостью и красотой жизни. Такой же волшебной палочкой владеете и Вы. Все, к чему бы не прикоснулись, будь то белорусская народная песня, классическая музыка или произведения молодых начинающих композиторов, силой Вашего таланта и Вашей проникновенности блещет яркими красками и превращается в драгоценный камень. Лучшие чувства к вашему таланту и сердцу увез с собой в Москву – преданный Вам Покровский;
– Хочу еще напомнить Вам Лариса о любви и доброжелательстве, какое испытываем мы, встречаясь с Вами как человеком в жизни и мастером в искусстве. Ваш И.Козловский;
– Сердечно поздравляю [со] славным юбилеем. От души желаю здоровья, дальнейшего процветания. Давид Ойстрах;

– От всего сердца поздравляю Вас, дорогая Лариса Помпеевна, желаю многих лет радостного творчества. Обухова;
– Горячо поздравляю дорогую юбилярку. Желаю много лет такой же плодотворной деятельности. Лепешинская;
– Александровскую [с] двадцатипятилетием сценической жизни. Желаю здоровья, долгой жизни на прекрасном театральном поприще. Солистка Большого театра Максакова [7].

С 1946 г. в напряженную, активную, бурную творческую жизнь Ларисы Помпеевны была вписана еще одна страница – создание Белорусского театрального общества, которое она бессменно возглавляла на протяжении 30 лет. За это время активу БТО удалось сплотить театральные силы республики, создать творческие секции по интересам, наладить работу лектория, укрепить материальную базу (построить специализированный детский сад, производственный комбинат, открыть Дом отдыха «Театральный» и Республиканский Дом работников искусств), оказывать всяческую помощь, бытовую и профессиональную, белорусским деятелям театра. Важной частью работы стали и регулярные творческие контакты с Российским театральным обществом, которое возглавляла Александра Александровна Яблочкина, с театральными коллективами других республик. В 1953 г. в спектакле Белорусского оперного театра партию Ивана Сусанина исполнил замечательный русский бас, солист Большого театра, народный артист СССР Максим Дормидонтович Михайлов. Сохранились и фотографии участников спектакля и текст выступления Л.П.Александровской на творческом вечере М.Д.Михайлова в Белорусском театральном обществе: «Дорогой Максим Дормидонтович! В Вашем лице мы приветствуем талантливого представителя великого русского искусства – Ваше мастерство, ваш голос, созданный Вами образ Ивана Сусанина, простого русского человека – бесстрашного патриота своей Родины, верного сына своего народа, каким Вы раскрываете его, глубоко взволновал нас. Исполнение Вами партии Ивана Сусанина в спектакле нашего театра стало праздником не только для нас, работников искусства Беларуси, но и для всей общественности нашей столицы» [8].

В письмах Всесоюзного театрального общества, подписанных корифеями театра А.А.Яблочкиной, В.В.Барсовой, О.Л.Книппер-

Чеховой, А.К.Тарасовой, С.М.Михоэлсом, А.Я.Таировым, Ю.А.Завадским, содержатся просьбы к Ларисе Помпеевне приехать в Москву на встречу мастеров театра с депутатами Верховного Совета СССР, прислать воспоминания и пожелания в связи с выпуском сборника к 20-летию Центрального Дома работников искусств СССР, принять участие в работе вокально-творческого кабинета А.В.Неждановой и т.д.

Народная артистка СССР, солистка Большого театра Валерия Владимировна Барсова пишет в письме от 17 декабря 1953 г.:

«Уважаемая Лариса Помпеевна! Помня радушный, гостеприимный прием белорусского народа и Ваше личное внимание, хочу обратиться к Вам со следующей просьбой.

После смерти артистки Союза А.В.Неждановой ее ученики были переданы в мой класс консерватории. В этом году одна из них Тарасова Полина, пробыв у меня три года, окончила Московскую Консерваторию с высокой оценкой. Эта скромная, очень одаренная певица обладает красивым драматическим сопрано хорошего качества, полного диапазона, мягким задушевным тембром, музыкальностью исполнения, а главное исключительной трудоспособностью. За время пребывания в консервотории она в оперной студии спела: Купаву («Снегурочка»), Ларину и Татьяну («Евгений Онегин»), Сабурову («Царская невеста»), Мать («Молодая гвардия»), Куму («Чародейка»), Лизу («Пиковая дама»), Тоску («Тоска»), Парасю («Сорочинская ярмарка»), Гальку («Галька»).

Кроме оперного репертуара Тарасова имеет концертный репертуар – арии, романсы и песни классических русских, западных и советских композиторов.

Хотелось бы продолжить ее дальнейшее развитие под хорошим руководством в хорошем театре. Таким я считаю театр Минска, где мне неоднократно пришлось выступать и где меня окружали большим вниманием работники театра, не говоря уже о горячей музыкальной публике. Я хотела бы свою лучшую ученицу предложить в Вашу молодую группу театра и уверена, что она с честью оправдает Ваше доверие. И кто знает, может быть, эти первые шаги будут путевкой ее дальнейшего певческого расцвета.

Прошу Вас, дорогая Лариса Помпеевна, известить меня, если найдете возможным, предоставить ей пробу, чтобы я могла ее

вызвать к себе и подготовить, т.к. она в данное время не в Москве. Принципиальное же – решение о возможности ее поступления в молодую группу Вашего театра под Вашим руководством, прошу ответить по получении этого письма.

С приветом и искренним расположением к Вам

Народная артистка Советского союза В.Барсова».

На письме пометка рукой Л. Александровской: «Возможно предоставить пробу в партии Лизы «Пиковая дама»[9].

Лариса Помпеевна много сил и времени отдавала воспитанию молодых оперных певцов, была активным членом жюри многочисленных конкурсов вокалистов. Будущий выдающийся российский певец Е.Е.Нестеренко, участник в 1967 г. конкурса молодых исполнителей в Софии, пересылает Ларисе Помпеевне фотографии участников конкурса, и с признательностью добавляет: «Пользуясь случаем, хочу еще раз поблагодарить Вас за советы, касающиеся образа Мельника, за ту большую поддержку, которую Вы оказывали всем нам на конкурсе» [10]. В своем театре с большой любовью и заботой относилась к молодым оперным певцам: Т.Нижниковой, Л.Галушкиной, Т.Шимкои др.

Как председатель Правления Белорусского театрального общества и член Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами Лариса Помпеевна старалась способствовать популяризации белорусской оперной и камерной музыки как на территории других республик, так и зарубежом. В фонде сохранилось одно из ее писем от 17 ноября 1961 г. в Московское музыкальное издательство (Музгиз) следующего содержания: «Зарубежная общественность многих стран проявляет большой интерес к музыкальной культуре белорусского народа.

Белорусское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами, стремясь удовлетворить интересы зарубежных друзей, направляет многим организациям ноты, музыковедческую литературу белорусских композиторов, искусствоведов, грампластинки, магнитную пленку с записью музыки белорусских композиторов и другие материалы.

[…] В связи с этим БТО, учтя просьбу и интересы Общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами, просит Вас включить в план издательства оперу А.Туренкова «Цветок счастья», так как она находится только в рукописи (либретто оперы

полностью переведено на русский язык в 1939 г.)»[11]. Кстати, Лариса Помпеевна проявила в данном случае определенное гражданское мужество, стараясь издать ноты, чтобы помочь семье репрессированного белорусского композитора.

Российский композитор Дмитрий Борисович Кабалевский имел давние творческие связи с певицей и активным общественным деятелем Ларисой Помпеевной Александровской. Не раз они участвовали в совместных мероприятиях борцов за мир, встречались на различных музыкальных и театральных форумах, участвовали в работе депутатских комиссий.

Сохранился автограф его письма от 5 марта 1974 г. (Москва):

«Дорогая Лариса Помпеевна!

Только что три дня провел в Минске и очень надеялся на то, что увижу Вас и смогу поздравить со Днем рождения и высокой наградой. Увы, это не удалось – с большим огорчением я узнал о том, что Вы хвораете и даже в больнице. От всей души сочувствую Вам – сам выбрался из больницы лишь за несколько дней до поездки в Минск, так что хорошо понимаю, как Вам сейчас не весело. Но я верю, что скоро Вы разделаетесь со своими хворями – Ваша жизнерадостность, мужественная стойкость должны помочь Вам. Хоть и с запозданием примите мои самые горячие поздравления – теперь уже и с 8 марта, и самые добрые пожелания.

Искренне Вас любящий и глубоко уважающий Д.Кабалевский» [12].

В черновике письма Л.П.Александровской к композитору Тихону Николаевичу Хренникову, датируемому приблизительно 1975 г., содержится еще один интересный факт из биографии Л.П.Александровской: «Я читала в газете, в которой издатели книги с воспоминаниями об ушедшем от нас, всеми любимом Д.Шостаковиче, – обращаются с просьбой ко всем, кто имеет у себя что-либо, касающееся или имеющее отношение к Д.Шостаковичу. Я вспомнила 2-ой Конгресс мира (Варшава, 1950). У меня хранится «Конгрессная книжечка», в которой сохраняются записи, пожелания очень многих участников и т.д.

В этой книжечке я, перелистывая, нашла листок с записью Д.Шостаковича, перефотографировала и теперь направляю к Вам. Если прилагаемое пригодится издателю – буду очень рада» [13].

Фотокопия этой записи хранится в фонде певицы: «Дорогой Ларисе Помпеевне Александровской от давнего почитателя ее таланта. Д.Шостакович. 22.XI.1950. Варшава» [14].

Удивительно мудрая женщина, прекрасная актриса, яркий общественный деятель Л.П.Александровская сохранила эти документы не только как часть своей биографии, но как историю своего поколения, жизнь которого была наполнена не только энтузиазмом, романтикой, светлыми надеждами, но и трагическими ошибками, героизмом и мужеством. Сегодня фонд Л.П.Александровской в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства пополнился новыми документами, переданными её племянницей Ариадной Борисовной Ладыгиной. А это значит – нас ждут новые открытия.

Литература:

1. Ладыгина А.Б. Лариса Помпеевна Александровская. Документально-театральный роман. – Минск: издательство «Четыре четверти», 2002.– 319 с.
2. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). Ф. 316. Оп. 1. Д. 240. Лл. 1–3.
3. БГАМЛИ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 338. Лл. 1–2.
4. БГАМЛИ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 330. Л. 1.
5. БГАМЛИ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 433. Л. 14.
6. БГАМЛИ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 377. Л. 30.
7. БГАМЛИ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 691. Лл. 15, 19, 22, 27, 28, 31, 36.
8. БГАМЛИ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 198. Лл. 1–1 об.
9. БГАМЛИ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 295. Лл. 1–1об.
10. БГАМЛИ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 357. Л. 1.
11. БГАМЛИ. Ф.316. Оп. 1. Д. 278. Л. 1.
12. БГАМЛИ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 326. Лл. 1–2.
13. БГАМЛИ. Ф.316. Оп.1. Д. 274. Лл. 1–2.
14. БГАМЛИ. Ф.316. Оп. 1. Д. 497. Л. 1.

Алесь Каляда

Мой родны край

Люблю мой край, старонку гэту,
Дзе я радзілася, расла…
Канстанцыя Буйло.

«Каб любіць Беларусь нашу мілую, трэба ў розных краях пабываць» , так пісаў у прошлым стагоддзі вядомы беларускі паэт Алесь Ставер… Я пакінуў Радзіму больш за трыццаць год, пабываў у розных краінах, бачыў, як шануюць там людзі сваю гісторыю, сваіх продкаў …. Я цяпер таксама ведаю, чаму жураўлі з выраю на Палессе ляцяць... І захацелася мне ўведаць, хто яны землякі-беларусы, адкуль пайшлі мае карані! Таму вось і пішу гэтыя радкі, успамінаючы, як некалі наш настаўнік Каляда Іван Іванавіч на класным часе ў 1969 годзе даў заданне вучням: уведаць, чаму так называюцца іх вёскі. А вучняў у нашым класе было 35 чалавек з 7 вёсак: Забелы, Яўладавічы, Швяды, Калюга, Ульянаўка, Шышчыцы, Вараб’ёва. Кожны расказаў сваю легенду: Забелы – там жылі паны Забелы, Калюга – у тым месцы ў 1812 годзе многа французаў накалолі штыкамі (сапраўдная назва пашла ад старабеларускага калюга – выбоіна на дарозе; на самай справе і да сённяшняга дня там няма нармальнай дарогі), Ульянаўка заснавана ў 1920 гадах у памяць Леніна (Ульянава). Што тычыць

Ульянаўкі, то гэта не так па сённяшняй інфармацыі: на многа раней там быў панскі двор Ульянаўка, дзе жылі сем'і Крупскіх, Гудвіловічавых і г. д. Такі ж панскі двор Мазалава быў за Швядамі, дзе таксама жылі Мяцельскія, Барташэвічы, Саўковічы, другіх пакуль не змог знайсці, якія ў дробнага пана-шляхціча арандавалі зямлю. Яшчэ на нямецкай карце 1936 года відаць шэсць хат і сад у полі. Тут трэба сказаць таксама пра вёску Белая Лужа. Мяне ўвесь час цікавіла гэтая назва. Цяпер я ўведаў, што ёсць Чырвоная Лужа ў Старадарожскім раёне. На першы погляд мешаніна рускага-беларускага. Але гэта не так: лужа – старабеларускае - імшарына, нізіна ў лесе, дзе поўна расло, напрыкдад, белага кураслёпу! А ў Чырвонай Лужы – чырвоных кветак. Вось у Слуцкім раёне ёсць вёска Шулякі: старабеларускае шуляк – коршун. Аказваецца, усё так проста, калі ведаеш!! А вось Шышчыцы я так і не ўведаў. Нехта праляпатаў пра шышкі як пра вараб'ёў у Вараб'ёві, яго проста паднялі на смех. Вучыўшыся на выдатна, я не здолеў выканаць заданне свайго любага настаўніка. Вось да гэтага часу стараюся закрыць гэты прабел, але пакуль не ўдалося!

Другой такой вёскі, з такой назвай, я не знайшоў, к таму ж у архівах усюды назва напісана няправільна, ды і ў сучаснай прэсе на 90% - таксама! Я думаю, можа гэта назва з часоў плямёнаў дрыгавічоў, з такім суфіксам: чыц – Шышчыцы, Кальчыцы, Прошчыцы, Чайчыцы і гэтак далей. Ёсць яшчэ падобныя: Бокшыцы, Вынісцы.... Праўда, ёсць адна вёска Сышчыцы ў Калінкавічскім раёне Гомельскай вобласці. Але са школы ведаю, што там жылі плямёны радзімічаў.

Нечакана для сябе я знайшоў інфармацыю пра сучаснага героя Бэтмана, які нарадзіўся "в 1892 году в деревне Кальсберг (в 1918 году новой властью была переименована в Красные Шишицы), Валуйского района в семье зажиточного арендатора. Вось пытанне для даследчыкаў: чаму Чырвоныя Шышыцы?
Можа таму: ШИШИГА (она же ШИШИЦА, она же ШИШИЧИХА) – это водяная чертовка - предстает в образе скромной, робкой неповоротливой женщины. Живет в воде, в болоте, часто выходит на берег, а в воде то полощется, то моется. Иногда живет в лесу. Любит баню и ходит в нее, если дверь в бане оставлена без молитвы.

Кстати, «Шиш» и «Шут» – традиционные названия для чёрта и нечистой силы вообще.

Калі я шукаў назву Шышчыцы, то зусім нечакана для сябе знайшоў многа людзей з прозвішчам « Шищиц» на тэрыторыі былых рэспублік СССР. Па-мойму, толькі адзін раз сустрэлася яно ў Менску, а на Случчыне я такога зусім ніколі не чуў.

Наша вёска ляжыць на рэчцы Жалезніца. Асушвалі яе ўжо за маёй памяцю. І на Вусцічаве выглядала яна адзін к аднаму, як у буквары на карціне Левітана "Восень". Мне было дзіўна, чаму нашу мясцовасць у буквары надрукавалі. Тым больш Жалезніца, а я ведаю з дзяцінства, што на агародзе ў Каляды Паўліка (Юлісевага) і Вашчабровіча Мікіты поўна жалезнага шлаку. Адкуль ён тут? Я помню, калі там капалі канаву для асушэння, то экскаватар не мог капаць… З зямлі тырчэлі тоўстыя доўгія бярвенні… Цяпер ужо я ведаю, што нашы продкі дабывалі жалеза з балотнай жыжы... Не скардзіліся, што іх зямля бедная на карысныя выкапні!

Так паступова я заглыбляўся ў гісторыю сваёй зямлі. Напрыклад, на здымку бачыце дарожны ўказальнік маёй малой Радзімы. Але мне балюча на яго глядзець. Справа ў тым, што да апошніх гадоў, калі не пачалі будаваць аграгарадок, там за ўказальнікам рос «калгасны» сад. Праўда, не зусім калгасны. Я ўжо потым уведаў, што гэты сад на сваім надзеле ў 20-я гады пасадзіла сям'я Вадап'янавых. У 1928 годзе ў час калектывізацыі гаспадара гэтага сада забілі каля Швядоў і ўкінулі ў калодзеж. Гаварылі, што па п'янай лавачцы. Пахаранілі яго ў садзе, а потым цераз многа гадоў жонка вывезла косці на могілкі ў Слуцак. Мы лічылі, што сад – помнік гэтай сям`і. Цяпер балюча бачыць пустое месца!! Акрамя гэтай сям'і я знайшоў яшчэ цэлы шраг невядомых мне зямлякоў. Вось іх імёны:

- Василевич Павел Никифорович

Родился в 1882 г., д.Шишицы Гресского р-на; белорус; образование н/начальное; крестьянин, единоличное хоз-во. Проживал: Гресский р-н, д. Шишици. Арестован14 марта 1938 г. Приговорен: "тройка" 20 сентября 1938 г., обв.: 68 УК БССР - член ПОВ, агент польской разведки. Приговор: ВМН Расстрелян 1 октября 1938 г.
Реабилитирован 11 октября 1961 г. Военный трибунал БВО
Источник: Белорусский "Мемориал"

Гэта муж дваюраднай сястры майго дзеда Каляды Антона Мартынавіча Марушчык Ульяны Макараўны. Яе бацька Марушчык Макар быў жанаты на сястры жонкі майго прадзеда Каляды Мартына Арыны (дзявочае прозвішча Вашчабровіч – гэта я ўведаў дзякуючы амерыканскім архівам). Васілевіч сядзеў у Грэзкай турме, растраляны хутчэй за ўсё ў Грэзкім кар'еры. Косці растрэляных выпадкова былі раскапаны ў канцы 80-ых гадоў мінулага стагоддзя. Сярод іх былі чарапы жанчын, дзяцей, іх цацкі ....

Хата гэтага чалавека захавалася да сённяшняга дня!

- Гуринович Михаил Денисович

Родился в 1918 г., д. Шишицы Гресского р-на БССР; в д. Шишицы Гресского р-на БССР; белорус; образование н/среднее;
пом. командира роты, 31 зап. стр. полк.
Проживал: Минская обл., Гресский р-н, д. Шишицы.
Арестован 29 апреля 1942 г. Приговорен: судебный орган 3 мая 1942 г., обв.: 58-10, -12 УК РСФСР - а/с агитация.
Приговор: 5 лет ИТЛ, 3 года пораж. в правах
Реабилитирован 1 июля 1993 г. Прокуратура БВО
Источник: Белорусский "Мемориал"
Номер дела: КГБ РБ - 35220-с

У КДБ Беларусі сказалі, што быў асуджаны за тое, што на фронце падняў нямецкую лістоўку з заклікам здавацца ў палон.

- Марущик Никанор Романович

Родился в 1894 г., д. Шищицы Гресского р-на Минской обл.; в д. Шищицы Гресского р-на Минской обл.; белорус; образование н/начальное; бригадир, К-з"Восход".
Проживал: Минская обл., Гресский р-н, д. Шищицы.
Арестован 19 сентября 1937 г. Приговорен: "тройка" 29 октября 1937 г., обв.: 63-1 УК БССР - а/с агитация. Приговор: 10 лет ИТЛ Реабилитирован 27 марта 1989 г. Прокуратура БССР
Источник: Белорусский "Мемориал"
Номер дела: КГБ РБ - 21538-с

- Писарик Виктор Михеевич (Шышчыцкая ўлада)

Родился в 1902 г., д. Шишицы Гресского р-на Минского окр.; в д. Шишицы Гресского р-на Минского окр.; белорус; образование начальное; председатель Шишицкого сельсовета.
Проживал: Минская обл., Гресский р-н, д. Шишицы.
Арестован 16 января 1931 г. Приговорен: судебный орган 4 марта 1931 г., обв.: 24, 70 УК БССР - содействовал сокрытию убийства. Приговор: 8 лет ИТЛ, 5 лет п/п, отбыв.: Белбалтлаг, Котлас, освоб. 11.05.1932. Реабилитирован 31 октября 1991 г. Верховный Суд РБ
Источник: Белорусский "Мемориал"
Номер дела: КГБ РБ - 31919-с

- Писарик Марк Миронович

Родился в 1876 г., д. Шищицы Гресского р-на БССР; белорус; образование н/начальное; колхозник, Колхоз "Профинтерн".
Проживал: Минская обл., Гресский р-н, д. Селец.
Арестован 6 февраля 1938 г.
Приговорен: "тройка" 14 февраля 1938 г., обв.: 72а УК БССР - а/с агитация против коллективизации. Приговор: ВМН, конфискация имущества Расстрелян 13 марта 1938 г. Место захоронения - Слуцк.
Реабилитирован 18 мая 1957 г. Президиум Минского облсуда
Источник: Белорусский "Мемориал"

- Писарик Мартын Федорович

Родился в 1877 г., д. Шишицы Слуцкого р-на Минской обл.; белорус; образование н/начальное; рабочий, с-з им. Буденного.
Проживал: Минская обл., Слуцкий р-н, д. Шишицы.

Арестован 4 декабря 1933 г. Приговорен: "тройка" 10 февраля 1934 г., обв.: 69, 72, 76 УК БССР - член а/с группы, а/с агитация, вред-во. Приговор: 3 года ИТЛ Реабилитирован 3 августа 1956 г. Суд.колл.по уг.д.ВС БССР
Источник: Белорусский "Мемориал"

- Санько Евгений Фомич

Родился в 1904 г., д. Шишицы Гресского р-на Минской обл.; в д. Шишицы Гресского р-на Минской обл.; белорус; образование н/начальное; крестьянин, единоличное хоз-во.
Проживал: Минская обл., Гресский р-н, д. Буда-Кузьминская. Арестован 6 апреля 1930 г. Приговорен: "тройка" 18 апреля 1930 г., обв.: 76 УК БССР - А/с агитация. Приговор: 5 лет ИТЛ Реабилитирован 31 декабря 1960 г. Президиум Минск. облсуда
Источник: Белорусский "Мемориал"
Номер дела: КГБ РБ - 16999-с

- Санько Павел Томашевич

Родился в 1891 г., д. Шишицы Слуцкого р-на Минской обл.; в д. Шишицы Слуцкого р-на Минской обл.; белорус; образование начальное; счетовод, К-з"Чырвоны Кастрычник".
Проживал: Минская обл., Слуцкий р-н, д. Буда-Кузьминская. Арестован 10 февраля 1933 г. Приговорен: "тройка" 17 марта 1922 г., обв.: 69, 72а, 76 УК БССР - к/с агитация, вред-во, бандитизм. Приговор: ВМН, конфискация имущества
Реабилитирован 15 мая 1959 г. Суд. коллегия по уг. д. ВС БССР
Источник: Белорусский "Мемориал"
Номер дела: КГБ РБ - 14319-с

- Сивец Александр Антонович

Родился в 1888 г., д. Шинищи Гресского р-на; белорус; образование начальное; плотник, работал на случайных работах.
Проживал: Бобруйск. Арестован 18 июля 1937 г.
Приговорен: "тройка" 26 августа 1937 г., обв.: 72-76 - Участие в к/р повстанческой организации. Приговор: ВМН Расстрелян 7 сентября 1937 г. Реабилитирован 12 сентября 1960 г. Опред.суд.коллегии Верховного суда БССР
Источник: Белорусский "Мемориал"

- Сивец Александр Антонович

Родился в 1898 г., д. Шишчицы Слуцкого р-на Минской обл.; белорус; образование н/начальное; колхозник, Колхоз "Восход". Проживал: Минская обл., Слуцкий р-н, д. Шишчицы. Арестован 15 сентября 1930 г. Приговорен: "тройка" 14 октября 1930 г., обв.: 72, 118 УК БССР - а/с агитация, побег с места ссылки. Приговор: 3 года ИТЛ Реабилитирован 18 августа 1978 г. Суд.кол.по угол.делам Верх.суда БССР

- Сивец Иосиф Антонович

Родился в 1905 г., д. Шишицы Гресского р-на; белорус; образование начальное; моторист, Белзаготскот. Проживал: Бобруйск. Арестован 18 июля 1937 г. Приговорен: "тройка" 26 августа 1937 г., обв.: 72-76 - Участие в к/р повстанческой организации. Приговор: 10 лет ИТЛ Реабилитирован 12 сентября 1960 г. Опред.суд.коллегии Верховного суда БССР Источник: Белорусский "Мемориал"

- Сивец Николай Нестерович

Родился в 1889 г., д. Шишицы Гресского р-на Минской обл.; белорус; образование н/начальное; крестьянин, единоличное хоз-во. Проживал: Минская обл., Гресский р-н, д. Булак-Переволока. Арестован 6 апреля 1930 г. Приговорен: "тройка" 18 апреля 1930 г., обв.: 76 УК БССР - А/с агитация. Приговор: высылка Реабилитирован 31 декабря 1960 г. Президиум Минск.облсуда Источник: Белорусский "Мемориал"

- Сивец Тимофей Нестерович

Родился в 1884 г., д. Шишицы Гресского р-на Минской обл.; белорус; образование н/начальное; крестьянин, единоличное хоз-во. Проживал: Минская обл., Гресский р-н, д. Булак-Переволока. Арестован 6 апреля 1930 г. Приговорен: "тройка" 18 апреля 1930 г., обв.: 76 УК БССР - А/с агитация. Приговор: высылка Реабилитирован 31 декабря 1960 г. Президиум Минск.облсуда Источник: Белорусский "Мемориал"

А вось гэта дзед майго лепшага сябра Сіўца Васіля Анатольевіча, які трагічна загінуў у Гацуку.

- Смольский Иван Степанович

Родился 08.01.1868, д. Шищицы Гресской вол. Слуцкого уезда; в д. Шищицы Гресской вол. Слуцкого уезда; белорус; образование н/начальное; без опр. занятий.
Проживал: Минская обл., Гресский р-н, д. Шищицы.
Арестован 18 сентября 1937 г. Приговорен: "тройка" 3 ноября 1937 г., обв.: 72 УК БССР - А/с агитация. Приговор: 10 лет ИТЛ, отбыв.: Слуцкая тюрьма, умер 11.05.1938, в тюрьме. Реабилитирован 16 мая 1989 г. Прокуратура БССР
Источник: Белорусский "Мемориал"
Номер дела: КГБ РБ - 29534-с

- Смольская Мария Кирилловна

Родилась в 1871 г., з. Гадное Гресской вол. Слуцкого уезда; в з. Гадное Гресской вол. Слуцкого уезда; белоруска; неграмотная; Домохозяйка. Проживала: Минская обл., Гресский р-н, д. Шищицы.
Арестована 18 сентября 1937 г. Приговорена: "тройка" 3 ноября 1937 г., обв.: 72 УК БССР - А/с агитация. Приговор: 8 лет ИТЛ
Реабилитирована 16 мая 1989 г. Прокуратура БССР
Источник: Белорусский "Мемориал"
Номер дела: КГБ РБ - 29534-с

- Смольский Александр Иванович

Родился в 1897 г., д. Шишчицы Слуцкого р-на Минской обл.; в д. Шишчицы Слуцкого р-на Минской обл.; белорус; образование н/начальное; крестьянин, единоличное хоз-во.
Проживал: Минская обл., Слуцкий р-н, д. Шишчицы.
Арестован 16 сентября 1930 г. Приговорен: "тройка" 14 октября 1930 г., обв.: 72, 118 УК БССР - а/с агитация, побег с места ссылки.
Приговор: 3 года ИТЛ. Реабилитирован 18 августа 1978 г. Суд. кол. по угол. делам Верх. суда БССР
Источник: Белорусский "Мемориал"
Номер дела: КГБ РБ - 20617-с

- Смольский Владимир Иванович

Родился 12.09.1909, д. Шишицы Слуцкого р-на Минской обл.; в д. Шишицы Слуцкого р-на Минской обл.; белорус; образование среднее; Проживал: Минская обл., Минск, ул. Мопра 71, кв. 2.

Арестован 10 января 1935 г. Приговорен: ОСО 13 июня 1935 г., обв.: 72 УК БССР - А/с агитация. Приговор: 3 года ИТЛ
Реабилитирован 27 декабря 1989 г. Прокуратура Минской обл.
Источник: Белорусский "Мемориал"
Номер дела: КГБ РБ - 29377-с

- Гурыновіч Сцяпан Андрэевіч

Радзіўся у 1901 г, в. Шышчыцы, цяпер Слуцкі р-н Мінскай вобл. - 9.2.1938, Курск, НКВД], вайсковец. З бел. сялянскай сям'і. Атрымаў сярэднюю адукацыю. Падчас арышту - нам. начальніка штаба 55 артылерыйскага палка 55 стралковай дывізіі. Арыштаваны 1.4.1937. Расстраляны. Рэабілітаваны 4.5.1967.
Кр.: Книга памяти жертв политических репрессий Курской области.

- Ходзька (Хоцька) Прохар Антонавіч (Шышчыцкі настаўнік)

Нарадзіўся ў 1896 г. у вёсцы Агароднікі Слуцкага павету, з сялянскай сям'і, атрымаў сярэднюю адукацыю. У першай палове 1920 года працаваў настаўнікам у Шышчыцах, быў жанаты, меў чацвёра дзяцей. Быў прызваны ў 1920 годзе ў Чырвоную Армію. Далей з справы можна здагадацца, што прымаў удзел у Слуцкім Збройным Чыне (перайшоў на бок паўстанцаў). Арыштаваны 7.6.1927 года. Асуджаны 2.9.1927 года як "член узброенай банды" да трох гадоў пазбаўлення права пражываць у вызначаных месцах. Этапаваны ў Варонеж, потым у Бузулук Арэнбурскай вобласці. Далейшы лёс невядомы. Рэабілітаваны пракуратурай Беларусі 26.5.1992. Асобавая справа Х. №33734-с. Захоўваецца ў архіве КДБ Беларусі.

Я думаю, што спіс гэты далёка не поўны! Сярод знойдзеных мною людзей апынуўся зусім неспадзявана герой-лётчык Юры Мяцельскі, які яшчэ ў 1939 годзе дабравольцам пайшоў на вайну: "сын кузнеца из деревни Шищчицы Слуцкого района. Рос в многодетной семье. Рано пришлось приобщаться к работе, и так же рано он полюбил небо". Аказалася, што Ю.Мяцельскі далёкі мой сваяк: ён унук Пісарыка Паўла, роднага брата майго прадзеда Пісарыка Саўкі.

“Маресьев” з Шышчыц бяз ног, дзевяноста першы год. Давялося паразмаўляць некалькі разоў.

І ўсё ж мне вельмі хацелася ўведаць, адкуль пайшлі Шышчыцы? Я ўсё больш і больш занураўся ў гісторыю, а адказу на пытанне так і не было. Вы не можаце паверыць, але ўсё так захапляюча, проста нейкія крылы вырастаюць, калі знаходзіш нешта невядомае з гісторыі альбо пра сваіх продкаў! Мая праца бяз выніку не засталася. Напрыклад, адкапаў, што Забелы з 1585 года заснаваны Матвеям Забелай (выкупіў надзел зямлі ў Грэзкім маёнтку ва ўладальніка Стефана Збаражскага). Архіў у Вільні:

д. 2152 Привилей Стефана Збаражского гресскому жителю Забеле Матвею на пользование земельным участком в им. Гресск. 1585 г., старобел.,,

Дарогу Слуцак-Менск пачаў будаваць (выдзяліў сродкі з казны) Сігізмунд III у 1602 годзе і г. д. Архіў у Вільні:

д. 2158 Письма короля Сигизмунда III комиссарам по вопросу проведения дороги из Слуцка в Минск через им. Гресск (подлинники и копии с автографами короля; имеются печати). 1602 г., пол., старобел.

Прачытаў такую паперу: дазвол на адкрыццё карчмы ў Сцяпкове на ўзлеску каля балота, калі толькі ў самім Грэзку на гэты час – 1555 год - было ўжо тры карчмы.

Дело 14. 1555.06.10

Привилей Юрю Быковскому на корчму волную в ыйменю его Степкове, у борку, над болотом Сасиновымъ.

Жыкгимонътъ Авъгустъ, Божью м(и)л(о)стью король польский, великий князь литовский, руский, пруский, жомойтский, мазовецкий и иных.

// [лист 15 оборот]

Чинимъ явно симъ нашимъ листомъ.

Билъ намъ чоломъ дворанинъ нашъ Юръи Янушовичъ Быковъский и просилъ насъ, абыхмо ласку нашу г(о)с(по)д(а)ръскую вчинили и дозволили ему в ыменьи его Степкове, у борку надъ болотомъ Сасыновымъ, корчму волную будовати и в ней медъ и пиво, и вино горелое мети и шинъковати. А поведилъ передъ нами, ижъ тое именье его Степково поодаль месть наших г(о)с(по)д(а)ръских есть и тая корчма его безъ шкоды корчмамъ нашимъ будет.

Ино мы з ласки нашое г(о)с(по)д(а)ръское на чоломъбитье его то вчинили: дозволили ему и тымъ листомъ нашимъ дозволяемъ и даемъ в том именьи его Степкове, у борку надъ болотомъ Сасыновимъ, корчму вольную збудовати и в ней медъ, пиво и горелое вино доброволне држати и тымъ безъ шкоды корчомъ наших шинковати.

И маеть Юрьи Янушевичъ Быковъский и его жона, и их дети и потомки с тое корчмы в томъ именьи своимъ Степкове платъ - капъщизну, который бы тамъ с тое коръчмы мелъ приходити, на себе брати, на вечные часы.

А на то дали есмо Юръю Янушевичу Быковъскому сесь нашъ листь з нашою печатью.

П[и]санъ у Петрькове, под лет(а) Божего нароженья 1555, м(е)с(я)ца июя(ь) 10 денъ.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА) фонд 389, дело 43.

У Грэзку быў свой звярынец, на які дзяржава таксама выдзяляла грошы. Архіў у Вільні:

д. 2149 Административно-хозяйственные материалы им. Гресск: приказ Анны Радзивилл об ограждении гресскими подданными зверинца в им. Альба и о постройке в нем сараев; ведомость о количестве земли им. Гресск и Пуково и о взымаемом с крестьян чинше. 1722-1751 гг., пол.

Між іншым, Маскоўскаму заапарку споўніцца гэтым летам 145 год, а Грэзкаму было б больш за 280 гадоў.

Трэба сказаць, што з’ехаўшы з Радзімы я ніколі не губляў душэўнай сувязі з ёй. Заўсёды цягнула да мясцінаў дзяцінства, а з гадамі гэтая цяга што раз неадольней. З архіўных крыніц уведаў, што ў 1915 годзе ўсе царкоўныя каштоўнасці разам са званамі Менскай губерніі былі вывезены ў Расію, пераважна ў Маскву. Ніхто іх назад не вяртаў. Вось цяпер снуючы маскоўскімі вуліцамі, завулкамі, слухаючы меладыйныя пераразвоны царкоўных, манастырскіх купалоў, неяк шчыміць душа: чуцён мне кліч прасветнае Радзімы…

Алеся Сівохіна

Свая – тут, чужая – там.

На працягу ўласнага жыцця чалавек сутыкаецца з шэрагам пытанняў. На частку з іх мы можам знайсці пэўныя адказы, другія застаюцца для нас толькі пытаннямі. У псіхалогіі ёсць даследаванне, дзе чалавек у некалькіх словах павінен адказаць на кароткае пытанне: "Хто я?" У розных сітуацыйных кантэкстах, праходзячы розныя жыццёвыя этапы, чалавек па-рознаму фармулюе адказ. У звычайнай спакойнай сітуацыі, калі нішто не пагражае стабільнасці існавання індывіда, этнічная прыналежнасць у адказах увогуле не фігуруе. Але як толькі ўзнікае напружанне, пераважна ў сацыяльным асяродку гэта "прыкмета" адразу ж уключаецца ў шэраг якасцей і займае звычайна адно з першых месцаў.

Так адбываецца не толькі ў штучных умовах псіхалагічнага эксперымента, калі назіраць за ўласным жыццём і аналізаваць свае рэакцыі на тыя ці іншыя падзеі, можна знайсці падцверджанне такіх тэарэтычных выказванняў. Менавіта гэта і рабіла я, аналізуючы, чаму ў пэўныя моманты майго жыцця ўзнікла патрэба задумацца пра сваю беларускасць, ці, карыстаючыся навуковым тэрмінам, этнічную ідэнтычнасць. Як і сцвярджае псіхалогія, такая патрэба ўзнікла ў сітуацыі напружання, а ў маім выпадку - у сітуацыі змены этнічнага, сацыяльнага і культурнага асяроддзя.

Абставіны жыцця раптоўна і амаль нечакана склаліся так, што павышаць узровень сваёй адукацыі я паехала ў Маскву. За плячыма быў Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт са сваёй далёкай ад дзяржаўнай сістэмай навучання. І тут раптам з сяброўкай даведаліся пра расійска-брытанскі праект – Вышэйшую школу сацыяльных і эканамічных навук. Здалі іспыты і неўзабаве былі залічаны на кафедру сямейнай псіхалогіі.

І вось, амаль толькі ўчора, склаўшы нешматлікія рэчы, сёння еду ў цягніку ў незнаёмы горад, дзе ніколі не была і ніколі не хацела б жыць. Напэўна, заўсёды буду помніць першы крок на маскоўскую зямлю ў шэсць гадзін раніцы…

Трэба сказаць і пра тыя сумненні, што не давалі спакою. Я ехала ў Маскву вывучаць псіхалагічныя аспекты развіцця і фарміравання этнічнай ідэнтычнасці ў поліэтнічных сем'ях, дзе

адзін з бацькоў рускі, другі - беларус. Мой намер менавіта так ставіць пытанне ў будучай працы загадзя разглядаўся як бесперспектыўны. Адзін з тэарэтычных падыходаў да такой праблемы мае ў сваёй аснове думку, што больш за ўсё на фармаванне ідэнтычнасці ўплывае знешняе падабенства, калі няма вялікага адрознення ў знешнасці, звычаях, культурных і побытавых асаблівасцях (як у рускіх, беларусаў, украінцаў), дзіцёнак можа сам рабіць выбар і адчуваць сябе як беларусам, так, напрыклад, і рускім. Як вынік - няма ніякага канфлікту. Так мне казалі і дома, такія сумненні выказала і камісія, прымаючая мае дакументы ў вышэйшую школу.

Гэты падыход падштурхнуў мяне да думкі, што менавіта так шмат людзей ставіцца і да сваёй беларускасці - для разумення сваёй існасці шукаюць падабенства ў суседзяў (Расіі, Еўропе), і чым больш знаходзяць агульнага ў знешніх праяўленнях, тым далей адыходзяць ад унутранага разумення сябе. Людзі так стараліся пераканаць сябе ў падабенстве беларускага і рускага народаў, што перасталі нават інтуітыўна адчуваць, наколькі мы сапраўды адрозніваемся. Такая думка, у сваю чаргу, прывяла да жадання прааналізаваць свае адчуванні - што стане з маёй беларускасцю ў Маскве.

Заўсёды буду помніць першы крок на маскоўскую зямлю ў шэсць гадзін раніцы…

Я, з галавой, поўнай сумненнямі, упэўненая толькі ў тым, што ў любой краіне свету я змагу захаваць адчуванне радзімы ў сваім сэрцы, стаю пасярод вакзалу і чую рускую мову, на якой я ніколі не размаўляла. Дакладней, тая руская мова, на якой я размаўляла дома, гэта зусім ня тое, што я пачула тады. Не так будуюцца сказы, не так вымаўляюцца гукі, не тыя, зусім не знаёмыя мне інтанацыі пануюць у гэтай гаворцы. Я ўсё гэта ведала і раней - тэарэтычна. Але ў той час адчула гэту розніцу ўпершыню і ў поўную моц. Такія чыстыя і моцныя ўражанні двойчы не паўтараюцца. І вось, з першым крокам на чужую зямлю, гэта адчуванне стала больш яскравым і канкрэтным.

Першыя некалькі тыдняў мы (а паступіла ў школу я з сяброўкай) паводзілі сябе, як і належыць тым, хто прыехаў у чужы горад: хадзілі па музеях, выставах, тэатрах, парках, проста гулялі па горадзе, уткнуўшыся носам у маленькую кішэнную мапу. Мы здзіўляліся, як дзіўна ў Маскве размаўляюць, колькі розных

нюансаў пачулі мы ў гаворцы і колькі розных гаворак паспелі заўважыць. Але літаральна за некалькі месяцаў мы прызвычаіліся да ўсяго, перасталі заўважаць усё тое, што нас так цікавіла на самым пачатку. Мы асіміліравалі, зліліся з агульнай масай людзей, у якой складана вызначыць нацыянальнасць. Як усе, больш за гадзіну трацілі, каб даехаць з інтэрнату на вучобу, пасля ехалі на працу. У вольны час пілі каву ў маленькіх дзіўных кавярнях, якія хаваліся ў такіх жа дзіўных і нестандартных завулках. Мы рабілі ўсё тое, што робіць жыхар вялікага гораду, якому няма часу шукаць адказы на пытанні, кшталту "Хто я?" і "Што я тут раблю?". І самае жахлівае, што тады і не хацелася спыняцца і шукаць адказы.

У такім настроі прайшла зіма. Наперадзе чакала вясна і падзея, у сувязі з якой я павінна была прыехаць у Мінск на некалькі дзён - студэнцкі тэатр, у якім я ўдзельнічала пяць год падчас вучобы ў ЕГУ, адзначаў саракагоддзе. Гэта народны літаратурны тэатр "Жывое слова", які працуе на базе Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М.Танка. Трапіла я туды на першым курсе ўніверсітэта і даведалася, што апынулася ва ўнікальным калектыве - адзіным студэнцкім тэатры ў краіне, які працуе выключна па-беларуску, адзіным месцы, дзе я змагла больш дакладна асэнсаваць ня толькі "мастацтва ў сабе", але і беларускасць у сабе. Гэта месца, дзе я пачала размаўляць па-беларуску, месца, якое я лічыла сваім домам. Месца, куды ў думках я заўсёды вярталася, каб амаль фізічна на адлегласці 800 км адчуць падтрымку сяброў, каб зноў пачаць шукаць адказы на пытанне "Хто Я?"

А тады, у Маскве, думкі пра тэатр не давалі мне спакою па іншай прычыне. Гэта зараз я працую тут рэжысёрам, а тады, перад пачаткам новага сезону, раптоўна з’ехала, не пакінуўшы ніякай надзеі на магчымасць вяртання. Я адчувала сябе вінаватай. У любы момант магло здарыцца так, што сувязі з тым, што было ў нечым "падмуркам" часткі маёй свядомасці, маглі знікнуць. І прыезд туды на юбілей быў вельмі адказнай справай.

Надышла вясна, а з ёй і прыезд у Мінск. Прыйшла на юбілей у тэатр і адчула - я не надта ўжо свая тут, я зусім не свая там. Усё пераблыталася ў галаве. У тэатры, дзе я шукала падтрымкі, мяне лічылі госцем, які завітаў на свята. Масква заставалася проста горадам, дзе я часова, таму што атрымліваю адукацыю. Дзе мае месца? Я стамілася шукаць адказы.

Аказалася, што без падтрымкі асяроддзя патрэбна шмат энергіі, шмат унутранай працы, шмат часу на разважанне, каб у чужой краіне не згубіць адчуванне сваёй беларускасці; каб, вярнуўшыся дамоў, утрымацца ў гэтым асэнсаванні і пераканаць сябе самога ў прыналежнасці да свайго народа.

Што застаецца ад тваёй беларускасці за мяжой, акрамя пашпарта грамадзяніна Рэспублікі Беларусь? Гісторыя - безумоўна. Мова - перш за ўсё. Але ўсё ж такі, ва ўмовах знешняга падабенства, застаецца ўпэўненасць і ўнутраная перакананасць. Недарма народ становіцца народам, калі ён сам сябе вылучае з іншых.

Любовь Турбина

Моя Москва

В музей им. Пушкина в Хрущевском переулке на выставку произведений Янки Купалы я бежала, опаздывая, по Кропоткинской, и вдруг, в глубине улицы, слева - вижу: вот он, Дом Учёных, искала бы специально – ни за что не нашла.

Дом учёных вообще-то для меня самое главное здание в Москве: мои папа и мама познакомились здесь 5 мая, в день печати в 1940-ом году. Маму «вывезла в свет» её тётка, жена известного профессора истории И.И. Полосина. Мама – студентка последнего курса геологоразведочного института, в глубокой депрессии после разрыва с первым возлюбленным заканчивала диплом.

Папа был к этому времени кандидатом сельскохозяйственных наук, докторантом при Московском институте Генетики АН, и сама Мария Федоровна Андреева, внебрачная жена Горького, которая была в те годы директором Дома учёных, советовала ему учиться танцевать и купить себе настоящий костюм, а на людях появляться не исключительно в сапогах и в косоворотке.

А потом, когда началась война, и мама уезжала в экспедицию, папа сказал: ей «давай поженимся, чтобы не потеряться в этой неразберихе». И они в тот же день расписались в Загсе, а отмечать это событие пришли, естественно, в Дом учёных. Там их застала пьющими абрикосовый сок та самая тётка, Ольга Васильевна Полосина; она была догадлива: -«А вы, ребята, часом не расписались?» Таким образом, она не только познакомила маму с папой, но была также главным и единственным гостем на их свадьбе.

… Я заглянула в фойе Дома. На доске объявлений – список ожидаемых мероприятий, но вникать в них я не стала, заторопилась на выставку, где ожидал меня коллега по Институту.

Неверно думать, что я не была до этого в таком важном для меня Доме – конечно же, я бывала в нём неоднократно: у папы был членский билет, по нему я, когда приезжала из Минска в Москву, ходила по маминой просьбе в библиотеку, меняла для неё книги, а сама вглядывалась в тёмные стены, плутала по запущенным коридорам, останавливалась у буфетной стойки, представляя маму и папу молодыми и счастливыми.

После свадьбы – не сразу, а когда мама вернулась из полевой экспедиции в Серпухов (интересно, что с началом войны научно-поисковые экспедиции не отменились!) молодожены поселились в огромной коммуналке на Арбате, где мама жила с семьёй – к октябрю месяцу все разъехались: братья в армию, кто куда, и соседи тоже разбежались от страха перед сдачей Москвы. То есть будущие родители остались вдвоём в перенаселённой обычно квартире, дежурили на крыше, тушили зажигалки; судя по дате моего рождения, тогда я и была зачата. В одну из ночей, когда папа и мама дежурили на крыше, зажигательная бомба попала в театр имени Вахтангова.

Военный октябрь, Москва, в озарении вещем,
В крест-накрест заклееных окон пустые глазницы,
И полчища вражьи сжимают железные клещи
По стылому полю, на горле пречистой столицы.

Я пишу эти строки как раз в те числа (8-10 декабря), когда в сорок первом немецкие войска потерпели своё первое поражение на подступах Москвы…

А папа и мама мои, молодые, той ночью
На крыше дежурят – вдруг бомба прямым попаданьем
Вахтанговский вспыхнул театр, и впервые, воочию.
Смерть руки костлявые к ним протянула, за подаяньем.

Свистели фугаски – бывала ли выше невеста?
Им вопли сирен заменили венчальное пенье.
И с верою в жизнь и в победу, в ту ночь, из протеста
Звезда моя в небе зажглась – вопреки затемненью.

Неоднократно замечала, что есть промысл в начале работы над темой или текстом – так было, когда занялась исследованием в архивах периодической печати «Делом смоленских церковников», по которому 3 октября 1922 года был расстрелян мамин отец и мой дед. Именно 3-го октября материалы по этому делу попали мне в руки.

Но моя Москва – это уже мои приезды из Минска, где первый из памятных – в 1955 году летом, с папой. Мы побывали с ним на Всесоюзной Сельскохозяйственной выставке – золотое её, фонтанное великолепие поразило тогда моё детское воображение,

только с Петергофскими фонтанами, так мне казалось, можно было её сравнить. И ещё пообедали в ресторане «Золотой Колос», где пожилой официант вдохновенно впаривал нам с папой, что в своё время служил у князя Голицына, и какой должна быть настоящая спаржа… А потом мы поехали в Пушкинский музей изобразительного искусства, где экспонировались картины из Дрезденской Галереи, отреставрированные недавно в Москве, перед окончательной отправкой в Германию.

Мы оказались во дворике около Музея на Волхонке, там стояли кружком подчёркнуто аккуратно одетые люди (теперь бы назвала их номенклатурой) вокруг пары индусов – это были Джавахарлал Неру и Индира Ганди, тоже отец и дочь, как и мы с папой – так думала я с гордостью. И в дальнейшем всю жизнь следила за политической карьерой Индиры Ганди с заинтересованностью и симпатией.

В Москве вообще-то я бывала часто, так там жила моя бабушка, мамина мама, и все остальные наши родные. Ни в Ленинграде, ни в Минске родственников у нас не было.

После обмена той, огромной, общей комнаты в коммуналке на Арбате, бабушка Вера, вместе со своей сестрой Бабаней, занимали две небольшие комнатки в одноэтажной хибаре во дворе большого дома на Зубовском, первого от выхода из метро «Парк культуры кольцевая». Я ездила этим маршрутом с Белорусского вокзала, когда приезжала из Минска.

Впрочем, регулярно приезжать в Москву самостоятельно мне довелось уже в студенчестве. Бабушка умерла той зимой, после нашего с папой приезда на ВДНХ и посещения Дрезденской галереи, и теперь я останавливалась в этой же квартире, у Бабани, в миру Анны Ивановны Полосиной, иногда с подругами, например с Наташей Ельяшевич летом после третьего курса. Мы ещё попали с ней в толпу, встречающую космонавтов Поповича и Быковского после успешного полёта, и нас даже пропустил один молодой солдатик за оцепление, так что ликующая толпа, напирающая сзади, уже не так напирала, и мы ясно видели проезжавшие мимо машины и фигуры стоящих в них героев. Такую – ликующую Москву – я тогда видела впервые. Кажется, это было на Комсомольском проспекте.

Наверное, это торжество отличалось от празднования дня Победы отсутствием трагической подоплёки (В настоящий День

Победы мама и папа были в Москве, а я всего лишь в Голицыне, с бабушкой, но мне кажется, что я помню отблески того салюта в небе), но это действительно был ни с чем несравнимый настоящий праздник, и мы с Наташей Е. были его полноправными участниками!

Следующий, запомнившийся надолго приезд в Москву был связан с Архимедом, то есть с постановкой студенческой оперы «Архимед», написанной на физфаке МГУ, сценарий которой привёз к нам на факультет Лев Томильчик. Он был главным пижоном на физфаке, и попутно преподавателем теоретической физики. Почему-то я оказалась на том собрании в большой физической, на котором Томильчик, только что вернувшийся из Москвы, читал нам текст сценария этой комической оперы, написанной в жанре типичного капустника – нехитрый сюжет составлен был из известных арий и просто популярных на тот момент песен, вроде «Жизни путь тернист и труден»…

Читаю сейчас воспоминания Михаила Казакова в серии «Мой двадцатый век» и понимаю, что эти как раз годы – а мы ставили своего «Архимеда в 1963-ем году – были в жизни страны исключительно «театралоцентричными». Казаков пишет о расцвете «Современника» как раз в эти годы, как о событии, определявшем духовный климат в стране. Но и мы с нашим любительским спектаклем были «не горш за іншых»; в масштабах Минска это событие было одним из определяющих время, о котором вспоминают долгие годы не только сами физики-участники, но и многие другие. Думаю, что в Москве, в МГУ их «Архимед» тоже был достаточно знаменит.

Много в сценарии было забавного, но главное, что привлекло, была, конечно, привязка к реалиям физфака и физики. Меня как ударило током – вот он, мой шанс! Причём слово «шанс» требует продолжения «на что»? С теперешней точки зрения точнее всего тут добавить «на самовыражение». А тогда я просто ощутила толчок в груди «вот оно!» и попросила у Томильчика дать мне этот сценарий. Следующих полгода жизни были наполнены смыслом как никогда до этого – я взялась довести до постановки этот текст, мне никто этого не поручал, я выхватила его сама, и, опустив подробности, всё удалось: уже в феврале состоялась премьера нашей постановки в большом зале главного корпуса.

Но это всё преамбула – в мае месяце мы (то есть коллектив участников постановки) получили приглашение выступить с «Архимедом» в МГУ! По этому приглашению можно было судить, что слухи о нашей постановке непостижимом образом донеслись до физфака Московского университета. Возможно, это Томильчик известил лучший в мире университет о нашей попытке воплотить их замысел, конечно же, это их заинтересовало. К этому времени, преодолев в процессе работы над оперой не одну преграду, с приглашением в руках я заявилась на приём к самому ректору А.Н. Севченко, который был хорошо знаком с моим папой, и потому надеялась на успех. Но Антон Никифорович перенаправил меня к своему заместителю по хозчасти, генералу Кирсанову: вопрос, естественно, упирался в деньги, только тогда не так принято было открыто выводить финансы на первое место. Поэтому я начала с того, какая это честь для БГУ – выступить в МГУ; как нам повезло, что мы получили это приглашение. Но генерал спросил «сколько?», а нужно было оплатить билеты всему составу, то есть не менее чем за пятнадцать человек. И я тут же получила категорический отказ.

Совсем не поехать казалось невозможным, и мы поехали за свой счёт вчетвером – вместе со мной отправились Галя Ляндрес, которая окончила уже музыкальное училище, дирижировала хором студентов и пела партию Венеры, Лариса Рудова и Наташа Ельяшевич, которые занимались оформлением. Придуманный ими лозунг-плакат, висящий на сцене: «Сдадим наши посредственные знания на хорошо и отлично» прочно вошел в студенческий фольклор.

Но главные солисты «Архимеда» были ребята с первого курса, жили в общежитии на стипендию и не могли себе позволить такой роскоши как билет в Москву. На самом деле это я, как организатор всего этого, как сказали бы сейчас, «проекта», должна была занять где-то (хотя бы у родителей) денег на билеты для всей труппы, не так уж много и надо было, ну почему, почему, мне это тогда даже в голову не пришло?

Когда мы, четыре двадцатилетние дурёхи, притащились на майские праздник в МГУ, то сразу при входе увидели огромную афишу: «Студенческая опера «Архимед» в исполнении физфака БГУ, г. Минск». И стали московские авторы «Архимеда» нас ругать: «Ну, почему вы, девчонки, не позвонили, не привезли весь состав? Мы бы вам всё оплатили. Что же вы так оплошали…»

Обидно было слушать, но всё справедливо они нам высказали. Помню, что автор текста был к этому времени уже аспирантом, или даже защитил, очень взрослый, худощавый, в очках, с армянской, кажется, фамилией. И после торжественного вечера этот армянский аспирант и его ближайший друг-грузин и тоже аспирант, пригласили нас четверых в комнату этого самого Гиви, которая располагалась на 28-этаже главного, со шпилем, здания МГУ, и стали угощать нас чачей (тогда я не то, что попробовала, а слово это не услышала). Вот так я впервые и побывала на Ленинских горах, в главном здании МГУ, в 1963 –ем году.

И потому в году 1987 от Рождества Христова, через двадцать четыре года, когда приехала вместе с дочерью, поступающей в этот лучший в мире университет, сразу вспомнилась та, давнишняя поездка. Коллеги нас подпоили и стали откровенно приставать, особенно к Ларисе, самой из нас в те годы соблазнительной (и в дальнейшем , должна это признать, тоже); и тут я вскакиваю на подоконник и заявляю: «Если вы сейчас же не отстанете от моих подруг, я сейчас прыгну из окна!» Конечно, восточные наши ухажеры испугались, пошли на попятную: - «Что ты, что ты, слезай скорей, мы никого не тронем». И уже когда я бежала по лестнице, услышала: «Любка, ты хорошая девчонка», может, мы даже обменялись телефонами, но сразу и потеряли; уж в очень дурацкой роли пришлось мне выступить в тот раз…

И пока моя дочь Таня сдавала экзамены, я ходила в тревоге по первому гуманитарному, наконец-то узнавая университет по-настоящему, изнутри. И потом, уже когда дочка училась – исполнилась многолетняя мечта – чувство радости и восхищения охватывало (и охватывает!) невольно, когда попадаешь на аллею, ровную и гладкую, как взлётная полоса, ведущую к главному зданию-дворцу МГУ.

Здесь мне хочется поставить торжественную точку, хотя к значимым для меня местам Москвы относится ещё, разумеется, Литературный институт, расположенный по знаменитому адресу: Москва, Тверской бульвар, 25, но, во-первых, о пяти года учёбы, пусть и заочной, не расскажешь кратко, а во вторых память – удивительное устройство, и подсовывает сейчас картинки из времени детства и ранней юности, заслоняя мутным стеклом более поздние, взрослые годы.

Рыма Казакова

Мяне няньчыла беларуская жанчына

- З Беларуссю мяне звязвае вельмі многае. Мой бацька родам з-пад Віцебска. У яго вёсцы жылі і беларусы, і рускія. Беларуская культура, беларускі дух увайшлі ў мяне з дзяцінства. Бацька мой быў начальнікам ваеннага склада пад Полацкам, у маленькай вёсцы Юрвічы. Нянька-беларуска, гледзячы на мяне, гаварыла з дакорам і горыччу: "Якая добранькая, як бульба беларуская, але нічога, нічога...". Я была маленькая, худзенькая, потым падрасла. Яна завязвала мне банцік, надзявала прыгожую сукенку і вяла да сваёй радні. Там мяне карміли дранікамі і спявалі беларускія песні.

- Вядома ваша захапленне беларускай мовай...

- З самага дзяцінства ў мяне ўвайшла шурпатая і мяккая пяшчота беларускай мовы разам з рускай. Яны перапляліся ў адзін паток, які да гэтага часу ўва мне жыве. З ранніх гадоў заўсёды цікавілася ўсім беларускім. Калі стала старэйшай, пагадзілася з маім сябрям, украінскім паэтам Іванам Драчом, які гаварыў: беларусы самая чыстая славянская нацыя. Мусіць, так яно і ёсць. Беларусы ў маім разуменні - сумленныя, добрыя, чыстыя, адкрытыя, як дзеці. Класік беларускай літаратуры Максім Багдановіч, якому лёс прызначыў пражыць большую частку свайго жыцця над Волгай, змог здалёку захааць трапяткое пачуццё да беларускай мовы, беларускага складу мыслення і жыцця. Ён пакінуў у спадчыну тое, што стала асновай пісменнай існасці беларускай мастацкай літаратуры. Беларуская мова вельмі прыгожая. Некаторыя беларускія словы нібы дапаўняюць рускія паняцці і гучаць па-беларуску больш дакладна, чым па-руску, больш дакладна адлюстроўваюць сутнасць прадмета. На той час, калі ў маім жыцці пачалася перакладчыцкая праца, я была ўжо знаёмая з беларускім паэтам Аркадзем Куляшовым, Янакм Брылём, іншымі беларускімі пісьменнікамі... Першым, хто прыцягнуў маю ўвагу, быў Анатоль Вярцінскі. Цяпер ён ўжо масціты, сталы паэт, а тады толькі пачынаў сваю літаратурную дзейнасць. Спадзяюся, што славу на рускай мове, у Расіі, яму стварыла менавіта я. Усе звярнулі ўвагу на яго вершы, якія сапраўды былі цудоўнымі. Успамінаю яго твор "Брацкая магіла", дзе гаварылася пра тое, што ўсе, хто загінуў

на ратным полі, ляжаць у агульнай брацкай магіле. "А мы, живущие, друг другу братья?"- так заканчваўся гэты верш.

Я перакладала Веру Вярбу, Яўгению Янішчыц, паэта-франтавіка Міколу Аўрамчыка, пасябравала з Рыгорам Барадуліным, Генадзем Бураўкіным, Нілам Гілевічам, Уладзімірам Някляевым... Я заўсёды марыла, каб наша агульная кльтурная прастора не прапала ў мітусні дзён.

- Здаецца, лёд крануўся: нядаўна група пісьменнікаў з Саюза пісьменнікаў Масквы на чале з табой наведала сваіх калег у Мінску...

- Мы наведалі Мінск, пабывалі ў Доме-музеі Янкі Купалы. Дарэч, папрасілі экскурсавода весці для нас экскурсію на беларускай мове, каб адчуць водар і сапраўднасць гэтага месца, дзе тварыў вялікі паэт. І ўсе зразумелі! У час нашай паездкі мы дакрануліся да жывога сучаснага беларускага жыцця, убачылі, што беларусы вельмі даражаць сваёй мовай, сваім суверэнітэтам, адчуваннем таго, што яны свабодныя і сталі самімі сабой. Ушчамляць гэтыя пачуцці невысакародна, няправільна.

- Што стане вынікам вашай паездкі ў Мінск?

- Мы збіраемся выдаць сумесны руска-беларускі зборнік. Складаць такі зборнік даволі цяжка: кніга павінна прадстаўляць не толькі тых пісьменнікаў, хто калі-небудзь наведаў Беларусь, а тых, хто сапраўды любіць яе і мае адносіны да гэтай краіны. Хацелася б прадставіць нашы літаратуры лепшымі вершамі. Я не раз пераконвалася, што беларускія паэты - тонкія, разумны. вельмі сціплыя. Неяк на Лермантаўскіх днях паэзіі ў Тарханах стаяла побач з маладым беларускім паэтам Леанідам Дранько-Майсюком. Ён гаворыць мне: " Як цікава: вось помнік Лермантаву, і на ім адзін надпіс: "Люблю Отчизну я.." І ўсё! А Лермантаў гаварыў: "Люблю Отчизну я, но странною любовью..." Гэтым ён вызначыў не толькі сутнасць самога кахання (яно заўсёды безразважнае і непрадказальнае), але і сутнасць любові да Айчыны. Пазней я напісала аб гэтым радку Лермантава цэлы верш, а звярнуў на тое маю ўвагу малады беларускі паэт.

Яшчэ ўспамінаю такі выпадак: мы прыехалі ў Мінск і папрасілі таксіста завезці нас у гасцініцу. Ён гаворыць: "Дык вось жа яна - побач!". Мы яму: "Ну завязі, што табе значыць!". Ён адказаў: "Сорамна!". Напэўна, такое магчыма толькі ў Беларусі. Гэта кранае сэрца і прымушае шкадаваць, што распаўся СССР. І

пачынаецца гэты сум менавіта з паняцця "Расія і Беларусь". Мы ўсе, хто любіць Беларусь, аб'яднанню вельмі радуемся, таму што хочам збліжэння - пры ўзаемапавазе. І, вядома, у гэтай справе збліжэння двух народаў не апошнюю ролю адыгрывае ўзнаўленне нашай агульнай культурнай прасторы. Я хачу, каб ездзілі адзін да аднаго, перакладалі адзін аднаго, каб пяшчотны і непаўторны струмень беларускай аўры, беларускай паэзіі і прозы, духу Беларусі зноў загучаў на расійскай прасторы. Ад гэтага мы будзем больш багатымі і шчаслівымі.

Мне ў дзяцінстве кукавала беларуская зязюля і накукавала шчаслівае жыццё. Сэрца маё адкрыта для кахання:

Кукушка, кукушка, кукушка,
Немало еще на веку
Ты будешь долбить мне макушку
Своим горловинным "ку-ку".
Над речкой, над тихим райцентром,
В дожинке, в лучинке ручья -
Моя с белорусским акцентом,
Как первая нянька моя...

У запісе Аляксандра Шчуплова (Масква)
Голас Радзімы, 2003, №20, 15 мая

Уладзімір Конан *

Доктарам - праз Маскву

У 1981 годзе я закончыў ў Маскве доктарскую дысертацыю на тэму "Станаўленне і развіццё эстэтычнай думкі Беларусі: X ст. – 1917 год" – падсумаванне маіх шматгадовых (з 1965 года) даследаванняў гэтай тэматыкі поруч з іншымі навуковымі інтарэсамі па беларускай фалькларыстыцы і літаратуразнаўству. У Беларусі ніколі не было адмасловага савета па спецыяльнасці "эстэтыка". Такая спецыялізацыя была ў Маскве, мабыць, таксама ў Кіеве. У Кіеве мой калега па эстэтычнай праблематыцы памёр яшчэ ў росквіце сваіх гадоў. З кіеўскім варыянтам былі няпэўнасці. Там, здаецца, нельга было знайсці трох апанентаў, дактароў навук па спецыяльнасці "эстэтыка". Прыйшлося ўзяць курс на Маскву. Загадчыкам сектара эстэтыкі Інстытута філасофіі Акадэміі навук СССР і адначасова прафесарам кафедры эстэтыкі Маскоўскага універсітэта імя М. Ламаносава быў Міхаіл Аўсяннікаў, доктар філасофскіх навук, даследчык гісторыі эстэтычнай думкі Заходняй Еўропы, галоўны куратар гэтай навукі ў СССР. Ён, мабыць, крыху ведаў мяне. У 1965 – 1970 гг. пад яго кіраўніцтвам выдавалася трохтомная анталогія эстэтычнай думкі ў Еўропе і СССР. Па ягонай просьбе я падрыхтаваў для гэтай анталогіі невялікі раздзел па гісторыі эстэтыкі ў Беларусі.

На адной з навуковых канферэнцый у Маскве гэты таленавіты даследчык прапанаваў мне абараняць сваю доктарскую дысертацыю ў Інстытуце філасофіі СССР у Маскве. Ён жа пагадзіўся выступіць адным з трох апанентаў. Сам ён родам з Беларусі і спачуваў беларускім даследчыкам.

Мая дысертацыя была рэкамендавана да абароны сектарам гісторыі філасофіі і вучоным саветам Інстытута філасофіі АН БССР. Але паводле працэдуры, патрэбна была адпаведная выпіска з рашэння сектара гісторыі філасофіі нашага інстытута. Загадчыкам гэтага сектара пасля смерці акадэміка Віталя Сярбенты, былога

**** З неадольным жалем вымушаны пазначыць жалобнай рамачкай прозвішча Уладзіміра Міхайлавіча Конана († 6.8.2011) – славутага беларускага філосафа, літаратуразнаўцу, аўтара і шчырага спрыяльніка нашага выдання. – Рэдакцыя "Скарыніча".***

дзеяча і навукоўца 1920 – 1930-х гадоў, быў кандыдат філасофскіх навук, інвалід вайны Мікалай Купчын (1923 – 1979 гг.). У гэтым сектары яшчэ ніхто не абараняў доктарскіх дысертацый, а сам М. Купчын, здаецца, не вельмі спадзяваўся на гэта. Акрамя таго, мая дысертацыя была крыху "небяспечная" для членаў КПСС у Беларусі нават паводле тэмы "Станаўленне і развіццё эстэтычнай думкі Беларусі: Х стагоддзе – 1917 г." Я даказваў, што наша краіна мае сваю гістарычную, дзяржаўную і культурную глыбіню ад Х-га стагоддзя. Гэта і палохала камуністаў Беларусі.

Вось тут і першая камічная сітуацыя. Загадчык аддзела баяўся падпісваць выпіску аб рэкамендацыі дысертацыі да абароны. Мне спатрэбілася "заглянуць" у яго кватэру і доўга ўгаворваць на гэты "учынак". Прыводзіць аргументы і згоду Масквы на гэтую абарону. Мабыць, тут далучылася і падсвядомая зайздрасць, бо, здаецца, калега Купчын усведамляў, што яму самому не адважыцца на доктарскую дысертацыю. Не хопіць ведаў і энтузіязму.

У рэшце рэшт, я ўсё ж угаварыў яго, бо нельга было абыйсці вынікі галасавання па тэме маёй дысертацыі, на сённешні дзень, яшчэ недастаткова рашучай, крыху кампраміснай. Пашэнціла мне і ў Маскве. Перад абаронай я быў там на стажыроўцы ў Інстытуце філасофіі, працаваў у былой Ленінскай бібліятэцы. Дырэктарам Інстытута філасіфіі Акадэміі навук СССР у Маскве быў тады наш зямляк, былы прафесар Беларускага дзяржаўнага універсітэта Сцёпін. Ён падпісаў адпаведны дакумент да абароны дысертацыі.

Абарона адбылася недзе ў студзені, або лютым 1982 года. Дзейнічаў строгі "сухі закон". Ніякіх банкетаў і нават "чаепитиев". Няп'ючая Расія з Масквой начале. У такой сітуацыі галоўны клопат дысертанта – кворум на савеце. Я выдзеліў нейкую суму грошай тэхнічнаму сакратару Інстытута філасофіі, каб ён за дзень-два "абзваніў" усіх членаў савета, а старых і нямоглых падвёз на таксі. Сакратар, малады хлопец, абмежаваўся настойлівымі званкамі. А грошы "пусціў" на кнігі па літаратуры. Тады шмат хто ахвяраваўся на гэтую справу.

Дзякуй Богу, кворум сабраўся і я без ніякай заядлай крытыкі "выйшаў" у доктары філасофскіх навук па спецыяльнасці "эстэтыка". Праўда, напярэданні абароны адбыўся камічны казус. Водзыў трэцяга апанента быў у мяне, яго набрала на пішучай машынцы Лола Званарова, тады супрацоўніца часопіса "Детская литература", дзе я па яе просьбе апублікаваў, здаецца, два

артыкулы. Жыў я тады на кватэры ў нейкай стараватай пары ў Перадзелкіне, якую наняла для мяне Лола Званарова. Там у мяне быў набраны на машынцы тэкст трэцяга апанента, прозвішча яго забыў. Раніцай, сабіраючыся прыгарадным цягніком у Інстытут філасофіі, забыў гэты "водзыў" і ўспомніў толькі перад абаронай.

А ноччу перад абаронай мне сасніўся "трагікамічны сон": быццам я з'явіўся на абарону, яна ўжо пачынаецца, а самой дысертацыі няма. Пуста, пане мой! Што абараняць, як тлумачыць? А наяве, ужо ў Інстытуце, я ўспомніў, што забыў водзыў трэцяга апанента: перадрукаваны і яго рукапіс. Што рабіць? На шчасце, мяне падтрымаць на абароне і набыць вопыт для ўласнай абароны прыехалі ў Маскву мае калегі Уладзімір Агіевіч і Альфрэд Майхровіч (нажаль, ужо нябожчык). Выхад знайшоўся. Я даў Ул.Агіевічу 10 руб. Іх хапіла, каб узяўшы у мяне ключ, даехаць да Перадзелкіна, забраць гэты водзыў і паспець вярнуцца якраз тады, калі ўжо збіраўся выступаць трэці апанент. (Першым апанентам быў М.Аўсянікаў. Я папрасіў яго крыху "расцягнуць" выступленне, каб дачакацца Ул. Агіевіча з Перадзелкіна).

Абарона прайшла амаль "на ўра", без крытычнай атакі, толькі з сціплымі заўвагамі. Першая абарона ў маім сектары (цяпер – аддзел), – і ў "самой" Маскве! Без банкета, без няшчырых кампліментаў і недасціпных тостаў. Праўда, мяне ўсё ж падгаварылі сябры "пагуляць" з каньяком і закускай у маім нанятым пакойчыку, там, у нейкай зласнаватай мяшчанкі ў Перадзелкіне. Яно мне запомнілася. Якраз тады, разам з абаронай доктарскай дысертацыі, мяне прынялі ў Саюз пісьменнікаў Беларусі і аўтаматычна – у Саюз пісьменнікаў СССР. А гэты Саюз меў тады свой цікавы Дом творчасці ў Перадзелкіне. У 1980 – 1990-х гадах я кожнае лета браў туды пуцёўкі. Працаваў у галоўнай бібліятэцы ў Маскве. Адпачываў і пазнаёміўся з добрымі пісьменнікамі з Масквы, саюзных, асабліва каўказкіх рэспублік.

Даўно гэта было. І, на вялікі жаль, шмат што "зеллем зарасло". Цяпер вось сяджу ў сваім кутку або ў бібліятэцы Акадэміі навук Беларусі. Рыхтую другі том запланаванага мною выдання "Гісторыя эстэтычнай думкі Беларусі. Ад Сярэднявечча да сучаснасці". У працы забываюцца думкі пра апошняе "Бывай!" гэтай прыгожай беларускай зямлі.

08.03.2011, Мінск

Ирина Копчинская

«Как будет вести меня внутренний голос…» *

Озарение приходит тогда, когда наше подсознание подготовило решение проблемы или выход из трудных жизненных обстоятельств.

После беды, опустошившей мою душу, тонкие нити связи с прошлым моих предков, живших в Западной Беларуси, оказались надежным «спасательным кругом».

В начале 90-х годов, уже прошлого века, в одной из утренних воскресных программ Российского канала «Культура» , зазвучали песни фольклорного белорусского ансамбля «Свята». Они болезненно коснулись струн моей родовой привязанности и напомнили мне вёску Кошубинцы на Гродненщине, где в 1893 году родился мой дед и мой приезд туда в далеком детстве. Многие годы в моей душе скрывались народные песни, услышанные в детстве. И вот они зазвучали и породили страстное желание узнать и научиться их петь.

1993 г. Белорусские песни в Москве

Где найти в Москве тех, кто поет народные белорусские песни, кто знает их? Даже приобретенные знакомства с выходцами их Беларуси первого поколения не могли помочь воплотить мои намерения. В белорусскую суполку, собиравшуюся в помещении посольства Беларуси, приходили люди, приехавшие в Москву в «перестроечное» время. На мои предложения организовать ансамбль смотрели недоверчиво и насмешливо, - как, мол, я, коренная москвичка, могу заниматься народной белорусской культурой.

А.А. Бабарэка

По четвергам суполка собиралась в Овальном зале посольства. Не с первого раза я разговорилась с женщиной, которая вступила со мной в переговоры о создании хора. Это была дочка белорусского литературоведа Адама Бабарэки. Она не была уверена в такой возможности, сомневалась в собственном участии из-за сорванных в детстве голосовых связок. Песни, которые она помнила, вывезла в 30-ые годы её мама в город Киров, где семья поселилась в

окружении русских и украинцев. Через некоторое время она «сдалась» и припомнила 26 маминых песен, некоторые из них были похожи в музыкальном плане одна на другую. Только спустя несколько лет я, просматривая этнографические сборники украинских и белорусских песен, обнаружила, что только 11 песен по происхождению белорусские, а остальные бытовали на Украине. Но Алесю Адамовну это не смущало: «Подумаешь, этнографы! Мама ведь не могла ошибаться».

Гурт «Алеся».

Алеся Адамовна не очень-то хотела петь хором «свои» песни, однако согласилась принимать маленькую компанию у себя дома, чтобы «попробовать» совместное пение. Принимала она всех радушно. Приготовление драников, политические дискуссии, рассказы о прошлом были главным в этих встречах. Такие посиделки никак нельзя было назвать репетицией. И не устраивало это только, пожалуй, меня. Да, и то сказать! В квартете, который сложился, одна - без слуха, другая не знает белорусского, третья «не строит» альтовую партию, а сама Алеся Адамовна пела жестко, гортанно. Может так поют по-народному? С названием гурт «Алеся» согласились все.

Потрясение.

В сентябре того же года в старинном здании, напротив Дома Пашкова в Москве, в музее М.И. Калинина, который мало интересует сейчас москвичей, спешащих по делам через центр, выступил фольклорный гурт «Литвины» из Минска. Кто это? Вся московская белорусская суполка собралась в холле и ждала артистов. В Москву приехали настоящие белорусы.

Я тогда не могла предположить, что именно эта встреча с аутентичным ансамблем определит мое понимание, как должна звучать народная песня в современном мире. Я впервые услышала волынку, по-белорусски «дуду», и цимбалы. Руководитель ансамбля В.Бярберов так красиво и певуче говорил по-белоруски! Все собранные мной фоно-записи этого ансамбля служат мне образцом творческого понимания и следования традициям в народной песне.

Как странно, Владимира Бярберова я встречала в разные годы случайно на улицах Минска, Киева, Берлина. Краткие беседы и долгая память…

1994 г. Фестиваль в Пинске

Музыкальные встречи у А.А.Бабарэки не были секретом для посещавших четверги в посольстве. По связям с обществом «Бацькаўшчына» нашему квартету предложили принять участие в I Международном фольклорном фестивале в городе Пинске. Хотя в фестивале могли принять участие аматары, но наш квартет с репетициями в качестве приложения к дранникам был сомнительным участником в празднике, где участвовало много профессиональных исполнителей народной песни.

С трудом я уговорила Алесю Адамовну включить в репертуар четыре «ее песни», а во время репетиции настояла на многократном повторении песен для заучивания текста и музыки. При оригинальности неизвестных песен из Москвы можно было бы, отчасти, рассчитывать на снисходительность слушателей.

На фестиваль гурт «Алеся» отправился все-таки подготовленным на уровне совместного представления о качестве пения. Мы везли с собой два сценических белорусских костюма, которые разрознили и дополнили подходящей по стилю одеждой. Свою сорочку для выступления я вышивала в поезде, а Светлана Довбик вышила свою по журналу «Сялянка».

Первый наш выход как посланников из Москвы состоялся на сцене Минской городской филармонии. Было страшно выходить на огромную сцену, и мы ощущали себя как на Крещении. Мне казалось, что аплодисменты зала предназначались не нам, а двум старинным песням, которые мы спели.

В Пинск мы отправились на следующий день. «Водоворот» огромного национального праздника был ошеломляющим: около 100 самодеятельных и профессиональных фольклорных коллективов. Главным режиссером был Н.А.Козенко. Нас просмотрели и допустили до участия в открытии фестиваля и финальном гала-концерте. Выступали мы и на площадках в парке и в далеких поселках Мотоль и Ивановское. Поклон тебе, наша Родина.

«Дзіця»

В один из дней после репетиции мы шли по набережной вдоль реки Пины. Навстречу нам двигались два спорящих человека. Поравнявшись с нами, один из них стал пристально вглядываться в мое лицо. "А вот и дитя нации," - сказал он по-белорусски и протянул мне тонкий альбом с нотами. "Песни и строи Пинщины". Н а обложке в профиль стояла женщина в намитке из далеких лет начала 20-го века. "Такой вы будете через 40 лет," - продолжил мужчина. Я посмотрела и поняла, что он прав. Сходство внешности было примечательно.

Встретившиеся нам были В.И.Рогович и Н.Д.Литвинка - известные белорусские музыковеды-этнографы. Еще дважды я встречу их в жизни. А ныне им светлая память.

В Украинской библиотеке в Москве

После фестиваля в Пинске участники ансамбля решили, что должны быть какие-то встречи, где звучали бы белорусские песни. Я разыскала украинское общество "Славутич", и мы получили приглашение на встречу с украинской капеллой. Руководителем капеллы была В.И.Скопенко, профессиональный хоровой дирижер. Песни украинцев звучали слаженно и многоголосно. Сравнение было не в нашу пользу. После совместного концерта, за чаем, староста украинской капеллы обещал нашему ансамблю поддержку мужскими голосами. Для себя я сделала вывод, что надо учиться петь народные песни, учиться работать с ансамблем. Но ради этого я должна была оставить созданное мною детище.

Наука в хоре

Случай, определивший место учебы, представился скоро. На нашу очередную репетицию пришел староста капеллы Сергей Иванович. На репетиции обозначился разлад. По "уставу" Алеси Адамовны как-то не проявлялся результат работы. Всем стало неинтересно. А Сергей Иванович предложил пойти на репетицию Украинской капеллы, благо она была в соседнем квартале.

Когда В. Скопенко всем нам, вновь пришедшим, раздала в руки ноты и тексты песен, я поняла, чему и как я смогу научиться. Украинские песни зазвучали по партиям. А мой голос послушно занял свою партию в хоре. Гурт «Алеся» без прощания покинул

репетицию капеллы, оставляя листы нот на пианино. Я осталась в капелле и даже на 16 лет. Но это уже другая история.

«333 ведра»

Я осталась одна на чужой территории с единственным вектором в душе - научиться петь, чтобы познать свою белорусскую песню.

Технику пения и теоретических знаний по вокалу В.Скопенко не давала. Основная наука держалась на девизе "Пой, как я!". Еще 333 ведра и «золотой ключик» будет в кармане!". Практически я постигала умение слушать, правильно дышать, не двигать карикатурно губами, внимательно интонировать мелодию и верно держать её в партии. Народному же пению я училась у разных людей, которых я всех с благодарностью держу в своей душе.

Фестиваль хоров им. А Кошица

Для выступления на I Всероссийском фестивале украинских хоров В.Скопенко предложила мне сделать белорусский номер силами хористов капеллы. Это стало моей первой серьезной работой для сцены. Согласились участвовать 7 человек. Одним из них был Мирошниченко Анатолий Яковлевич. Хоть и украинец, а одел брыль – ну, белорус и белорус! Ныне он живет в Черниговской области, переехал на постоянное жительство из России. Он хорошо играл на баяне и быстро подобрал аккомпанемент для номера «У месяцы верасні» и согласился на роль дзеда. Все 8 куплетов песни я решила превратить в маленький театр по сценарию, содержавшемуся в самой песне. Каждый куплет обыгрывался действием и имел характерную танцевальную форму. Репетировали в Зеркальном зале ЦДРИ (Центральный дом работников искусств), смотрели на себя, и это очень помогло в создании номера. Хористы-украинцы меня не подвели. Номер получался, а я вечерами, не покладая рук, кроила и шила - всех надо было одеть по-белорусски.

На гала-концерте В.Скопенко поставила наш номер в первую часть. Умирая со страха, я выводила семерых "белорусов" на сцену. Мы ровно шли, пританцовывали, и без срыва "уплыли" со сцены. Зрители аплодировали. А из зала, поверх аплодисментов раздался возглас: "Вот так белорусская жемчужинка прокатилась!".

В.Скопенко никогда больше не предлагала мне ставить белорусские номера в капелле...

1996 г. Гурт "Кірмаш"

Из московского фан-клуба "Песняров" ко мне пришли три девушки. Хотели учить белорусский язык и петь песни. Одна из них была другом семьи В.Мулявина - Галя Иванова. В идею создания белорусского ансамбля подключилась Татьяна Михайлова, солистка русского хора ДК " ЗИЛ", она была с Брянщины. Приходили в мой домашний клуб хористы "Терлецкой дубравы" А.Малеевой. Выпускница Гнесинской Академии с Витебщины Ольга Миненкова показала, как надо работать с народной песней.

1997 г. Бал славянских народов

Это был юбилейный год 850-летия Москвы. Почти уже родившийся ансамбль «Кірмаш» был приглашен в Дом Дружбы с народами зарубежных стран, бывший особняк С.Морозова (ныне он закрыт для посетителей). Нам предложили спеть только одну песню. Конечно пришлось выбрать всем известную "Купалінку". В партиях мы не сбились, четко звучали 3 голоса. К нам подошла В. Толкунова (светлая ей память). Она с удивлением нас разглядывала: «Это кто? Белорусы?» Так я узнала, что в Москве, а может и в России, не знают, как в прошлом одевались белорусы...

Виктор Антонович Говар

Общество соотечественников "Радзіма" (г.Минск) пригласило заинтересованных белорусов-россиян на курсы "Государственного института проблем культуры" на лекции по белорусскому фольклору. От Москвы поехали В.А.Говар, О.Яцкова и я. Это событие было для меня значительным не только потому, что я слушала лекции Т.Б.Варфаломеевой, И.И. Крука, В.И.Роговича и О.В.Мирончик. Знакомство, присутствие рядом в семинарах этнографа, писателя и художника народных промыслов В.А. Говора, его высказывания и замечания служили мне точным инструментом для понимания и восприятия национальной белорусской культуры.

Виктор Антонович записывал все лекции на магнитофон, чтобы отправить записи дочке в Австралию для белорусской

диаспоры. Сейчас его нет с нами, а его записями пользуюсь я. Слушаю песни О.В.Мирончик и её ансамбля, а также белорусов из Польши. Я храню у себя дома этноколлекцию В.А.Говора и надеюсь, что когда-нибудь она окажется в Культурном центре Беларуси в Москве.

1999 г. Зашли на минуточку

Ирина Сенкевич и Анатолий Титов приехали в Москву из Минска. Они были профессиональными музыкантами-народниками и хотели найти в Москве белорусский ансамбль. Искали два года. Когда наш самодеятельный ансамбль «Кiрмаш» встретился с ними, то все охотно начали готовить под их руководством концертную программу. И. Сенкевич показала, что такое белорусский сценический фольклор: мы пели и танцевали одновременно. Было несколько выступлений в Мэрии, ЦД Журналистов, Всероссийском музыкальном обществе. Я была рада, я училась. Отсутствие оплаты за профессиональный труд не удержало этих артистов в нашем ансамбле.

2000 г. «Песняры» и В. Мулявин

Ансамбль «Кiрмаш» уже стал постоянным участником межнациональных праздников и концертов в Москве. Фестиваль «Созвездие дружбы» был ежегодным ярким праздником на сцене Государственного концертного зала «Россия». После выступления нашего ансамбля перед выходом на сцену ансамбля «Песняры», мы отправились к ним в гримерную, чтобы поприветствовать. Вежливый обмен вниманием и фотография на память. Мой вопрос в очередной раз остался без ответа: «Зачем переделывать народную песню в модных ритмах?». Ответа не было…

2006 г. Подруга С. Дорохова

Светлана Николаевна Дорохова солистка фольклорного Ансамбля им. Дмитрия Покровского. Мы встречаемся с ней ежегодно на детском фольклорном фестивале «Московский хоровод», когда выступают наши детские ансамбли: ее - творческий русский, а мой - немецкий школьный.

Под Новый 2007 год в нашем белорусском ансамбле «Кiрмаш» не оказалось альтовой партии для выступления в Культурном центре Украины в Москве. Я прошу Светлану выйти с

нами на сцену с незатейливой калядкой «Добры вечар то́му» , диктую ей слова по телефону, подбираю детали Капыльского национального строя для выступления.

Перед выходом на сцену все встречаемся, быстро репетируем, переодеваемся, и нас объявляет В.Федорченко. Света запевает: «Добры вечар то́му, хто гэтаму дому». Мы подхватываем, и уже звучит трехголосье. Я вслушиваюсь в голос подруги. Он звучит так, как давно в детстве я слышала на Гродненщине. Почему, откуда она знает, как петь белорусские песни?

Секрет народного пения знал Д.В.Покровский, а Светлана Дорохова была одной из последних его учениц. Тогда я еще не знала, что подруга подскажет и научит меня этим приемам народного пения. А я смогу петь свои белорусские песни, как будет вести меня внутренний голос.

2007 г. Любительницы «клюквы»

В этом году репетиции в моей квартире стали посещать три белоруски, которые с детства знали родной язык. Они жили почти в Подмосковье, тратили много времени на дорогу ко мне. И конечно, я ценила эти жертвы и терпела их неприятие истоков национальной культуры, нежелание петь песни XIX века. Они переписывали тексты этнографических песен на современный белорусский язык, пренебрегали традиционной народной одеждой и хотели часто выходить на сцену, исполняя популярные, «клюквенные» белорусские песни.

На фестивале «Звiняць цымбалы i гармонiк» в г.Поставы наш ансамбль пел популярные песни, чтобы вписаться в общий стиль участников фестиваля. Я участвовала в замечательном белорусском национальном празднике, но мое желание петь традиционные народные песни только окрепло.

С любительницами популярности и «клюквы» я рассталась в тот же год.

2008 г. «Еврофолк»

В Москве в Царицыно, впервые, проходил 29-ый Международный фолк-фестиваль. Я знала, что кто-то приедет из Беларуси. Но я не могла предположить, что оказавшись на фестивале, пройду кастинг самодеятельных исполнителей

народных песен. Конечно, я боялась огромной сцены. Со мной вышел волынщик из г.Химки, подобрал тональность, и я запела «Ой, рана на Івана». Границ поля с расположившимися слушателями не было видно. С каждым куплетом мой голос звучал все уверенней. Аплодисменты слушателей, а в руках моих «Приз зрительских симпатий». Но главным подарком для меня на следующий день была краткая встреча с Натальей Мателицкой.

Наталья Мателицкая

Уже не первый десяток лет я знаю это имя исполнительницы традиционных белорусских песен, слушаю, учу и заучиваю наизусть песни из ее репертуара.

На второй день фестиваля я приехала в национальном костюме, и это помогло мне в толпе зрителей встретиться с Натальей. Мы познакомились и коротко побеседовали. Ей было пора выходить на сцену. Наталья была единственной исполнительницей традиционного фольклора на фестивале, и я с нетерпением ждала ее песен.

Публика, желавшая зажигательных рок-фолк-ритмов, с первых куплетов ее песни начала свистеть и улюлюкать, срывая ее выступление. Наталья выдержала паузу, потом заговорила о белорусских обрядах и о магии славянской культуры. И это сломило неприятие публики.

Заиграла волынка. Наталья запела своим ярким аутентичным голосом. Поляна московского «Гайд-парка» аплодировала, потом скандировала. Я была счастлива. Еврофолк признал нашу древнюю белорусскую песню.

2009 г. Белорусские корни в России

У меня в руках сборник песен русского традиционного фольклора «Крыницы». Как не быть благодарной составителю А.В.Поповченко за песни Брянщины! В городе Стародуб и селе Курковичи так поют песни, что звучат в них – «пайдзем», «цьвяточшки», «вяношки». Никогда в русских фольклорных ансамблях не слышала такого русского языка!

Благодарна я и фолклористке Н.Неглюбиной, записавшей в селе Кошевичи Руднянского района Смоленской области от Прасковьи Жарковой песни, где звучат слова «варана коню», «дыутцина», «дзеўка у бацьки». Добросовестные этнографы

записали эти песни на землях исконного расселения белорусов. Хорошо, что эти песни сохранены, хотя и в изданиях «Сокровища русского фольклора». В своих этно-коллекциях М.Раманюк отмечал и Смоленский строй, и Суражкий строй, и Стародубский строй.

2010 г. «Нас было мало на челне»

Второй Всероссийский конгресс фольклористов в Москве собрал около 90 представителей разных направлений в фольклоре, среди которых было 9 участников, представлявших практическую деятельность в фольклоре - руководителей народных и самодеятельных коллективов. Заявив себя участником конгресса, я выступала с докладом «Сохранение национальной белорусской культуры в иноэтничном окружении». Видимо, я могла рассчитывать на интерес к теме только у этих 9-ти участников …

«Каляда»

На юбилейном концерте профессора Л.А.Горевой в Российской Академии музыки им. Гнессиных, хор выпускников вечернего отделения в красочных русских сарафанах, в белгородских «кичках», курских «петухах» слаженно и уверенно запел: «Каляда…». Слышу наши белорусские слова, кое-где не в рифму звучат русские слова, видимо в переводе с белорусского. Что это? Белорусский язык в русском диалекте или в русском языке белорусский диалект?

ТК «Культура»

Сергей Старостин - известный исполнитель русского фольклора, вплетенного в мощный рок- колорит. Он представляет в программе Российского ТК «Культура» фольклорный ансамбль «Жили-Были», который исполняет новые песни из экспедиции в глубинках Алтая. Неожиданно для меня зазвучали знакомые слова «Из-за гор-гары едуць мазуры…». От куплета к куплету в песне раскрывалась наша белорусская песня, записанная на Гродненщине в 1986г. Т.Б.Варфаламеевой от В.В.Басцюк 1930г.р.и опубликованная в сборнике «Песни белорусского Понемонья». Мелодии песен совпадали, а рифмы в строфах отсутствовали. Видимо были трудности в переводе с белорусского на русский язык. С.Старостин вдруг представляет песню, как древнюю

русскую (?!). Знает ли он и ансамбль «Жили-были», кто такие мазуры? Где они бытовали? В каком обряде пели эту песню на Беларуси?

Неважно московским собирателям, откуда и почему на Алтае появилась нерифмованная (!) «русская песня» …

«Западные русские» в 1978 году

Во Всесоюзном Доме композиторов в Москве, в концерте «Местные стили русского народного многоголосья» пел фольклорный ансамбль из вески Неглюбка с Гомельщины. Ранее не звучавшему в Москве многоголосью слушатели горячо аплодировали, вызывали на «бис».

Ни характерный наш неглюбский строй, в котором были участницы ансамбля -тканая плахта, особая в складку баска кабата, черные сатиновые фартуки и тканная «хустка», ни наш белорусский говор не смутили организаторов концерта представить программу ансамбля и их исполнение, как «западнорусский песенный стиль с Верховьев реки Днепр».

2011 г. Минск-Витебск

Наверное свершилось чудо.Стараниями доброжелателей и людей любящих народную культуру Беларуси наш маленький ансамбль был приглашен на “Першы фестываль мастацтваў беларусаў свету”. Мы повезли в Минск и на Витебский фестиваль программу из восьми песен календарных праздников Беларуси 19 века «З вясны да восенi». Она включала в себя песни и этнографические речевки, которые были записывались белорусскими этнографами в разных регионах Беларуси и была данью памяти их незаслуженно сейчас забытой работе. Наше первое выступление в Минске развеяло наши сомнения. Рабочие двухтысячного предприятия Минска слушали нашу программу прямо в цехе на рабочих местах. На глазах многих были слезы, нас сердечно благодарили и вспоминали, что от бабушек слышали прозвучавашие песни.

Витебский фестиваль встречал всех участников Фестиваля радушно и тепло. На границе Минской и Витебской областей 300 участников Фестиваля встречал фольклорный ансамбль из Витебска. Это был день Беларуси на Витебском фестивале - 9 июля. На баннерах наших автобусов значилось, что мы не только гости

фестиваля – мы соотечественники зарубежья, встречающиеся со своей исторической Родиной. Витебчане с удивлением приветствовали нас на улицах города, и могли ли мы предположить, что зал Витебского облисполкома будет переполнен в этот вечер желающими услышать, какие песни поют белорусы в «замежжы»! В концерте участвовали ансамбли из Польши, Литвы, Латвии, Казахстана, Армении, России. Музыкальные стили в исполнении белорусских песен были различны: нетрадиционный фольклор, эстрадная песня, этнофольклор, но всех исполнителей объединяла глубокая привязанность и кровная связь с Беларусью.

В составе ансамбля «Кірмаш» были новые участники-могилевчанки из Москвы, Таня и Марина. Их природная постановка голоса была быстро сведена Светланой Дороховой в традиционное звучание песен нашего ансамбля. Нас похвалил режистер концерта, так как мы пели без фонограммы и «минусовки»: «Наконец-то я слышу не пластмассовые голоса, а живые, » - сказала она. Горячие аплодисменты зала после нашего выступления были свидетельством того, насколько дорога сердцу старинная песня Беларуси. На следующий день в концертном зале Минской филармонии, где проходил заключительный концерт фестиваля, наше выступление также вызвало живой интерес. Горячий прием слушателей и благодарность организаторов Фестиваля останутся надолго в нашей памяти и дают уверенность, что вдали от Родины мы ей не безразличны.

2011 г. Пролетевшие годы

В истории «Моей белорусской песни» самым значительным оказалось далекое начало и близкое сегодня. События внутри этого периода были наполнены радостными чувствами от работы над песнями, выступлениями, встречами с интересными людьми и доброжелательными слушателями. Ансамбль «Кірмаш» приближается к своему 15-летию. Трудно было предположить, что «домашний клуб» станет ансамблем, постоянно участвующим в межнациональных мероприятиях и многочисленных фестивалях в Москве, Беларуси и за рубежом. Каждый год удавалось создавать по 6 новых программ. Так репертуар шагнул за полторы сотни популярных и аутентичных песен, а дипломы и благодарственные письма разместились в увесистом альбоме.

Я обязана белорусской песне многим: знанием белорусского языка, радостью причащения к культуре и истории Беларуси; наконец, признательностью В.А.Говару, Т.Б.Варфаломеевой, Н.А.Козенко, О.А.Лобачевской, М.Н.Винниковой, А.А.Гречиной за напутствия, помощь и советы в постижении родной спадчыны.

---

*/ Пачатак – "Скарыніч" №8/9. 2010.

Віктар Швед

Маскоўскія былі

Упершыню пазнаёміўся я з Масквою, калі 28 ліпеня - 11 жніўня 1957 года знаходзіўся тут як дэлегат ад беларускай нацыянальнай меншасці ў Польшчы на VI Сусветным фестывалі моладзі і студэнтаў. Адначасова быў я карэспандэнтам беларускага тыднёвіка „Нівы" ў Беластоку, як штатны яе журналіст.

На пачатку 1983 года, на аснове савецка-польскага пагаднення, у польскую рэдакцыю выдавецтва „Прагрэс" у Маскве адкамандзіраваная была з выдавецтва "Książka i Wiedza" ў Варшаве група спецыялістаў: трох рэдактараў, двух карэктараў і машыністка. Мне давялося ўзначаліць гэтую групу. Пасялілі нас у новым квартале горада па вуліцы акадэміка Анохіна, дом 30, корпус 4. Быў я прыняты на штат старшага кантрольнага рэдактара. Даязджалі мы ў „Прагрэс" з Паўднёвай станцыі метро, заўсёды перапоўненай электрычкай. Неўзабаве напісаў я верш „Працоўная Масква":

Штодзень бягу я па прывычцы
На сваю станцыю метро.
Як пыласос тут электрычка
Усмоктвае усіх унутро.

І з-пад зямлі няспынна потым
Плыве людскі жывы паток,
Усім так спешна на работу,
Усіх такі нервовы крок.

А пасля працы безупынна
Людская хваля каціць зноў
Да прадуктовых магазінаў,
Адтуль з пакупкамі дамоў.

І так наўкола, так штодзённа,
Так безупынна з года ў год
Плыве, плыве многамільённы
Масквы працоўнае народ.

Засумаваў я раптам па Радзіме і па варшаўскіх сябрах. Пачаў шукаць у Маскве сяброў-беларусаў.

Сяброў шукаю безупынна

Кто себе не ищет друга
Самому себе он враг.
Ш. Руставелі

Сябры далёка так, далёка,
А мне так цяжка без сяброў.
Шукаю тут сяброў навокал,
Ды ўсё яшчэ іх не знайшоў.

І ўжо, здаецца, перамога,
Сустрэўся друг – ім даражы!
Ды ён пайшоў сваёй дарогай, –
Нібы староннi i чужы.

Не пераможца я, хоць Віктар,
Я – адзінокі чалавек.
І вельмі сумна, што рэліктам
Сяброўства робіцца ў наш век.

Неўзабаве пазнаёміўся я і пасябраваў з беларускім паэтам Іванам Леткам, пражываючым у Маскве.

Мой маскоўскі сябар Аляксей Каўка, з якім я паэнаёміўся і пасябраваў яшчэ ў Польшчы, дапамог мне адведаць вядомую паэтэсу, якая пражывала ў Маскве і знаходзілася ўжо ў старэчым і хваравітым стане. Наведалі мы яе, правёў я з ёю размову для беластоцкай ,,Нівы", атрымаў з аўтографам зборнік паэзіі ,,Май" і неўзабаве прысвяціў нашай "Кветцы курганнай" верш:

Канстанцыі Буйла

Хіба адзіны на Падляшшы
З літаратурназнаўчай сферы
Сустрэўся я з паэткай нашай
Ў яе маскоўскае кватэры.

Наракала на свой старэчы
Стан здароўя бесталковы.
Падпісала мне на сустрэчы
Зборнік паэзіі „маёвай”.

І быў надзвычай я шчаслівы
Што лёс мне даў узнагароду.
Пісаў аб паэтэсе ў „Ніве”:
Будзе мне помніцца заўсёды.

У нас як гімн абавязковы
На святкаваннях ўзімку, летам
Спявана скрозь святыя словы:
„Люблю наш край, старонку гэту…”.

Мая верная сяброўка Валянціна Тэрлецкая, з якою я вучыўся ў адным класе ў Беларускай гімназіі ў Гайнаўцы, у 1946 годзе рэпатрыявалася з бацькамі ў Беларусь і жыла ў Пінску. Утрымліваў я з ёю пісьмовы кантакт і яна ўлетку прыслала мне ў Маскву вялікую скрынку памідораў са свае хатняе дзялянкі. Не выпадала адмаўчацца на падарунак:

Памідоры

Валянціне Тэрлецкай

Ах, памідоры, памідоры!
Прыехалі ў пасылцы „Скорым”.
Такая ў сэрцы асалода –
Запахла раптам агародам.

Здалося, што трымаю ў жмені
Я сонца летняга праменні,
Як дар зямлі маёй айчыннай,
Як сэрца мілае жанчыны.

Пунсовыя яны, як вусны,
І чырванеюць так спакусна.

Я іх ахоўваў бы ўсё дзесьці
І цалаваў бы, каб не есці.

Пакаштаваў – чыста маліна,
Хацеў бы цешыцца няспынна.
І быццам я - ў родным Моры...
Ах, памідоры, памідоры!

Быў я ў Дзяржаўным акадэмічным вялікім тэатры ў Маскве на выступленні славутай прымабалерыны Маі Плісецкай. Свае ўражанні з выступлення я выказаў у вершы:

Мая Плісецкая на сцэне

На сцэне прымабалерына,
Мая Плісецкая на сцэне,
А воплескі грымяць няспынна,
Зала ў экстазе, ў заўхапленні.

Імправізацыя, натхненне,
Узнёсла танчыць дасканала.
Вяршыня творчага гарэння...
І ціхне, замірае зала.
…
Партнёр збірае кветкі ў жмені,
Партнёркаю зачараваны,
І перад Маяй на каленях
Цалуе рукі ёй з пашанай.

І апускаецца заслона
Перад паэзіяй, стыхіяй.
З партэра і з усіх балконаў
Кветкі ўсё сыплюцца жывыя.

З маскоўскага тэлебачання даведаўся я аб неймаверным здарэнні ў жыцці рускага паэта:

Гадзіннік Арлова

Пакуль ідзе ён – я жыву.
С. Арлоў

Зазнаў ваенныя дарогі
Танкіст-паэт Сяргей Арлоў.
Пасля вялікай Перамогі
Прыйшоў паранены дамоў.

Застаўся ён з апёкаў следам,
Ад франтавых лячыўся ран.
Ад маці атрымаў „Пабеду”,
Гадзіннік нібы талісман.

Бярог ён надта ж свой гадзіннік,
Як мір, як неба сіняву.
І паўтараў усім няспынна:
Пакуль ідзе ён – я жыву.

І сапраўды, ён, сэрцам хворы,
Упаў, як у ваенны год.
І хвіляй той у калідоры
Спыніў гадзіннік верны ход.

Якое ж супадзенне гэта
І паэтычнае чуццё.
Гадзіннік адмяраў паэту
Яго ахвярнае жыццё.

У вольных хвілінах ад выдавецкай працы пераклаў я на польскую мову сорак вершаў майго любімага паэта Аляксандра Твардоўскага да кніжкі Аляксея Кандратовіча „Аляксандр Твардоўскі”, якая выйшла з друку ў перакладзе на польскую мову ў маскоўскім Выдавецтве „Радуга” ў 1985 годзе. Вось адін верш з гэтай кніжкі:

Ranek

Krążąc leciutko i nieśmiało
Na szkle śnieżynka siadła w biegu.
Spadł w nocy gęsty śnieżek biały –
W pokoju jasno jest od śniegu.

Fruwa wciąż puszek uskrzydlony,
Zimowe słońce wstaje znowu.
Jak coraz lepszy każdy dzionek,
Tak będzie lepszy rok nam nowy.

Tych dni, co szczęście ludziom wróżą,
Tych chwil, jak nasza wymarzona –
I przy nas będzie bardzo dużo,
I wiele, wiele – będzie po nas...

Пасля года маёй працы ў „Прагрэсе” вярнуўся я з Масквы ў сваё варшаўскае выдавецтва. Напісаў я перад сваім выездам развітальны верш:

Бывай, Масква

Лёс мяне на год зраднiў з табою,
Ты была мне блізкай, дарагой.
Ты ўжо стала і маёй Масквою,
Як я стаў часцінкаю тваёй.

Той часцінкай у людскім патоку,
Што бурліць так цэлы дзень кругом.
Будзеш ты, Масква, ізноў далёка,
Як далёка быў мой родны дом.

Я і ў творчым быў тут часта ўздыме,
Хаця неаднойчы і ў журбе.
Тут тужыў заўсёды па радзіме,
Дома затужу я па табе.

Пабягуць зноў да цябе ўспаміны,
Калі я вярнуся ў родны край.
Дык чакайце, родныя мясціны,
Дык бывай, Масква мая, бывай!

Павёз я ў Варшаву дарагі мне „Маскоўскі сшытак” – звыш дзве сотні рукапісных вершаў. І хоць я ўжо ў паважным веку, але скрозь марыцца адведаць маю даўнюю, напэўна ўжо намнога змененую Маскву.

Владимир Бутромеев

Осознание детского лепета

О слове дедушка в этимологическом словаре сказано: "...общеславянское, происходящее из неосознанного детского лепета". Это тот случай, когда простая формулировка, констатируя простое вроде бы явление, неожиданно для себя самой становится гениальной фразой, не описывающей, а раскрывающей суть. И дедушка, и ребенок стоят рядом у края одной и той же непостижимой, неподдающейся осознанию, невозможной для осознания, понимания, разумения бездны. Ребенок только что вышел из нее, из этой бездны и ему идти от нее. Дедушка скоро войдет в эту бездну и скроется в ней. И вот из неосознаваемых глубин этой бездны доносятся некие отзвуки, некое эхо, и бессмысленно повторяя их, не осознающий ни себя, ни окружающего бытия ребенок лепечет, повторяет "де-де", "де-де" и дает имя, определяет того, кто дал ему четверть жизни. И все остальные, кто участвуют в этом получают такие же родовые имена: "ба-ба" - бабушка, "ма-ма" - мать и "па-па" - отец.

При естественном ходе жизни дедушка и внук ближе между собой, чем отец и сын. Потому что оба близки к единой бездне. Отец, дальше и от бездны и от дедушки (своего отца) и от сына - внука дедушки.

Я родился и вырос на хуторе и вошел в бытие, в мир, держась за руку дедушки по материнской линии. Позже я узнал, что у меня есть и другой дедушка - отец моего отца. Оба мои дедушки были для меня каким-то вселенским, космическим явлением - я создавался по их образу и подобию. В большей мере, конечно, по образу и подобию дедушки по материнской линии - во-первых, потому что пять первых лет жизни я жил в его доме, как бы в нем самом, воспринимая от него и через него все ориентиры бытия; во-вторых дедушка по материнской линии как явление был результатом бытия. А дедушка по отцовской линии был только материалом бытия. И видел я его три-четыре раза, и мог только видеть, потому что он уже был почти за границей этого самого бытия. Его звали Андрей. Отчество его я не знаю. И мне кажется, что и мой отец не знал его отчества. Дедушка Андрей происходил

из большой крестьянской семьи, из деревни, в которой жили люди, носившие одну фамилию. Это были выходцы из России, староверы. Они "обелорусились", забыли свое староверчество, считались обычными православными. Но ни черты лиц, ни даже житейский уклад, а тем более мировосприятие забыть не могли и потому жили по-своему, не конфликтуя со средой окружавшего их белорусского мира, который в восточной Белоруссии мало отличался от русского мира. Дедушка Андрей служил в армии и остался на сверхурочную службу, так как семья и вся деревня была малоземельны и устроить свою жизнь в родной семье или деревне не было никакой возможности.

Годах в 1916 - 1917-тых он "пристал" ко вдове, принадлежавшей зажиточной, разветвленной семье Разумниковых. Семья эта тоже была из "обелорусившихся" староверов. Вдову звали Настя, в молодости она была красива и ее, из практических соображений, выдали замуж за старосту, который потом рано умер, оставив ее с тремя дочками. Дедушка Андрей вошел в чужую семью почти против воли сородичей. Земля в тех местах была песчаной и малоурожайной, прокормиться на ней было очень трудно. Родная деревня дедушки Андрея находилась километрах в пятидесяти от его нового места жительства, и связь со своей семьей он не поддерживал. По крайней мере моего отца, своего сына, дедушка Андрей ни разу не свозил на родину и о существовании деревни, где жил его дедушка, мой прадедушка, и в которой все носили такую же как у него фамилию, мой отец только знал, но не бывал в ней. Моя бабушка Настя родила дедушке Андрею дочь, а потом сына - моего отца. О дедушке Андрее я и знаю по рассказам отца. Формой его существования была крестьянская работа, которую он хорошо знал. Его работоспособность поражала даже не очень приязно относившихся к нему родных жены. Не отличаясь особенной физической силой любой работы, он делал вдвое, в полтора раза больше, чем другие. Но работа его не имела каких-то целей, например он не стремился разбогатеть. Он работал так, словно работа была частью его физической жизни. От однообразия такой жизни он три раза уходил "в прочки". Такое явление - "прочки", то есть уйти прочь от дома, семьи, работы, хорошо известно в деревенской жизни, засиливающей человека однообразием и безвыходностью. Но обычно человек ушедший "в прочки" уже не возвращался, вливаясь в более чем

двухмиллионную, в начале двадцатого века в России, массу странников, нищих, богомольцев, босяков. Дедушка Андрей возвращался все три раза, и уходил ненадолго - всего на несколько месяцев. К власти он относился как к чему-то высшему, непререкаемому. Бог, царь, "они" (в советское время так в деревнях называли власть) были для него, какой-то запредельно высшей причинно определяющей и направляющей силой, и он беспрекословно подчинялся им, как подчинялся явлениям природы. Перемену царской власти на советскую он воспринял безразлично. Когда крестьян загнали в колхозы - он и к этому отнесся безропотно и работал в колхозе, так как и дома - много, не интересуясь результатом. Когда стало ясно, что за работу в колхозе не платят и семью ожидает голод, он ничего не предпринял, и семья выживала тем, что вырабатывали женщины и дети на своем огороде, а дедушка Андрей ходил в колхоз потому, что "они" так велели, а раз велено свыше - от власти - нужно выполнять.

Дедушка Андрей прошел две войны - первую мировую и Отечественную. Вторую - в каких-то обозных службах, в соответствии с возрастом. Воевал он тоже потому, что было приказано воевать, а раз приказано, нужно делать то, что приказано. Родные дочь и сын и три дочери бабушки Насти от первого брака и сама она, бабушка Настя, все почитали дедушку Андрея, как главу семьи, как нечто безусловно главенствующее в доме. Сородичи жены, поначалу не очень хорошо принимавшие его, позже тоже отдавали ему дань уважения за его работоспособность, за умение, за то, что не пил, не чудил, не бил ни жену, ни детей - большинство рядом живущих были откровенно ленивы, неумелы, пили и били жен и детей, а кроме того часто воровали и сидели в тюрьмах. Дедушка Андрей никогда не воровал. И получилось так, что и не грабил помещичьей усадьбы - ее просто не оказалось поблизости. Не дезертировал с фронта в первую мировую он к 1917 году давно выслужил срок. В силу естественной правильности своего бытия, и благоприятствующего ему случая, дедушка Андрей не впутался в два страшных греха - дезертирство во время, когда враг шел поработить землю и народ, к которому он, дедушка принадлежал, и грабеж, какого ни какого, но все-таки батюшки- барина, два греха, которые раздавили своей тяжестью русский народ, Россию. У дедушки Андрея до глубокой старости перед грозой и сменой погоды сильно болела голова, видимо, было

повышенное давление. Позже это прошло. И, не отличаясь особенным здоровьем, прихваривая, всякими старческими хворями, дедушка Андрей прожил больше ста лет. Точно его годы никто не считал и не помнил. С детства, с того времени, как я себя помню, и в юношеские годы, и в годы зрелости я очень много размышлял о небытии, о смерти, о смысле и бессмысленности жизни. И читал все, где хоть что-то говорилось об этом. Но все, что мне удавалось прочесть, было или невразумительным пустословием, или отчаянно вопросительным воплем Л. Н. Толстого. Лет в тридцать пять я нашел в куче макулатуры на бумажной фабрике какую-то брошюру без конца и без начала, напечатанную с ятями. И вся моя жизнь разделилась на две половины: до прочтения этого текста и после. Содержание брошюры приблизительно следующее: человек не помнит, не знает, не ощущает, не может знать ни момента своего зачатия, ни момента своего рождения. Человек приходит в мир не по своей воле, незримо для себя, неосознанно. Вот он явился в этот мир - маленький комочек живой материи, покинувший лоно обессиленной, измученной женщины-матери - он перепуган, он кричит, он заходится от крика, но он не может ни знать, ни помнить ни этого момента своего рождения, ни матери, ни самого себя в этот миг. Вот проходит день, он лежит в пленках, он накормлен и успокоен, его глаза видят окружающий мир, эти глаза прекрасны, чисты, ясны - но бессмысленны, мир не отражается в них и ему никогда не вспомнить этот день, он, рожденный, уже есть и его еще нет. Вот проходит почти год, он делает первые шаги, его взгляд уже осознан - он уже маленький человек - но он не знает этого и никогда не сможет вспомнить об этом. Он по-прежнему есть в этом мире - и его все так же еще нет в этом мире. Пройдут годы и в его мозгу, в его сердце и душе останется первое воспоминание. Это воспоминание отделено от момента рождения, момента появления в этом мире целой, непостижимо-неизмеримой вечностью, которую ему самому не преодолеть, не вспомнить, а для тех, кто рядом с ним, эта вечность измеряется двумя- тремя годами земной жизни.

Так же он должен и уходить из этого мира. И многие старики именно так и уходят. Сначала они забывают события своей далекой юности, потом они не могут вспомнить то, что было вчера. Сначала они не узнают старых знакомых, потом соседей и родственников. Вот старика выводят погреться на солнышке. Он смотрит вокруг

ничего не помнящими глазами. Он еще есть в этом мире - и его уже нет в этом мире.

А собственно смерти он не почувствует. Страшного момента отделения души от тела не будет - она уходит, покидает тело маленькими неуловимыми частичками, медленно и незаметно, физик, из любви к непонятным словам, сказал бы "квантами" или, что понятнее - порциями, частичками, так же как она медленно, тоже порциями, когда-то входила в его тело. Ясно и очевидно: кто-то приводит нас в этот мир за руку, помогая нам делать первые, робкие шаги пока не окрепнет тело, постепенно вселяя в него душу. И кто- то точно так же уводит нас из этого мира, поддерживая и помогая сделать последние шаги, когда тело совсем ослабевает и душа, как дым из родного очага, уходит из него. А как же смерть от болезней, от пули? Это исключение, отклонение от положенного хода вещей. И когда мы видим такую смерть, мы видим не то, что должно быть, а одну из ошибок, видим то, что выбилось из должной колеи. Причем ясно, что как только это случится, то дальше все пойдет как положено - кто-то поведет, помогая, неправильно ушедшему из этого мира вернуться назад, туда откуда когда-то, с его помощью, он пришла.

Дедушке Андрею было около ста лет. Он не выходил к людям, никого не узнавал, и всех пугался. Но он узнавал моего отца - своего любимого сына. Он почти не помнил слов, ничего не говорил, не узнавал дочь, которая подавала ему миску с кашей. Но когда ему говорили, что приехал Петя, и когда подходил отец, лицо дедушки озарялось радостью узнавания, вспоминания и понимания, он гладил руку сына и повторял: "Петя, Петя" последнее слово, которое он помнил, знал и мог осознанно произнести. Через несколько лет он не узнавал и любимого сына. Я видел, как в солнечные дни, его выводили во двор, сажали в песок, он сидел, грелся на солнышке, пересыпая песок из одной ладони на другую. Тогда я просто смотрел на "старого дедушку Андрея". Я помню его глаза - это были не старческие, усталые, полуприкрытые иссеченными морщинистыми веками - это были открытые, ясные глаза ребенка, в которых отражался - не еще, а уже не понимаемый мир, и пересыпая с ладони на ладонь песок, он еще был и его уже не было. А через несколько лет он умер. Кто-то повел его дальше, туда, откуда привел когда-то младенцем. Текст случайной брошюра с изложением здравого и вразумительного рассуждения о сути

жизни и смерти и мои детские воспоминания о дедушке Андрее помогли мне увязать воедино рождение и смерть. И смерть уже не пугала неожиданной, страшной, необъяснимой пропастью. Становилось понятно, что смерть, это рождение наоборот. Теперь я мог ясно и осознанно ответить на вопрос: "Что со мной будет после смерти?" "Будет то же самое, что было до рождения". Где я был до рождения, я не помню. Но я там был и ничего страшного со мной там не происходило. А значит, не будет ничего страшного, и когда я вернусь туда уже после смерти.

Я ни разу не разговаривал с дедушкой Андреем. Он просто постоял рядом со мною на краю бездны. И то, что мы стояли рядом, и то, что я видел, и то, что я понял, имело очень большое значение для меня, для моей жизни.

Моего дедушку по материнской линии звали Владимир Иванович. Я был назван родителями по традиции называть детей по дедушке. Мой родной младший брат получил имя Андрей. Мне же досталось имя дедушки, рядом с которым я прожил свои первые пять лет, почти без родителей, в избе, которая вместе с двором, сараями, стадом овец, двумя- тремя коровами, собакой, огородами казалась мне каким-то Вселенским яйцом, помещенным между холмами, оврагами, маленькими озерками, большая часть которых пересыхала летом, но осенью опять наполнялась водой, между полями встававшими стеной ржи, между лесами и высокими облаками и между ночным звездным небом, украшенным иногда чудо-луной, то огромно-красной, то сияюще-белой. Дедушку звали всегда по отчеству. Хотя я не знаю никого другого - ни на нашем хуторском поселке, ни в окрестных деревнях, кого бы называли по отчеству. Да и дедушку по отчеству называли больше для того, чтобы подчеркнуть его происхождение от моего прадеда Ивана - человека очень тяжелого характера, лет десять судившегося с соседями хуторянами за отнятую во время его отсутствия землю и отсудившего ее. По материнской линии я знаю имена не только прадедушки, но и имена своих предков еще в двух поколениях. Согласно семейному преданию, основоположником хутора и рода был Данила, войсковой писарь по фамилии Волк-Карачевский. Он купил землю, ущемив каким-то образом интересы соседей хуторян, которые хотели присоединить эту землю к своим владениям. У Данилы был сын Виктор, у Виктора - Иван, мой прадед, у Ивана - Владимир Иванович, мой дедушка.

Прадедушка Иван воевал в русско-турецкую, болгарскую войну, перенес тяжелое ранение. Старшего сына - моего дедушку, он родил в 1894 году. Прадедушка рано умер, дедушка остался главой семьи в шестнадцать лет. Несколько зим он ездил в Петербург и работал загрузчиком руды на каком-то металлургическом заводе, зарабатывал очень большие деньги для того, чтобы потом с приданным выдать замуж нескольких сестер, а нескольких братьев, тоже с "приданным", устроить в примы и оставить хутор, то есть землю, за собой. Земля эта была необычайно плодородна. Это было небольшое пятно, так называемого "белого чернозема" пятно лессовой почвы, размером чуть больше пятнадцати гектаров.

Весь хуторской поселок состоял из десятка полтора хуторов, расположенных в холмистой местности, недалеко друг от друга. Здесь обитали три фамилии - Ханевские, Вуевские и Волк-Карачевские. Это были потомки белорусской шляхты - не польской, а белорусской. Сейчас мало кто знает, что до раздела Речи Посполитой поляки по законам Великого княжества Литовского, как и евреи, не имели права владеть землей на территории Великого княжества. Как мало кто понимает, что Великое княжество Литовское, это Белоруссия, ни к современной Литве, ни к Литве исторической - Жмуди - не имевшее почти никакого отношения.

По семейному преданию, и по тому, как отзывались о нем соседи, уже даже на моей детской памяти, мой прадед Иван имел очень тяжелый, суровый, даже какой-то угрожающий характер. По моим впечатлениям пятилетнего ребенка его боялись, именно боялись, даже спустя пятьдесят лет после его смерти. В отличие от своего отца мой дедушка был очень добрым, покладистым, сговорчивым, доброприветливым человеком. Он жил так, словно каждый день был праздником, никогда не впадал ни в тоску, ни в уныние, он всегда улыбался - приветливо, как-то согласительно, чуть насмешливо. Он никогда никуда не торопился, никогда не злился и не сердился. Любые неприятности - от малых житейских до больших исторических приводили его только в удивление своей нелепостью, несоответствием тому, что должно бы быть и в конечном счете вызывали незлобную насмешку.

И вместе с этим дедушка Владимир Иванович никому не дал ни потеснить, ни обойти, ни победить себя. Ни соседям, ни

обстоятельствам обыденной жизни, ни всему страшному двадцатому веку, так раздавившему, так искорежившему Россию.

Дедушка был мало верующим человеком в религиозном понимании. Он знал, что миром, Вселенной, людьми и землей правит Бог. И говорил: "Судя по тому, что творится на земле, Боги, там, на верху, тоже не в порядке", но говорил это с простодушной насмешкой и с оттенком удивления таким положением дел.

Власть, которая установилась после падения Российской империи, он считал чем-то вроде оккупации, как он говорил, "русского человека". Дедушка учил бояться власти, избегать ее, сторониться, находиться как можно дальше от нее скрываться, таиться. У дедушки был лучший кусок земли во всей округе. Он жил в доме, построенном его прапрадедом. Когда стоишь на месте этого дома, дух захватывает от простора и красоты. Дедушка был лучшим в округе лошадником. Сосед, помещик средней руки, давал ему на время летних работ двух лошадей, только за то, что дедушка по его просьбе приходил к нему на конюшню и осматривал пару раз в месяц его лошадей. У дедушки была самая лучшая в округе лошадь. Когда он приезжал на базар, люди собирались смотреть на нее как на чудо. Дедушка был лучшим в округе плотником. Он поставил десятки изб, посоветоваться к нему как к плотнику приходили из дальних деревень. Он был прекрасным столяром. Он делал столы, кровати, табуретки. У меня долгое время была табуретка, сделанная дедушкой. На нее было приятно смотреть. Она была удивительно гармонична, казалось, она отлита из одного куска дерева.

В начале тридцатых годов хуторян сселили с того места, где стояли хуторские избы и заставили построиться в чистом поле в одну улицу, деревней. Дедушка построился так, что его дом, двор все равно остались хутором. В колхозе дедушка не работал. Летом он гонял лошадей в ночное, и считалось, что он как бы вырабатывает трудодни. Семья жила своим хозяйством и огородом и тем, что дедушка плотничал. Ни в какие установления власти дедушка не верил и воспринимал их как своего рода сумасшествие. Мне он однажды объяснил, что работать, когда не платят - нельзя. Это плодит жуликов, которые присваивают деньги, полагающиеся за любую работу. Деньгам он знал счет и цену, хранил их в ящике стола, закрывавшемся на врезной замочек. Когда началась война, все хуторяне получили повестки в военкомат. Они явились в

Мстиславль, но военкомат уже эвакуировался. Все вернулись домой. Только один дедушка пошел догонять военкомат. И догонял его несколько месяцев вместе с отступавшими войсками, беженцами. Без документов - только с повесткой. Без продовольствия и еды, бывали дни когда он питался одним щавелем, который собирал вдоль дороги. Но окраине Москвы он случайно наткнулся на свой военкомат. Его, как плотника, определили на артиллерийский завод сбивать ящики для снарядов, и он проработал на этом заводе до демобилизации по возрасту. Вернувшись домой, он узнал, что все хуторяне после освобождения от немцев были призваны, и все, как один, полегли в первом же бою, недалеко от наших мест, на реке Проне, где фронт стоял семь месяцев и немцы построили укрепленный оборонительный рубеж.

Рассказывая мне, почему он пошел догонять военкомат, дедушка сказал: "Не должен немец быть поверх русского человека", то есть не может такого быть, нельзя допустить, не должно, чтобы немцы победили русских. Я всегда вспоминаю эту фразу, когда перечитываю размышления Л. Н. Толстого о войне с французами 1812 года. Когда я слышу, что Отечественную войну выиграл Сталин, я в ответ говорю, что войну выиграл мой дедушка. Кстати, это подтвердил и сам Сталин в одной из своих речей. Дедушка воевал и первую мировую войну - и тоже не дезертировал, а дослужил до демобилизации. И не участвовал в грабежах имений. И когда я слышу, что в 1917 году Россия сошла с ума и грабила, и жгла сама себя, я говорю, что с ума сошла не вся Россия. Мой дедушка не сходил с ума. Он был умным человеком, и благодаря своему уму прожил девяносто четыре года и умер, когда уже почти не мог двигаться. Он даже не выжил из ума, только спал почти все сутки, два-три часа в день, управляясь по хозяйству. Жил он один, его жена, моя бабушка Марфа, умерла лет на десять раньше его. И она, и дедушка умерли в ясном, спокойном сознании, прожив все, что было отпущено им свыше. Последние годы дедушка с трудом передвигался и понимал, что скоро умрет - ему было за девяносто, все его одногодки давным-давно ушли в иной мир, и не только одногодки, но и последующее поколение. Дедушка не хотел уходить, и не терял надежду жить всегда. Смеясь, он говорил, что пора бы и помирать, но не хочется обременять хлопотами похорон, особенно весной, летом и осенью, когда у всех полно работы, а тем более утруждать копанием могилы в мерзлой земле зимой.

Когда стали один за другим умирать дальние родственники, соседи и знакомые, а почти все это поколение ушло в свои семьдесят-восемьдесят лет, дедушке приснился провидческий сон, гениальный по силе образности. Ему приснилась смерть в образе гулящей бабенки, которая в долг принимала всех желающих в течение жизни, но записывала свои услуги в квитанции. Спустя время она обходила должников с этими квитанциями и они, не имея возможности оплатить накопившийся долг, расплачивались жизнью. Бабенка эта явилась к дедушке во сне спросить о его двоюродном брате, которого сын увез в больницу, и, узнав это, она сказала, что найдет должника и в больнице, так как ему подошел срок платить по квитанции. Дедушка спросил, а когда его срок, и бабенка, перебрав свои бумаги, ответила, что квитанции на него нет. Двоюродный брат вскоре умер, а дедушка жил еще лет двадцать.

Мой дедушка по материнской линии гармонически самоценно и полно прожил свою жизнь. И это у нас, в Беларуси, в 20-м веке со всеми его войнами и революциями и еще более страшным своим вселенским вывихом мирным временем! Я постоял рядом с ним на краю бездны. И чем дольше я живу, тем больше ощущаю, что он не исчез в этой бездне, по крайней мере, пока живу на этом свете я.

Спеў беларускі ў Расіі

Самодеятельные творческие коллективы белорусов России. Составитель Т.Ф.Яшина. М., 2009. 104 с.

Выданне фірмавалі: Міністэрства рэгіянальнага развіцця Расійскай Федэрацыі, Пасольства Рэспублікі Беларусь у Расійскай Федэрацыі, Федэральная нацыянальна-культурная аўтаномія "Беларусы Расіі". Варта хаця б перагартаць гэтыя старонкі, углядаючыся ўзрушліва ў праяснёныя тварыкі нашых самадзейных артыстаў: хлопцаў і дзяўчат, дзяцькоў і цётак беларускіх - ад Масквы да Усходу Далёкага. А назвы калектываў - толькі заслухацца, праслязіцца: "Дзіва", "Шчырасць", "Лагода", "Сузор'е", "Каларыт", "Кірмаш", "Вясёлка", "Весялуха", "Краса", "Чараўніцы", "Лявоніха", "Лявоны", "Паўлінка", "Хлопчыкі", "Купалінка", "Кавалі", "Крылы", "Сунічкі", "Крыжачок", "Кужалёк", "Чабарок", "Званочкі", "Пралескі", "Зязюля", "Палессе", "Жывіца", "Жалейка", "Крыніца", "Спадчына", "Сяброўкі", "Рэчанька".

"Гучы, гоман беларускі!" - фестывальны зачын іркуцкіх беларусаў. Можа тое рэха гаманкое з Усходу з часам зварухне, абудзіць і нашых суродзічаў на Захад ад Масквы - на Пскоўшчыне, Цвершчыне, Смаленшчыне, Браншчыне - дзе слова, песня беларуская, спрадвеку ўладарныя, сягоння амаль змоўклі.

Министерство регионального развития Российской Федерации
Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации
Федеральная национально-культурная автономия «Белорусы России»

САМОДЕЯТЕЛЬНЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ КОЛЛЕКТИВЫ

БЕЛОРУСОВ РОССИИ

МИНИСТЕРСТВО
РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральная
национально-культурная
автономия «Белорусы России»

Беларусь учора і сёння. Міжнародны кантэкст

Вацлаў Ластоўскі

З Беларуска-Літоўскай мінуўшчыны*

Беларускія землі ў пэрыод еднаньня іх з Літвой (XII ст.) вызначаліся незвычайна буйным развіцьцём дэмакратычнага ладу і агранічэньнем да мінімума княжаскага аўтарытэту. Запраўдным сувэрэнным гаспадаром зямлі было веча; старэйшыя вядомасьці аб якім знаходзім пад 1176 годам (Лавр. лет.), дзе сказана, што Полацак "адпачатку" спраўляўся вечам.

Веча выбірала князя, веча і "паказывала яму пуць" (выганяла яго). Князь мог княжыць толькі са згоды веча. Полацкі князь жыў нават ня ў Полацку, а каля Полацка ў Бельчыцах, дзе жыла і яго дружына. У самы Полацак князі прыезджалі толькі на запрашэньне веча, або са сваімі прыватнымі справамі. Пад 1159 годам летапісь апаведае: "і пачалі палачане зваць Расьціслава лесьцю на братчыну да Св.Багародзіцы старой на Пятроў дзень, каб злавіць яго, ён-жа едучы апрануўся ў браню пад вопратку і не адважыліся на яго памкнуцца. На заўтрый дзень пачалі яго вбіць ізноў да сябе кажучы: княжэ, прыедзь к нам у горад, ёсьць нам з табою мова". Далей летапісь апаведае, што князь, папярэджаны дзецкім аб вечы ў горадзе і думцы схапіць яго, "вярнуўся назад і сабраўшыся з дружынай ў Бельчыцах, адтуль пайшоў палком (вайной), грабячы і разьбіваючы, на брата Валадара ў Менск".

Значна, князь ня мог і думаць аб спраціўленьні вечу і так слабы быў са сваёй дружынай супроць волі веча, што даведаўшыся аб непрыхільных замыслах супроць яго, пасьпяшыў сабраць дружыну і ўцячы з Полацка.

Полацкае веча ў сфэры міжнародный палітыкі выступае паміма сваіх князёў. Гэтак у 1128 гаду, калі полацкія землі былі разгромлены Рурыкавічамі пад верхаводзтвам князя Мсьціслава Валадзіміравіча, полацкае веча выступае як прэдстаўнік дзяржавы і, паміма сваіх князёў, вядзе безпасярэдныя перэгаворы і робіць умову з Мсьціславам. Гэтае самае паўтараецца ў 1186 гадупры нападзе на Полацак Давіда Смаленскага і Мсьціслава Ноўгародзкага. Палачане, так сама, паміма князя, уступаюць у

* Друкуецца згодна першапублікацыі – *рэд*.

перагаворы. У летапісі сказана: "палачане, здумаўшы (абмяркаваўшы) сказалі: ня можам стаць супроць наўгародцаў і смаленцаў; бо пусьцім іх у зямлю сваю, або зробім мір з імі". Калі пусьцім іх у зямлю, то многа нам зла ўчыняць, папустошаць зямлю ідучы да нас, пойдзем да іх на сумежжа. І сабраўшыся ўсе, пайшлі да іх і сустрэлі на межах з паклонам і чэсьцю, далі ім дары многі. І аддаліся і разышліся ў староны свае кожды з іх" (Лавр. лет. стр. 170).

Усе дзяржаўныя полацкія граматы пісаліся ад імені веча, г.зн. ад імені ўсіх членаў грамадзянства, напрыклад: "Паном прыяцелям і суседам нашым: пану войту і бурмістрам і радцам і мешчанам і ўсяму пасольству Рыжскага места, наша прыязьнь ад баяр полацкіх і ад мешчан і ад усяго пасольства Полацкага места" (Руск. Лів. акт №164-1476 г.). Форма грамат заўсёды аднолькавая, векамі выпрацаваная і адшліфаваная, напрыклад: "Мы, мужы, палачане даем ведаць, хто сію грамату узрыць, або чтучыуслышыць нынешнім і на патом будучым людзям"... (Умова між Полацкам і Рыгай, 1307 г.). Або ў грамаце 1330 году бачым такі пачатак: "Тако хочам мы, баяры, гаражане, мешчане і ўсё пасольства зямлі полацкае"... Тут не спамінаецца аб нічкіх уладах:"мы, мужы пачачане" - і больш нікога, ніякіх дастойнікаў.

Хто-ж былі тыя самаўладныя, "мужы палачане", гаварыўшыя ад імені баяр, мешчан і ўсяго паспольства?

З грамат відаць парадак старшэнства між гэных мужоў: сперша пісалі ў граматах "баяры", пасьля "мешчане" і ўрэшце "усё паспольства".

Баяры (старaславянскае "болій", што значэ вялікшы, старшы) былі прэдстаўнікамі мейсцовае земшчыны. Гэта не былі прэдстаўнікі княжай дружыны, каторыя зьяўляліся наёмнай выканаўчай уладай і наёмнай, хутчэй паліцэйскай, чым вайсковай, аружнай сілай; яны, як чужынцы, наёмнікі-не маглі і не ўхадзілі ў склад сувэрэннага дзяржаўнага органу. Гэта не былі такжа і прэдстаўнікі вялікага зямлеўласьніцтва, як мыльна даводзяць некаторыя гісторыкі, а быў гэты земскі вайсковы стан, у склад якога ўходзілі і мелі права ўходзіць "ратайскія чыны", нараўне з "папоўскімі ўнукамі" і патомнымі дзяцьмі баярскімі.

Баяры дзяліліся, як відаць з пазьнейшых данных, на "путных" і "панцырных". Кожды баярын даставаў ад дзяржавы дзьве валокі зямлі. Панцырны баярын карыстаўся зямлёй за сваю вайсковую

чынную службу без ніякіх падаткаў; путны баярын служыць дзяржаве "паслухмянствам" і - у пачатку 16 ст. - уносіць у скарб капу грошэй падатку. "А калі па гаспадарскаму загаду паедзе у дарогу, то той год нічога ня плаціць" (Статут 1529 г.). Землі баярскія называліся "вотчыннымі" і пераходзілі з бацькоў на дзяцей: яны маглі гэтымі землямі разпараджацца як поўнай сваей уласнасьцю - дарыць, прадаваць - з адным варункам, што той, хто сядзе на гэнай зямле, павінен выпаўняць тую-ж самую службу, як і папярэдні гаспадар, у стасунку да дзяржавы. З гэтае прычыны дзяленьне зямель і прадажа часьцямі найчасьцей не дапускалася. Дзякуючы гэтаму ў Беларусі яшчэ ў 16 ст. саўсім не было вялікай зямельнай уласнасьці. Полацкая рэвізія 1552 году ведае 118 баярскіх маетнасьцей, з якіх ішло 323 ваяўнікоў. Адна толькі фамілія Корсакаў была стасункова багацейшай: давала на вайну 33 коней. Рэшта баяраў давала перэважна ад аднаго да двох конных ваякаў. У Вітэбскай зямлі была яшчэ меньшая зямельная ўласнасьць: самы багаты баярын выстаўляе толькі 9 коней, а рэшта - блізка ўсе баяры - служаць адным канём. Гэткія самыя данныя маюцца аб Мсьціслаўскіх баярах, і тыя самыя вывады можна зрабіць аб усіх іншых беларускіх землях.

Вось якога стану былі "мужы палачане" ад баяраў.

Другі стан станамілі мешчане. Гэтая апошняя катэгорыя рэкрутавалася з гарадзкіх жыхароў - купцоў і "агнішчан", г.зн. людзей, якія мелі сваё ўласнае "вогнішча", або, іначай, дом ў горадзе.

Трэйці кляс - "усё паспольства" - складалася з прэдстаўнікоў ад "цяглых" і "чорных" людзей. Пад цяглымі людзьмі разумеліся селяне сядзячыя, як і баяры, на дзяржаўных землях.

Цягло было ўзложана на зямлю, і селянін да палавіны 16 сталецьця не меў права вольна разпараджацца зямлёй, абы толькі ляжачыя на замлі павіннасьці выпаўняліся акуратна. Падобна як баяры і мешчане, селяне карысталіся становай самаўпраўнай капой. Копная кругаколіца мела сваіх выбарных старшын, свой становы суд і сваю сялянскую адміністрацыю для зносін з прэдстаўнікамі ўраду і другіх станаў. Копныя суды судзілі па абычаёваму праву; вынесены прысуд самі-ж судзьдзі выконвалі за засуджаным.

Да "чорных людзей" у местох залічаліся : а) таргоўцы, не запісаныя ў купецкую сябрыну; б) рэмесьнікі (залатары, сядзельнікі, купцы, сырамятнікі, шаўцы, ганчары, піівавары, цесьляры, каладзеі, а па

аднэй грамаце - і скамарохі); в) чорнарабочыя, калі яны мелі дом на грамадзкай зямле і выпаўнялі дзяржаўныя павіннасьці. Чорныя людзі, як і купцы, былі саарганізаваны ў сябрыны, мелі свой суд і сваіх выбраных старшын.

Ніводнае веча не магло быць праўным без узаконеных прэдстаўнікоў гэтых чатырох грамадзкіх станаў. У устаўной грамаце, дадзенай Полацку ў 1456 гаду, сказана: "а сымалісь-бы (зьбіраліся на веча) ўсе пасполу, на том мейсцы, дзе перад тым сымаліся здаўна; а без баяр мешчанам і чэрні соймаў не нада чыніці; а справы бы свае згодна пасполу спраўлялі па даўнаму". Без ппрэдстаўнікоў каторага-бы то ні было стану, вечэ не магло адбыцца і нават выдаткі з дзяржаўнай кассы былі немагчымы без удзелу і згоды ўсіх станаў, бо прэдстаўнікі чатырох станаў мелі, кажды ў сябе, па аднаму з чатырох ключоў ад дзяржаўнага скарбу.

Уход беларускіх земляў у склад літоўскай фэдэрацыі не парушыў іх унатранага ўкладу, усё асталося па стараму, акром таго, што замест дынастыі Рагвалодавічаў, княжылі сперша князі Мэндаговічы, а пасьля В. Княжыя намесьнікі і воеводы, якія выпаўнялі лежаўшыя перад тым на князёх адміністратыўныя павіннасьсці.

У склад літоўскай фэдэрацыі беларускія землі ўвайшлі на аснове добравольных угод, кождая засьцрогшы свае правы і вольнасьці мейсцовымі "конкордацыямі". Праўдападобна іТаўт выдаў правы і вольнасьі полацкай зямле. Падобна Вітаўту паступалі В.Кн. Жыгмунт, Казімір, Алексндр. Урэшце ўсе прывілеі полацкай зямлі былі пацьверджаны Жыгмунтам-Аўгустам 1547 г. лютага 21 дня.[1]

Вітэбская зямля прыняла Альгерда як мужа апошняй князёўны з роду вітэбскіх князёў на правах дзедзічнага князя. Праздападобна мейсцовую канстутуцыю выдаў вітэблянам Альгерд.

Констытуцыю Смаленскай зямлі праўдападобна выдаў таксама Вітаўт. Пацьверджаючый прывілей быў выдан В.Кн. Александрам 1503 г., сакавіка 1 дня.

Турава-Пінскае Князьства наўдаўжэй захавала самаістасьць. Апошні Турава-Пінскі Князь Іван Васілевіч Яраславіч памёр ў 1531 гаду.

Устаўныя граматы, выданыя Вялікімі Князямі Літоўскімі беларускім землям не маюць адзінага пляну і зьместу, але затое маюць адзінае значэньне. Гэта ўсё мейсцовыя "констытуцыі",

істотна абмежаўшыя сувэрэнітэт Вялікага Князя ў карысьць мейсцовага жыхарства. Калі можна гаварыць аб абсалютнай ўладзе В.Кн.Літоўскіх ў Літве, то гэта ўлада далёка не была такой ў беларускіх землях.

Паводле ўстаўных грамат вырхоўнай уладай у беларукіх землях зьяўляюцца вечы, зложаныя з усіх станаў. Ад імені ўсей зямлі прэдстаўнікі веча зносяцца безпасярэдна з князям. Вітэбскае і Полацкае агульна-земскае сабраньне маюць права вібіраць кандыдатаў на немесьнікаў гаспадарскіх, якіх сам гаспадар зацьверджае. Гаспадар павінен намесьніка свайго зьмяніць, калі яго "абмовяць" перад гаспадарам. У Смаленскае земле ваевода назначаўся гаспадаром, але затое ўсё правінцыяльнае ўпраўленьне знаходзілася ў руках мейсцовага жыхарства "па старому". Гэта аберэгала зямлю ад наплыву чужаземных урадоўцаў. Хоць у руках княжых намесьнікаў і ваеводаў знаходзіўся суд, але яму ставіліся вельмі істотныя абмежаваньні: ваевода ў сваіх судовых пастановах павінен быў кіравацца толькі мейсцовым правам. Суд адбываўся на мейсцы. Вызаў на суд гаспадарамі ў другую зямлю нее дапускаўся. На намесьнікоўскім і ваеводзкім судзе заседаюць прэдстаўнікі ад усіх станаў: "князі, баяры, мешчане і паспольства" - дасматрэўшы з каторымі, ваевода выносіць судовую пастанову (Вітэбская грамата).

У Смаленскай зямлі ваевода судзіць: "з окольнічымі і нашымі враднікамі". Усе гэныя асобы, заседаючыя ў судзе, зьяўляюцца абаронцамі мейсцовага права звычаю.

Устаўныя граматы забяспечваюць жыхарству асабістую недатычнасьць. Разбор спраў павінен адбывацца "на яўным судзе хрысьціянскім". Ніхто ня можа быць пазбаўлен маемасьці іначэй, як толькі па суду. Жонка і дзеці не адпаведаюць за праступкі мужа і бацькі і наадварот, калі яны ня ведалі, або самі не прыймалі ўдзелу ў праступку (Полацкая).

Грамадзяне зямлі маюць права свабоднага выезду ў Літву і "куды хто хочэ бяз кождае зачэпкі". Выезд павінен быць яўным, а не тайным. Выезджаючый мае права зрабіць разпарадак сваей маемасьці. Гаспадар не ме права "уступаціся" ў зроблены разпарадак. Усе граматы (Полацкая, Вітэбская, Смаленская) забясьпечваюць жыхарству права свабодна разпараджацца сваей маемасьцю.

"Безспадчына і адумершчына" не спадаюць на гаспадара (Полацкая, Вітэбская).

Па сьмерці мужа, жану нельга прымусам выдаваць замуж (Смаленская, Полацкая, Вітэбская). Запісаная мужам маемасьць астаецца ў жонкі, нават па выхадзе замуж. Граматы збасьпечалі працэсуальнае права, тарговы суд, асобу і маемасьць ад уціску адміністрацыі і ўстанаўлялі павіннасьці грамадзян па адбываньню дзяржаўных падаткаў.

Граматы разглядаюць "зямлю" як асобную адзінку ў Дзяржаве, зьвязаную дзяржаўным укладам з асобай Вялікага князя.

Шырокасьць аўтаномных правоў зяммель у складзе Літвы добра характэрызуе грамата 1404 г.: "Мы, палачане, даем ведама, хто сію грамату ўзрыць, што містэр Задзьвінскі адпусьціў нятцы полацкія і тавар на рукі Вялікага князя Вітаўта і нашы рукі" (Акт. Лів.). Тут побач як роныя вялічыні выступаюць полацкае вечэ і В.Кн. Вітаўт.

Другім, агранічаючым сувэрэннасьць Князя органам у стасунку да беларускіх зямель, была Рада Гаспадарская.

У меру разросту беларуска-літоўскага гаспадарства і ўваходжаньня ў яго склад паасобных князьстваў і зямель, пры Вялікім Князю вытвараўся дарадчы орган - "Рада Гаспадарская".

У склад гэтай Рады ўваходзілі прэдстаўнікі ад усіх зямель. Рада прыймала ўдзел у абмеркаваньню ўсіх дзяржаўных спраў, падлегаўшых веданьню Гаспадара. Пастановы Рады мелі моц толькі пасьля зацьверджаньня іх Гаспадарам. У часе нябытнасьці Гаспадара ў краю, ці яго хваробы, "Рада Гаспадарская" заступае Гаспадара і ад яго імені дзее.

Паскольні Рада без зацьверджаньня Гаспадара не магла выдаваць законаў, то паводле прывілею 1506 г. Гаспадар быў забавязан не выдаваць ніякіх Паноў Рады. Без згоды Паноў Рады Гаспадар ня мог мець дыплёматычных зносін, надаваць і адбіраць землі і ўрады. Зьбіраньне і выдаткаваньне дзяяржаўных сумм адбывацца магло, таксама, толькі са згоды і пад кантролям "Рады Гаспадарскай".

Гэткім чынам забязпячэньне правоў беларускіх зямель было дваякае: з аднэй стараны - ўступнымі граматамі, забязпечаўшымі сувэрэннасьць зямель, і, з другой стараны, прэдстаўнічтвам інтарэсаў зямель у складзе "Рады Гаспадарскай", якое прэдстаўніцтва надаючы адналітнасьць агульна-дзяржаўнай

палітыцы, мела магчымасьць бараніць свае фэдэральныя правы і прывілеі.

Пры гэтым трэба адзначыць, што землі этнаграфічнай Літвы ўваходзілі ў склад В.Кн.Літоўскага на роўных правах, і ніякіх, ні ў чым, асаблівых прывілеяў, большых чым землі беларускія, ня мелі.

Словам, у аснову Літоўска-Беларускага сужывецтва ў мінуўшчыне, паложана была запраўдная роўнасьць і ўзаемная пашана правоў кождага народу. Гэтыя ў вышэйшай ступені культурныя адносіны сталіся тэй астояй, апіраючыся на якую федэратыўнае В.Кн.Літоўскае расло і множылася.

Беларускі Сьцяг, №4. Каўнас, 1924 г.

---

[1] Гл. "Курс Белоруссоведенія", Москва 1918-1920 гг. стацьця праф. Анучіна "История белорусского народа".

Георгій Парэчын

Савецкая Беларусь у зносінах з чужаземнымі дзяржавамі

Сучаснае навучаньне аб дзяржаве прызнае, што сувэрэнітэт дзяржавы найбольш ясна і бясспрэчна вызначаецца ў яе праве на самастойныя зносіны з чужаземнымі дзяржавамі. Паглядзеўшы з гэтага пункту на Савецкую Беларусь, мы павінны бяз ніякіх хістаньняў прызнаць, што наша рэспубліка на працягу 2-х з палавінаю гадоў (16/1 -21г. -6/VII-23г.) была дзяржавай сувэрэннай са ўсімі адпаведнымі правамі і функцыямі. Гэта добра ведалі эўропэйскія палітыкі і юрыстыя. На Гэнуэскай конфэрэнцыі прадстаўнікі Антанты падымаюць пытаньне, ці можа савецкая дэлегацыя выступаць ня толькі ад імя РСФСР, але і ад імя другіх Савецкіх Рэспублік. Гэта права было прызнана толькі таму, што савецкая дэлегацыя мела перадаручэньні ад саюзных, савецкіх рэспублік, у тым ліку і ад Савецкай Беларусі.

Савецкая Беларусь была абвешчана незалежнай рэспублікай 1-га студзеня 1919 г., роўна пяць гадоў таму назад. Праз некалькі дзён незалежнасьць яе была прызнана правіцельствам РСФСР. Окупацыя Савецкай Беларусі палякамі ў жніўні 1919 г. перашкодзіла ёй аформіць сваё дзяржаўнае існаваньне. Толькі праз год Савецкая Беларусь вярнулася да дзяржаўнага жыцьця. Калі ў канцы 1920 г. стала больш-менш ясна, што яе жыцьцю на бліжэйшы час не пагражае заходні сусед, Савецкая Беларусь занялася формальным вызначэньнем свайго існаваньня, як дзяржавы. 16/1-21г. Савецкая Беларусь заключыла саюзную ўмову з РСФСР, аналёгічную з умоваю, якая за 18 дзён перад тым была заключана паміж РСФСР і Украінаю. Гэта ўмова ў даным выпадку цікава для нас, што ў ёй ясна і пэўна гаворыцца аб сувэрэннасьці як Савецкай расіі, так і Савецкай Беларусі. Яна ні ў якім стопні *не абмяжоўвае права Савецкай Беларусі на дыплёматычныя зносіны з чужаземнымі дзяржавамі.* Савецкая Беларусь пачынае з гэтага часу зносіцца, як з РСФСР, так і з буржуазнымі чужаземнымі дзяржавамі праз сваё паўнамоцнае прадстаўніцтва ў Маскве, якое ўключана ў дыплёматычны корпус. Тут-жа трэба адзначыць і факт саўсім іншага характару. Праз два месяцы пасьля падпісаньня дагавору паміж Савецкай Беларусьсю і РСФСР зьезд РКП прыняў

рэзолюцыю т.Сталіна па нацыянаьнаму пытаньню, у якой сказана, што Савецкая Баларусь у адносінах да РСФСР займае такое-жа самае становішча, як і Туркестан. З саўсім незразумелае прычыны беларускія дэлегаты на зьездзе не направілі гэтае абмылкі, на якую потым прабавалі абапірацца праціўнікі самастойнасьці Савецкай Беларусі. На падставе гэтае абмылковае рэзолюцыі нават т.Сталін, які ніколі не належаў і ня мог належаць да гэтых праціўнікаў, а наадварот, заўсёды быў прыхільнікам самастойнасьці нашае рэспублікі, хацеў уключыць у склад Наркамнаца разам з прадстаўніцтвамі аўтаномных рэспублік і прадстаўніцтва Савецкай Беларусі, мусіць, ня ведаючы, што яно ўжо знаходзіцца ў складзе дыплёматычнага корпусу. Прэзыдыўм УЦВК растлумачыў т.Сталіну сапраўднае становішча Савецкай Беларусі і адхіліў яго проэкт. (Гл. “Жизнь национальностей” за красавік 1921г.). Такім шляхам выкрышталёўвалася Савецкая Беларусь, як дзяржава. Адначасова яна пачынала прымаць удзел у міжнародным жыцьці. Пачынаючы з верасьня 1920 г., Савецкая Расія вяла перагаворы з Польшчаю, у якіх вырашалася судзьба Беларусі. Па розных прычынах пытаньне аб граніцах не магло быць вырашана без формальнага ўдзелу Савецкай Беларусі. Для польскага правіцельства патрэбна была згода правіцельства Савецкай Беларусі на тыя граніцы, якія ўсталёўваліся Рыскаю ўмоваю. Грунтуючыся на сваіх братніх адносінах з Савецкай Расіяй, Савецкая Беларусь даручыла яе прадстаўніку падпісаць умову і ад імя Беларусі. У першым артыкуле Рыскае ўмовы Польшча прызнала незалежнасьць Савецкай Беларусі. У гэтай-жа ўмове Польшча прызнала Савецкую Расію дэ-юрэ, і гэта было першым выпадкам дыплёматычнага прызнаньня нашае рэспублікі з боку буржуазнае дзяржавы. На падставе гэтага прызнаньня Савецкая Беларусь мела ў Варшаве свайго пасла. Другою буржуазнаю дзяржаваю, прызнаўшую Савецкую Беларусь дэ-юрэ, была Нямеччына. Прызнаньне Савецкай Беларусі Нямеччынай было ў зьвязку з Рапальскаю ўмоваю паміж РСФСР і Нямеччынай. Гэта ўмова не распаўсюджвалася на абшар Савецкай Беларусі. 5 лістапада 1922 г. была заключана дадатковая ўмова паміж Савецкай Беларусьсю (і другімі савецкімі рэспублікамі) і Нямеччынай аб распаўсюджваньні Рапальскае ўмовы і на Савецкую Беларусь (і другія савецкія рэспублікі). На падставе гэтае ўмовы Савецкая Беларусь да ўтварэньня СССР мела ў Бэрліне свайго паўнамоцнага

прадстаўніка. Адносіны дэ-факто Савецкая Беларусь мела з Літвою, Латвіяй, Эстоніяй, Аўстрыяй, Чэха-Славаччынай, Турцыяй, Італіяй і Англіяй.

Апрача таго, Сав. Бел. заключыла ўмову з Санітарнай Комісіяй Лігі Нацыяў. Варт адзначыць, што нашы прыбальтыцкія суседзі Літва і Латвія адзін раз зьвярнуліся на НКЗС РСФСР з просьбаю зрабіць на Правіцельства Савецкай Беларусі ўплыў у тым сэнсе, што Сав. Бел. павінна прызнаць для сябе абавязковым рэпатрыяцыю іх грамадзян згодна адпаведных артыкулаў іх дагавораў з РСФСР. НКЗС РСФСР растлумачыў ім, што дагаворы РСФСР з лругімі дзяржавамі на тэрыторыю Сав. Бел., як і ўсякае іншае дзяржавы, утварыўшайся на абшары б. Расійскай Імпэрыі, не распаўсюджваюцца, і што пытаньне аб рэпатрыяцыі можа быць вырашана толькі праз адпаведны дагавор з Беларусьсю. З Польшчаю Савецкая Беларусь мела нормальныя дыплёматычныя здносіны па ўсіх пытаньнях, прадугледжаных Рыскаю ўмоваю. Усяму сьвету вядома, што Польшча ня выконвае тых пунктаў Рыскае ўмовы, якія гавораць аб правох нацыянальных меньшасьцяў у Польшчы. Па гэтаму пытаньню Сав. Бел. зьярталася да Польшчы з адпаведнай нотаю, якая была першым актам беспасрэдніх зносін Правіцельства Сав. Беларусі з чужаземнымі дзяржавамі. Трэба адзначыць, што сваім правам на беспасрэднія зносіны з імі Сав. Бел. наогул карысталася мала. І гэта саўсім зразумела. Наша рэспубліка ня мела на мэце дэмонстраваць перад усім сьветам сваю незалежнасьць ад др. Савецкіх рэспублік. Наадварот, яна заўсёды хацела паказаць, што яна ёсьць арганічная частка вялікае сям'і Савецкіх Рэспублік, складаючых адзін магутны савецкі стан супроць стану буржуазнага. Але гэта ня значыць, што ў пытаньнях не прынцыповага, а практычнага характару, Савецкая Беларусь адмаўлялася ад сваіх правоў на самастойныя зносіны з тымі дзяржавамі, якія мелі для яе асаблівы інтарэс. Напрыклад, Сав. Бел. заўсёды імкнулася гандляваць з сваімі суседзямі беспасрэдна і фактычна ажыцьцяўляла свае імкненьні. Яе гандлёвыя прадстаўнікі былі ў некалькіх пунктах Эўропы. У цяперашні час замежныя гандлёвыя опэрацыі. Савецкая Беларусь вядзе галоўным чынам праз свайго прадстаўніка ў Бэрліне. У зьвязку з значным пашырэньнем гандлёвых зносін С.Б. з Англіяй магчыма ў блізкай будучыне назначэньне нашага гандлёвага прадстаўніка ў Лёндане. Жыцьцё паказала, што Савецкай Беларусі таксама, як і другім

Саюзным Рэспублікам, патрэбна і карысна мець сваіх прадстаўнікоў у суседніх дзяржавах. Гэта жыцьцёвая практыка зрабіла свой уплыў на конструкцыю НКЗС і НКЗГ СССР. Само сабою зразумела, што саюзныя рэспублікі будавалі Саюз не для таго, каб пазбавіцца тых правоў, якія яны мелі да таго часу і якія сапраўды патрэбны ім для нормальнага развіцьця іх народнае і дзяржаўнае гаспадаркі. Янаы ўвесь час былі праканаы ў тым, што Саюз гэтыя правы забясьпечыць у поўнай меры. Констытуцыя СССР аб гэтым, праўда, нічога не гаворыць. І таму, хто ня ведае дэтальнай гісторыі пабудовы констутуцыі, магло здавацца, што саюзныя рэспублікі, уваходзячы ў Саюз цалкам і поўнасьцю адмовіліся ад удзелу ў чужаземнай палітыцы і замежным гандлі. Асабліва гэта магло здавацца пасьля ўручэньня Савецкай Беларусьсю (і др. саюзнымі рэспблікамі) чужаземным дзяржавам нотыфікацыяў аб утварэньні СССР, у якіх было сказана, што БССР (і др. сав. рэспублікі) перадалі СССР вядзеньне ўсіх міжнародных зносін і ажыцьцяўленьне замежных гандлёвых зносін, якія будуць утварацца хатнімі і замежнымі органамі НКЗГ. Сапраўды-ж саюзныя рэспублікі разумелі гэтую перадачу ў больш абмяжованым сэнсе. Зараз-жа пасьля прыняцьця констутуцыі СССР паўстала пытаньне аб тым, у якіх формах павінен быць забясьпечаны іх удзел у органах, якія зносяцца з чужаземнымі дзяржавамі. Лёгка і бяз спрэчак былі знойдзены гэтыя формы. Ні адна саюзная рэспубліка не патрабавала свайго ўдзелу ў замежных органах ва ўсіх дзяржавах, і ні разу вышэйшыя органы Саюзу ня выскazваліся проціў удзелу саюзных рэспублік у замежных органах СССР у тых дзяржавах, дзесаюзныя рэспублікі маюць свае асаблівыя інтарэсы. Пытаньне было вырашэна Трэцяй Сэсіяй ЦВК СССР, праца якая вялася пад кіраўніцтвам старшыні ЦВК СССР і ЦВК БСССР т.Чарвякова, і якая прыняла палажэньні аб Нар. Кам. Зам. Спраў і Нар. Кам. Зам. Гандлю. Увага да пункту 13 палажэньня аб НКЗС і п.25 пал. аб НКЗГ кажуць так:

1) У Паўнамоцных Прадстаўніцтвах СССР, якія знаходзяцца ў пунктах, маючых асаблівы інтарэс для якой-небудзь з саюзных рэспублік, НКЗС назначае саветніка і сэкрэтара па згодзе з правіцельствам зацікаўленнае саюзнае рэспублікі.

2) У гандлёвыя прадстаўніцтва заграніцаю, у пунктах, маючых асаблівы інтарэс для тае ці іншае саюзнае рэспублікі, па згодзе Нар. Кам. Зам. Гандлю і Савету Народных Камісараў Саюзнае

Рэспублікі, уводзіцца прадстаўнік саюзнае рэспублікі, а ў прадстаўніцтвы, пры якіх маюцца Саветы, прадстаўнік Саюзнае рэспублікі ўваходзіць у якасьці сябра гэтых Саветаў.

Вось гэта тыя формы, у якіх Савецкая Беларусь будзе цяпер пасьля ўтварэння СССР зносіцца з чужазамнымі дзяржавамі. Ці здавальняюць гэтыя формы Савецкую Беларусь? Прынцып, заложаны ў вышэйпаказаных пунктах палажэньняў аб НКЗС і НКЗГ, бязумоўна правідловы, але рэдакцыя іх нездавальняючая. Выраз "па згодзе" саўсім ня ясна кажа аб тым, наконт чаго павінна быць згода: наконт "пункту", наконт "прадстаўніка", ці наконт таго і другога разам. Калі ад НКЗС і НКЗГ будзе залежаць і вызначэньне пунктаў, у якіх Савецкая Беларусь "мае асаблівы інтарэс", дык такі парадак ніяк нельга прызнаць здавальняючым. З практыкі вядома, што вырашэньне падобных пытаньняў з паасобнымі Наркаматамі патрабуе шмат часу. Найлепш было-б, калі-б вышэйшыя органы СССР па згодзе з Саюзнымі рэспублікамі вызначылі ўсе такія пункты. Апрача таго, трэба адзначыць, што п.25 палажэньня аб НКЗГ ясьней гаворыць аб удзеле саюзных рэспублік у замежных органах, чым п.13 палажэньня аб НКЗС. Ня ясна, напрыклад, маюць ці не саветнікі і сэкрэтары права беспасрэдна зносіцца з сваёю рэспублікаю. Трэба думаць, што гэта права будзе ўстаноўлена палажэньнем аб адпаведных прадстаўніцтвах.

Наш кароткі агляд пытаньня аб зносінах Савецкай Беларусі з чужаземнымі дзяржавамі паказвае, што Савецкая Беларусь карысталася і карыстаецца ў гэтай вобласьці такою свабодаю, якая дазваляе ёй самой абслугоўваць свае замежныя інтарэсы. Тут-жа варта адзначыць, што і Савецкая Расія ў сучасны момант мае такія-ж самыя правы, як і Савецкая Беларусь. Не застанаўліваючыся падробна на параўнаньні з гэтага боку саюзных савецкіх рэспублік з асобнымі дзяржавамі, якія ўваходзяць у склад Нямеччыны ці Злучаных Штатаў, лічу патрэбным і цікавым адзначыць, што Савецкая Беларусь, Савецкая Расія, Савецкая Ўкраіна і Савецкае Закаўказьзе, складаючыя СССР, маюць значна большыя правы, чым паасобныя нямецкія дзяржавы, не гаворачы ўжо пра штаты. Саюзныя Савецкія Рэспублікі падобны з гэтага боку скарэй да Канады і іншых доміньонаў В.Брытаніі.

"Змаганне". Сшытак №1. Выдавецтва "БелТрэсТдрук", Менск, 1924 г.

Рыгор Лазько

Аб выйсці з аднаго гістарычнага тупіка

23 верасня 2009 г. Сейм Польшчы прыняў рэзалюцыю, асудзіўшую ўвод Чырвонай Арміі на тэрыторыю даваеннай Польскай Рэспублікі, які пачаўся 17 верасня 1939 г. Гэта акцыя ў рэзалюцыі кваліфікуецца як агрэсія, учыненая ў выніку заключэння пакта Молатава-Рыбентропа 23 жніўня 1939 г. "Такім чынам быў здзейснены чацвёрты падзел Польшчы", – гаворыцца ў рэзалюцыі[1].

Паведамленне аб прыняцці сеймам Польшчы названай рэзалюцыі прыйшло якраз у тыя дні, калі ў Беларусі адзначалася сямідзесяцігоддзе аб'яднання беларускага народа – падзеі, пачатак якой паклаў увод савецкіх войск на тэрыторыю даваеннай польскай дзяржавы. З'явіўшыся трагедыяй для польскага народа, гэта дата сапраўды мела вялікае гістарычнае значэнне для беларускага народа. Беларускі народ ва ўмовах цывілізацыйных катаклізмаў першай паловы XX стагоддзя – дзвюх сусветных войнаў, у эпіцэнтры якіх ён апынуўся, падзелу 1921 г., накінутай яму неабходнасці весці барацьбу не толькі за сваё духоўнае, але і за біялагічнае існаванне, праявіў жыццяздольнасць, высокія маральныя якасці, і тым самым сцвердзіў сваё права на далейшае развіццё як цэласнага і самабытнага этнічнага арганізма, здольнага ўнесці ўклад у цывілізацыйны прагрэс Еўропы. Аднак рэакцыя ў Беларусі на пастанову польскага сейма, ды і ў цэлым на вераснёўскія падзеі 1939 г., сведчыць аб тым, што беларускія інтэлектуалы пакуль што не здолелі выпрацаваць уласны, беларускі погляд на тыя падзеі - такі погляд, які, з аднаго боку, акумуліраваў бы гістарычны вопыт беларускага народа, набыты ў яго адносінах з усходнім і заходнім суседзямі да 17 верасня 1939 г., а з другога – адпавядаў бы інтарэсам станаўлення нашай дзяржавы сёння, гартаваў бы волю яе грамадзян захоўваць і ўмацоўваць яе як важны інструмент развіцця народа. Калі зараз "вынесці за дужкі" нашай размовы выступленні на сталінісцкім грунце (гл. "Звязду" за 17 верасня 2009 г.) і звярнуцца да выказванняў людзей прыстойных, і да таго ж прафесійных гісторыкаў, то сутнасць іх пазіцый

[1] Гл.: Советская Белоруссия, 2009, 26 сент. – С. 4.

змяшчаецца паміж заклікам асвятляць мінулае “ва ўсёй паўнаце развіцця падзей” і кваліфікацыяй увода Чырвонай Арміі ў Заходнюю Беларусь як “акта гістарычнай справядлівасці”, які ліквідаваў ганебны рыжскі падзел Беларусі[2]. Заклік асвятляць гістарычныя падзеі ва ўсёй паўнаце мусіць быць цалкам падтрыманы. А што да ацэнки акта аб’яднання ў этычных катэгорыях, якая нярэдка суправаджаецца пошукам матываў, апраўдваючых увод савецкіх войск на тэрыторыю польскай дзяржавы, то яна выклікае няёмкасць. Выходзіць, гістарычную справядлівасць у адносінах да беларускага народа здзейснілі Гітлер і Сталін, стварыўшы ўмовы для яго аб’яднання. Ад гэтай канстатацыі не ўдаецца схавацца за спасылкай на тое, што Рыжскі дагавор “быў навязаны Савецкай Расіі ў час грамадзянскай вайны”[3]. Хіба ж справядлівасць заключалася ў тым, каб пакінуць Савецкай Расіі ўсю Беларусь? Такая магчымасць існавала некаторы час пасля таго, як Чырвоная Армія летам 1920 г. пайшла на Варшаву з мэтай “дапамагчы пралетарыяту і працоўным масам” Польшчы вызваліцца ад іх памешчыкаў і капіталістаў. Гэту задачу паставіў перад ёю пленум ЦК РКП(б) 16 ліпеня 1920 г.[4]. Вось тады і спатрэбілася бальшавікам Беларуская савецкая рэспубліка – і як тылавая база для пахода на Варшаву, і як звяно будучай федэрацыі савецкіх рэспублік, якая пры паспяховым завяршэнні пахода уключала б краіны ад Румыніі на поўдні да Літвы на поўначы. Інтарэсы беларускага народа ў гэтым праекце не праглядваюцца.

Калі ж паход на Варшаву не ўдаўся, тэрыторыя Беларусі стала выкарыстоўвацца Савецкай Расіяй для палітычнага гандлю з Польшчай з мэтай атрымаць мір з ёю. Менавіта па гэтай прычыне прадстаўнікі абвешчанай 31 ліпеня Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі (БССР) не былі дапушчаны на мірныя перагаворы. Нарком замежных спраў Г. Чычэрын выступіў нават супраць перадачы БССР мандата на вядзенне перагавораў ад яе імя непасрэдна расійскай дэлегацыі ў Рызе, бо тады БССР набывала статус чацвёртай (пасля Польшчы, РСФСР і УССР) удзельніцы

---

[2] Там жа; гл.таксама: Цярністы шлях уз’яднання: Круглы стол, прысвечаны 70-годдзю паходу Чырвонай арміі ў Заходнюю Беларусь // Беларуская думка. – 2009. №9. – С. 18-27.

[3] Советская Белоруссия. – 2009. – 26 сент. – С. 4.

[4] РТАСПИ. Ф.17.оп.2, д.31. л.2. 29-29об., 31; Польско-советская война. Ранее не опубликованные документы и материалы. Ч. 1. – М., 1994. – С.142-143.

перагавораў. А гэта, тлумачыў Чычэрын сакратару кампартыі Беларусі Кнорыну, "значна ўскладніць увесь дагавор". Ён настойваў на тым, каб БССР пацвердзіла выдадзены яе Ваенна-рэвалюцыйным камітэтам 10 верасня мандат РСФСР на вядзенне перагавораў з Польшчай і лёгка дабіўся згоды. "Будзе зроблена менавіта так, як па Вашым меркаванні гэта неабходна", - заявіў Кнорын[5]. 14 снежня 2-гі усебеларускі з'езд саветаў пацвердзіў гэты мандат[6].

Гэта сітуацыя красамоўна сведчыць аб тым, што суверэнітэт на тэрыторыі Беларусі належаў РСФСР, якая і распараджалася беларускай тэрыторыяй. "Пасеклі наш край папалам, каб панскай вытаргаваць ласкі" [7], - так успрымала сітуацыю, створаную Рыжскім дагаворам, беларуская інтэлігенцыя. Ленінскі ўрад заўсёды ставіўся да БССР як да інструмента расійскай савецкай палітыкі, накіраванай на ўмацаванне ўлады бальшавікоў. Ленін не аднойчы прызнаваў гэта, у прыватнасці, ён не ўтойваў, што савецкі ўрад яшчэ ў 1919 г. быў гатовы аддаць Польшчы Беларусь і Літву, будучы ўпэўненым у тым, што "рабочыя і сяляне самі навучацца вызначаць граніцы"[8].

Узровень маральнасці знешняй палітыкі расце марудна, а ў 1930-я гады нават назіраўся яго відавочны спад. Аб справядлівасці ў адносінах да беларускага народа ніхто тады не думаў, уключаючы і Сталіна. Яшчэ ў 1924 г., рэдагуючы праект рэзалюцыі V кангрэса Камінтэрна па нацыянальным і каланіяльным пытаннях, Сталін парэкамендаваў замяніць палажэнне аб "далучэнні украінскіх і беларускіх тэрыторый да СССР" паняццем аб "уз'яднанні разарваных імперыялісцкімі дзяржавамі на часткі Украіны і Беларусі". Але справа была не ў прынцыпах. "Так будзе больш сціпла і асцярожней, - патлумачыў Сталін. – На справе мы ад такога выпраўлення нічога не прайграем, бо ўсё роўна гэтыя разарваныя часткі самкнуцца ў свой час з СССР (больш ім няма куда

[5] Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 60п, воп.3, спр. 452. Л.130.
[6] Гл. Знешняя палітыка Беларусі. Зб. дакументаў і мат-лаў. Т.1 (1917-1922). – Мн., 1997. – С.223.
[7] Міхнюк Ул. "Але без торгу і без слоў мы аддаем сваіх герояў" // Бел. мінуўшчына. – 1993.№1. – С. 51. Тэма падзеленай "чужаніцамі" Беларусі была адной з вядучых у беларускай паэзіі 1920-х гадоў.
[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т.41. – С. 138-139, 319-320.

прыткнуцца)"[9]. Аднак пасля падпісання ў 1932 г. дагавора аб ненападзенні з Польшчай, калі сталінскаму кіраўніцтву спатрэбілася сфарміраваць імідж міралюбівай у адносінах да Польшчы дзяржавы, якая паважае Статут Лігі Нацый, яно лёгка пайшло насустрач пажаданням польскага ўрада і вывела з савецкай прапаганды нават упамінанне аб разарванай на часткі Беларусі і польскай акупацыі яе заходняй часткі[10]. Праз шэсць гадоў такой палітыкі, калі спатрэбілася знайсці прапагандысцкую зачэпку для ўвода савецкіх войск на тэрыторыю Польскай Рэспублікі, савецкі ўрад трапіў у далікатную сітуацыю. Давялося звярнуцца да ідэі аб неабходнасці дапамогі для ўкраінцаў і беларусаў у сувязі з пагрозай для іх з боку Германіі, нягледзячы на тое, што гэты матыў выклікаў пярэчанне з боку германскага ўрада. Молатаву давялося апраўдвацца перад германскім паслом графам Шуленбургам: «Савецкі ўрад, на жаль, не бачыў якой-небудзь іншай прычыны, - сказаў ён, - паколькі дагэтуль Савецкі Саюз не турбаваўся аб сваіх меншасцях у Польшчы і павінен быў так ці інакш апраўдваць за мяжой сваё цяперашняе ўмяшанне»[11].

Такім чынам, неабходна адмовіцца ад спробаў фарміраваць беларускую пазіцыю адносна падзей 1939 г., што прывялі да аб'яднання Беларусі, абапіраючыся на этычныя катэгорыі і міжволі ці свядома прыхарошваючы даваенную палітыку СССР у Еўропе. Гэту пазіцыю неабходна фарміраваць у гісторыка-прававым полі. Перш за ўсё, неабходна прызнаць, што СССР, увёўшы свае войскі на тэрыторыю даваеннай польскай дзяржавы, парушыў шэраг дагавораў, добраахвотна ім падпісаных, і сапраўды здзейсніў акт агрэсіі адпаведна з нормамі міжнароднага права. Ён парушыў Статут Лігі Нацый, членам якой з'яўляўся з 1934 г., Рыжскі дагавор аб міры, якім была ўстаноўлена польска-савецкая граніца, дагавор аб ненападзенні з Польшчай, падпісаны ў 1932 г. і ў 1934 г. падоўжаны да канца 1945 г. і, нарэшце, канвенцыю аб вызначэнні

[9] Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн, 1919-1993. Документы. – М., 2004. – С.270.

[10] Цыт. па: Снапкоўскі У. Е. Уз'яднанне ці далучэнне: Заходняя Беларусь у савецка-германскіх планах падзелу Польшчы //Великая Победа: героизм и подвиг народов: Материалы междунар. научн. конф. (Минск, 28 – 29 апреля 2005 г.): В 2 т. Т. 1 - Мн., 2006. С. 77.

[11] Гл. Лазько Р. Р. Перад патопам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932 – 1939 гг.). - Мн., 2000. С. 68, 101.

агрэсіі 1933 г. На апошнім дакуменце варта спыніцца асобна, бо ён быў распрацаваны савецкай дыпламатыяй, падпісаны групай дзяржаў Усходняй Еўропы па ініцыятыве СССР, і выразна вызначаў прыкметы агрэсіі. Другі артыкул гэтай канвенцыі адносіў да агрэсіўных дзеянняў увод войск адной дзяржавы, "хаця б і без аб'яўлення вайны", на тэрыторыю іншай дзяржавы[12]. Якраз такія дзеянні здзейсніў СССР 17 верасня 1939 г. Гэтыя дзеянні неабходна кваліфікаваць у якасці агрэсіі незалежна ад таго, што ў Польшчы да верасня 1939 г. існаваў недэмакратычны, аўтарытарны рэжым, што ён праводзіў палітыку ўціску беларускага народа, іншых нацыянальных меншасцей, што гэты рэжым не здолеў арганізаваць эфектыўную абарону польскай дзяржавы і яна цярпела паражэнне ў вайне з Германіяй[13]. Характар улады і палітыкі, якую праводзіць дзяржава, не ствараюць выключэнняў з паняцця суверэнітэта. 17 верасня 1939 г. суверэнітэт Польскай Рэспублікі быў гвалтоўна парушаны.

Ці варта нам, грамадзянам сучаснай Рэспублікі Беларусь, камплексаваць па гэтай прычыне, менавіта, усведамляючы тое, што ўмовы для аб'яднання Беларусі сапраўды былі створаны агрэсіяй Германіі, а затым і СССР, супраць польскай дзяржавы? Зусім не. Вызначальным для нашага стаўлення да гэтай падзеі з'яўляецца той факт, што БССР, фіктыўная беларуская дзяржава, не з'яўлялася суб'ектам міжнародных адносін, рашэння аб уводзе войск на тэрыторыю Польшчы не прымала і не магла прымаць. Мы не можам несці адказнасці, нават гістарычнай, за дзеянні савецкага кіраўніцтва, якое менш за ўсё клапацілася аб інтарэсах беларускага народа. Аб сапраўдных матывах свайго рашэння аб уводзе войск на тэрыторыю Польшчы паведаміў Сталін 7 верасня 1939 г., калі праз Г.Дзімітрава даваў дырэктывы Камінтэрну для дзеянняў у новых умовах: "Вайна ідзе паміж дзвюма групамі капіталістычных краін…, - сказаў ён. – Мы можам манеўраваць, падштурхоўваючы адзін бок супраць другога, каб добра пабіліся"[i]. Выгада для СССР

[i] Фирсов Ф. И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939 – 1941 гг. //Новая и новейшая история. 1992, №6. С. 19

[12] Документы внешней политики СССР. Т.XVI. – М., 1970. – С.390.

[13] Аднак у момант пераходу Чырвонай Арміяй граніцы Польшчы яе вышэйшыя органы ўлады яшчэ на працягу сутак знаходзіліся на яе тэрыторыі. Шкада, што нелюбоў да польскай даваеннай дзяржавы з боку некаторых гісторыкаў прымушае іх фальсіфікаваць факты.

такога развіцця падзей бачылася ў аслабленні абедзвюх груповак, што стварала для яго магчымасць самому перайсці ў палітычнае і стратэгічнае наступленне[ii]. У выніку разгрому Польшчы, якая б стала першым аб'ектам такога наступлення, па словах Сталіна, "мы б пашырылі сацыялізм на новыя тэрыторыі і насельніцтва"[iii].

Але мы не павінны спыняцца на пазіцыі адхілення прававой і маральнай адказнасці за дзеянні сталінскага рэжыма адносна Польшчы і польскага народа ў 1939 г. Аднойчы нам давядзецца пайсці далей, – а гэта значыць, да прызнання ўрачыстым актам беларускага парламента нядзейсным Рыжскага дагавора 1921 г. ад самага пачатку, як гвалту ў адносінах да беларускага народа, выявіўшага да таго часу волю да самастойнага існавання ў межах сваёй дзяржавы, як акту, апратэставанага прадстаўнічым органам беларускага народа – Радай БНР і іншымі яе структурамі з моманту яго падрыхтоўкі[14]. Гэты акт беларускага парламента мусіў бы суправаджацца запрашэннем нашых суседзяў, Польшчы, Расіі і Украіны, далучыцца да яго ў інтарэсах узаемаразумення і добрасуседства. Супольнасць гісторыкаў, спецыялістаў па навейшай гісторыі Беларусі і гісторыі міжнародных адносін, мусіць уводзіць гэту ідэю ў грамадскую свядомасць Беларусі. Прэцэдэнт падобнага кроку ёсць. Мы маем на ўвазе акты ўсходняй палітыкі ўрада В. Брандта ў ФРГ, які пайшоў на прызнанне нямаючым сілы з самага пачатку ва ўзаемных адносінах з Чэхаславакіяй мюнхенскага пагаднення чатырох заходніх дзяржаў ад 29 верасня 1938 г., на падстве якога ад Чэхаславакіі адрывалася Судзецкая вобласць. Урады ФРГ і Чэхаславакіі прадухілілі магчымыя прававыя калізіі, якія выцякалі з гэтай дэкларацыі, афармленай дагаворам, уключыўшы ў яго норму аб тым, што дагавор "не закранае прававых наступстваў, якія выцякаюць у адносінах фізічных або юрыдычных асоб з права, якое прымянялася ў перыяд з 30 верасня 1938 года да 9 мая 1945 года" уключна з маёмаснымі правамі, – гэта значыць, да часу, калі Судзецкая вобласць

[ii] Невежин В. А. Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступательной войны// Отечественная история. 1995, №2. С. 65.

[iii] Фирсов Ф. И. Архивы Коминтерна…, с. 19.

[14] Частка гэтых пратэстаў апублікавана. Гл.: Знешняя палітыка Беларусі. Т. 1. – С. 194, 196-197, 203-205, 210-211, 259.

знаходзілася ў складзе Германіі[15]. Аналагічная норма магла б змяшчацца і ў дэкларацыі беларускага парламента ў дачыненні да прававых адносін, існаваўшых у Заходняй Беларусі ў перыяд рэальнага дзеяння Рыжскага дагавора – ад 18 сакавіка 1921 г. да 17 верасня 1939 г.

Скептыкі знойдуць слабыя месцы ў нашай прапанове. Ужо выказвалася заўвага наконт таго, што Беларуская Народная Рэспубліка не з'яўлялася суб'ектам міжнароднага права, таму яе пратэсты супраць падпісання Рыжскага дагавора быццам бы не стваралі выпадкаў гэтага права. Але гэта не зусім так. БНР была фактычна прызнаная шэрагам суседніх дзяржаў, якія падтрымлівалі з ёю адносіны. Украіна дала ёй заём, урад Літоўскай Рэспублікі заключыў дагавор аб сумеснай барацьбе супраць польскай акупацыі і г.д. Працэс міжнародна-палітычнай суб'ектывізацыі БНР ішоў, нашы вялікія суседзі маглі падтрымліваць або стрымліваць яго, і яны ваганіся паміж гэтымі дзвюма лініямі, але выбіралі ўрэшце другую з іх.

Галоўнае, аднак, не ў тым, каб аспрэчваць нігілістычнае стаўленне да міжнародна-палітычнай правасуб'ектнасці БНР. Галоўнае ў тым, што мы самі аб ёй думаем. Ці лічым мы, што БНР выражала волю беларускага народа, даспеўшага для свайго дзяржаўнага існавання? Ці, наадварот, яна спрабавала гаварыць ад імя аморфнай этнаграфічнай масы, з якой суседзі мелі права рабіць, што лічылі патрэбным у сваіх інтарэсах? Калі беларускі гісторык выбірае першы варыянт адказу, ён мусіць садзейнічаць прыняццю прававога акта, які быў бы звернуты да нашых суседзяў як на ўсходзе, так і на захадзе, і даводзіў бы ім нашу, беларускую праўду аб падзеях 1939 года. Гэтым актам мы б гаварылі ўсходняму суседу: так, 17 верасня пачаўся вызваленчы паход. Чырвоная Армія вызваліла Заходнюю Беларусь з-пад уціску чужой беларусам польскай дзяржавы, але толькі дзеля таго, каб вярнуць у склад Расійскай савецкай імперыі тэрыторыі, страчаныя ёю ў 1918-1921 гг. У 1921 г. нас "падзялілі чужаніцы", а праз 18 год іншыя чужаніцы нас аб'ядналі. Усведамляючы гэта, не будзем камплексаваць – не з намі першымі гісторыя так абыйшлася. Падчас рэвалюцыі 1848 г. немцам таксама не ўдалося аб'яднацца дэмакратычным шляхам, і праз 20 год яны апынуліся аб'яднанымі

[15] Документы по истории мюнхенского сговора. 1937-1939. – М., 1971. – С. 937.

"ў прускай казарме". Цана нашага аб'яднання таксама аказалася высокай – у сталінскім ГУЛагу. Аднак, калі праз паўстагоддзя воз расійскай савецкай імперыі пачаў развальвацца на трэскай гістарычнай дарозе, мы атрымалі магчымасць вярнуцца да справы, якую пачыналі ў 1918 г., і завяршыць стварэнне поўнацэннай беларускай дзяржавы. Арганізатары "вызваленчага" пахода, натуральна, не маглі прадбачыць гэтага выніку.

Нашаму заходняму суседу мы павінны гаварыць ужо зараз і будзем гаварыць потым, абапіраючыся на прававы акт аб нядзейснасці для нас Рыжскага дагавора, што мы не нясем адказнасці за агрэсію, учыненую супраць польскай дзяржавы 17 верасня 1939 г. У адрозненне ад сітуацыі, у якой знаходзілася БНР у 1920 г., БССР 1939 г. была абсалютна бяспраўнай, несуверэннай. Разам з тым, мы не можам адмовіцца ад гістарычнай спадчыны БНР, якая ясна вызначала свае граніцы, абапіраючыся на этнаграфічны прынцып, і неаднойчы прапаноўвала Польскай Рэчы Паспалітай прызнаць іх, што падразумявала кампраміснае рашэнне гэтага пытання. Больш таго, БНР была гатовая ўвайсці ў самы цесны федэратыўны саюз з Польскай Рэспублікай, які прадугледжваў нават агульную знешнюю палітыку і абарону, агульную мытную прастору, і ствараў магчымасці для рашэння на аснове ўзаемнай згоды балючага пытання аб нацыянальных меншасцях – польскай на Віленшчыне і Гарадзеншчыне і беларускай на Беласточыне[16]. Польская дзяржава не здолела ці не захацела падтрымаць гэты праект.

Ідэя БНР аб беларускай дзяржаве ў этнаграфічных межах, дзе суверэнам з'яўляецца толькі беларускі народ, – будзем гаварыць мы нашым заходнім суседзям, – уяўляецца нам каштоўнай незалежна ад таго, што яна была выкарыстана сталінскім таталітарным рэжымам для абгрунтавання агрэсіі супраць польскай дзяржавы. Мы нясем адказнасць толькі за справы сённяшняга дня, будзем імкнуцца пазбавіцца нашых комплексаў і запрашаем Вас пазбавіцца некаторых ілюзій.

Падкрэслім, аднак, што ініцыятыва фарміравання вышэй акрэсленай пазіцыі і размова на гэтым грунце з нашым усходнім і заходнім суседзямі мусіць зыходзіць з беларускага боку. Трэба

[16] Гл. Лазько Р. Р., Кротаў А. М., Мязга М. М. Беларусь у еўрапейскай палітыцы. 1918-1925 гг.: Нарысы. – Гомель, 2003. – С. 29-59.

спачатку пераканаць самiх сябе ў яе слушнасцi. А пераканаўшыся – зразумеем, што “тупiк” быў уяўным, гэта быў тупiк навукi аб гiсторыi, а не рэальнага гiстарычнага працэсу. Не грэбуючы чужымi набыткамi, неабходна ўстаць на ўласную пазiцыю ў асвятленнi нашай гiсторыi. Бо мы не можам дазволiць бясконца папiхваць сябе туды-сюды – нi патрабаваць ад нас удзячнасцi за “вызваленчы паход”, нi папракаць у тым, што аб’яднанне было здзейснена ў вынiку агрэсii.

Татьяна Соловей

Беларусь и Украина: обретая новую идентичность

В рамках небольшого очерка сравнение культурно-исторических траекторий Беларуси и Украины в последние двадцать лет просто обречено носить схематичный характер. В данном случае логика эволюции идентичностей белорусского и украинского обществ рассматривается в ее, так сказать, «чистом» виде; анализ множества переменных выведен за скобку. И хотя речь идет о незавершившемся и открытом процессе, автор склонен полагать, что вектор эволюции идентичностей уже определился.

Но для начала следует вкратце охарактеризовать общее и различия между Беларусью и Украиной. Это страны, населенные преимущественно восточными славянами, и исторически длительное время входившие в состав одного государства – Российской империи/Советского Союза. Причем западные земли Украины долгое время были в составе Габсбургской империи и Польши, войдя в СССР на тридцать лет позже восточных украинских территорий. То же самое относится и к западным землям Белоруссии, между первой и второй мировыми войнами находившимся под юрисдикцией Речи Посполитой.

В СССР обе республики имели развитую индустрию и обширное сельское хозяйство, получая энергоносители и сырье (Белоруссия – почти полностью, Украина – большей частью) из РСФСР. После падения СССР оба «свежеиспеченных» независимых государства оказались зажаты между двумя континентальными массами – Российской Федерацией и ЕС.

Но и различия между Беларусью и Украиной не менее значительны. По площади и численности населения Беларусь может быть отнесена к средним европейским государствам, в то время как Украина по этим показателям – одна из крупнейших европейских стран. Для Беларуси характерны социокультурная однородность и отсутствие серьезных региональных различий, для Украины - глубокие социокультурные расколы (наиболее известный и выраженный – раскол между Западной и Восточной Украиной) и регионализм. Платой за незрелую украинскую демократию стали экономический кризис и политическая нестабильность, в то время как в Беларуси авторитарный режим А.

Лукашенко обеспечил социоэкономическую и политическую стабильность. Социальная ткань Беларуси осталась здоровой, тогда как Украина, подобно России, в социальном отношении глубоко нездорова. Это не менее верно и в отношении психологического профиля белорусского и украинского обществ.

Весьма характерно мнение западных дипломатов, регулярно посещающих и сравнивающих три восточноевропейские страны - Беларусь, Россию, Украину. Не сговариваясь, они называют Беларусь наиболее европейским государством из всех трех, государством, вполне готовым к интеграции в ЕС, а единственным серьезным препятствием на этом пути считают режим Лукашенко. «Европейскость» Беларуси, по мнению западных наблюдателей, проявляется, в первую очередь, в состоянии ее общества – спокойного, трезвого, опрятного, трудолюбивого, дисциплинированного, некриминализованного. В этом смысле белорусское общество противоположно российскому и украинскому, зато очень близко европейским социумам.

Надо отдавать отчет, что белорусская «европейскость» во многом (что не значит полностью) оказалась результатом авторитарной политики Лукашенко. Ему удалось избежать драматического социального расслоения и социальных катаклизмов, сохранить в стране относительный порядок и дисциплину, в том числе трудовую, и уберечь белорусскую экономику от приватизации (фактически - разграбления). Парадоксальным образом Лукашенко во многом создал условия для вхождения Беларуси в ЕС, хотя вряд ли когда-нибудь задавался подобной целью.

Но такова объективная логика исторического процесса, отнюдь не совпадающая с субъективными намерениями тех или иных его участников. Хотя каждый из них преследует собственные цели и интересы, в результате столкновения, взаимодействия и переплетения воль и политик складывается равнодействующая истории, которая, как правило, не совпадает с намерениями и целями ни одной из сил, пытавшихся повернуть русло истории в выгодном для себя направлении. Здесь уместно вспомнить слова Гете из «Фауста», о силе, стремящейся к злу, но творящей благо. Хотя в истории, к сожалению, гораздо чаще бывает наоборот: стремление к благу оборачивается злом.

Продолжая анализ различий между Украиной и Белоруссией, отмечу, что, вероятно, самое главное (по крайней мере, с точки зрения тематики статьи) отличие между ними лежит в области этнокультурной идентичности украинского и белорусского обществ. К моменту распада СССР Белоруссия была, пожалуй, наиболее русифицированной советской республикой, а собственно белорусская этническая идентичность находилась фактически у нулевой отметки. Чего никак нельзя сказать об украинской идентичности. Галиция – «украинский Пьемонт» - даже в советское время характеризовалась рельефно выраженной *массовой* украинской идентичностью. Подобные этнические форпосты в Белоруссии попросту отсутствовали. Правда, в целом украинская этническая идентичность все равно была менее масштабной и сильной, чем этнические идентичности прибалтийских и закавказских народов.

Не стоит поддаваться соблазну, обвиняя коммунистическую власть в проведении политики денационализации и русификации. Выбор в пользу русского языка и русской культуры чаще всего был добровольным, ибо выглядел рациональной стратегией социального продвижения в СССР. А по причине языковой, культурной и фенотипической близости ассимиляция украинцев и белорусов в русскость была легкой и безболезненной – значительно более легкой, чем ассимиляция прибалтов, закавказских и среднеазиатских народов. В отличие от Лациса и Исмаилова, Искандаряна и Гогоберидзе, Антонович и Антонюк могли без труда превратиться в Антонова. В советскую эпоху русские чаще всего не проводили границы между собой, с одной стороны, украинцами и белорусами - с другой.

Однако наряду с русификацией – скорее добровольной, чем вынужденной - присутствовала и прямо противоположная тенденция «национализации» советских республик. При всей сомнительности их статуса квазисуверенных государственных образований, советские республики послужили основой национальных государств посткоммунистической эпохи. Именно в советское время формировался институционально-административный каркас этих государств. Республиканские компартии и правительства, министерства и местные советы народных депутатов, профсоюзы и комсомол и проч. – все эти декоративные институции, едва только открылась возможность,

стали наполняться реальным смыслом и содержанием, превращаясь в кристаллическую решетку новой государственности.

Коммунистическая идея советской культуры как «национальной по форме и социалистической по содержанию» стимулировала и поощряла формирование «высоких» национальных культур. Едва ослабли тиски коммунистической идеологии, национальные творцы, воспевавшие коммунизм и дружбу народов, выступили вдохновляющей силой и авангардом национально-демократических революций и строительства независимых государств. Впрочем, брошенное творческой элитой зерно не смогло бы прорасти, не сформируй коммунисты заодно главную движущую силу национальных революций, а по совместительству и главного потребителя национальной культуры - массовую городскую интеллигенцию.

Говоря начистоту, без повивальных усилий коммунистической власти у подавляющего большинства постсоветских независимых государств вообще не было шансов обрести собственное историческое бытие или же путь к нему оказался бы гораздо более длительным, трудным, извилистым и без гарантий на успех. Это относится не только к среднеазиатским странам, Казахстану и Азербайджану, но также и к Беларуси с Украиной, обладающим собственной традицией государственности лишь в новейших доморощенных мифах.

Я склонна полагать, что именно слабость белорусской этнической идентичности послужила одним из главных (возможно даже - ключевым) факторов, предопределивших постсоветскую траекторию Беларуси. Напомню, что расставание с Советским Союзом, за исключением среднеазиатских республик, проходило в революционной форме. Причем это были революции национально-демократические, то есть объединявшие идею национального освобождения со стремлением к политической демократии и рыночной экономике. (Я оставляю в данном случае за скобками вопрос о динамике этих революций и их последствиях. Далеко не всегда они были мирными и редко где привели к утверждению демократии и рыночной экономики с первой попытки.) Даже в России политическая оппозиция выдвинула в качестве главного лозунга идею российского суверенитета, то есть де-факто идею освобождения России от бремени советской империи. И этот лозунг получил массовую поддержку русских, которые считались

опорой советской империи. Возможно, они и были ее опорой, но вряд ли они были выгодоприобретателями, бенефициарами СССР. Ведь считай русские СССР *своим*, русским государством, они никогда бы не позволили ему распасться столь легко и относительно безболезненно. Для сравнения: социалистическая Югославия в некоторых отношениях действительно была *государством сербов*, результатом чего стала почти десятилетняя кровавая война, охватившая бывшую Югославию.

В Белоруссии - самой, вероятно, советской из всех советских республик, - национально-демократическая оппозиция к моменту распада СССР наличествовала, но была хиленькой. И отнюдь не по причине политических преследований, а потому, что ее идеи не обладали массовой мобилизующей силой. Белорусское общество их не понимало и не принимало. Не только простым белорусам было невдомек, что такое национальное освобождение и для чего оно им нужно. Их недоумение в полной мере разделяла белорусская политическая и экономическая элита.

Отличие Украины от Белоруссии в данном случае состояло не только в том, что на Украине быстро оформилось мощное националистическое движение. Украинская политическая элита оказалась более гибкой и своекорыстной, осознав, что гибель советской империи открывает перед ней уникальный шанс превратиться из наместников Кремля в самовластных правителей собственного государства. Но для этого надо было использовать национальную и демократическую идеи в качестве легитимации самое себя и новой государственности. Вот так вчерашний верный слуга Москвы, Л.Кравчук, стал «щирым украинцем» и поборником украинской независимости.

Хотя С.Шушкевич был одним из трех, наряду с Б. Ельциным и Л.Кравчуком, республиканских лидеров, которые подписали знаменитые Беловежские соглашения, поставившие точку в существовании СССР, в целом для белорусской элиты и белорусского общества национальная независимость оказалась крайне неожиданной и, похоже, не очень-то желательной. Она свалилась на них буквально как снег на голову, к ней, за редким исключением, никто не призывал и никто не готовился. Можно сказать, что Беларусь не столько обрела независимость, сколько была ввергнута в нее. И в этом смысле она оказалась типологически ближе не к соседним Литве и Украине, а к

среднеазиатским республикам, где правящие элиты не хотели разрушения союзного государства, более-менее отдавая отчет в драматических трудностях и проблемах независимого существования.

Возникни на развалинах Советского Союза мощное политическое движение за его воссоздание, Беларусь наверняка стала бы его форпостом. Однако подобное движение не появилось, а белорусская элита явно не была способна к подобной стратегической инициативе, хотя и мыслила себя скорее в категориях бывшего СССР, чем неожиданно обретенной независимости. Образно говоря, белорусская элита и белорусское общество двигались вперед с головой, обращенной в прошлое.

Отсюда хорошо понятна беспрецедентная поддержка любых постсоветских интеграционных инициатив обществом и элитой Беларуси. В ней уровень этой поддержки был выше, чем в любом постсоветском государстве, включая Россию. В то время как на Украине всегда существовало твердое ядро сторонников независимости, строившее политику на противодействии вымышленным «имперским» амбициям Кремля.

Я говорю вымышленным, ибо, прояви российская элита гибкость и волю, единое государство России и Беларуси могло стать реальностью еще в первой половине 1990-х гг. Парадоксальным образом независимость Беларуси обеспечивалась не столько стремлением белорусских элит и общества ее сохранить, сколько нежеланием России объединяться с Белоруссией, потратив на это драгоценные ресурсы. (Достаточно вспомнить историю первой половины 90-х годов с предполагаемым введением российского рубля в Беларуси.)

Беларусь была буквально выпихнута в независимость и самостоятельное государственное плавание. Но, однажды начавшись, это плавание приобрело самоподдерживающуюся динамику. Время работало на идею независимости.

Не премину поделиться здесь личным воспоминанием. Еще в 1991 г. один из минских коллег-историков говорил мне, что, если Белоруссия просуществует в качестве независимого государства хотя бы 15 лет, ее независимость обретет прочное основание в виде поколения молодежи, выросшей в качественно новых исторических условиях и мыслящей в категориях белорусского суверенитета. Он

оказался прав. Впрочем, речь в данном случае идет лишь о проявлении общей социологической закономерности.

Во-первых, если верховная (в нашем случае: общесоюзная) инстанция самоустранилась или исчезла, как исчезли и распределявшиеся ею ресурсы, то республиканские органы власти просто вынуждены брать на себя ответственность за поддержание порядка и основ жизнедеятельности в своих республиках. При этом не имеет значения степень их готовности, желание или нежелание этим заниматься. Смерть родителей понуждает детей к самостоятельности, даже если они к ней не готовы. Альтернатива строительству независимого государства – хаос и распад общества.

В ситуации распада СССР эта угроза отнюдь не выглядела гипотетической. Кровавая гражданская война в Таджикистане, армяно-азербайджанский конфликт, межнациональные конфликты в Грузии и Молдавии, стремительное одичание обществ в России и Украине слишком наглядно показывали, **что** происходит при ослаблении государства. Единственная возможность не допустить ничего подобного, даже если в Беларуси риски были изначально невелики, состояла в формировании полноценного государства.

Во-вторых, институционализация любого независимого государства ведет к тому, что коммуникационные потоки сужаются и концентрируются в политико-административных границах обретающего суверенитет государства. Несколько упрощая, нас, граждан этого государства, больше интересует то, что происходит в нашем собственном доме, нежели социокультурная, экономическая и политическая динамика за его пределами. Интенсивность межстрановых коммуникаций ослабевает, коммуникации локализуются в пределах утверждающегося государства, что объективно работает на утверждение и укрепление независимости.

В-третьих, независимость, – даже нежелательная, как в случае с Беларусью, – становится не только фундаментальным политическим и социоэкономическим фактом. Она оказывается краеугольным камнем культурной политики, социализации и идентичности новых государств. Ни один политик никогда не признает, что его государство возникло в результате исторической случайности, агрессии или преступного сговора. Наоборот, машина государственной пропаганды, воспитания и образования всей своей мощью обосновывает необходимость, целесообразность и легитимность нового государства. Конструируется новая

история/мифология, показывающая, что ход исторического развития объективно вел к возникновению национальной государственности.

Так происходило всегда и везде в переживавших становление государствах. И постсоветское пространство не стало исключением. По крайней мере результат социализации оказался одинаковым что в Украине, что в Беларуси, что в России: молодое поколение сформировалось в убеждении о безальтернативности национальной государственности и не приемлет идею ограничения национального суверенитета в пользу меж(над)государственного образования. То есть для постсоветской молодежи независимость собственных стран выступает фундаментальной и неоспоримой ценностью. Социология зафиксировала этот качественный сдвиг еще на рубеже XX и XXI вв., то есть десять лет тому назад.

Однако за двадцать лет, прошедших после распада СССР, изменилось и умонастроение старших поколений. Они жалеют об исчезновении СССР, но все реже желают его восстановления. Наступило время примирения с новой реальностью. В подтверждение могу сослаться на опыт общения со своим друзьями и коллегами с Украины, причем из ее наиболее русифицированной части – Донбасса. Они принадлежат к среднему поколению (45-55 лет), то есть выросли в советскую эпоху и считают русский язык родным. Так вот, все без исключения, эти люди говорят приблизительно следующее: распад СССР был неизбежен и закономерен; желательно, чтобы между Украиной и Россией поддерживались тесные дружественные отношения, но создавать единое (общее) государство не стоит; независимость Украины не подлежит сомнению.

Из этих полевых наблюдений и результатов обширной социологии следует важный вывод: в Украине формируется политическая нация. Серьезные социокультурные, политико-идеологические противоречия и конфликты, в действительности оказываются противоречиями и конфликтами *внутри* одной нации, а не между различными общностями. (Единственное серьезное исключение здесь составляет Крым, точнее даже Севастополь, который настаивает на своем принципиальном неучастии).

Довольно схематично главное конфликтную линию можно описать как столкновение этнической и политической концепций украинской нации. В первом случае принадлежность к ней

определяется преимущественно через этнические и культурные критерии, во втором – через гражданские. По-другому, это вопрос о том, нужно ли родиться украинцем и говорить по-украински, дабы считаться «щирым украинцем», или можно быть русским и не знать «державной мовы», но при этом сохранять лояльность украинскому государству. Такого рода конфликты нередко случались в процессе нациестроительства, например во Франции рубежа XIX-XX вв., хотя не только в ней. Они драматичны, но отнюдь не фатальны и даже полезны складывающейся нации, способствуя выработке консенсусной и гибкой концепции национальности, усвоению искусства и процедур политического компромисса.

В этом смысле мой взгляд на украинские социокультурные и региональные различия несколько парадоксален и отличен от привычных страшилок московских наблюдателей. Во-первых, я оцениваю эти различия и конфликтные линии не как негативные, а как позитивные для Украины, ибо они динамизируют украинскую политику и способствуют ее демократизации. Во-вторых, я не вижу в них опасности раскола Украины. Эта угроза, возможно, была актуальна в 1990-е гг., но чем дальше, тем больше теряет всякий реальный смысл.

Один из фокусов украинской дискуссии о нациестроительстве - вопрос о статусе и роли русского языка, - представляется актуальным (хотя и не столь политически острым) и для Беларуси. Ведь в ней абсолютно преобладает русский, а не белорусский язык, что может порою восприниматься как препятствие на пути нациестроительства. Однако в действительности не существует жесткой зависимости между страновой и национальной идентичностью, с одной стороны, и языком – с другой. Англия, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия говорят на одном языке, но при этом обладают разной идентичностью. То же самое верно для Австрии и Германии, Чехии и Словакии и т.д.

Вопрос о национальном языке обычно будируется теми группами интеллигенции, для которой этот язык выступает сферой реализации профессиональных интересов. Понятно, что чем объемнее эта сфера, тем сильнее позиции, значительнее влияние и выше доходы этих групп, так что они охотно выступают лоббистами введения государственного языка. Однако для массовой идентичности и формирования национальной

государственности вопрос о языке, возможно, не столь важен, как его пытаются представить.

Лояльность Беларуси или Украины вовсе не зависит от степени владения белорусским или украинским языком, зато знание русского языка (а сейчас уже и английского) критически важно для вхождения в общемировое (или европейское) пространство. Такова реальность и изменить ее не под силу никакой государственной языковой политикой. Уж до чего тщательно в Прибалтике в 90-е годы выкорчевывали русский язык, однако даже там были вынуждены признать, что знание русского представляет важное конкурентное преимущество в постсоветском пространстве.

Функционирование русского языка в качестве второго государственного (или регионального) или даже его преобладающее влияние не несет угрозы национальной независимости Беларуси или Украины и вряд ли способно послужить решающим инструментом российского влияния. На чаше геополитических весов культурно-языковая и историческая близость восточных славян весят меньше экономических и социальных факторов.

Надо отдавать себе ясный отчет: Украина и Белоруссия не могут бесконечно долго оставаться равноудаленными от двух центров силы – ЕС и России. Они обречены примкнуть к одному из них. И этот выбор, похоже, определился: Украина и Беларусь дрейфуют, пусть с разной скоростью, в одном направлении - на Запад. Можно скрупулезно анализировать извилистое движение по этому пути и аргументы *pro et contra*, однако все их обилие сведется, в конечном счете, к одному решающему пункту: Евросоюз привлекателен социально, экономически и политически, Россия выглядит и действует отталкивающе. При этом она умудряется оттолкнуть от себя даже сверхлояльных по отношению к ней белорусов. Ведь надо совсем не иметь ума или обладать особым цинизмом, чтобы избрать в качестве даты газового ультиматума, предъявленного Беларуси в 2010 г., 22 июня – день, занимающий в национальной памяти белорусского народа особое место.

Но это, конечно, лишь один, хотя и весьма показательный штрих политики и образа России. При всем желании трудно разглядеть что-нибудь привлекательное в государстве, загнавшем

собственное население в массовую нищету, лишившем его политических и социальных прав, превратившем русский народ в кормовую базу коррумпированного клептократического режима. Неудивительно, что молодое поколение белорусов и украинцев обратило свои взоры в сторону Евросоюза, но и старшие поколения отворачиваются от *такой* России.

Поэтому не стоит переоценивать значение экономических соглашений Беларуси и Украины с Россией. За ними стоит сухой прагматичный расчет, а вовсе не желание продать национальный суверенитет, в чем порою обвиняют украинское и белорусское правительства. Они предпочитают быть самовластными правителями в своих владениях, а не наместниками Кремля. Это относится не только к ярым сторонникам национальной независимости, наподобие украинского экс-президента В.Ющенко, но и к таким якобы друзьям России, как экс-президент Л.Кучма и действующий президент В.Янукович. Более того, умело эксплуатируя идею дружбы и восточнославянского братства, не озлобляя, а задабривая Кремль, Кучма и Янукович сделали для укрепления украинской независимости значительно больше, чем Ющенко, вступавшей в конфронтацию с Москвой по малейшему поводу и даже без него.

Аналогичным образом выступавший горячим поборником Союзного государства А.Лукашенко сыграл решающую роль в формировании независимой Беларуси. Таково его объективное историческое место. Умело используя экономические и политические преференции, полученные от России, он создал не вполне демократический, но весьма эффективный (и уж точно более эффективный, чем в России) политический режим. Именно эффективность политического режима стала решающим условием институционализации белорусского независимого государства. При всех его малопривлекательных чертах режим Лукашенко заменил в Беларуси слабо выраженное национальное ядро.

Таким образом, Беларусь и Украина, несмотря на различные стартовые условия, в конечном счете, вырулили на одну дорогу. И дорога эта ведет не в Москву, а в Варшаву и Берлин. Надо отдавать себе отчет, что речь идет о масштабном и драматическом культурно-историческом сдвиге. На наших глазах, - ни много, ни мало, - заканчивается эра единого восточного славянства под эгидой Москвы.

Андрей Суздальцев

Враждебная Беларусь?

В первой декаде июля 2011 г. достоянием общественности России и Беларуси стали итоги проведенного Фондом "Общественное мнение" опроса населения РФ по вопросу отношения россиян к другим государствам. Опрос выявил сенсацию: почти два десятилетия российско-белорусских отношений привели к тому, что 2% граждан России видят в Беларуси враждебное государство.

Безусловно, процент небольшой, на грани статистической ошибки, и им можно было бы даже пренебречь, если бы согласно опросу ВЦИОМ в 2008 г. 6% не считали бы Беларусь экономическим и политическим соперником России. Так что полученные 2%, видимо, являются индикатором уже вполне определившейся негативной тенденции, активно ломающей ещё советский стереотип восприятия россиянами своих ближайших западных соседей. Российский стереотип в отношении белорусов и Беларуси в большей степени сформированный наследием Великой Отечественной войны, послевоенным кинематографом, фольклорными ансамблями и достижениями в транспортном машиностроении, бытовой и электронной технике, легкой промышленности, носил постсоветский характер и вызывал отклик в душе россиян старшего поколения.

Естественно, существование суверенного белорусского государства уже априори ставит взаимоотношения между двумя народами, два столетия до этого проживающими в одной стране, в новые, уже международные рамки.

В условиях развития новых коммуникаций, Интернета и прочих средств связи, опыт российско-белорусских контактов, как в личном плане, так и в сфере экономики, бизнеса и политики, оказавшийся, к сожалению, не только позитивным, но и негативным, исключительно быстро стал доступен для огромной массы населения России. Результат опроса ВЦИОМ продемонстрировал, что в среде российского населения накопилась определенная масса негативных мнений в отношении Беларуси, которая, учитывая, что белорусский вопрос для России приобретает все черты затяжного кризиса, имеет все шансы стать критической.

Советское наследство

К белорусам в России всегда относились хорошо. В первые годы российско-белорусской интеграции интересы белорусской стороны воспринимались в Москве, как приоритетные а потребности республики рассматривались, как естественные, неотделимые от российских. Российские СМИ старались преподносить только позитивную информацию о Беларуси и развитии интеграции между двумя странами.

Параллельно, во второй половине 90-х годов, в среде российского населения активно формировался образ новой, независимой Беларуси, которая на фоне тяжёлого экономического кризиса и структурных реформ, переживаемых в России, а также под воздействием угрозы распада федерации, полупаралича российской власти, воспринималась в качестве успешного эксперимента. Курс белорусского руководства считался более правильным, стабильным и справедливым по отношению к населению. Огромная внешняя поддержка со стороны России замалчивалась. К примеру, до 2005 года белорусское руководство и белорусские СМИ упорно твердили, что республика закупает в России нефть по мировым ценам (!), т.е. наличие белорусского нефтяного офшора отвергалось, как говорится, с порога.

С активным использованием белорусской и российской лево-патриотической пропаганды, а также личного потенциала белорусского президента, который в 1995 -1998 годах неустанно совершал поездки в российские регионы, в сознании россиян создавался своеобразный миф: там, где-то за «бугром» есть небольшая славянская страна (почти русская), где все говорят на русском языке, все заводы работают, все получают зарплаты и пенсии, есть хорошие дороги и правит справедливый царь. И где все хорошо.

Белорусская пропаганда активно использовала данный миф и для внутреннего политического рынка, но уже со знаком минус для российской действительности. В период президентской предвыборной кампании 2005-2006 года белорусское телевидение активно использовало рекламно-пропагандистский ролик о визите молодой семьи из России (муж – россиянин, жена – белоруска) к старикам-пенсионерам в Беларусь. Молодые удивляются тому, что в холодильнике «все есть», горит свет и течет из крана вода, а у «мамы пенсия достойная».

Попутно в Беларуси создавался крайне негативный образ России. Данной работе белорусский агитпроп посвятил почти два десятилетия. Стоит отметить, что многолетняя антироссийская пропаганда не вызывала какого-то неприятия у населения и у политического класса республики, что, конечно, отмечалось в России.

Ошибкой белорусского руководства было то, что опираясь в своей политической работе на внутреннем политическом рынке на негативные противопоставления и сравнения с Россией, оно было вынуждено на внешней арене поддерживать противоположный информационно-пропагандистский тренд - имидж «единственного союзника» той же России. Союзный статус позволял обеспечивать за счет российских ресурсов, энергоносителей и рынка прирост белорусской экономики и более-менее приемлемый уровень жизни населения, то есть для «дома» одно, для «соседа» другое. Безусловно, столь откровенное лицемерие не могло не влиять на настроение Кремля.

Тем более, что изолировать два политических рынка друг от друга оказалось невозможно. Периодические кризисы в отношениях Москвы и Минска, сопровождаемые истериками и оскорблениями А. Лукашенко в адрес России и российского руководства оказались своеобразными «каналами», которые периодически соединяли два политико-информационных поля. Россияне имели возможность «заглянуть» за «занавес» мнимого белорусского «союзничества». Реальность разочаровывала…

В России крепло убеждение, что Беларусь использует Россию для своих целей, часто не имеющих ничего общего с перспективами российско-белорусской интеграции или строительства Союзного Государства. За демагогическими заявлениями А. Лукашенко скрывался интерес вполне националистичного политического класса, озабоченного исключительно не только выживанием своей республики, что хотя бы понятно и объяснимо, но и сохранением власти в руках белорусской номенклатуры и ее лидера – А. Лукашенко. Беларусь для России становилась все более чужой…

Сейчас в сознании россиян постепенно завершается процесс своеобразной ломки почти генетических представлений о белорусах, как о таких же русских, которые уж ни как нельзя представить иностранцами. Поколение, воспитанное в таких

стереотипах, постепенно уходит. В первую очередь для понимания того, что белорусы – не русские, немало сил приложил сам А. Лукашенко, который своим поведением создал о себе в российском обществе весьма своеобразное мнение. На фоне российских президентов, включая Б. Ельцина, а также президентов Украины, включая даже В. Ющенко, он оказался каким-то политическим изгоем, лидером, не принадлежащим к русскому миру… Его сторонятся, стараются не приглашать, брезгуют… Облик Лукашенко стал обликом республики, что является катастрофой. Стоит напомнить, что А. Лукашенко давно прописался на российском телеэкране в юмористических передачах, где ему отведена роль неадекватного клоуна.

Немаловажным стимулом для некоторого обособления россиян от белорусов, оказалось наличие целой армии (до кризиса 2011 г. 600 тыс. человек) белорусских гастарбайтеров. Трудовые мигранты из РБ, несмотря на то, что обладают по сравнению с другими гастарбайтерами из стран СНГ привилегированным статусом, в глазах россиян все равно являются иностранными рабочими, т.е. людьми второго сорта. Стоит напомнить, что Россия, являясь одной из самых привлекательных стран мира для трудовой миграции, остается страной весьма националистичной. Гастарбайтеров откровенно не любят… Белорусы, особенно работающие в сфере российской науки, менеджмента, образования в наименьшей степени страдают от такого отношения, что не скажешь о строителях, водителях и т.д.

Сам факт наличия трудовой миграции из РБ объективно сказывается на отношении россиян к Беларуси. В данном случае речь уже не идет о равноправных отношениях. Россияне ведь на работу в Беларусь не едут…

Еще совсем недавно, в 90-е годы россияне вообще не отделяли себя от белорусов, считая себя и их одним народом. Данное утверждение всегда вызывало жесткое сопротивление в Беларуси, где было принято подчеркивать «разницу». Однако и эта «разница» была, в общем-то для «внутреннего пользования».

<…>

Видимо, ощущая некое несоответствие в использовании на внутреннем политическом поле исключительно белорусского контекста, а в общении с Россией понятие «мы - единый народ», белорусский президент в свое время все-таки ввел в политический

оборот разграничительную формулу «белорусы – те же русские, но со знаком качества». Данное утверждение А. Лукашенко нанесло огромный и невосполнимый удар по имиджу республики и белорусского народа в глазах россиян. По разрушительной силе понятие «русские со знаком качества» можно смело ставить на второе место после уклонения А, Лукашенко от поддержки России в конфликте с Грузией и до политического эффекта от российско-белорусских газовых войн. Так постепенно, капля за каплей между народами росло недоверие и непонимание. Как видим, белорусские власти принимали в этом процессе самое активное участие.

Обида

<…>

Образ России, как страны кошмара и ужаса, криминала, олигархов, произвола, безвластия и вечного голода, очень естественно включился в весьма искаженное представление белорусов о своей стране, ее проблемах и достижениях, а также об окружающем мире. Данные представления поддерживались весьма изощренной политической пропагандой, активно использующей представителей российской лево-патриотической части политического спектра РФ, вносивших свой посильный вклад в создание мифа о белорусском «рае».

Уже с 1995 -1996 года белорусские власти, используя искаженные сравнения с социально-экономической ситуацией в России, создавали у белорусского населения устойчивое мнение, что политика А. Лукашенко является единственно верной. Военный конфликт в Чечне использовался в качестве фона, на котором мирная и стабильная жизнь в РБ должна была смотреться наиболее выпукло. Сохранение белорусских промышленных активов демонстрировалось в качестве успеха белорусской экономической модели. При этом умалчивалось, что республика уклонилась от глубокого экономического кризиса и деиндустриализации, поразивших страны СНГ в те годы, благодаря огромным российским энергетическим субсидиям, различного рода дотациям и свободному доступу к российскому рынку.

Сохранение стабильного социально-экономического положения в республике подавалось в качестве достижения белорусской власти. Попутно, стабильность определялась и

особыми качествами белорусского народа. Это же относилось и к сфере внешней политики.

Стоит отметить, что многие годы белорусская официальная пропаганда прививала населению, а в целом и собственному политическому классу, весьма своеобразное представление о собственной стране. В среде белорусского народа стало аксиомой утверждение, что «Беларусь никому не угрожает». Миролюбивый характер республики считается совершенно естественным, выстраданный предыдущей историей белорусского народа. Но при этом вопросы безопасности воспринимаются весьма своеобразно, в стиле заявлений А. Лукашенко на Третьем Всебелорусском народном собрании (2005 г.): «Мы никому не будем создавать никаких проблем — ни нашим соседям, ни россиянам, ни украинцам, ни полякам, ни прибалтам. Мы не будем создавать проблем нашей Европе. Мы в центре Европы, и этим все сказано. Это наш дом. Зачем нам эти проблемы? Мы не собираемся воевать с американцами. Мы готовы с ними сотрудничать и дружить. Но вы должны нас уважать! Мы — люди, люди с большой буквы. И мы это заслужили, я уже об этом говорил. Это единственное условие, единственное наше условие. Понукания мы терпеть не будем. Мы — гордый народ».

Как любая молодая титульная нация, белорусы крайне озабочены тем, что и как о них думают их соседи и другие народы. По этой причине и при содействии официальных средств массовой информации в среде населения широко распространена завышенная самооценка. Среди народных мнений о самих себе, скроенных из мозаики бытового и этнического национализма, основные воззрения сформированы на сравнении и противопоставлении с соседними народами: «мы - более трудолюбивые», «непропитые», «у нас чисто», «более интеллектуальные», «нас все любят». Естественно, что данные, вполне укоренившиеся взгляды, при наличии обширных контактов между двумя россиянами и белорусами, стали со временем приводить к конфликтам, включая на бытовом уровне, о чем и говорил на прошлой неделе премьер-министр России В. Путин.

Россияне, имея возможность реально сопоставить уровень и качество жизни в двух странах, заговорили о несоответствии белорусской «картинки» белорусским реальностям: страна далеко не богата, живет за счет российского сырья и энергетики, население

погрязло в иждивенчестве, бизнес крайне неповоротлив и вороват, власти пытаются поучать весь мир и, само собой, страну, от которой жизненно зависят – Россию. Такого рода мнения с 2006 – 2007 года (российско-белорусская энергетическая война) в России постепенно стали общепринятыми, что не мешало развиваться другой тенденции, апологичной по отношению к лукашенковской Беларуси («там все отлично, улицы чистые, цены невысокие, преступность не большая, олигархов нет и т.д.»), но менее влиятельной. Столкновения между двумя этими тенденциями с определённого времени стали сердцевиной многочисленных ток-шоу российского телевидения, посвященных российско-белорусским отношениям.

В свою очередь получившие в Беларуси широкое распространение версии особого этнического происхождения белорусов, ничего общего не имеющих со славянскими предками, призванные отделить белорусский народ от соседей с востока, юга и даже запада и приобщить их к балтам, что, по идее, должно укрепить евроориентацию населения и политического класса республики, вызвали еще большее настороженность в России. На этом фоне борьба оппозиции с режимом А. Лукашенко выглядит, как возвращение в «европейскую семью народов», в котором русскому народу места нет. В среде российского политического класса возник вопрос о том, что белорусы сами пока не определились со своим местом в Европе и своим отношением к соседу с Востока. Политика А. Лукашенко по отношению к России укрепляла эту настороженность.

<…>

Эскалация…

Безусловно, основной вклад в формирование из Беларуси образа враждебного России государства внесли белорусское руководство и средства массовой информации. Все остальные «вехи» российско-белорусских отношений оказались лишь ступеньками к своеобразному отрезвлению россиян от «белорусского мифа».

Российско-грузинская войны, проблема признания независимости новых закавказских государств, открытие безвизовой «тропы Лукашенко» по маршруту «Тбилиси – Минск – Москва (Санкт-Петербург)», дружба с Саакашвили в контексте российско-белорусских отношений буквально разрушили образ

Беларуси - «союзника» России. Возникло понимание, что лукашенковская Беларусь, исходя из своих интересов, в любой момент не просто предаст, как говорится, «за пятак», но еще будет доказывать, что предательство является единственным правильным решением и даже полезным для того, кого предали.

Более того, возникло подозрение, что в случае конфликта на Западном направлении положиться на Минск нельзя. Не является ни для кого тайной, что белорусскую армию косвенно, но упорно настраивают на войну с Россией. Идеологические структуры министерства обороны РБ не только повторяют все повороты антироссийских пропагандистских кампаний в официальных белорусских СМИ, но и творчески дополняют их крайне тенденциозной и негативной информацией о современной России. В рядах личного состава белорусской армии упорно создается образ России, как реальной угрозе суверенитету и независимости Республики Беларусь.

Попутно возрождается образ республики – партизанки, готовящейся по примеру той же Эстонии, к подрывной борьбе с будущим «оккупантом». Для примера стоит обратить внимание на мнение одного из известных провластных белорусских аналитиков «Армия небольшого государства (РБ – А.С.). Было полное ощущение - свои люди, своя армия. Едва ли ни на уровне узнавания в лицах (03.07.11 – парад). Кое-что, конечно, "утаили": территориальные и т.п. войска, партизаны в смысле в случае оккупации. У нас, грубо говоря, в каждом населенном пункте есть подготовленная подпольно-диверсионная система на случай оккупации. Если, скажем, каким-то образом страна войдет в состав России и хотя бы 10% этих подготовленных структур сработают, то российский бандитизм 90-х годов покажется детским лепетом» (http://guralyuk.livejournal.com/?skip=20). Наличие подготовленного антироссийского вооруженного подполья – это, безусловно, интересный вариант «союзничества» с «братской» Россией, о чем так много говорит белорусский президент. Ведь дело даже не в противостоянии мифической «угрозе» со стороны России, а в том, что для того, чтобы такого рода партизанские соединения организовать, надо подготовить в жестком антироссийском духе десятки тысяч людей. Ведь их необходимо еще и вооружить. Но эти «партизаны» не одиноки, у них есть семьи, близкие, друзья и т.д. И всем надо объяснить, что Минск ждет войны с Россией? С

другой стороны, если «русский оккупант» все-таки не появится на белорусских просторах, на ком отыграются эти «партизаны-диверсанты»? На проживающих в Беларуси русских?

«Дойная корова»

Провал российско-белорусской интеграции, откровенно иждивенческий подход Минска к отношениям с Москвой продемонстрировал россиянам, что Беларусь видит в России исключительно «дойную корову». Стоит отметить, что понятие «дойная корова» в России давно стало политическим термином, на который и в население и в политическом классе федерации реагируют крайне болезненно. Открытие населению России данных о суммах, потраченных на поддержку Беларуси (от 58 до 60 млрд. долларов) буквально уничтожили рассуждения российских левых о «процветающей республике» и «чистых улицах», призванные замаскировать задачу сохранения за счет России очага псевдосоциализма на постсоветском пространстве.

Российско-белорусские газовые войны продемонстрировали Москве, что доверять белорусскому руководству в вопросах транзита российских энергоносителей нельзя. Ответом стало строительство обходных трубопроводов. От российского населения не скрывали, что огромные капиталовложения в балтийский газопровод во многом связаны с опасностью довериться Минску.

<…>

Закономерный итог

<…>

В России сложилось мнение, что Беларусь – экономически и политически нестабильная страна, руководство которой недоговороспособно, продажно и склонно к предательству. В качестве союзника рассматривать РБ нельзя. Это мнение и проявилось в опросе, но не ограничилось только констатацией факта нестабильности и неадекватности. Речь идет о враждебности современной Беларуси в отношении Москвы т.е. происходит качественное изменение в понимании белорусской проблемы для России.

В России почувствовали, что со стороны официального Минска исходит серьезная угроза дестабилизации отношений между двумя странами и народами, геополитических проблем для

Москвы, внешнеполитических игр за спиной России. Непредсказуемость и неадекватность белорусского руководства неумолимо отбрасывает Минск от Москвы, делает республику опасным и враждебным фактором для Российской Федерации. Безусловно, такой вывод требует глубокого переосмысления политики Москвы, проводимой в отношении официального Минска последние полтора десятилетия.

<…>

В ходе недавней встречи с молодежью на озере Селигер В. Путин вернулся к вопросу вхождения Беларуси в состав России, отметив, что судьба этого присоединения находится в руках самих граждан республики: «Это а) – возможно, б) – очень желательно и в) – полностью, на 100% зависит от волеизъявления белорусского народа». От себя можем с чистой совестью добавить, что учитывая современные политические реалии в РБ, можно смело заменить словосочетание «белорусский народ» на «Александр Лукашенко». Что такая замена имеет полное право на существование говорит весь опыт выборов и референдумов в Беларуси за последние 17 лет.

Безусловно, в Беларуси данное заявление российского премьера тут же присовокупили к списку имперских притязаний России. Подобного рода «реестр» давно ведется как белорусскими властями, так и белорусской оппозицией. Причем иногда интерпретация сторонами собранных «фактов» практически полностью совпадает, что наводит на очень неприятные мысли… Дело том, что тезис о некой готовности России аннексировать суверенную Беларусь, не раз выручал А. Лукашенко в периоды российско-белорусских политических кризисов. Запад чутко реагирует на подобного рода «наживку» и немедленно бросается на помощь белорусскому режиму. Наиболее яркими примерами являются предоставление Минску в 2008 году кредита МВФ, организация в 2009 г. присоединения РБ к «Восточному партнерству», диалог Евросоюза с А. Лукашенко в ходе выборов 2010 г. и т.д.

Но в данном случае, сразу после единодушного ритуального шельмования «российского империализма» , мнения подконтрольных власти и оппозиционных аналитиков о причинах вышеназванного заявления В. Путина разошлись.

Оппозиционные эксперты, опираясь на обращение В. Путина к белорусскому народу, уверены, что российский премьер продолжает готовить смещение А. Лукашенко со всеми последствиями для суверенитета республики, т.е. фактически выполняют роль адвоката А. Лукашенко на Западе, натравливая Брюссель и Вашингтон на Москву.

Эксперты из правительственного лагеря, напомнив о суверенитете Беларуси, пришли к выводу, что В. Путин нуждается в А. Лукашенко в качестве внешнего союзника в предвыборной гонке. В частности, В. Путин заявил, что «При всех сложностях, которые возникают в сфере экономики, энергетики, газовой сфере надо отдать должное сегодняшнему руководству республики и в том числе Лукашенко, которое последовательно идет к интеграции с Россией». С учетом того, что А. Лукашенко с декабря 2010 года скрупулезно выполняет все свои обязательства по вступлению республики в Таможенный Союз и Единое экономическое пространство, то В. Путин не делал политического аванса. В настоящее время у Кремля к официальному Минску серьезных претензий в плане выполнения интеграционных договоренностей нет. Есть иные проблемы, связанные с выполнением условий предоставления кредита Антикризисного фонда ЕврАзЭС, наличием политических заключенных и в целом с развитием демократии в республике, с вопросами формирования единого экономического пространства и т.д.

Тем не менее, представить более неестественный союз между В. Путиным и А. Лукашенко почти невозможно. Однако данная версия белорусского правящего истэблишмента и обслуживающего его экспертного сообщества вполне вписывается в традиционное завышенное представление о популярности А. Лукашенко в среде российского электората. Именно на базе подобных мнений и сформирована политика А. Лукашенко в отношении российских выборов.

24.07.11
http://www.politoboz.com/content/vrazhdebnaya-belarus

08.08.2011
http://www.politoboz.com/content/rossiiskie-vybory-chto-zachtetsya-lukashenko

Эдвард Лукас

У чым Захад памыляецца наконт Беларусі

Раскладваньне на палічках – зручны спосаб разабрацца ў навакольным сьвеце. Але што, калі тыя палічкі застаюцца пустыя? За апошнія 20 гадоў замежная грамадзкая думка, калі яна наогул спрабавала паразумецца зь Беларусьсю, імкнулася ўпхнуць гэтую 10-мільённую краіну то ў адну, то ў другую прыдатную катэгорыю.

Найперш, у эру Джорджа Буша-старэйшага, яна была часткай «славянскага ядра» Савецкага Саюзу. Краіны, накшталт балтыйскіх, можа й хацелі адкалоцца ад Масквы, але верныя, зрусыфікаваныя Ўкраіна і Беларусь былі гатовыя застацца з Крамлём. Гэтае ўяўленьне было памылковым.

Пасьля запанавала меркаваньне, што Менск, як і іншыя «былыя савецкія рэспублікі», будзе пасоўвацца наперад праз эканамічнае аднаўленьне, прыватызацыю і ўсталяваньне палітычнай сыстэмы, заснаванай на вяршэнстве закону і палітычнай свабодзе. Расея ў тыя шчасьлівыя дні разглядалася як саюзьнік у гэтай справе. Надзея дасягнула апагею за часы Станіслава Шушкевіча, кіраўніка краіны да 1994 году. Беларусь пазбавілася сваёй ядзернай зброі, мела свабодную прэсу, плюралістычную палітычную сыстэму і асьцярожную празаходнюю замежную палітыку. Не здавалася нечым неверагодным, што аднойчы яна далучыцца да Эўрапейскага Зьвязу (ЭЗ) – ва ўсялякім выпадку Беларусь мела лепшыя пэрспэктывы, чым адносна адсталыя Румынія і Баўгарыя. Але і гэта аказалася памылкай.

Спачатку вітаўшы абраньне ў 1994 годзе Аляксандра Лукашэнкі як рашучага палітыка і заўзятага змагара з карупцыяй, Захад пасьля з усё большым жахам назіраў за тым, як Лукашэнка разварочвае краіну на ўсход, падпісваючы дамову за дамовай зь Ельцынавай Расеяй. Тады ўзьнікла думка, што беларуская дзяржаўнасьць – магчыма, зьява часовая. Беларусь мела лепшыя пэрспэктывы, чым адносна адсталыя Румынія і Баўгарыя.Новы Беларуска-расейскі саюз быў перадусім шарашкінай канторай для скарумпаваных чыноўнікаў. (Там быў прыстойны бюджэт безь ніякай справаздачнасьці і права небескарысна раздаваць мытныя і тарыфныя палёгкі.) Але шмат каму здавалася непазьбежным, што

моцная прарасейская і панславісцкая пазыцыя Лукашэнкі прывядзе да таго, што Беларусь стане часткай новай канфэдэрацыі пад кіраўніцтвам Крамля, куды ў будучыні маглі б увайсьці іншыя прарасейскія анамаліі, накшталт Прыднястроўя або двух сэпаратысцкіх анкляваў Грузіі.

Гэткае бачаньне таксама было памылковым. Лукашэнку спадабалася выступаць на вялікай сцэне. Яму таксама спадабалася ідэя, што і сам ён мог бы стаць вялікай рыбай у вялікай сажалцы, а не заставацца ўсяго толькі кіраўніком у малой. Ён распачаў сэрыю публічных сустрэчаў і прамоваў у расейскай правінцыі, што падазрона нагадвала перадвыбарчую кампанію. Можа б ён мог стаць новым лідэрам Расеі і Беларусі, замяніўшы нямоглага Барыса Ельцына? Цяпер гэтая ідэя выглядае эксцэнтрычнай. Аднак у сутоньні эры Ельцына такая магчымасьць разглядалася сур'ёзна.

Шыльда «ляяльны сатрап Крамля» таксама аказалася памылковай. У Лукашэнкі не заладзілася з Уладзімерам Пуціным, які ня выказаў ніякага жаданьня траціць час і грошы на паляпшэньне стасункаў з прыземленым, грубым, капрызным і напышлівым беларускім лідэрам. Беларуска-расейскі саюз ня тое што ня стаў супэрдзяржавай – ён праваліўся амаль па ўсіх пунктах. Ня быў створаны агульны рынак тавараў, паслугаў, капіталу і працоўнай сілы. Пляны стварыць агульную валюту шмат разоў адкладаліся. З часам было ўсё больш выразна відаць, што эканамічная стабільнасьць, якою так хваляцца беларусы, па сутнасьці базуецца на танным расейскім газе, які пастаўляецца Беларусі ў абмен за транзытныя прывілеі і геапалітычную падтрымку.

Па меры таго як рэпрэсіўны клімат у Беларусі станавіўся ўсё больш жорсткі, Захад пачаў настойліва думаць, як жа скінуць Лукашэнку. Вынікам сталі яшчэ некалькі памылковых шыльдаў. Заходняя падтрымка засяродзілася на беларускай апазыцыі, якая ўяўляе сабою стракатую мешаніну ідэалістаў, тых, хто некалі некім быў, тых, хто ніколі нікім ня быў, палітычных перабежчыкаў, нацыянал-экстрэмістаў і эксцэнтрыкаў. Мінула 15 гадоў, і, як ні прыкра, з вынікамі ня густа. Да іх радасьці, але амаль бяз выніку, іх засыпалі грашмі, забясьпечвалі трэнінгамі і прапагандысцкай падтрымкай. У намаганьнях закідаць праблему грашмі бачылася спроба паўтарыць досьвед Цэнтральнай Эўропы 1980-х. Грошы дапамаглі «Салідарнасьці» скінуць камунізм у Польшчы.

Радыёвяшчэньне было надзвычай дзейсным сродкам у данясеньні ідэяў свабоды да паняволеных народаў. Дык напэўна ж гэткая камбінацыя спрацуе і ў Беларусі?

Мінула 15 гадоў, і, як ні прыкра, з вынікамі ня густа. Сярод апазыцыянэраў не знайшлося ніводнага харызматычнага, вартага даверу лідэра накшталт Леха Валэнсы або Вацлава Гаўла. Так, ім давялося супрацьстаяць у цяжкай барацьбе супраць гнюснага рэжыму. Але ж дысыдэнты камуністычных часоў здолелі паказаць неверагодныя прыклады арганізацыі і мабілізацыі. Нічога падобнага ў Беларусі не адбылося.

Надзвычай памылковай была спроба спалучыць варожасьць да аўтакратычнага і жорсткага рэжыму зь беларускай этнічнай сьвядомасьцю, якая хоць і мае дачыненьне да тэмы, але ўяўляе сабой асобную праблему. Гэта праўда, што Лукашэнка ставіцца да мовы карэннай нацыі зь няўвагай і пагардай. Таксама праўда, што гэта да пэўнай ступені абуджае зацікаўленьне. І сапраўды, этнічная і нацыянальная сьвядомасьць былі рухаючай сілай мноства змагароў за свабоду ў дзяржавах Балтыі: іх краіны былі акупаваныя Савецкім Саюзам, яны хацелі вярнуць сабе незалежнасьць. Гэта быў просты і шчыры прынцып, які збольшага добра спалучаўся з шырэйшай ідэяй дэмакратыі і вяртаньня ў Эўропу.

Але такую ідэю нялёгка прышчапіць у Беларусі, дзе нацыянальная мова была хутчэй разьдзяляльнай, чым злучальнай сілай. Ужываная пераважна ў вёсках, з разнастайнымі мясцовымі варыяцыямі, цяжка прыдушаная спадчынай русыфікацыі, беларуская мова не была ні неабходнай, ні дастатковай умовай для ўзмацненьня апазыцыі: у найлешпым выпадку яна была неістотнай, у найгорным – шкоднай.

На жаль, шмат хто з замежнікаў, якія спрабуюць дапамагчы беларускай справе, паходзяць з палітычнай традыцыі, у якой мова, гістарычныя і этнічныя пытаньні займаюць цэнтральнае месца. Яны разглядалі скіданьне рэжыму Лукашэнкі як частку нацыянальна-вызвольнай барацьбы, у якой Беларусь мае вярнуцца да сваіх глыбокіх гістарычных каранёў у Вялікім Княстве Літоўскім, з моцнай моўнай і культурнай сьвядомасьцю. Беларуская мова не была ні неабходнай, ні дастатковай умовай для ўзмацненьня апазыцыі.Гэта прыгожая ідэя, аднак для бальшыні звычайных беларусаў яна далёкая, у найлепшым выпадку слаба прывабная, у найгоршым проста непрымальная. У якасьці аналёгіі можна было б

прывесьці спробу правесьці палітычныя зьмены ў Луізіяне зь пераважнай апорай на рэстаўрацыю мясцовых старафранцускіх гаворак і традыцый.

Так што і гэтая шыльда была падабрана няўдала. Беларусь не была дыктатурай, гатовай абрынуцца пад напорам патрыятычнай празаходняй апазыцыі ў «каляровай рэвалюцыі», накшталт тых, якія нібыта так добра ўдаліся ў Грузіі, Кіргізстане, Румыніі і Украіне. (Цяпер, азіраючыся назад, гэтыя заваёвы выглядаюць не такімі простымі і цудоўнымі, як яны здаваліся тады.)

Тады зьявілася яшчэ адна палічка, дзе Беларусь трапляла ў катэгорыю ахвяры крамлёўскіх махінацыяў. Ідэя палягала ў тым, каб засяродзіцца найперш на геапалітыцы, і толькі пасьля на дэмакратыі. Беларускай намэнклятуры відавочна абрыдлі расейскія мядзьведжыя манеры, яна ўжо магла бачыць недахопы пуцінізму. Калі падысьці да яе з належнай лагоднасьцю, яна ў рэшце рэшт прызнае, што яе эканамічны інтарэс ляжыць на Захадзе. Калі беларускаму чынавенству разам з Лукашэнкам запрапанаваць справядлівую зьдзелку, яны без сумневу пагодзяцца. Гэткі погляд на Беларусь быў збудаваны на падмурку «Ўсходняга партнэрства», ідэя якога палягала ў тым, што Эўразьвяз распрацуе адмысловую сэрыю праграмаў (па гандлі, візах, мадэрнізацыі і палітычных сувязях) з шасьцю краінамі на захад і поўдзень ад Расеі: Азэрбайджанам, Армэніяй, Беларусьсю, Грузіяй, Малдовай і Ўкраінай.

І гэта было памылкай. Краіны Ўсходняга партнэрства надзвычай розныя ў сваіх мэтах, патрэбах і пэрспэктывах. Украіна палічыла абразай, што яе звалілі ў адну кучу з малымі краінамі. Палымяна празаходняй Грузіі не спадабалася, што яе паставілі разам зь пяцьцю краінамі, якія з ваганьнем або нават і варожа ставяцца да каштоўнасьцяў эўраатлянтычнага альянсу. А Беларусь, хоць і прынюхалася да заходніх саступак і нават зрабіла нейкія касмэтычныя саступкі сама – дадаўшы выбарчай кампаніі летась у сьнежні драбочак справядлівасьці – рэжым ня меў сілы або жаданьня пайсьці далей у гэтым кірунку. Пасьлявыбарчы пэрыяд адзначыўся беспрэцэдэнтнымі рэпрэсіямі (за кратамі апынуліся дзясяткі палітвязьняў), эканамічным крызісам (улучна з валютнымі перабоямі), а цяпер яшчэ і крывавым і таямнічым тэрарыстычным актам у менскім мэтро (дзе 14 чалавек загінула і дзясяткі былі пакалечаныя).

<…>

Было б лёгка завяршыць гэты змрочны каталёг, старонкі якога нясуць сьляды заходняга невуцтва, даверлівасьці, самападману, цынізму і эгаізму, запрапанаваўшы просты маніфэст з рэцэптам посьпеху. Мы пераспрабавалі амаль усё, часам па некалькі разоў. Нічога не дапамагло. Першым пунктам любога рашэньня мусіць быць пэўная порцыя сьціпласьці з боку Захаду. Мы пераспрабавалі амаль усё, часам па некалькі разоў. Нічога не дапамагло.Другім – праніклівы позірк на Беларусь як на краіну, якая рэальна існуе, а не якой бы мы хацелі яе бачыць. Гэта краіна, дзе, як выглядае, простыя рэцэпты не спрацоўваюць. Спалучэньне слабой нацыянальнай сьвядомасьці (незалежная Беларусь праіснавала некалькі месяцаў у 1918 годзе), цярпеньняў ваенных гадоў (найгоршых з усіх краінаў, якія прафэсар Ейля Тымаці Снайдэр называе «Крывавымі Землямі») і інтэнсіўнай саветызацыі пакінула па сабе спэцыфічную культурную і духоўную спадчыну. Адна зь яе рысаў – пазьбяганьне рызыкі. Яшчэ адна – недавер да інстытуцыяў. Трэцяя – непрыхільнасьць да зьнешняга ўмяшаньня. Стыль Лукашэнкі, які ўлучае ў сябе бацькоўскую камандную манеру, павярхоўную стабільнасьць і параною, ідэальна ўпісваецца ў гэтую карціну.

Нашы найлепшыя шанцы на посьпех палягаюць у доўгатэрміновых намаганьнях зьмяніць беларускую рэальнасьць праз умяшаньне на ўзроўні эканомікі і чалавечых кантактаў, спалучаных з востраскіраванымі адраснымі санкцыямі супраць кіраўнікоў рэжыму, адказных за зьбіцьцё, зьняволеньне і зьнікненьне людзей. Найбольшым посьпехам апошняга дзесяцігодзьдзя была падзея, у якой заходнія палітычныя стратэгі не адыгралі ніякай ролі: пераарыентацыя беларускага замежнага гандлю з усходу на захад. Цяпер Эўразьвяз, а не Расея, зьяўляецца найбольшым рынкам беларускага экспарту.

Доўгатэрміновыя наступствы гэтага вельмі глыбокія. Гэта азначае, што беларускія мэнэджэры мусяць вывучаць эўрапейскія мовы, езьдзіць у Эўропу і наладжваць бізнэсовыя сувязі з тамтэйшымі партнэрамі. Дзякуючы гэтаму яны патрапяць пад уплыў заснаванага на вяршэнстве закону заходняга капіталізму, які ўяўляе сабою рэзкі кантраст з кумаўством, карупцыяй і сваволяй сьвету расейскага бізнэсу. Абвяшчэньне шырокіх і глыбокіх эканамічных санкцыяў, якім бы прыгожым нам гэты жэст ні

здаваўся, наўрад ці прычыніцца да вызваленьня палітычных зьняволеных. І наўрад ці Эўразьвяз пойдзе ў гэтай справе за амэрыканскім прыкладам. Часам санкцыі дзейнічаюць. Але ў выпадку зь Беларусьсю вынікам хутчэй за ўсё была б «зімбабвізацыя»: умацаваньне рэжыму, несупынная параноя і ізаляцыя, а таксама пакіданьне Расеі магутных інструмэнтаў для прасоўваньня сваіх інтарэсаў.

Замест гэтага нам трэба разьвіваць гандаль і іншыя формы эканамічнага ўзаемадзеяньня. Радыкальным крокам быў бы пераклад зборніка інструкцыяў Эўразьвязу на расейскую мову. Трэба таксама зрабіць як мага больш танным і простым доступ беларусаў да заходніх унівэрсытэтаў праз увядзеньне стыпэндыяльнай праграмы. Карупцыя ў ВНУ застаецца сур'ёзнай праблемай у Беларусі: шмат студэнтаў былі б гатовыя да пошукаў лепшага выбару. Галоўнай умовай такой праграмы было б, у стылі праграмы Фулбрайта, вяртаньне стыпэндыята на некалькі гадоў у Беларусь пасьля заканчэньня навучаньня.

Вынікам такой актыўнай заангажаванасьці была б пастаянная эўрапеізацыя Беларусі, супрацьдзеяньне шкоднаму ўплыву з боку рэжыму і зьмена духоўнага і маральнага клімату да той ступені, калі вяршэнства закону і палітычная свабода будуць здавацца натуральнымі, а не чужымі замежнымі паняцьцямі.

Другім бокам гэтай стратэгіі было пакараньне рэжыму візавымі і фінансавымі санкцыямі. Візавыя забароны ў дачыненьні да асобаў, адказных за палітычныя рэпрэсіі, перакрыюць ім і іх сем'ям магчымасьць езьдзіць на закупы, вучыцца і адпачываць на Захадзе. Вынікам актыўнай заангажаванасьці была б пастаянная эўрапеізацыя Беларусі.Гэта будзе балець. Балець будзе і ўдар па іх кашальках. У заходніх выведных колах добра вядома, што некаторыя з высокапастаўленых службоўцаў рэжыму маюць вялікія ўклады на Захадзе, у прыватнасьці ў Аўстрыі. Гэтыя сродкі былі назапашаныя шляхам сыстэматычнага абкраданьня беларускага народу і мусяць стаць аб'ектам расьсьледаваньня грашовых махінацыяў. Банкі, якія праводзяць гэтыя трансакцыі, нажываюцца на нелегальным бізнэсе. Калі яны будуць і надалей гэта рабіць, яны мусяць пагадзіцца на страту сваіх банкаўскіх ліцэнзіяў у Амэрыцы. Пастаўленыя перад такім выбарам, яны пазбавяцца ад сваіх беларускіх кліентаў хутчэй, чым вы скажаце «венскі шніцаль». Мэта такой палітыкі мусіць быць вельмі канкрэтная: вызваленьне

ўсіх палітвязьняў. Як толькі яна будзе дасягнута, усе санкцыі мусяць быць спыненыя, каб забясьпечыць як мага большы эфэкт ад эканамічнага ўзаемадзеяньня. Вядома, тут была б непазьбежная палітызацыя звычайна нэўтральных рашэньняў з боку крымінальнага правасудзьдзя і фінансавых уладаў. Але гэта магло б дапамагчы вызваліць з-за кратаў Андрэя Саньнікава і іншых палітвязьняў. Калі так, дык яно таго вартае.

Доўгатэрміновая карысьць ад эканамічнага ўзаемадзеяньня зь Беларусьсю выглядае няпэўнай. Яно магло б умацаваць рэжым, зрабіць яго больш багатым і стабільным. Але на фоне 20 гадоў правалу на ўсіх іншых кірунках, яно прынамсі базуецца на адзіным пазытыўным дасягненьні – пераарыентацыі гандлю. Я думаю, варта паспрабаваць.

Пераклад: Сяргей Шупа, Радыё Свабода
http://www.svaboda.org/content/article/24090241.html

Даведка:
Эдвард Лукас - міжнародны рэдактар тыднёвіка “Economist”. Артыкул надрукаваны на сайце Цэнтру аналізу еўрапейскай палітыкі (CEPA - Center for European Policy Analysis)
http://www.cepa.org/ced/view.aspx?record_id=301

Віктар Чайчыц

Наш еўрапейскі выбар

Хто мы?

Прыляцеў я нядаўна ў адзін прыгожы нямецкі горад, стаў у доўгую чаргу на КПП у аэрапорце пад шыльдай "Грамадзяне іншых краін", а побач, дзе была шыльда "Для грамадзян ЕС", амаль нікога не было. Пад незадаволеныя позіркі спрактыкаваных ў чэргах землякоў я ўсё ж падыйшоў да пагранічніка, што заканчваў займацца грамадзянамі ЕС, працягнуў яму сіні пашпарт Рэспублікі Беларусь, і адбыўся паміж намі кароткі, але прыкметны дыялог, што падаўся мне вельмі сімвалічным:

- Ці можна тут прайсці?
- Не, тут толькі для еўрапейцаў!
- Дык я ж таксама еўрапеец…Жыву ў цэнтры геаграфічнай Еўропы!
- ...? Не, Вы не еўрапеец!

Дыскутаваць на тэму розніцы паміж ЕС і Еўропай не мела сэнсу. Для пагранічніка, як і для большасці людзей у Германіі, Еўропа заканчваецца межамі ЕС. Здавалася б, ну і што з таго, што яны так думаюць! Галоўнае ж, як мы самі сябе бачым і ацэньваем. А можа ўсё ж варта прыслухацца – з боку ж лепш бачна! Дык хто ж мы і куды мы рухаемся?

На гэты конт, як адлюстраванне нашага няпростага жыцця, існуюць розныя і спрэчныя думкі як сярод усходніх, так і сярод заходніх суседзяў Беларусі.

Так, брытанскі эксперт Эдвард Лукас адзначае[1], что за апошнія 20 гадоў замежныя палітыкі і грамадская думка так і не змаглі зразумець Беларусь і падабраць для яе правільную катэгорыю. Усе ўяўленні пра Беларусь, пачынаючы з савецкага часу, аказаліся памылковымі - што яна была гатова застацца з Масквою, што беларуская дзяржаўнасць – выпадковая і часовая справа, што Беларусь у свой час мела лепшыя шансы на ўступленне ў ЕС, чым Румынія і Балгарыя, што апазіцыя і этнічна-нацыянальная свядомасць змогуць аб'яднаць народ і г.д.

Паводле Э.Лукаса, найлепшыя шансы на поспех у беларускім пытанні (ў сэнсе далучэння Беларусі да Еўропы) маюць доўгатэрміновыя меры на ўзроўні эканомікі і чалавечых кантактаў.

А зараз паглядзім, што пра нас думаюць у Расіі. Пасля шматгадовай эйфарыі беларуска-расійскага аб'яднання і інтэграцыі варта прыслухацца да думкі расійскай навукоўцы Таццяны Салавей з МДУ[2], што Беларусь, якая пасля распаду СССР была літаральна "выпхнута" ў незалежнасць, паступова набывае новую ідэнтычнасць, і з улікам сваіх плюсаў і нават мінусаў сацыяльна-палітычнага развіцця, мае ў параўнанні з Расіяй і Украінай большую "еўрапейскасць" і найлепшыя ўмовы для ўваходжання ў ЕС, нават калі сённяшняе кіраўніцтва і не ставіць такую мэту. Актыўны заўзятар Саюзнай дзяржавы, А.Лукашэнка паспрыяў як раз процілегламу - умацаванню беларускай незалежнай дзяржавы, замяніўшы сваім хай сабе і малапрывабным рэжымам нацыянальная ядро, якое адсутнічала, лічыць Т.Салавей.

Некалькі слоў пра наш беларускі характар. Заўважана, што ў менталітэце беларусаў адбываюцца значныя зрухі. Прычым не абавязкова ў лепшы бок. Апошнім часам мы ўсе з трывогай назіраем, як расце напружанне ў беларускім грамадстве, як разбураецца наш імідж памяркоўных і талерантных людзей. Беларуская ўлада паказала сваю непрымірымасць да іншадумства. Нас нацкоўваюць адзін на аднаго, бо так намі лягчэй упраўляць, лічыць вядомы маскоўскі беларус П.Шарамет[3]. Значная частка насельніцтва ператвараецца ў палахлівых і адтаго яшчэ больш жорсткіх людзей.

Словы і справы ўлады (і не толькі ўлады)

Напярэдадні Новага, 2011 года, прэзідэнт А.Лукашэнка сказаў у навагоднім звароце да грамадзян Беларусі, што «мы поставили перед собой амбициозные цели: стать развитой европейской страной, в которой комфортно жить людям»[4].

Цудоўная думка, цудоўны напрамак развіцця краіны і грамадства! Вось толькі горка і дзіўнавата, што не пачулі грамадзяне словы гэтыя на дзяржаўнай беларускай мове і што не адпавядалі яны той атмасферы роспачы і дыскамфорту, якая ўсталявалася пасля шмалікіх арыштаў прадстаўнікоў апазіцыі, нязгодных з вынікамі прэзідэнцкіх выбараў.

Беларускія выбары здзіўляюць нават суседзяў. 19 снежня 2010 г. прайшлі ўжо чацвёртыя ў гісторыі выбары прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. Як і ў 1994-м, 2001-м і ў 2006-м перамогу атрымаў А.Лукашэнка, які знаходзіцца ва ўладзе больш за 16 год і які збіраецца там застацца яшчэ на пяць год. Для еўрапейскай краіны, калі яна, канечне ж, не манархія, гэта нетыпова доўгі тэрмін.

Нетыповым для Еўропы і нават постсавецкіх суседзяў з’яўляецца і расклад галасоў. Паводле афіцыйных вынікаў, пераможца атрымаў рэкордную колькасць галасоў - 79,65% ад тых, хто прагаласаваў[5]. У той жа час ні адзін з іншых кандыдатаў не набраў нават тры працэнты. Вось такое атрымоўваецца амаль савецкае “монолитное единство власти и народа”.

Рэальнае жыццё і напружанне, за якое большой часткай адказнасць нясе ўлада, гавораць аб разыходжанні паміж словамі і справамі. У любым выпадку, неадэкватныя дзеянні ўлады супраць іншадумства не адпавядаюць іміджу Беларусі як еўрапейскай краіны.

Падзеі на Беларусі, звязаныя з выбарамі, настолькі ўскалыхнулі міжнародную грамадскасць, што не засталіся без увагі і ў ААН. Генеральны сакратар Пан Гі Мун адзначыў сур’ёзную занепакоенасць міжнародных назіральнікаў ў адносінах да выбарчага працэсу і развіцця сітуацыі пасля выбараў, і заклікаў улады Беларусі ў поўнай меры паважаць правы чалавека і адпаведныя прававыя працэдуры[6].

Сённяшняму рэжыму ўлады ў Беларусі можна было б паставіць яшчэ шмат розных пытанняў, на якія пакуль няма адказу: чаму ўлада не спрыяе палітычным партыям як частцы палітычнай струкруты краіны, чаму ў парламенце няма партыйных фракцый, чаму з’явілася так многа людзей, якіх праваабарончыя арганізацыі лічаць палітычнымі вязьнямі і г.д. Чаму, урэшце-рэшт, беларуская мова ніяк не зойме сваё пачэснае месца ва ўрадавых структурах і ў штодзённым жыцці?

Але будзьма аб’ектыўнымі: значная частка насельніцтва Беларусі не лічыць неабходным шукаць адказы на гэтыя пытанні. У той жа час, сапраўдная дэмакратыя можа развівацца, калі грамадзяне зацікаўлены ўдзельнічаць ва ўнутрапалітычным жыцці і, адпаведна, здольныя ацаніць сітуацыю і паўплываць на прыняцце рашэнняў. Паколькі па розных прычынах насельніцтва не зацікаўлена, не хоча, а можа і баіцца актыўнічаць у палітычным

жыцці, то ўлада бярэ ініцыятыву на сябе, назначае і камандуе… Адным словам, пытанні аб нашым стане палітычнага развіцця трэба ставіць не толькі да ўлады, але і да грамадзянаў.

Расійскі фактар

Нядаўнія (2010г.) прэзідэнцкія выбары зноў звярнулі ўвагу на Беларусь і зрабілі яе фокусам еўрапейскай і глабальнай палітыкі. У адрозненні ад мінулых выбараў улады Беларусі мелі значна менш магчымасцей манёўра і тылавой падтрымкі з боку Расіі з-за няпростых адносін з яе кіраўніцтвам, якое мае бачны дыскамфорт з саюзнікам такого іміджу, як А.Лукашэнка. У той жа час, уплывовыя сілы ў Расіі, у першую чаргу камуністы, па-ранейшаму працягваюць разглядаць А.Лукашэнку як важны фактар расійскай геапалітыкі і гатовыя падтрымаць яго ў барацьбе з Захадам да апошняга беларуса.

У Маскве супярэчліва адносяцца да перавыбараў А.Лукашэнкі. Фармальна ён атрымаў пратакольнае віншаванне ад прэзідэнта Д.Мядзведзева, і пасол Расіі быў на інаўгурацыі А.Лукашэнкі (адзіны з паслоў суседніх з Беларуссю краін). Аднак жа і ў Расіі, па словах старшыні міжнароднага камітэту Дзяржаўнай Думы К.Касачова, "сур'ёзна занепакоены тым, як праходзілі выбары ў Беларусі. Па шэрагу пазіцый яны адрозніваліся ад стандартаў, якія дзейнічаюць на прасторах Рады Еўропы. Падзеі, што адбыліся адразу пасля выбараў, калі былі затрыманыя ў тым ліку і расійскія грамадзяне, выклікаюць у нас зразумелую занепакоенасць"[7].

Парадаксальна, але рост напружання ў беларускім грамадстве і ў адносінах Беларусі з краінамі ЕС і ЗША сёння ў першую чаргу не выгадны самаму А.Лукашэнку, паколькі аслабляе яго пазіцыі, змяншае замежную эканамічную дапамогу і пакідае яго адзін на адзін з Расіяй, што, як лічаць нават некаторыя вядомыя расійскія асобы, па сутнасці, загнала беларускія ўлады ў вугал. На іх думку, беспарадкі пасля выбараў былі справакаваныя расійскімі спецслужбамі, і А.Лукашэнку падставіла яго ж бліжэйшае атачэнне, якое на іх працавала і прадставіла яму скажоную інфармацыю аб характары і размаху дэманстрацый на вуліцах Мінска[8].

Беларускія чыноўнікі актыўна выкарыстоўвалі афіцыйныя і неафіцыйныя каналы ў еўрапейскіх краінах, падкрэсліваючы, што да беспарадкаў 19 снежня магла прыкласці руку Масква, каб

пасварыць Беларусь з Захадам. Такую думку, у прыватнасці, выказваў пасол Беларусі ў Латвіі М.Папкоў [9] на пасяджэнні камітэта па міжнародных справах Сейма Латвіі ў студзені 2011 г.

І ўсё ж такі, версія аб «руцэ Масквы», як уяўляецца, была створана для знешняга выкарыстання, а канкрэтна – для запалохвання Захаду і сутыкнення інтарэсаў Захаду і Расіі.

У Расіі вельмі занепакоены будучым развіццём падзей у і вакол Беларусі, якая разглядалася і разглядаецца як зона стратэгічных інтарэсаў. На гэты раз справа вельмі сур'ёзная, бо ўлада А.Лукашэнкі захісталася і наўрад ці перажыве фінансава-эканамічны крызіс, а ўся беларуская апазіцыя – хто б ні прыйшоў да ўлады пасля А.Лукашэнкі – глядзіць на Захад. Прарасійскай апазіцыі, здаецца, пакуль няма. Згаданая ўжо вышэй Т.Салавей піша: "Беларусь и Украина, несмотря на различные стартовые условия, в конечном счете, вырулили на одну дорогу. И дорога эта ведет не в Москву, а в Варшаву и Берлин. Надо отдавать себе отчет, что речь идет о масштабном и драматическом культурно-историческом сдвиге. На наших глазах, - ни много, ни мало, - заканчивается эра единого восточного славянства под эгидой Москвы"[10].

Што ж, выснова важкая і вартая сур'ёзнага абмеркавання. Неабходна таксама зрабіць істотнае ўдакладненне. Згаданы культурніцкі і геапалітычны зрух у лёсе абодвух народаў наўрад ці стаўся б мажлівым высілкамі ўсяго толькі аднаго – сучаснага маладога пакалення. Імкненні цяперашніх маладых людзей, як і старэйшых, падсілкоўваюцца глыбокім гістарычным тылам, а менавіта мнагавечным змаганнем беларусаў і ўкраінцаў за сваю этна-нацыянальную тоеснасць і стварэнне нацыянальнай дзяржавы. Трэба адзначыць і тое, што беларуская нацыянальная свядомасць і самавызначэнне ў першую чаргу залежаць ад саміх беларусаў, і было б памылковым сёння вінаваціць Расію за русіфікацыю нашага жыцця і дэманізаваць Расію, з якой нам патрэбна і выгадна моцць добрасуседскія, дружалюбныя і партнёрскія адносіны. Сімпатыя да Расіі, як і сімпатыя да іншай краіны-суседкі, не павінна разглядацца як здрада нацыянальным беларускім інтарэсам.

Звужаныя рамкі для гульні Беларусі на еўрапейскім полі

Улады Беларусі, хацелі яны таго, ці не, уцягнулі краіну ў катастрафічнае для сябе асабіста і для эканомікі супрацьстаянне з

ЕС і ЗША і адкінулі адносіны да ўзроўню канца 90-х гадоў, калі ўпершыню былі ўведзены санкцыі. Такім чынам, Беларусь – фактычна геаграфічны цэнтр Еўропы - зноў рызыкуе апынуцца за бартом еўрапейскай інтэграцыі. А між іншым санкцыі супраць кіраўніцтва Беларусі ўжо дзейнічаюць у тым ці іншым выглядзе больш дзесяці гадоў! Другое дзесяцігоддзе палітычнага супрацьстаяння беларускіх уладаў з ЕС і ЗША не можа не выклікаць негатыўны адбітак на іміджы Беларусі і яе народа ў палітычных і бізнесовых колах, сярод насельніцтва гэтых краін. Адным словам, беларусам, як мне здаецца, давядзецца яшчэ доўга сутыкацца з пачуццём недаверу і перасцярогі з боку еўрапейскіх суседзяў.

Пасля выбараў было спынена (у каторы ўжо раз!) пацяпленне ў палітычных адносінах, якое назіралася паміж Беларуссю і ЕС у апошнія два гады дзякуючы запрашэнню Беларусі ў праграму Усходняга партнёрства. Адносіны з ЕС, асабліва з Германіяй і Польшчай, падвяргаюцца сур’ёзным іспытам у сувязі з прагучаўшымі з вуснаў А.Лукашэнкі абвінавачваннямі ў арганізацыі загавара з мэтай скінуць уладу сіламі апазіцыі.

ЕС узнавіў і пашырыў візавыя санкцыі супраць кіраўніцтва Беларусі і замарозіў актывы асобаў, адказных за фальсіфікацыю выбараў і за сілавыя меры ў адносінах да апазіцыі[11].

Шматвектарная палітыка і пояс добрасуседства, пра якія афіцыйны Мінск шмат гаварыў ў 90-я гады, атрымалі аднабокае развіццё ва ўсходнім напрамку (у асноўным Расія), а вось астатнія суседзі ў асноўным так і засталіся “дальнім замежжам”.

Беларусь па ранейшаму не з’яўляецца членам Рады Еўропы (адзіная краіна ў Еўропе!). Не ўступіла ў сілу падпісанае яшчэ ў 1995 годзе пагадненне з ЕС аб партнёрстве і супрацоўніцтве.

Адзінай буйнай структурай Еўропы, дзе Беларусь прадстаўлена ў якасці паўнавартаснага члена, застаецца АБСЕ. Аднак і тут прысутнічае напружаннасць. Так, напрыклад, у канцы 2010 г. беларускі бок прыняў рашэнне аб непрадаўжэнні мандата офіса АБСЕ у Мінску, абгрунтаваўшы гэта тым, што адсутнічаюць аб’ектыўныя падставы для захавання прысутнасці АБСЕ у Беларусі[12].

Адносіны Беларусі з краінамі Еўропы настолькі ўскладніліся цягам апошніх 10-15 гадоў, што выйсці з гэтага стану няпроста. Даводзіцца спадзявацца на нейкі цуд, на меч, які рассячэ гэты

праблемны вузел супярэчнасцей, узаемных абвінавачанняў і проста смецця. Дзе ж тыя неардынарныя палітыкі, якія маглі б прапанаваць нестандартныя і дзейныя меры, што зблізілі б нас!

Заходнія суседзі Беларусі доўгі час былі вельмі занятыя сабою, імкнуліся як мага хутчэй уступіць ў ЕС і НАТО. Дзеля гэтага яны адхрошчваліся і адгароджваліся ад нас граніцамі і візамі. У апошні час сітуацыя трохі змянілася, асабліва ў галіне прыгранічнага супрацоўніцтва. Але візавыя паслабленні ў рамках прыгранічнага руху і дачыненні да прадстаўнікоў няўрадавых арганізацый – гэта правільны крок, але, як кажуць, кропля ў моры шэнгенскага сярэднявечча і бюракратыі. Да таго ж, гэты крок зроблены з вялікім спазненнем, трэба было даўно садзейнічаць свабодзе руху простых грамадзян, а не займацца штучнымі і неэфектыўнымі візавымі санкцыямі супраць кіраўніцтва Беларусі.

Ці далёка да Еўропы?

Нягледзячы на вельмі складаны стан сённяшніх адносін з краінамі Еўропы і на сітуацыю, якая можа падацца бязвыхаднай, Беларусь аб’ектыўна застаецца еўрапейскай краінай. Аб гэтым сведчыць наша культура, наша геаграфія і наша гісторыя. Пагэтаму, як уяўляецца, трэба гаварыць пра шлях Беларусі ў Еўропе, а не да Еўропы. Мы павінны верыць у еўрапейскую будучыню і штодзённа працаваць над гэтым, пачынаючы з сябе, сям’і, сяброў. Мабыць галоўнае - упарта і паслядоўна выбаўляцца недэмакратычнях рэліктаў мінулага ў сваім грамадска-палітычным і прававым жыцці.

Ну а што да краіны Беларусь, то яна мае перспектыву стаць не толькі часткай занадта агульнай і размытай еўразійскай прасторы. Ёсць і больш канкрэтная еўрапейская альтэрнатыва – з суседзямі палякамі, літоўцамі і ўкраінцамі, з якімі стагоддзямі жылі разам і ад якіх нас штучна аддзяляе сёння граніца. Расія – наш стратэгічны сусед - занадта вялікая, самадастатковая краіна з вельмі амбіцыёзнымі геапалітычнымі інтарэсамі, у якія Беларусі ня варта і нават небяспечна ўцягвацца. У гэтым сэнсе не можа не насцярожваць рыторыка рассійска-беларускага аб’яднання і тая лёгкасць, з якой часта гавораць пра магчымасць уваходу Беларусі ў склад Расіі. Можна падумаць, што дзяржаўны суверэнітэт Беларусі перашкаджае роўнапраўным і дружалюбным адносінам паміж расійскім і беларускім народамі!

Расія ніколі не стане членам ЕС і не хоча гэтага, але для Беларусі такая перспектыва не выключана, асабліва ў выпадку паспяховага развіцця супрацоўніцтва ў рамках Усходняга партнёрства ЕС. Менавіта пагэтаму Беларусь як стратэгічны партнёр Расіі можа разглядацца ёю як праваднік палітычных і эканамічных інтарэсаў на еўрапейскім напрамку.

Праграма Усходняга партнёрства ЕС уяўляецца мне на сённяшні час найлепшым інструментам для аднаўлення адносін паміж Беларуссю і ЕС. Яна прадугледжвае, паміж іншым, заключэнне пагаднення аб асацыяцыі і стварэнне новай еўрапейскай эканамічнай зоны. Партнёрства таксама прадугледжвае магчымасць працоўнай міграцыі, свабоднага пераліву капіталаў, тэхналагічны і гуманітарны абмен, супрацоўніцтва ў галінах транспарту і энергетыкі, стварэнне зоны свабоднага гандлю паслугамі і таварамі, а таксама, праз некаторы час, адмену візавога рэжыму – гэтага перажытку халоднай вайны, які да гэтага часу стварае нам фізічныя і маральныя перашкоды на шляху разумення нашай еўрапейскасці.

Важна тое, што Усходняе партнёрства, у адрозненне ад ужо дзейнай Палітыкі добрасуседства ЕС, не з’яўляецца чыста ўнутраным прадуктам ЕС, а будзе ўзгадняцца і распрацоўвацца з кожнай краінай у залежнасці ад інтарэсаў, мэтаў і задач.

Трэба верыць і спадзявацца, што тое, што для Беларусі немагчыма сёння, можа быць магчымым ужо заўтра. Трэба быць пагэтаму адпаведна падрыхтаваным, каб потым даганяць суседзяў, не марнаваць час і адразу ж эфектыўна падключыцца да інтэграцыйных працэсаў у Еўропе, ад якіх мы ўжо колькі год адлучаны па аб’ектыўных і суб’ектыўных прычынах.

Калі нам не спрыяе Еўропа сталіцаў, то можа варта паглядзець на Еўропу рэгіёнаў, якая больш набліжана да людзей і іх надзённых патрэбаў. Паездкі беларусаў у Вільню, Беласток і Варшаву павінны стаць такімі ж простымі, як і ў Маскву, Кіеў і Львоў. Шэнгенскі мур трэба разбураць перш за ўсё ў галовах брусэльскіх і іншых сталічных бюракратаў. Ну, а тым, хто глядзіць на нас з пагардай і лічыць, што мы не дараслі яшчэ да Еўропы, я скажу з паляшуцкім гонарам: калыска майго роду – вёска Здзітава на Берасцейскай зямлі – згадваецца ўжо ў 1005 годзе ва ўстаўной грамаце аб залажэнні Тураўскай епіскапіі. У той час, наколькі вядома, не было яшчэ ні Берліну, ні Варшавы, ні Вільні, ні Масквы, ні Мінску, ні

шмат яшчэ якіх сталіц і граніц. Дык хто з нас "старэйшы брат" і хто больш карэнны еўрапеец? Мы – людзі тутэйшыя, жывем тут доўга, на нацыяналізм асабліва не хварэем, ладзім з суседзямі, і было б добра, каб слова *тутэйшыя* стала для нас сінонімам слову *еўрапейскія.*

Спысылкі:

[1] Эдвард Лукас. В чем Запад ошибается насчет Беларуси, 04.05.2011, *http://www.belaruspartizan.org/bp-forte/?newsPage=0&news=84392&page=100*
[2] Т.Соловей. Беларусь и Украина: обретая новую идентичность. «Скарыніч», №10, 2011
[3] П.Шеремет. Про белорусов и баранов. "Белорусский партизан", 13.05.2011, www.belaruspartizan.org
[4] http://www.embassybel.ru/news/press-releases/NOVOGODNEE-OBRASchENIE-Prezidenta-Respubliki-Belarus-Aleksandra-Lukashenko.html
[5] Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов об итогах выборов Президента Республики Беларусь http://law.sb.by/1019/
[6] UN News Service. Ban calls on Belarus to Release Detained Journalists and Opposition Leaders http://www.un.org/apps/news/printnews.asp?nid=37237
[7] http://www.vesti.ru/doc.html?id=422833
[8] http://www.segodnya.ua/interview/14215330.html
http://afn.by/news/i/146395
[9] http://nn.by/?c=ar&i=48946
[10] Т.Соловей. Беларусь и Украина: обретая новую идентичность. «Скарыніч», №10, 2011
[11] Council Conclusions on Belarus. Counsil of the European Union, 3065th Foreign Affairs Counsil Meeting. Brussels, 31 January 2011.
[12] http://www.embassybel.ru/news/press-releases/Belorusskaya-storona-prinyala-reshenie-o-neprodlenii-mandata-ofisa-OBSE-v-Minske.html
[13] The Eastern Partnership – an ambitious new chapter in the EU's relations with its Eastern neighbours, Brussels, 3 December 2008, http://europa.eu

SCORINIANA

Иван Лобойко

О наречиях россиян

Российский народ состоит из разных славянских поколений, составлявших при основании государства (864) особые княжества

I. Великорусское наречие <…>

II. Малорусское наречие <…>

III. Белорусское наречие, именуемое также литовско-русским, сохраняется еще в Могилевской, Минской и Виленской; в последней приближается оно к черноруссскому или малорусскому, а в Смоленской, Псковской и части Тверской – к великорусскому. Все сии губернии населены были кривичами словенского племени, от коего произошли белорусы. Сие наречие с XIV до конца XVII в. было в Великом Княжестве Литовском господствующим. Им говорили князья и двор, на нем издавали законы, отправляли суд, доправляли и сочиняли книги. Оно сделалось языком письменным, который в середине сего периода употребляем был и в самом Киеве. На сем языке печатано множество книг, с коих могут составить особую литературу, но еще более осталось их ненапечатанными.

Книжный белорусский язык впоследствии столько приблизился к польскому, что ничем от него не отличался, кроме буквами, прежними грамматическими формами. Белорусское просторечие ближе к великорусскому. Образцами оного за недостатком других служат народные песни, помещенные И.Шидловским в «Tygodnik Wileński». T.VII.1819, описывающие свадебный обряд:

[цытуецца паводле сучаснага правапіса]

Ой, цёмна, цёмна на дварэ,
Ой цямней такі за дваром,
Баяры варота абляглі,
Пасыпалі золата на скам’і!
Ды ходзяць, паходзяць па дворы
Ды просяць, просяць Таццянкі,
Таццянка татулькі просіць:
Дарагі татулька, дарагі,
Баяры варота абляглі,

Пасыпалі золата на скам'і, на скам'і!
Да ходзюць, паходзюць на двары,
Да просюць, просюць Таццянкі,
Таццянка татулькі просіць:
Даражы, татулька, даражы,
Да сто чырвонцаў запрасі,
Тады мяне, маладую аддасі
Межы новых клетачак
Сцежачкі памяцёны,
Хто ж іх там памятаў –
Таццянка паметала,
Яна к сабе гасцей ждала,
Да ждала, не даждала,
Да ў татулькі пытала:
Да, татулька родненькі,
Ты ўчора на таргу быў
Ці ня відзеў Васілёчка?

(Tygodnik Wileński, 1819)

Состояние российской словестности в Литве в половине XIV до конца XVI века

Российская словесность в сих странах имеет два периода: 1-й начинается от отделения оных от России в половине XIII в. до конца XVI; 2-й от Брестского Синода или церковной унии 1596 г. до присоединения оных к России в 1772, 1793, 1795 гг. В первый период рассматриваемый язык был господствующим, письменные его памятники наиболее состоят в документах, хранящихся и поныне в частных руках, так и в Литовских архивах. Древнейшие писаны уставом на пергаменте, из коих некоторые награвированы и изданы в Варшаве и Вильне.

Все древние литовские летописи писаны по-русски. Из них Стрыйковский в 1581 г. составил Литовскую хронику, употребляя к тому 12 листов – из Киева и многих русских летописей. Доныне отыскан один только летописный список, писанный в 1390-1446 гг. (издания 1827 г. под руководством Даниловича в Вильне).

К достопамятностям сего периода присоединен также доктор медицины и свободных наук Франциск Скорина [предпринявший] перевод Библии с латинского на русский язык – по частям славянскими буквами в Праге и Вильне в 1517-25 годах; Литовский статут, обнародованный в 1525 г.; напечатан по-русски в Вильне в 1586 г., 2-е издание 1588 г. [Далее следуют выписки из артикулов Статута ВКЛ 1588, из книг П.Беринды, И.Галятовского, Мелетия Смотрицкого, Л.Карповича, С.Коссова, С.Студита и др.]

Древнее российское стихосложение

В российском стихотворстве различаются стихосложения тоническое, силлабическое и метрическое. Тоническое – в великорусских простонародных песнях. Стихи в них, будучи сочиненные под лад музыки, указывают на некоторую правильность и мерность. Силлабические стихи впервые показались в Малороссии и Волыни, в подражание польским. Первые опыты русского стихотворства находим в переведенной доктором Скориной Книге Иова, напечатанной в Праге, 1517 г.

Где учреждены были типографии для печатания церковно-славянских книг

Краков – 1490, Сербия -1492, Герцеговина, в 1493 – Цетин, Черногория, в 1512 – Угро-Валахия, в 1517 – Прага, в 1519 – Венеция, 1525 – Вильна, 1554 – Тибинген, 1561 – Несвиж (лютеранский катехизис), 1563 – Брест Литовский, 1564 – Москва, 1568 – Заблудов, 1573 – Львов, 1580 – Острог, 1588 – Вильна (Литовский статут), 1606 – Галич, 1611 – Евью, 1616 – Могилев, 1618 – Почаев, 1628 – Луцк, 1632 – Кутейно, близ Орши, 1695 – в Супрасльском монастыре…

<...> Люди, какой бы они нации не были – Греки, Сербы, Болгары и Белорусы, если они писали по-славянски, были охотно принимаемы в России.

И.Н. Лобойко. История российской словесности. 1833 [рукопись] // Институт русской литературы (Пушкинский Дом). РАН. Ф. 154. №7

Иоанн Григорович

Замечания к корнеслову русского языка Ф.Шимкевича (1842г.)

Как далеко зашло дело. Те же ученые, занимавшиеся исследованиями, не зная как следует языка, не зная его столько так, в какой степени знаний он полезен только, но действительно необходим при занятиях историей. Они приняли на себя роль лисицы, давшей по известному обстоятельству известное мнение о винограде. Шлецер, преемник иностранцев, занимавшийся у нас историей и не ведавший нашего языка.., вздумал посмеяться над тогдашними филологическими пособиями в пользу истории. И вот, следуя ученому авторитету, “наука” наполнилась такими мифами, от которых столетие не могла освободиться славянская, литовская мифология, ее литературная история, не говоря о других.

А между тем в ученом кругу думают, что можно заниматься историческими исследованиями, изысканиями какого-нибудь народа – не зная языка! К чему? Есть летописи, грамоты, хронографы и другие источники, пособия. А язык? “Источник скудный и только что необязательный!” И однако ж, откуда важнейшие, основные ложные мнения в истории, откуда бесполезные, малотолковые, затемняющие истину и, следовательно, вредные труды в науках исторических, как не от незнания отличительнейшего признака каждого народа – языка народного. Происхождение народа, религии, языка народа, отношение его к другим народам… Разве не эти недостатки ученых сведений в языке наполняются ложью, извращенными мнениями, к которым так привыкают, что на изгнание которых необходимы столетия и необыкновенные народные усилия.

Давно ли еще наш славный историограф говорил: “Никто не объяснит нам, для чего древние славяне называли миротворителя Богом, греки Geós, а немцы Gott и проч.?”.

По Кутеинскому лексикону [П.Берынды] 1653, с.245 Бог имеет смысл богатого, обогащающего. Немного не так. Он сам богатство – высочайшее благо, summum bonum.

Задача этимологии или корнесловия именно в том и состоит, чтобы, как справедливо говорит Шимкевич, по нитям разобрать язык, отыскать первоначальную его основу. Но, к сожалению, в

отношении к русскому языку эта, справедливая задача, можно сказать, не тронута ни самим Шимкевичем, ни кем-либо. А для чего нужно отыскивать первоначальнце основы языка? Объясним ли мы филологически слова, например, Бог, царь, закон, грех, ум, язык, человек? Нисколько ни мало!

Может быть мы знаем, например, четыре времена года, … четыре части света, четыре стихии мира? Так не знаем ли мы того, что ближе к нам? Мы, русские, знаем ли мы, по крайней мере, - чтó мы такое, что значит Русский, что такое Русь? – Нет и нет! Кажется, нет.

20 марта 1846 г. Мстиславль.

<…> *Господин.* В молд[авском] господарю; лит[овский] gospodarus; белор. осподарь, сподар. Спадар ты мой. 3 ч. ночи с 20 по 21 янв.1846.

А староста на холопа, на рабы без осподаря твоим судием не судити… Холопа выдати осподару… Господину осподару моему В.К. Витовту etc.

Бог. 5 мая 1847 г. Никто же благ, токмо един Бог. Матер. XIX.17. Для объеснения слова Бог необходимо сделать следующее соображение. От слова Бог происходит, или одной с ним семьи слово *богатство.* Присутствие блага, добра <…>. И таковым в знаменательном и в лексическом отношении богат… Стало быть, и слово Бог есть *благ* – существо полное всякого добра, исполненное благ [ссылки на лексические примеры из различных языков – славянских, латинского, санскрита и т.д.]. Ср. белорусское Боган – какой-то добрый дух. Под этим именем он известен в Минской губ., в Пинском, Мозырском и Слуцком уездах и частью в Черниговской губ. Прибавлено к ЖМНП 1846, кн.1.

<…> *Яловый. Яловая* – прилагат., бесплодная, напр., корова, нестельная.

Зубы твои яко стада овец постриженых еже выступили из … Вси имеющие по двою ягнеток и яловое несть посреди их. – Песнь песней. IV.2. Перевод Скорины. В заглавии его Бiблiа[Біблиа] Руска, он называется доктором в лекарских науках, Франциском, сыном Скорининым из славного града Полоцка. – Повелением и пилностью ученого мужа в лекарских науках доктора Франциска Скорины с Полоцка…<…> Нароженный в русском языку… Наперед Богу ко чти [подчеркнуто И.Г.].

Заметки священника И.И.Григоровича. Рукопись // Федор Шимкевич. Корнеслов русского языка со всеми славянскими наречиями и двадцатью четырьмя иностранными. Ч.I. СПб., 1842; Ч.II. 1842. *Центральная библиотека РАН, Спб. 17.16.15.*

Павел Шпилевский

[О белорусских древностях]

Как ни страдала Белоруссия от поляков и евреев, но она сохранила свою литературу; только белорусцы не хотят выдавать ее в свет, сознавая, может быть, странность своего наречия. Стоит только заглянуть в частные библиотеки ученых, белорусских обывателей и тогда ясно можно увидеть, что литература белорусская (писанная) очень богата. В сказаниях современников о страшилищах, змеях, колдунах и ведьмах, грамотах князей Полоцких, Туровских, в переписке магнатов польских, интриговавших во время Унии, в заметках белорусских старожилов до сих пор хранятся невредимо в белорусских архивах как редкости, как памятники древности Южной [*?- сост.*] России. Следовательно, путешественнику остается только уметь заслужить ласку у белорусских помещиков, и он вполне успеет в своем путешествии. Помещики с патриотическим самолюбием позволяют путешественнику списывать с подлинников все, что ему угодно и нужно будет. Да, в прочем, если б и не было письменных памятников у белорусцев, устные рассказы живых людей не могут быть удовлетворительны для историка, тем более, что в Белоруссии твердо и незаметно сохраняется в памяти все то, что трудолюбивыми грамотеями передано на бумагу. Различие только в том, что здесь более затруднений для изыскателя; здесь нужно непременно наготове знать наречие белорусское, - иначе не за всяким же разговором справляться с словарем.

Но не только интересы путешественника руководили мною при создании Словаря[1]

Необходимо все богатство фольклорных сказаний, поверий передать в переводе на русский «самими белорусцами».

<…> Я много обязан обывателю Г.Адамовичу, который открыл мне свою библиотеку – хранительницу многих сокровищ славянской древности. Там я нашел подтверждение той мифологии, которую я собирал [между] белорусами устно.

Центральная библиотека РАН. 1.3.49. Л.7. Рукопись.

---

[1] Шпилевский П. Словарь белорусского наречия. 1845. Рукопись.

Иван Носович

Алфавитный указатель старинных белорусских слов…[1]

Преуведомление к “Алфавитному указателю…”
Акты, относящиеся к истории Западной России, изданные окончательно в 1853 г., заключают в себе много таких фактов, которые объясняют и оправдывают исторические истины нашего Отечества и обнаруживают клевету западных историков при описании политических отношений России с Польшей. Факты эти описаны современниками самих событий, следовательно, в верности их нет никакого сомнения. Но по старинному своему слогу, по старинным изветшавшим словам и выражениям *древнего Белорусского языка* [курсив наш – *сост.*], чтения или разбирание Актов этих в настоящее время не очень доступно.

<…> Посвятив дни и ночи моей свободной от всяких должностных занятий жизни, я близ трех с половиной лет употребил на исполнение возложенного на меня труда, дорожа каждою минутою, из-за опасения, чтобы на преклонности моих лет начатое мною не осталось не оконченным. Это опасение мое заставило меня вести жизнь уединенную, труженическую, в борьбе с невыразимыми трудностями. Это труженичество в пользу филологии по всей справедливости должно ходатайствовать для меня благосклонное снисхождение в недостатках, которые без сомнения могут открыться при рассмотрении труда моего.

В составлении словаря руководствовался лексикографическим порядком при каждом слове: 1) общее грамматическое, в сокращенном виде, определение его; 2) при необходимости – происхождение его или из другого языка; 3) значение слова в русском языке; 4) атрибуция слова (ссылка на источник, архивы). Это последнее указание сделано на основе руководства, изложенного в мнении г. Академика И.И.Срезневского, сообщенного мне от 14 июля 1854 г. за № 122 [2]

При сем долгом поставляю объяснение, что 1) не считал нужным увеличивать составленный мною Указатель словами древнерусскими, - ибо таковые уже помещены в особенных словарях, - а также и славянскими [книжно-церковнославянскими]. 2) в алфавитном указателе, напротив, мною показаны такие слова, которые по видимой сущности своей суть Русские, как то: Азбука,

Безвестно, Безумец, Блуд, Брак, Белый, Важность, Вечерний и мн. др. Все эти слова в древнем Белорусском наречии имели совсем иные значения.

Наконец, в числе старинных слов много находится таких, которые и ныне живут в белорусском говоре.

Надворный советник Иван Носович.

[Примеры из «Указателя»]:

Бакаляр – баколавр
Бачный – внимательный
Блюзнерца – богохульник
Господар – государь, великий князь, монарх.
Стало ся под державою господаря Руское земли (1351).
Было у господаря его милости въ Вилне (1495).
Господарство – то же, что и государство, княжение.
Неприятель наш люди свои моцно послал въ наше господарство (1493).
Громада – 1) церковное общество, прихожане.
Епископы нашей громады (1565).
2) толпа, народ.
Отдають их по одному или громадами (1595).
Гостинец – 1) подарок
2) большая дорога и особая купеческая.
В слушном селе звлашча при гостинцу мает бытии корчма (1557).
Друкарня – типография. Купили друкарню письма словенского и греческого (1586).
Друкъ – печать, тиснение. Порядок, артикулы письма в друку будучые (1596).
Каморник – землемер. Два каморника старостины и подкаморника (1420-1423).
Ласка – милость, благорасположение. За ласкою и справованем Духа Светого (1347).
До воли и ласки господарской (1687)
Лютовати – то же, что литовати: миловати, переносное – щадить.
Не лютуючи горла своего (1505; 1522).
Москаль – подданный Московского государства. Принять за Москалем (1610).

Москва – 1) Московский подданный 2) собирательное – Московский народ.

О клячы для розданья Москве (1580)

Отчизна – 1) Отечество 2) наследие. Съ князством Литовским отчизною нашою (1507)

Ручай – ручей. Зъ Двины ручаемъ глубоким (1585).

Светлица – белая чистая светлая комната. Гостиная.

Сидети ему казали на замку в Скарбовой светлици (1597)

Центральная библиотека РАН. Спб. 34.2.11.

---

1. И.И.Носович. Алфавитный указатель старинных белорусских слов, извлеченных из Актов, относящихся к истории Западной России, изданный в 1853 году. Рукопись.

2. Отзыв на "Указатель" И.И.Срезневский заключил следующими словами: "При напечатании труда г.Носовича мне кажется, следует дать ему другое название, вроде "Объяснительные слова старого делового языка Западной Руси по Актам, относящимся к истории Западной Руси". (Библиотека РАН. 34.2.11.1.3). Труд И.Носовича напечатан не был. – *Сост*.

Ян Станкевіч

Ці езьдзіў дохтар Пранціш Скарына да Масквы?*

У даўгім арт. "Доктар Скарына ў Маскве" (Запісы, кн. 2, бб. 9-36, у Мюнхене 1963) Сымон Брага сілуецца давесьці, што дохтар Пранціш Скарына езьдзіў да Масквы, каб прадаваць там свае кнігі і на'т закласьці друкарства.

Будучы сынам купцовым, Скарына адылі купцом ня быў, няма ніякіх пазнак, каб хоць троху ён прабаваў таргаваць. Як довад такое спробы, Брага прыводзе перасленьне Скарынам лёнданскага сукна свайму брату Йвану-купцу. Гэта адылі магло быць толькі братняю паслугаю, а ня торг ізь ім.

А што ды быццам зычаньня закласьці друкарства ў Маскве, дык ані нійдзе ў Скарыны не знаходзім ніякіх пазнак такое рупнасьці ўзглядаў Маскоўцаў.

На бачынах 13-15 свайго менаванага артыкулу Брага прывёў гэтулькі важных довадаў супраць падарожжа Скарынінага да Масквы, што ніжэй у гэтым жа артыкуле аргумэнты ягоныя за гэтае падарожжа не выдзержуюць крытыкі. Там жа Брага прыводзе прыклады праз долю прыяжджомых да Масквы чужаземных лекараў. Аднаго зарэзалі за тое, што ня вылячыў татарскага князя, другому сьцялі галаву затым што ня вылячыў князевіча. Брага сьцьвярджае, што "пра незавідную долю лекараў (у Маскве) Скарына мог чуць" (б.13). Але, незважаючы на гэта, Брага цьвердзе, што "маглі ў доктара Скарыны паўстаць зацікаўленьні Масквою й месцам практычнага прытарнаваньня свае мэдычнае прафэсіі" (б.12).

Тут дзьве рэчы дзівосныя. Адна, што Скарына ня мог лячыць-прахтыкаваць у сваім гаспадарстве, а другая, што ён на'т за такіх акалічнасьцяў хацеў быць лекарам у Маскве. Хто б тады мог зычыць сабе гэтага? Асьцярожна кажучы, такія цьверджанньні Бражыны даводзіцца найменей назваць недзвычайна несамавітымі. Такіх здарэнняў ня было за ўсе існаваньне нашага гаспадарства Вялікага Княства Літоўскага. Наадварот, як Масква захапіла нашы землі, дык адных толькі баяр-шляхты, уцеклых да нас із

* Друкуецца паводле першапублікацыі

Смаленшчыны, было столькі, што яны ў палітычным жыцьцю тварылі соймік вайводзтва Смаленскага і соймік павету Старадубскага (Севершчыны), раўнапраўныя зь іншымі соймікамі. Гэтак было аж да канца існаваньня незалежнага гаспадарства нашага, да 1795 г.

Якіх толькі аргумэнтаў Брага ня шукаў, каб давесьці, што Скарына езьдзіў да Масквы! Але тое, што Масква была захапіўшы каля палавіцы этнографнае зямлі вяліка-літоўскае, каторай доляю Скарыня ня мог ня цікавіцца, Брага чыста зыгнараваў. Дый дзеля гэтага Скарына ня мог ехаць да гаспадарства Маскоўскага, бо ён быў ведамаю зыркаю асабістасьцю, каб магчы не зьвярнуць адразу на сябе ўвагі маскоўскага ўраду і ня быць арыштаваным. Дачыненьні зь Вялікаліцьвінамі гаспадарства Маскоўскага найзручней было весьці пры помачы купцоў вялікалітоўскіх, што езьдзілі туды, як і пры помачы Вялікалітвіноў-купцоў, што з гаспадарства Маскоўскага прыяжджалі да Задзіночанага Гаспадарства Вялікаітоўскага, - Літвы.

Як аргумэнт, што падарожжа да Масквы было бяспечным Скарыне, Брага прывёў гандлёвую змову Літвы з Масквою, паводле якое купцы зь Вялікалітвы маглі прыяжджаць да Масквы, як і Маскоўскія да Вялікалітвы. Але Скарына купцоў ня быў.

З усіх аргумэнтаў Бражыных за падарожжа дохтара Скарыны да Масквы толькі адзін мае некаторую вагу. Ё ім навука (інструкца) 1553 г. Гаспадара вялікалітоўскага (ён жа быў каралём польскім) Зыгмона Аўгуста Альбэрту Крычку, свайму паслу пры папежу. У навуцы прыведзены довады, чаму папеж ня мае прызнаць каралеўскага тытулу вялікаму князю маскоўскаму. Галоўны зь іх дзеля нас ё гэты:

> “…як во за дзяржавы Нябожчыка айца нашага адзін падданік ягоны, кіруючыся набожным жаданьням, пастараўся Сьвятое Пісьмо рускаю моваю выдрукаваць а выдаць, і падаўся да Масквы, кнігі ягоныя з расказаньня князя прынародня былі там спалены, затым што належыў ён да Рымскае царквы і што (кнігі) былі выдадзеныя ў месцах, што пад ейнаю зьверхнасьцю”.

Сьвятым Пісьмом маглі быць толькі біблійныя кнігі Скарыніны. Але ці гэта мае вызначыць, што Скарына сам павёз іх

да Масквы? Мог іх павесьці купец. Калі б Скарына іх павёз, дык ён быў бы менаваны ў навуццы Зыгмона Аўгуста, тым больш, што на пачатку 1553 г., калі пісана навука, сусім жывая памяць праз дохтара Скарыну. Што да гэтага, дык не бяз значаньня ё й тое, што Зыгмон Аўгуст быў у прыязьнстве із сваім сьцём Фэрдынандам I, каралём чэскім, у каторага наўчоным садаўнічым а батанікам быў Скарына да свае сьмерці (1540г. або пасьлей, але перад 1554г.). Як добра думае Брага, і копію свае навукі Зыгмон Аўгуст быў пераслаўшы Фэрдынанду I, якую й знашлі ў венскім гаспадарствамым архіве. Калі б дохтар Пранціс Скарына быў завёзшы свае кнігі да Масквы, дык, спаліўшы іх, як “ґэратычныя”, не маглі б не замець за гарэтыка й самога перакладніка і як такога па сваему пакаралі б, тым больш, што ён быў з варожае Літвы. Быў бы, значыцца, зьдзек із Скарыны і небяспечнасьць жыцьцю, і пагатове гэтага ня мог бы не адцеміць у сваёй навуццы Зыгмон Аўгуст. Гэты, відаць, затым не менаваў імя чалавека, што завёз Біблі да Масквы, што яно ня мела значаньня, бо мог завесьці кнігі на’т ня сам купец, але слуга ягоны. Апрача таго, купец, што быў паслаўшы кнігі, найпраўдападабней быў праваслаўны, бо таго часу каталікоў у Вялікаліцьве было мала, а прымеж тога З.Аўгусту хадзіла праз тое, каб паказаць, што дыкжэ да каталікоў нягодна ставяцца князі маскоўскія. Зыгмон Аўгуст агульна напісаў праз спаленьне кніг, бо ўдакладненьне, якое было магчыма, не памацніла б навукі. З усёга ясна, што дохтар Пранціш Скарына ў Маскве ня быў.

Праз тое, як абышоўся С.Брага зь іменем дохтара Скарыны, глянь у варт. “Да імені Дохтара Скарыны” ў №1-шым “Веды” 1973г.

Не малою таксама заганаю, добрае ў бальшыні манографы С.Брагі праз жыццё й дзейнасць вялікага Скарыны, ё тое, што ён абмінуў мастацкую творчасць Скарыніну – гравюры ягоныя (каля 6-цёх). Іх разгледзіў Г.Піхура ў варт. The Engravings of Francis Skaryna in Biblija Ruska (1517-1519) (The Journal of Byelorussian Studies, vol.1 №3, pp.146-167, London 1967) і часткова ў “Божым Шляхам” (выдаецца ў Лёндоне). У №2 іх сакавіка-красавіка а №5 зь верасня-кайстрычніка 1965, і ў №2 із сакавіка-красавіка а №3 з траўня-чырвіня 1967 г. Піхура высака ацанаваў гравюры Скарыны.

ВЕДА-VIEDA, T.5.№2. New York.1973

Пра Францішка Скарыну – у Празе*

Значэнне прадстаўленае выдавецтву "Навука і тэхніка" працы трэба разглядаць у кантэксце ВЯРТАННЯ забытай або недаацэненай спадчыны, усяго духоўна-адраджэнчага працэсу ў сучаснай Беларусі, чые страты ад занядбання нацыянальнай навукі, культуры вельмі адчувальныя. Тым больш, што ў грамадскі спажытак вяртаецца па сутнасці невядомае чытачу дасьледванне аб Францішку Скарыне, а ў пэўнай ступені – скрозь яшчэ малазнаная постаць самога дасьледчыка Ігната Дварчаніна, фігуры ў нашай гісторыі даволі прыкметнай.

Магчыма, спецыяліста з вышыні сучаснага набытку ў скарыназнаўстве, метадалагічна-даследчага вопыту "доктарскія" штудзіі Дварчаніна мала ўзрушаць навізной, паколькі пабудаваныя галоўным чынам на другасных крыніцах і ўжо вядомых у навуцы публікацыях (асабліва манаграфіі П.Уладзімірава). Тым не менш, сказанае не засланяе арыгінальнасці і ў пэўным сэнсе наватарства згаданай дысертацыі. Гэта праявілася і ў пастаноўцы праблемы пра Скарыну як нацыянальнага дзеяча, і ў структурнай абудове, і ў шэрагу аўтарскіх меркаванняў і вывадаў (напр., пытанні аб канфесійнасці, патрыятычным гуманізме Скарыны, гіпотэзе пра яго мажлівыя сувязі з выдавецкім асяроддзем Венецыі, параўнанне графічна-выяўленчых рысаў Скарынавых і тагачасных чэскіх першадрукароў і г.д.). Варты ўвазе, урэшце, і такі момант: перад намі фактычна першая спроба свядомага беларуса на шырокай гісторыка-культурнай прасторы асэнсаваць і ацаніць дзейнасць вялікага продка, ягонае месца ў гісторыі беларускай і агульнаславянскай культуры. Спроба, да таго ж, здзейсненая ў чэскім навуковым асяроддзі, рэальна ўзбагаціўшы скарынаўскую традыцыю чэска-беларускага творчага пабратымства.

Т.Кароткая нямала папрацавала над навуковай дакладнасцю, стылістычнай успрыймальнасцю перакладаемага тэкста, напісанага, трэба памятаць, беларусам далёка небездакорным у валоданні чэскай мовай (хаця пагрэшнасці перакладу яшчэ дзе-нідзе заўважаюцца, і яны пазначаны на палях).

Асаблівай жа ўвагі патрабуюць некаторыя сцверджанні Дварчаніна – часам занадта катэгарычныя, або не саўсім дакладныя і, здаецца, нават памылковыя.

Менавіта:

- Скарына не меў пасрэднікаў у перакладзе з царкоўнаславянскага на беларускую мову (с.49). Папярэднікі такія, як вядома, былі;

- Раней за Первольфа на залежнасць скарынаўскага перакладу ад чэскай Біблії 1506 г. звярнуў увагу Я.Галавацкі (с.4);

- Спасылка на памылковую інфармацыю ў "Савецкай Беларусі" ад 23.11.1924 г. пра знаходку ў Віцебскай вобласці нібыта Скарынавага перакладу "Вучыцельнага Евангелія" (с.4, с.27);

- Двуіменнасць першадрукара (Францішак-Георгій – с.16, с.36);

- Штучнае процістаўленне віленскіх выданняў Скарыны – пражскім паводле крытэрыяў пакупніцкага попыту – (с.33);

- "Апакаліпсіса", "Евангелія вучыцельнага" Скарына не друкаваў (с.101);

- Стасавальна да "гусіцтва" Скарыны (с.55) вельмі дарэчы была б спасылка на меркаванне А.В.Фляроўскага, які доказна адвёў меркаванні пра непасрэднасць гэтага ўплыву (гл. яго артыкул у зборніку "450 год беларускага кнігадрукавання", 1968 г.);
- Алагічная думка пра несумяшчальнасць у скарынавым патрыятызме любові да Радзімы і любові да народа (с.66), тады як ў аўтара "Бівліі рускай" патрыятычная трыяда "Радзіма-Народ-Мова" – і вызначаецца менавіта цэласнасцю, нутранай знітаванасцю;

- Яўна кампліментарны жэст аўтара дысертацыі ў бок чэскай культуры як першаасновы ў Скарынавай творчасці (с.151, с.136);

Кідаецца ў вочы супярэчлівасць паміж тэмай даследвання – акцэнтацыяй нацыянальных вытокаў (глебы) у феномене Скарыны і выразнай, дэманстрацыйнай нават абсалютызацыяй уплыву на яго заходне-еўрапейскага гуманізму (с.61, с.95-96, с. 123 і інш). А між тым Скарынаў творчы подзвіг, гуманістычны светагляд акурат і прываблівае дзіўным спалучэннем, сінтэзам нават, уласнабеларускай ("рускай") культурна-рэлігійнай традыцыі і рэнесанснай думкі Захаду.

- Тое ж самае – адносна “атэістычных” нацяжак у дысертацыі, калі наш першадрукар, гэты своеасаблівы філосаф-біблеіст прадстаўлены чалавекам мала не абыякавым да рэлігіі, да канфесійных абставін свае Радзімы (с.49, с.87, с.113), якой, атрымоўваецца, ён нібыта выпадкова ахвяраваў галоўную працу свайго жыцця – пераклад, каментарый, друкаванне Бібліі на мове, зразумелай народу, а таксама богаслужэбныя кнігі.

Відаць усе гэтыя недакладнасці, памылкі і “катэгарызмы” варта агаварыць адпаведнымі заўвагамі ў падрадкоўніку ці ў спецыяльным уступным слове.

Прапанаваў бы замяніць некаторыя русізмы беларускімі словамі: саветнік – на радцу, памершага – памерлага, супрацьстаянне – процівага, прапусціць – прамінуць, указанняў – меркаванняў, узнік – паўстаў, сыгралі – адыгралі…

Астатнія, менш істотныя заўвагі пакінуты ў тэксце рукапісу разам з нязначнай стылістычнай праўкай.

Не лішнім будзе, на заканчэнне, прыгадаць імёны людзей-добразычліўцаў на шляху вяртання працы Ігната Дварчаніна на Радзіму: польскіх гісторыкаў доктара Аляксандры Бергман і прафесара Браніслава Сыздэка. Іхнімі намаганнямі мікрафільм дысертацыі, атрыманы з Прагі ў Варшаву (архіў Інстытута гісторыі ПОРП) быў “прадубляваны” у 1983 г. для Масквы (на просьбу аўтара гэтых радкоў), адкуль і “перавандраваў” у Мінск. Шлях, як бачым, трохі дзіўнаваты, ды ўрэшце – рэзультатыўны.

І спадарыні Тамары Кароткай за гэты вынік, як і выдавецтву імя Францішка Скарыны, беларускі чытач і не толькі беларускі пэўна выкажа глыбокі дзякуй.

Май 1990 г.

Аляксей Каўка

---

*/ Водгук на рукапіс Ігната Дварчаніна “Францішак Скарына як дзеяч і гуманіст на беларускай глебе”. Пераклад з чэскай мовы Тамары Кароткай. – БДАМЛіМ.Ф.340.

Юрий Лабынцев, Лариса Щавинская

Книги Франциска Скорины в контексте мирового кирилловского книгоиздания

Старейший российский книговед Е.Л. Немировский приступил к осуществлению перспективного научного проекта, одного из самых масштабных в славяноведении из ныне существующих[1]. Профессор Немировский, занимающийся уже полстолетия изучением книжности кирилловского (церковнославянского) шрифта, предполагает создать своеобразный сводный каталог таких изданий начиная с 1491 по 2000 гг. По мнению ученого такой каталог ориентировочно составит восемь томов, в которых помимо описаний конкретных изданий, в том числе и различного листового материала, будут указаны все их «известные автору сохранившиеся экземпляры» (С. 4).

Вышедший из печати объемный первый том каталога, посвященный изданиям 1491-1550 гг., состоит из обширной историко-библиологической части, вводящей в проблематику изучения и развития кирилловского книгопечатания конца XV – первой половины XVI вв., «Инвентаря сохранившихся экземпляров» подобных изданий и указателя литературы о них. Этот великолепно изданный том, украшенный множеством различных, в том числе цветных, иллюстраций, снабжен целым набором всевозможных указателей, а также списками сокращений литературных источников и сокращенных обозначений книгохранилищ и перечнем изданий «в большинстве своем, скорее всего, не существовавших, известных лишь по литературным источникам».

Из восьмидесяти описанных в «Инвентаре сохранившихся экземпляров» более половины это издания гения белорусского народа, уроженца «славного града Полоцька» – доктора Франциска Скорины. Таким образом, настоящий том каталога многоаспектно представляет издательскую деятельность белорусского просветителя в контексте мировой издательской культуры кирилловского шрифта и наглядно показывает поистине феноменальную роль Франциска Скорины не только в белорусской истории, но и многих народов Европы в целом.

Помимо описания всех без исключения сохранившихся изданий Скорины в выпущенный том включены краткие очерки истории его типографской деятельности в Праге (с. 90-97) и Вильне (С. 122-136). При этом пражская типография, по мнению Е.Л. Немировского, могла быть как основанной Скориной, так и арендованной им, а вот виленская типография организована, конечно же, самим доктором Франциском Скориной. В 1517-1519 гг. в Праге он выпустил 20 изданий. Впрочем, книги Пятикнижия Скорина мог печатать и в 1520 г., а общий суммарный объем его пражских изданий равен 1200 листам, на которых белорусский первопечатник употребил «2 376 000 печатных знаков» (С. 93). Он, видимо, перевел «всю Библию, или, по крайне мере, весь Ветхий Завет», ибо нам известны соответствующие рукописные копии его переводов (С. 94). В начале 1520-х гг. Франциск Скорина уже в Вильне, где он выпускает в свет 22 новых своих издания, в том числе знаменитую «Малую подорожную книжку», объединившую 21 из них. Общий объем его виленских изданий 780 листов. Определенное число этих виленских изданий, равно как и пражских книг Скорины, уже в XVI в. попало в Московское государство, в том числе и в Москву, где сейчас сберегается наибольшее количество экземпляров «друку Скорининого». А вот пребывание в Москве самого доктора Франциска кажется Е.Л. Немировскому сомнительным: «Полностью исключить поездку Скорины в Москву невозможно, но мы все же считаем такое путешествие маловероятным» (С. 134).

Описание скорининских изданий в представляемом томе состоит из краткой его книговедческой характеристики с указанием листовой формулы и иллюстративного материала, достаточно подробного библиографического перечня основных литературных источников, в которых данное издание рассматривалось, и ссылок на книгохранилища, где теперь находятся его экземпляры, с перечислением каждого из них и указанием шифра. Ценным дополнением ко всем описаниям служат фототипически воспроизведенные, правда, не в адекватных размерах, страницы тех или иных скорининских книг. Страниц таких при каждом из описаний приводится около 10 или менее. Дополнением к этому служат воспроизведения орнаментики скорининских изданий, прежде всего богатейший набор буквиц. На фоне искусства книжной графики других европейских типографий,

архитектоническое и иллюстративное пространство книг Скорины выглядит оригинальным и, несомненно, может быть отнесено к шедеврам мирового уровня. Любопытна «Статистическая таблица. Количество изданий, выпущенных в отдельные годы», приводимая Е.Л. Немировским на с. 570. Суммарно здесь лидируют Чехия (20 изданий) и Литва (22 издания), но, как мы все уже понимаем, это результаты типографской деятельности одного человека – Франциска Скорины, европейского и мирового лидера кирилловского книгопечатания инкунабульного и постинкунабульного периодов.

[1] Немировский Е.Л. Славянские издания кирилловского (церковнославянского) шрифта: 1491 – 2000. Инвентарь сохранившихся экземпляров и указатель литературы. Т. 1. 1491-1550. М.: Знак, 2009. – 588 с.: ил. ISBN 978 5 9551 0295 5

Генадзь Праневіч

Францыск Скарына і ўсходнеславянскі свет: алгарытмы культурнага ўзаемадзеяння

У артыкуле "Аб рускай інтэлігенцыі і нацыянальных пытаннях", апублікаваным у 1912 г. у часопісе "Украінскае жыццё", М. Горкі пісаў аб нацыянальных геніях, якімі сталі для сваіх народаў у XIX стагоддзі Шаўчэнка, Пушкін, Міцкевіч, параўноўваючы іх з туга скручанай хартыяй, спісанай ураж аннямі гістарычнага быцця іх племя, продкаў, кажучы аб іх як аб людзях, "якія ўвасабляюць дух народа з найбольшай красой, сілай і паўнатою" [1, с. 14-15].

Да ліку такіх глыбінных геніяў несумненна належыць і беларус Францыск Скарына, чый выдатны асветніцкі подзвіг першадрукара і выдаўца "Бивлии руской", спадчына філосафа і мысліцеля належаць да эпахальных падзей у жыцці ўсходнеславянскіх народаў, а іх прарочы сэнс і значэнне для лёсаў беларускага народа і ўсяго ўсходнеславянскага свету па-сапраўднаму адкрываюцца толькі сёння, у эпоху тэктанічных разломаў і зрухаў, пошукаў новых мадэляў уладкавання грамадскага і нацыянальнага жыцця.

Дынамічны, супярэчліва-зменлівы, канфліктны і ў той жа час духоўна ўзаемазвязаны і цэласны ў сваіх розных частках усходнеславянскі свет у сваім гістарычным развіцці паслядоўна перажыў цэлы шэраг крызісаў і новых пасіянарных штуршкоў і ўздымаў. Спачатку гэта была вялікая эпоха Кіеўскай Русі, дзе сфармаваліся асноўныя ментальныя рысы і асновы ўсходнеславянскай культуры, яе найдаўнейшы гістарычны архетып. Затым гэты духоўны цэнтр і інтэлектуальная ініцыятыва перайшлі да Вялікага княства Літоўскага, у якім пануючае становішча ўсцяж да канца XVI стагоддзя займалі ліцвіны-беларусы, якія заклалі духоўна-культурныя і грамадска-палітычныя асновы новай дзяржавы, стаўшы прамымі спадкаемцамі старажытнарускіх традыцый, уступіўшы амаль у шасцісотгадовы дыялог-палеміку з культурай еўрапейскага Захаду. У эпоху Пятра Вялікага і Кацярыны Другой эстафета інтэлектуальна-духоўнага лідэрства трывала перайшла да Расіі.

У зменлівых культурна-гістарычных і геапалітычных умовах духоўны вопыт, набыты кожным з народаў, станавіўся неацэнным здабыткам і падставай для культурнага дыялогу і духоўнага развіцця ўсіх усходніх славян. Гэты тэзіс яскрава ілюструе "Слова аб палку Ігаравым": створанае ў паўднёва-заходняй частцы Русі, недзе ў прасторы паміж Кіевам, Чарнігавым і Туравым, яно адгукнулася прыпіскай да пскоўскага "Апостала", у "Задоншчыне", у лацінамоўнай "Песні пра зубра" М.Гусоўскага, стагоддзем пазней – у польскамоўным "Трэнасе" М.Сматрыцкага, каб у спісе XVI стагоддзя, пісаным, паводле сведчанняў С.Селіваноўскага і А.Ф.Маліноўскага, беларускім пісьмом [2, с. 194; 3, с. 14], па-вяшчунску адкрыцца ў XVIII ст. усяму славянскаму свету ў Расіі.

Гэткая ж інтэгратыўная культурная парадыгма ляжыць і ў аснове духоўнай спадчыны беларускага першадрукара і мысліцеля Ф.Скарыны, выдатную ролю і універсальны ўплыў якой на ўсходнеславянскі свет, у тым ліку, і на культуру Расіі 16-18 стст., выразна ўсведамлялі многія вучоныя XIX-XX стст.

Сярод іх варта адзначыць П.У.Уладзімірава, аўтара першай фундаментальнай працы "Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания, язык" (1888 г.). Важныя назіранні аб уплыве Ф.Скарыны на развіццё асветы і друкарскай справы ў Расіі належаць таксама выдатнаму рускаму даследчыку-скарыназнаўцу, аўтару бліскучых прац, прысвечаных гісторыі Чэшскай Бібліі і эпосе Пятра Вялікага, прафесару Карлавага універсітэта ў Празе Антону Васілевічу Флароўскаму. У лісце да беларускага вучонага Вітаўта Тумаша ён пісаў: "Да, Вы правы – от Скорины идут какие-то нити к Петру Великому, и к Копиевскому (варыянт прозвішча ўраджэнца Беларусі, спадзвіжніка Пятра I Іллі Капіевіча – Г.П.) в Амстердаме. Я не имел возможности видеть в натуре его издания, но нет ли какого либо сходства его шрифтов со шрифтами пражской типографии Скорины? И куда делся весь этот свинцовый материал Скорины? Не попал ли он в конце как и в руки Тессинга и Копиевского? А от последних – в руки Карла XII ведь кое-что попало! <…> Так вот – и, сидя в тихом парке Францишковых Лазней, я не забываю ни о Скорине, ни о Петре I!» [4, с. 41]. Асоба Францыска Скарыны – гэтай буйнейшай постаці беларускай і ўсёй усходнеславянскай культуры XVI стагоддзя – з незвычайнай сілай прыцягвала і хвалявала яго да апошніх дзён жыцця, мроілася яму ў завулках старадаўняй Прагі: "Увы – мне иногда снится, что я

нашел место, где была типография Скорины, – теперь в "Старом Месте" Пражском ведутся большие реставрационные работы, и можно очень бы допустить, что вдруг наткнутся на какой-нибудь подвал, где действительно была типография Скорины! Однако это все мечты, мечты!" [4, с. 59-60].

Гэтыя выказванні сведчаць аб тым, што вучоны глыбока разумеў духоўна-культурную ўзаемасувязь і ўзаемазалежнасць усходнеславянскага свету і ролю ў ім Ф.Скарыны. Яно і не дзівіць, бо сваю «Бивлию руску», выдадзеную ў 1517-1519 гг. у Празе на старабеларускай мове, як і пазнейшыя па часе віленскія выданні "Малой падарожнай кніжкі" (1522 г.) і "Апостала" (1525 г.), Ф.Скарына адрасаваў не толькі беларусам-ліцвінам ("братии моей руси"), але ўвогуле "людем посполитым рускаго языка", усёй усходнеславянскай супольнасці, аб'яднанай духам старажытнарускай культуры і традыцыямі кірылічнага пісьменства.

Беларускі гісторык В.Ластоўскі ("Крывіч", №1, 1923 г.), а затым і польскі даследчык Генрых Пашкевіч у сваіх выданых на Захадзе англамоўных працах «The Origin of Russia» (1954) і «The Origin of Russia Nation» (1963) дастаткова пераканаўча растлумачылі паходжанне і характар гістарычных мадыфікацый, звязаных з паняццямі "Русь", "руский", як і феномен іх распаўсюджвання на землях усходніх славян і залежных ад іх неславянскіх этнасаў ужо пасля распаду Кіеўскай Русі, паставіўшы іх у непасрэдную сувязь з пашырэннем праваслаўнай веры, "паколькі хрысціянства на славянскім усходзе прынялося спачатку ў Кіеве Русаў і Кіеў стаў цэнтрам новае веры, сядзібай праваслаўнай мітраполіі" [6, с. 50].

Праўда, у эпоху Рэнесансу, калі зараджалася нацыянальная самасвядомасць беларусаў, гэтыя паняцці набылі ў Ф.Скарыны яшчэ і яскрава акрэсленае нацыянальнае гучанне, адлюстраваўшы рост пачуцця гістарычнай самасвядомасці беларусаў, адчуванне імі сваіх гістарычных каранёў, паколькі культура беларускіх земляў, аб'яднаных у новай дзяржаве, да пабудовы якой яны мелі самае непасрэднае дачыненне, развівалася, як і раней, на старым славяна-рускім корані, "ствараючы такім парадкам культуру, незалежную ад культуры велікарускай і з самага пачатку адражняўшуюся ад яе." [7, с. 201].

Гэта азначае, што "рускі" патрыятызм Скарыны меў сваё самабытнае канкрэтна-гістарычнае напаўненне: будучы адрозным

ад суседзяў-русічаў, ён у той самы час разыходзіўся і з новай ліцвіна-рымскай дзяржаўнай ідэалогіяй ВКЛ, набываючы ўзамен рысы нацыянальна-этнічнай пэўнасці, якая грунтавалася на мясцовых полацкіх традыцыях, прыхільнасці да роднай мовы і гісторыка-культурнай спадчыны Кіеўскай Русі, аб чым беларускі гуманіст ніколі не забываў.

У прадмове да "Псалтыра" асветнік пісаў: "... я, Францишек, Скоринин сын из Полоцька, в лекарскых науках доктор, повелел есми Псалтырю тиснути рускыми словами, а словенскым языком напред ко чти и к похвале богу в троице единому и пречистой его матери Марии, и всем небесным чином и святым божьим, а потом к пожитку посполитого доброго, наболей с тое причины, иже мя милостивый бог с того языка на свет пустил" [5, с. 18].

Ва ўмовах імклівага збліжэння ВКЛ на рубяжы XV-XVI стст. з Захадам Ф.Скарына адным з першых адчуў небяспеку глыбокай вестэрнізацыі і лацінізацыі сферы культуры і адукацыі, якія пагражалі размываннем матрычных генетычных асноў беларускай традыцыі, заснаванай на культурнай спадчыне Кіеўскай Русі і Полацкага княства. Яго ўласны прыклад стасункаў з Захадам, у адрозненне ад Я.Вісліцкага, М.Гусоўскага і іншых выхадцаў з усходнеславянскіх земляў, якія пісалі на лаціне, заключаўся ў сінтэзе здабыткаў заходняй культуры на аснове *роднай мовы* і духоўных традыцый славянскага кірылічнага пісменства.

Выдадзеная Ф.Скарынам "Бивлия руская" была спробай аўтара, не выпадаючы з культурнага кантэксту Захаду, утрымацца ў рамках кірыла-мяфодзіевай культурнай і літаратурна-пісьмовай традыцыі, зберагчы яе для "братии своей руси", незалежна ад таго, да якой канфесіі гэтая "братия" цяпер належала, якую веру вызнавала. Менавіта пагэтаму нельга лічыць Скарынаву "Бивлию рускую" кананічным канфесійным выданнем, паколькі скарынаўскае выданне было прызначана, хутчэй, для рэлігійна-маральнага і філасофскага чытання, чым для службы і літургіі ў хрысціянскіх храмах. Прычым не для адной якой-небудзь канфесіі, але для рознаканфесійнага "люду посполитого рускаго языка" – для праваслаўных, каталікоў, пратэстантаў, належачых цяпер да розных хрысціянскіх цэркваў, але да адной культурна-моўнай традыцыі, якая давала вернікам шанц заставацца ў рамках традыцыйнага нацыя-культурнага выбару, акрэсленага ўласным этнічным паходжаннем (gentis rutheni).

Ва ўмовах усё больш частых у пачатку XVI стагоддзя парубежных войнаў і мацнеючай палітычнай канфрантацыі паміж ВКЛ і Маскоўскай дзяржавай, якая стала прэтэндаваць на ролю новага аб'ядналўцы колішніх старажытнарускіх земляў, калі ў асяроддзі арыстакратыі ВКЛ узнікла легенда аб паходжанні ліцвінскай шляхты ад рымлян, адбывалася ўзмоцненая лацінізацыя беларускай культуры, варта ацаніць незалежнасць і самастойную пазіцыю беларускага мысліцеля і гуманіста, які звярнуўся цераз галовы ўрадаў і рэлігійна-канфесійную варожасць супраціўных бакоў да "братии своей руси", "люду посполитого рускаго языка" з заклікам да міру і згоды, хрысціянскай любові і пакоры, цярпення і працы, каб "из сего веку темного <…> внийти во царство божие" [5, с. 59].

Актуальным працягам гуманістычнай пазіцыі Ф.Скарыны з'явілася выказаная асветнікам ідэя аб адпорным абарончым патрыятызме, а таксама прагалошаны ім да суайчыннікаў зварот "І на Ўсходзе і на Захадзе шукайце!", якім сцвярджаўся адкрыты характар беларускай культуры, яе скіраванасць да сінтэзу рэнесансавых здабыткаў хрысціянскай Еўропы і ўсходнеславянскіх народаў-суседзяў на аснове духоўных традыцый, філасофіі і этыкі жыцця ўласнага народа.

Настойлівы і паслядоўны русацэнтрызм Ф.Скарыны з'явіўся не толькі выявай пачатковай стадыі станаўлення беларусаў як асобнай нацыі, але і заклікам да духоўнай кансалідаванасці і ўзаемадзеяння ўнутры ўсходнеславянскай супольнасці дзеля рэнесансавага абнаўлення традыцыйных і стварэння новых гуманістычных канцэпцый грамадскага і духоўна-рэлігійнага жыцця.

Такім чынам, досьвед і духоўны шлях, пракладзены Ф.Скарынам, надзвычай важныя для разумення алгарытма і характара ўнутранага развіцця і духоўна-культурнай узаемасувязі народаў, што ўтвараюць сучасны ўсходнеславянскі свет. Ва ўмовах абвастрэння унутраных супярэчнасцяў паміж славянскімі народамі і дзяржавамі, узмоцненай канкурэнцыі светавых дзяржаў за лідэрства становіцца відавочнай неэфектыўнасць ранейшай ідэалогіі адзінага палітычна дамінуючага і падпарадкоўваючага цэнтра (гэтую ролю на працягу двух апошніх стагоддзяў выконвала Расія). Будучае за многапалярным, культурна шматстайным, актыўна кантактуючым і ўзаемадзейнічаючым славянскім светам,

дзе роля лідэра павінна быть заснавана на здольнасці да ўспрыняцця, засваення і пашырэння агульнаславянскага досьведу ў мэтах зберажэння традыцыйных каштоўнасцяў і стварэння перадумоў для дынамічнага развіцця і новых культурна-цывілізацыйных прарываў славянскіх народаў.

Літаратура:

1. Горький, М. О русской интеллигенции и национальных вопросах // Украинская жизнь. – 1912. – № 9. – С. 14-15.
2. Булахов, М.Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Крат. энцикл. слов. / М.Г.Булахов. – Минск : Университетское, 1989.
3. Моисеева, Г.Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве”. Изд. 2-е, доп. и переработ. / Г.Н.Моисеева. – Ленинград : Изд-во «Наука», Ленинград. отд., 1984.
4. Антон Флароўскі й Вітаўт Тумаш. Скарыніяна ў ліставанні. Лісты 1965-1968 гг. // Запісы 18. Беларускі інстытут навукі і мастацтва. – Нью-Йорк, 1988. – С. 26-82.
5. Скарына, Ф. Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / Ф.Скарына. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990.
6. Максімовіч, Р. Гістарычная канцэпцыя Вацлава Ластоўскага ў працах сучасных гісторыкаў // Запісы 13. Беларускі інстытут навукі і мастацтва. – Нью-Йорк, 1975. – С. 47-56.
7. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М.Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991-1995. – Т. 2 : Маст. проза, пераклады, літаратурныя нататкі, чарнавыя накіды. – 1993.

Сяргей Панізнік

Прыпавесць Скарыны

Во гэтаксама, як дзічына –
На дальні выбегла лужок,
А прызнае сваё лаўжо;
Як птушачка: з-пад аблачыны
Палі-разлогі аглядае
А ведае сваё гняздо
Ў траве высокай і густой;
Як рыбы: ў касяку гуляе,
Плыве да берага чужога,
А чуе родныя віры;
Як пчолы – у полі да пары,
А ворага ля іх парога,
Вулей баронячы, ваююць;
Таксама й людзі: да зямлі,
Дзе ўзгадаваныя былі,
Дзе Бог ім сэрцы акрыліў, -
Любоў вялікую мілуюць.

Шляхам Асветніка

Да юбілею Беларускай бібліятэкі імя Ф.Скарыны ў Лондане
З айцом Аляксандрам (Надсанам) гутарыў Алесь Чайчыц

АЧ: Давайце пачнем храналагічна: як з'явілася ідэя стварэння бібліятэкі, каму яна належала?

а. Аляксандр Надсан: Бібліятэка як збор кнігаў існавала ўжо здаўна, з тых часоў, як мы - беларусы, што былі ў польскім войску ці былымі работнікамі ў Нямеччыне - прыехалі ў Вялікую Брытанію. У 1947 г. сюды, у Лондан, прыехаў айцец (будучы біскуп) Чэслаў Сіповіч, вялікі кнігалюб. Ён ужо тады пачаў збіраць кнігі, і мы яму дапамагалі. Гэта была прыватная калекцыя, якая захоўвалася ў Марыян Хаўс [доме беларускай каталіцкай місіі ў Лондане – АЧ].

Потым я паехаў у Рым і вярнуўся святаром у 1959 г. Пасля сюды прыехаў айцец Леў Гарошка, які перад гэтым быў у Парыжы, вялікі кнігалюб, які таксама меў прыстойную прыватную бібліятэку.

І вось так, з часам прыйшла думка пра бібліятэку, ужо ў канцы 60-х гадоў. Памятаю, як мы пасля абеду выйшлі на прагулку - біскуп Сіповіч, айцец Гарошка і я, і біскуп Сіповіч кажа: "давайце будзем засноўваць беларускую бібліятэку". Мы кажам: "Давайце", але ані грошай, анічога ў нас на гэта не было. Ужо вяртаючыся дахаты з прагулкі мы абмяркоўвалі, якая хата нам патрэбная пад бібліятэку.

У гэты час як раз прадаваўся гэты дом. Суседнія два дамы ўжо былі нашы, а насупраць быў Марыян Хаўс - таму гэта было вельмі добра для нас. Мы дамовіліся з гаспадарамі, і купілі дом. Пры гэтым залезлі ў даўгі, безумоўна, гэта былі вялікія кошты. Трэба сказаць, што беларусы, якія жылі за мяжой, мелі патрэбу ў такой установе, і шмат дапамаглі. Але вялікую колькасць мусілі заплаціць мы самі, святары.

АЧ: Беларуская каталіцкая місія ў Лондане?

а. Аляксандр Надсан: Так. Нашыя даходы былі малыя, але з тых даходаў і мы бралі палову, каб з голаду не памерці, а палову аддавалі на дом.

Пасля кожны з нас, каму якія кнігі ўдалося сабраць, склалі ўсё разам, і паўстала бібліятэка, і пачала расці па-маленьку. На 1971 год, калі бібліятэка была афіцыйна адчыненая, тут ужо было сабрана даволі шмат выданняў, пераважна з прыватных збораў айцоў Сіповіча і Гарошкі і ў меншай ступені - з маёй.

Айцец Гарошка хутка пасля гэтага зноў выехаў з Лондану - гэтым часам у Рым, дзе ўзначаліў беларускую праграму Ватыканскага радыё. Мы з біскупам Сіповічам засталіся тут.

Праз дзесяць гадоў, у 1981 г., біскуп Сіповіч памёр, тады ўсё лягло на мае плечы, і да гэтага часу я, ці добра ці дрэнна, хаця цяпер гэта рабіць ужо цяжка, стараюся кіраваць бібліятэкай. Ужо трыццаць гадоў мінула, вельмі шмат.

АЧ: З якой мэтай засноўвалі бібліятэку?

а. Аляксандр Надсан: Мэта заснавання бібліятэкі была ясная: перадусім, сабраць як мага больш матэрыялаў пра Беларусь і кніг на беларускай мове, рукапісаў. Па-першае, каб даць магчымасць тым, хто цікавіцца Беларуссю на Захадзе, знайсці патрэбную інфармацыю. Пра Беларусь на Захадзе ў той час практычна нічога не было вядома.

Па-другое, было неабходна захаваць ад знішчэння шмат матэрыялаў, якія былі на прыватных руках. Шмат людзей, маладых беларусаў, выехалі з Беларусі ў часе вайны ці хутка пасля вайны, маючы пры сабе якія-небудзь адну-дзве кніжкі. Пасля, на эміграцыі, яны ажаніліся, пераважна на замежніцах - ангельках, францужанках. Потым паміралі, і пакідалі жонкам гэтыя кнігі на незразумелай мове, і жонкі іх маглі выкінуць вон. Таму мы абвесцілі, што калі хто мае матэрыялы на беларускай мове, каб дасылалі іх нам, каб захаваць ад знішчэння. Многія гэта разумелі, дасылалі свае кнігі - хто адну, хто дзве, а хто і болей.

АЧ: То бок, кнігі збіралі ўсім беларускім замежжам?

а. Аляксандр Надсан: Так, так. Беларусы разумелі патрэбу гэтага, дзякаваць Богу.

Акрамя гэтага мы сачылі за навінкамі, шукалі і куплялі іх. Былі такія спецыяльныя кнігарні, якія гандлявалі кнігамі, якія выдаваліся ў Савецкім саюзе - у тым ліку там былі і беларускія кнігі.

Пасля мы шукалі па ўсякіх антыкварыятах старыя кнігі - і ў Нямеччыне, і ў Галандыі, і ў Францыі - усюды, дзе магчыма. Мы завязалі кантакты з антыкварамі і вельмі часта нам удавалася купіць вельмі рэдкія і вельмі каштоўныя кнігі.

Маем нямала выданняў 19-га стагоддзя. Скажам, такая кніга, як запісы біскупа Сямашкі, які касаваў царкоўную вунію, тры тамы, нам удалося проста купіць у антыкварыяце, і даволі танна. Маем "Беларускі архіў", выдадзены ў 1824 годзе ў Маскве, які склаў вядомы тагачасны праваслаўны святар-беларус Грыгаровіч. Гэта першы археаграфічны зборнік беларускіх дакументаў. Можна распавядаць шмат - нам удалося набыць сотні цікавых кнігаў з гісторыі Беларусі, з гісторыі Царквы на Беларусі, якія цяпер даступныя для ўсіх, хто гэтым цікавіцца.

АЧ: Паралельна з бібліятэкаю з'явіўся і музей...

а. Аляксандр Надсан: Музей - як бы дадатак да бібліятэкі, бібліятэка важнейшая, але і ў музеі таксама ёсць некалькі цікавых экспанатаў: слуцкія паясы, старыя манеты Вялікага княства Літоўскага, пачынаючы ад кавалка срэбнай грыўны, і сканчаючы да сапраўдных манетаў-грошай, арыгінальныя пашпарты БНР. Мы збіралі ўсё, што магчыма.

Вельмі важным таксама было збіранне архіваў старых дакументаў. Маем дакументы ад канца 15 стагоддзя і аж да сённяшняга дня.

АЧ: Напэўна, шмат архіваў, звязаных з Беларускай народнай рэспублікай?

а. Аляксандр Надсан: Такіх дакументаў шмат. Ёсць пэўныя старыя дакументы БНР 20-х гадоў. Таксама мы збіралі архівы беларускіх арганізацыяў у розных краінах, якія нам дасылалі. Напрыклад, маем архіў арганізацыі беларускіх скаўтаў у Нямеччыне, архіў Хаўруса беларускіх работнікаў у Францыі - арганізацыі, якая дзейнічала яшчэ перад вайною, у 30-я гады. Маем архівы з Канады, ЗША, іншых краінаў.

АЧ: Атрымліваецца такі глабальны архіў беларускай дыяспары...

а. Аляксандр Надсан: Так, глабальны архіў. Усе гэтыя архівы вось стаяць у нас па скрынках. Плюс, у нас царкоўныя архівы, архівы беларускіх святароў, якія ўжо памерлі.: а. Гарошкі, а. Татарыновіча, а. Салаўя з Нямеччыны. Найбольшы архіў, безумоўна, біскупа Сіповіча - гэта цэлая шафа. Гэтыя архівы маюць і старыя дакументы адносна беларускай царквы 19 стагоддзя. Самы стары рукапіс у нас - з канца 15 стагоддзя.

АЧ: Царкоўныя архівы, напэўна, дапамаглі потым адраджаць царкву на Беларусі, пасля таго, як сыйшла савецкая ўлада?

а. Аляксандр Надсан: Царква пачала адраджацца яшчэ за савецкім часам, і архівы былі сапраўды важныя. Калі я цяпер пішу кнігі пра беларускую царкву - пра біскупа Сіповіча, пра марыянаў у Друі ці пра княгіню Радзівіл - усе адпаведныя матэрыялы знаходзяцца тут у нас у бібліятэцы. І шмат яшчэ папер застаецца неапрацаваным, чакае навукоўцаў, якія б імі заняліся.

АЧ: Багаты рэсурс для беларусазнаўства

а. Аляксандр Надсан: Так, гэтымі матэрыяламі многа карысталіся, і дай Бог, каб яшчэ больш карысталіся.

АЧ: Наколькі беларускім навукоўцам цікавыя гэтыя матэрыялы?

а. Аляксандр Надсан: У нас было даволі шмат беларусаў у канцы 80-х і пачатку 90-х гг. Цяпер іх крыху паменшала, але тым не меней да нас прыязджаюць працаваць.

АЧ: Сустракаў у бібліятэцы кнігі з дарчымі надпісамі аўтараў…

АН: Так, ёсць нават унікальныя. Прыкладам, дарчы надпіс П.У.Уладзімірава на сваёй кнізе пра Скарыну, якую ён падарыў

гісторыку, паляку з паходжання. Многія беларускія пісьменнікі даслалі і дасылаюць нам свае падпісаныя кнігі. Маем аўтографы Быкава, Караткевіча - ён перад смерцю даслаў нам сваю апошнюю кнігу. Маем аўтографы мовазнаўцаў, гісторыкаў беларускіх.

АЧ: Ці багата маеце рукапісаў беларускіх пісьменнікаў у зборы?

а. Аляксандр Надсан: Ёсць рукапісы Купалы і Коласа - напрыклад, рукапіс слаўнай паэмы Купалы "Курган". Самы ранні рукапіс Коласа, які ёсць у нас, гэта "Другое чытанне для дзетак-беларусаў", якое выйшла ў 1907 годзе. Ёсць нешта Арсенневай, Ілляшэвіча - на эміграцыі рукапісы пісьменнікаў з Беларусі было цяжка знаходзіць. Пара вершаў Салаўя маем таксама, але я б не сказаў, што рукапісаў шмат.

АЧ: Якія цікавыя людзі наведвалі бібліятэку? На пачатку 90-х, наколькі вядома, трaплялі і беларускія урадоўцы?

а. Аляксандр Надсан: Шмат дзеячоў з усяго свету бывалі ў нашай бібліятэцы, усіх не магу прыгадаць. Сярод больш вядомых, скажам, Зянон Пазьняк, Станіслаў Шушкевіч, Пятро Краўчанка. Пісьменнікі, паэты – Васіль Быкаў, Ніл Гілевіч, Генадзь Бураўкін. З палітыкаў, царкоўных дзеячоў - украінскі арцыбіскуп мітрапаліт Сліпый, усе беларускія амбасадары ў Брытаніі, Аляксандр Казулін, рэктар БДУ, Міхаіл Мясніковіч (са мною па-беларуску размаўляў). Мы ўсіх прымаем. Вельмі балюча толькі, што многія высокапастаўленыя беларускія ўрадоўцы не валодаюць і, на вялікі жаль, не імкнуцца авалодаць беларускай мовай. Добра, што прыязджаюць цэлыя групы беларусаў маладзейшага пакалення.

АЧ: Ці праяўляла незалежная беларуская дзяржава цікаўнасць у тым, каб дапамагчы бібліятэцы?

а. Аляксандр Надсан: Можа і лепш, што не (смяецца).

АЧ: А як з акадэмічным супрацоўніцтвам?

а. Аляксандр Надсан: Раней добра кантактавалі з бібліятэкай Акадэміі навук, але цяпер з гэтым стала цяжэй - і нам, і ім. Падаражэлі паштовыя паслугі, падаражэла падпіска на спецыялізаваныя часопісы. Наогул, цяпер наладзіць нейкі афіцыйны абмен з Беларуссю вельмі цяжка.

АЧ: Ці кантачыце з падобнымі бібліятэкамі ў іншых краінах? У Празе, здаецца, беларусы нядаўна стварылі бібліятэку

а. Аляксандр Надсан: Гэта толькі цяпер стварылі, пабачым, што там будзе. У Амерыцы, на жаль, нічога такога створана не было - магчыма, былі іншыя абставіны. У Амерыцы болей беларусаў, чым тут, магчымасці, у тым ліку матэрыяльныя, былі - але чамусь не склалося. Некаторыя амерыканскія беларусы набылі вялікія кнігазборы - доктар Вітаўт Тумаш (выдатны чалавек і скарыназнавец), сям'я Кіпеляў, доктар Мацьвей Смаршчок…Наколькі ведаю, сёй-той з беларусаў перадаў свае прыватныя бібліятэкі амерыканскім універсітэтам. І гэта вельмі добра – там жа кнігі не прападуць і будуць даступныя для даследчыкаў - галоўнае, каб людзі ведалі, дзе шукаць. Значную частку кнігаў людзі з Амерыкі перадалі нам у Лондан - Чэслаў Будзька з Чыкага, Антон Адамовіч з Нью-Ёрка. У Нью-Ёрку таксама была букіністычная крама, дзе я набыў нямала выданняў. Здараецца, кнігі гінуць і часам па-дурному: напрыклад, адзін чалавек у Амерыцы захоўваў іх у падвале, але прыйшла залева і ўсё заліла. Маем таксама з Амерыкі архівы біскупа Ўладзімера Тарасэвіча, святара Чэслава Гуські (вельмі цэнныя даваенныя выданні, якія яны ўсе перадалі нам).

АЧ: Наколькі заходнія навукоўцы ведаюць пра бібліятэку і карыстаюца ёю?

а. Аляксандр Надсан: Ведаюць і карыстаюцца - мы маем сувязі з брытанскімі бібліятэкамі, дзе ёсць усходнееўрапейскія аддзяленні. Супрацоўнічаем з ангельскімі ўніверсітэтамі, па матэрыялах нашае бібліятэкі было напісана ўжо шмат навуковых працаў, выдадзена перакладаў з буларускай мастацкай літаратуры. Згадаю хаця б публікацыі ангельскіх аўтараў, вядомых і ў Беларусі: св.п. Веры Рыч, св.п. Гая Пікарды, Джона Дынглі, Арнольда Макмілана…

АЧ: Толькі з Брытаніі, ці таксама з іншых краінаў?

АН: З Брытаніі больш за ўсё, але прыязджаюць навукоўцы і з іншых краінаў - з Амерыкі, з Ізраіля, Нямеччыны, Аўстраліі. Шмат славістаў, гісторыкаў з розных краінаў прыязджаюць і працуюць. Беларусь не вельмі вядомая ў свеце, але дзякуючы таму, што бібліятэка існуе, існуе і зацікаўленне.

АЧ: То бок самое існаванне бібліятэкі - гэта як сцяг: раз ёсць бібліятэка, значыць людзі ведаюць, што ёсць і такая краіна.

а. Аляксандр Надсан: Так, так.

АЧ: Як Вы бачыце будучыню бібліятэкі, як яна павінна далей развівацца, на Вашу думку?

а. Аляксандр Надсан: Вельмі цяжка казаць, я шмат думаю пра гэта, як і пра далейшае існаванне місіі. Зараз чакаем сканчэння рамонта Марыян Хаўс, потым хачу сабраць нашу бібліятэчну раду, каб думаць, як бібліятэцы далей існаваць. Я таксама не вечны, маючы за плячыма 85 гадоў, пара думаць пра тое, каб нехта заняў маё месца. Справа нават не фінансавая, справа ў чалавеку, які б гэтым займаўся - патрэбен руплівец, які б тут жыў і вёў бібліятэку. Калі б Беларусь была сапраўды незалежнай і беларускай, трэба было б, каб урад пераняў на сябе кіраванне бібліятэкай, і мы б з радасцю яму гэта аддалі. Як брытанцы маюць British Council у іншых краінах ці Гётэ-Інстытут, які немцы маюць, - так і Скарынаўская бібліятэка была б такім беларускім культурным цэнтрам пры амбасадзе Беларусі, які б прадстаўляў Беларусь на Захадзе. Але пры сучасных абставінах мы не можам маральна і не хочам перадаваць бібліятэку ў рукі цяперашніх уладаў, дзе нават прэзідэнт не размаўляе па-беларуску. Добра, што мы не спяшаліся рабіць гэта ў пачатку 90-х гадоў і чакалі, пакуль курс на незалежнасць і беларускасць у Беларусі замацуецца. Калі б усё развівалася так, як у пачатку 90-х гадоў, тут ужо быў бы дзяржаўны цэнтр, але пасля 1994 г. справы, на жаль, змяніліся на горшае.

Дзякуй Богу, што бібліятэка ёсць, і я думаю, што яна будзе існаваць і надалей, будзе прыносіць карысць. Хаця ў вялікай

ступені гэта будзе залежаць ад стану самой Беларусі. Калі Беларусь будзе сапраўды беларускай, тады ўрад будзе зацікаўлены ў развіцці бібліятэкі.

Цяпер даволі шмат маладых беларусаў у Англіі з добрай адукацыяй - было б добра, каб і яны бліжэй цікавіліся справамі бібліятэкі. Ёсць людзі з маладога пакалення эмігрантаў, якія далучыліся да беларускіх справаў і штосьці робяць, але большасць толькі абмяжоўваюцца ўладкаваннем сваіх прыватных справаў і, канечне, як у Расеі кажуць, "насильно мил не будешь", але гэта крышку балюча і сумна.

АЧ: ЗБВБ - найстарэйшая існуючая арганізацыя беларускай дыяспары ў свеце?

а. Аляксандр Надсан: У прынцыпе так, больш старэйшая была ў Францыі, але там ужо нічога не засталося. ЗБВБ - самая даўняя трывалая арганізацыя. Трэба толькі, каб новае пакаленне беларусаў больш актыўна спрыяла яе дзейнасці. У большасці прадстаўнікоў сучаснага пакалення такога інтарэса да беларускіх справаў не адчуваецца, не адчуваецца цікавасці нават да беларускай мовы. Гэта балюча.

АЧ: Прычым Вам было складаней, бо тады не было нават фармальнай беларускай дзяржавы, з якой бы па вызначэнні вас замежнікі атаесамлялі. Сёння ёсць самастойная дзяржава Беларусь, і таму беларусаў, што раз шырэй пазнаюць і прызнаюць у знешнім свеце…

а. Аляксандр Надсан: Раней нас запісвалі то расейцамі, то палякамі, але мы змагаліся за сваё і трымаліся свайго ад самога пачатку. Я выехаў з Беларусі ў 18 гадоў (колькі летаў і зім на чужыне!), але ж беларус ува мне не пахіснуўся.

Лондан, 2011 г.

VARIA

Беларускі з’езд

З немалым сумневам, чым можна было спадзявацца, сабраўся ў Мінску З’езд беларускіх дэлегатаў. Калі дасюль дзеячамі-будзіцелямі беларускае свядомасці з’яўляліся ў большым палякі і, здаралася, рускія, дык цяперашні з’езд зграмадзіў у мінскім тэатры каля 2-х тысяч удзельнікаў – пераважна сапраўдных беларусаў. Вайна апранула іх у вайсковыя шынелі, бараннія шапкі, аднак жа пераважаюць службоўцы, загрубелыя сяляне-гаспадары, настаўнікі народных школ. Усе гэта новыя людзі, прынамсі не прыгатаваныя да вялікае справы ўваскрашэння Беларусі, хаця бясспрэчна ў не аднаго з іх грукоча гарачае сэрца. Аднак перавага не на іхнім баку. Большасць прадстаўлена тымі, каго ўзняла на паверхню рэвалюцыйная хваля; не дзіўна, што цягам першых двух дзён не чутно было тут ні беларускае мовы, ні моцна заяўленых нацыянальных імкненняў. Наадварот, у зацятай перапалцы “буржуяў” і “таварышаў” не сціхалі партыйныя спрэчкі за колькасць месц за прэзідыяльным сталом.

Невыпадкова, тры дні патрачана на ўрэгуляванне арганізацыйнага пытання: ці лічыць гэты сход паўнамоцным з’ездам, ці толькі падрыхтоўкай да з’езду, запланаванага бальшавікамі на 15.12. Перамагло першае рашэнне. Прагучэў беларускі гімн у суправаджэнні аркестра, на фоне нацыянальных колераў. Пачуліся моцныя выступленні, упершыню па-беларуску; мовай прыкметна пакалечанай, але ж нашай краёвай, беларускай, якой мы не чулі тут ад часоў Ягелонаў, Баторыяў, Вазаў! Але ж якая паэзія струменіць з гэтае недасканалае беларусчыны. І мы, палякі, шчыра радуемся, што абок гучнай і чутнай нашай пальшчызны загучэла мова пераважаючай большасці тубыльцаў нашага краю, мова, якую мы прызвычаены ад нараджэння не толькі слухаць, але і карыстацца ёю каля дому.

Устрапянулася, такім чынам, нацыянальная думка беларуская – ганьбаваная праз доўгі час рознымі партыямі і камітэтамі, абуранымі нават ужываннем мясцовай мовы і нават дамагаючыся ў прэзідыўма ўдакладніць веравызнанне дэлегатаў.

Аднак жа, ўслухаўшыся ў агульны настрой у кулуарах, вызначаецца ён прынамсі не справай беларускай, хутчэй каства эканамічнай, што як целу без душы не можа даць шчасця.

А гэта цела, пульсоўнае братняй крывёй і рашучасцю, усё ж такі не адорыць свет высокай культурай – творчастваральным вынікам наяўных у краі стыхій. Яно можа прадуктаваць Тамерланаў і Мураўёвых, але ніколі таго, што ажыўляе Заходнюю Еўропу.

Вось жа шчыра верым: урэшце рэшт пераможа [на з'ездзе] тая самая меншасць, якая лепш ад іншых разумее патрэбы сваёй айчыны.

Пераклад з польскае:
Dziennik Miński. 12 grudnia 1917, №136

Резолюция
Белоруссов-воинов и гражданского населения Смоленска

1917 года Декабря 21-го дня. Гор. Смоленск.

Мы ВОИНЫ-Белорусы всего Смоленского гарнизона, Окружной Исполнительный Комитет Белорусской Рады Минского Военного Округа и гражданское белорусское население гор. Смоленска и белорусы уездов Смоленской губ. на общем собрании выслушав доклад наших делегатов Всебелорусского Съезда о совершенном Советом Народных Комиссаров Западной Области насилии, выразившемся в аресте президиума и членов Великой Краевой Белорусской Рады в гор. Минске в ночь на 18 декабря и принимая во внимание:

1/ что возмутительное насилие явно нарушает священнейшее право Белорусского народа на национальное самоопределение и завоевания революции,

2/ что с одной стороны право на самоопределение Белоруссии подтверждено Советом Народных Комиссаров и в тоже время, с другой стороны, право это нарушается исполнителями распоряжений Народных Комиссаров и

3/ что подобное явление подрывает всякое доверие к Совету Народных Комиссаров,

ПОСТИНОВИЛИ: выразить возмущение и протест против действий Народных Комиссаров Западной области, посмевших посягнуть на священное право Белорусского народа на самоопределение и на защиту своей судьбы. Мы во всеуслышание заявляем, что не потерпим насилия тех, кто посягнул на право молодой Белоруссии, должной стать великой частью будущей федеративной Российской Республики и ни на минуту не колеблясь выступим против насильников в открытую и решительную борьбу для защиты священного для каждого из нас права на самостоятельное устроение нашей судьбы. Мы требуем, чтобы лица, учинившие насилие над президиумом и членами Великой Краевой Белорусской Рады, были преданы Народному революционному суду и чтобы арестованные выразители воли Белорусского Народа немедленно были освобождены. Мы, воины-белорусы, приветствуем Великую Краевую Белорусскую раду,

стоящую на страже защиты интересов Белорусского Народа, и выражаем свое соболезнование всем членам Рады, над которыми совершено дикое насилие ничтожной кучкой насильников.

Настоящую резолюцию скрепить подписями всех присутствовавших на собрании воинов-белоруссов и послать через Смоленскую Окружную Раду в Великую Белорусскую Краевую Раду, Учредительное Собрание, в Совет Народных Комиссаров Западной области и опубликовать в газетах.

Окружной Исполнительный Комитет воинов-белоруссов Минского Военного Округа и гражданского населения Смоленской губернии.

Исполнительный Комитет Смоленской Белорусской Рады.

Аддзел рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі Літвы. 2198.VBF-LXXV. Машынапіс.

Раман Суніца [1]

Лісты з Менску

Палякі і расейцы ў Менску спудзіліся: яны зразумелі, што такім чынам бальшавікі, прызнаўшы незалежнасць Беларусі, будуць мець надта моцныя казыры ў руках, што бальшавізацыя Беларусі пойдзе вельмі шпарка, што іх роля як цывілізатараў-каланістаў скончана.

Адным словам, ніхто апрача беларусаў Маніхвэстам незалежнасці [2] задаволены не быў. Усе, нават бальшэвіцкая ўлада ў Менску, пачалі пратэставаць проціў гэтага.

Паводле вестак, якія мы здабылі ад адзінокіх беларусаў, каторыя ў Маскве былі сведкамі справы апублікавання незалежнасці Беларусі, галоўным ініцыятарам гэтага быў Ленін. Не маем ніякіх доказаў, каб Ленін зрабіў гэта з якой крывой мэтай.

Як ідэйны сацыяліст Ленін прызнаў права незалежнасці Беларусі дзеля таго, што яму ўсё ж такі даражэйшы сацыялізм, чымсьці русіфікацыя. За цэлы час нямецкай акупацыі Ленін цікавіўся беларускім нацыянальным рухам, чытаў усё, што толькі друкавалася аб беларусах. У гэтым памагаў яму Беларускі Нацiянальны Камітэт у Маскве, дзе ўсе газэты з Беларусі і Украіны былі прагледжаны, роблены вырэзкі, пераклады з беларускай мовы на маскоўскую і ўсё гэта наклеівалася ў альбом з загалоўкам “Белорусский вопрос” і затым пасылалася Леніну да чытання.

<...> Пастанова Леніна аб незалежнасці Беларусі праведзена, як заўважыў адзін маскоўскі бальшавік, у размове з беларусамі “нягледзячы на пратэсты і нязгоду “праўдзіва расейскіх” патрыётаў тыпа Троцкага, Стеклова і ім падобным.

<...> Ад самага пачатку бальшавізацыі Беларусі прыйшлі да ўлады, асабліва ў Менску, амаль адны жыды. Такога жыдоўскага панавання яшчэ ніколі не было. І вось 9 лютага г.г. падчас спэктакля ў беларускім тэатры арыштавалі ўсіх бальшавікоў з першага беларускага часовага ураду. Былі арыштаваны: Фальскі, Дыло, Шантыр і колькі іншых.

Апрача бальшавікоў, арыштавалі і прафэсара вышэйшай вучэльні – Інстытута, кандыдата філёлогіі Тарашкевіча. Беларускім

бальшавікам ставілі ў віну маскіраваны нацыяналізм і контррэвалюцыйную дзейнасць.

<...> *Рэлігійнае жыццё*. 6-га снежня 1918 зранку ў Катэдральным касцёле адбывалася першая афіцыяльная беларуская імша. Служыў сам біскуп Лазінскі, падчас імшы пяяў хор па-беларуску рэлігійныя песні пад кіраўніцтвам рэктара семінарыі кс. Абрантовіча. Бабы, польскія дэвоткі, прабавалі заглушыць хор польскімі песнямі, але ім гэта не ўдалося. Неспадзяванку зрабіў беларускі біскуп сваім беларускім казаннем. Было яно сказана ад сэрца, горача і добра па-беларуску. Бабы-дэвоткі ажно разявілі вусны, пабачыўшы і пачуўшы гэткае дзіва. У касцёле былі ня толькі каталікі, бачылі яны многа і праваслаўных, каторым усё страшна спадабалася і выйшлі яны пасля сканчэння імшы з касцёла з вялікім уражаннем, апавядаючы ўсім, што ніколі гэткага гістарычнага радаснага дня не забудуць. Цяпер пастаянна беларуская імша кожную нядзелю адбываецца ў капліцы “Добрачыннасці” (Багадзельная вуліца) ад 11 да 12 гадзіны; у канцы заўсёды з чытаннем па-беларуску Евангелля і з беларускім казаннем. Народу паўнюсенька: ходзяць як каталікі, так і праваслаўныя.

Справа беларускае мовы ў касцёле дзякуючы біскупу Лазінскаму пастаўлена ў Менску моцна і фундаментальна.

З парадкаў у Менску мала можна адзначыць: чужыя нам людзі, ворагі нашае мовы і народа думаюць адно – аб напаўненні сваёй кішэні. Ад людзей, каторыя нічым з нашым краем на звязаны, патрэб яго, характара і звычаяў ні знаюць і прынцыпіяльна гэтага ўсяго не прызнаюць, дабра ці карысці спадзявацца нельга.

Ці народ наш можэ пранікнуць бальшавіцкім духам? Не, ніколі!

Рэпутацыя з 1917 у Мінску паноў Мяснікова, Крывашэіна, Рэзаўскага і таму падобнае ідэйнае хеўры. Усе яны, апрача Ляндэра, які мусі быць ашчасліваў сваіх латышоў, працуюць у Менску з зялёнымі мордамі ад пастаяннага п’янства і распусты.

Праціўнікі незалежнае Беларусі гвалтам аддзялілі ад жывога цела Беларусі Віцебшчыну, Магілёўшчыну (нікога не пытаючы).

Са шкод, зробленых бальшавікамі ў Менску. Нацыяналізацыя па-бальшавіцку. Антыквар жыд Замскоў усё цягае ў сваю калекцыю. Аграбілі музэй Магдалены Радзівіліхі (мэблі, старыя тканіны, вопраткі), у тым ліку слуцкія паясы, якімі захапляўся

Менск на беларускай выставе. У памяшканні – польскія камуністы з рэдакцыяй [газеты] "Młot". Разгромлена этнаграфічная калекцыя Р.Зямкевіча. <...> Месячнік "Варта" – выйшаў з лруку да прыхода бальшавікоў – канфіскаваны (не спадабалася бальшавікам стацця Езавітава).

У Менск прыехаў наш вялікі паэт Янка Купала.

Менск, 23 лютага 1919 г.

Бацькаўшчына. Беларускі сацыялістычны тыднёвік. Горадна, 21 сакавіка (марца) 1919. №2

---

1. Р.Суніца – псеўданім Рамуальда Зямкевіча (1881-1944?), пісьменніка, публіцыста, калекцыянера.
2. Маніхвэст Часовага работніча-селянскаго савецкаго правіцяльства Беларусі // 1 января 1919 года. Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии. Документы и материалы. Составители: В.Д.Селемнев (руководитель), Е.И.Барановский, А.Н.Гесь, В.В.Скалабан. Мн.: «Лимариус», 2005. С.17-22.

Прызнанне незалежнасці Беларусі

16 лістапада 1920 г. у Мазыры паміж Расійскім Палітычным Камітэтам у асобе старшыні яго Б.Савінкава і Расійскай Народнай Ахвотніцкай Арміі ў асобе камандуючага ею ген. Булак-Булаховіча з аднаго боку і Беларускага Палітычнага Камітэта ў асобе яго старшыні – з другога адбылася ніжэйшая ўмова.

Расійскі Палітычны Камітэт і Расійская Народная Ахвотніцкая Армія, асноўваючыся на прызнанні самавызначэння народаў, прызнаюць факт незалежнасці Беларускай Дзяржавы. Аканчацельная форма ўзаемных адносін паміж Расіяй і Беларусю будзе вызначана са згоды паміж Установчымі Соймамі Рускім і Беларускім, або Урадамі, гэтымі Установчымі Соймамі ўстаноўленымі. Абедзве стораны перакананы, што формы гэтыя будуць дастойны абодвух свабодных братніх народаў і будуць адпавядаць іх жыццёвым інтарэсам.

Затым ідуць пункты вайсковыя, не падлягаючыя апавяшчэнню.

Арыгінал падпісалі:

Галоўнакамандуючы аружнымі сіламі на тэрыторыі Беларусі генерал-маёр Булак-Булаховіч.

Старшыня Расійскага Палітычнага Камітэту В.Б.Савінкаў

Старшыня Беларускага Палітычнага Камітэту В.А.Адамовіч

Член Беларускага палітычнага Камітэту П.П.Аляксюк

Беларускае Слова. Палітычная, літаратурная і эканамічная газэта. Горадня, 1 снежня 1920, №50

“Пойти навстречу самостоятельному течению...”

30.XII.[19]20 года
В Политбюро Ц.К. Р.К.П.

Тов. Червяков, Председатель Белорусского Совнаркома, указывл на крайне ненормальное положение Белоруссии ввиду невыясненности её отношений к РСФСР. Когда белорусы обращаются в наши учреждения, им отвечают, что ничего не могут для них сделать, потому что они – другое государство. В самой Белоруссии в крестьянских массах значительно выросло самостоятельное течение и для того чтобы с ним иметь дело, необходима ясность положения. Тов. Червяков находит вполне целесообразным применить к Белоруссии ту же систему, которая имеется у нас по отношению к Украине. Мы должны пойти навстречу самостоятельному течению в Белоруссии, так как в противном случае другие им овладеют. Однако на Парижской конференции не следует вводить Белоруссию, как непосредственного участника, а надо ограничиться имеющейся уже сейчас комбинацией, т.е. мандата от Белоруссии Правительству РСФСР, который был подтвержден Белорусским съездом Советов без непосредственного мандата от Белорусской делегации в Риге. Делегация остается русско-украинской, но правительство РСФСР, как Правительство, имеет полномочия от Белоруссии. Итти за пределы этой комбинации нецелесообразно, так как в Белоруссии на уездных съездах уже поднимались разговоры о том, что она разрезана новой границей и что надо заявлять о необходимости возвращения польской Белоруссии и литовской Белоруссии, так что в случае появления непосредственно Белорусской делегации в Риге она там опрокинет все наши дипломотические комбинации. Н.К.И.Д. согласен и с тем, что в Риге надо ограничиться имеющейся теперь комбинацией и с тем, что на будущее время надо установить относительно Белоруссии те же отношения, как относительно Украины, но только ввиду того, что Белоруссия представляет только несколько уездов, а не 12 губерний, как Украина, апарат д.б. менее сложным. В Харькове имеются

постоянные представители Московских Комиссариатов; в Минске было бы достаточно временных наездов представителей Москвы.

Выработку Договора с Белоруссией надо предоставить федеральной Комиссии с тов. Каменевым во главе, с участием Н.К.И.Д. и Белорусского Совнаркома.

Наркоминдел Чичерин

Дальше, под машинокопией текста, следует рукописный автограф: «Предлагаю т. Крестинскому (+ Сталину) 1) Каменеву и его Комиссии дать формальное поручение в Политбюро с записью в протокол 2) Червякову поручить спешно выработку проекта детального письма ЦК РКП о Белоруссии и декрета СНК о том же (тайного). Ленин».

Ниже, другой рукой, без подписи (вероятно Крестинского): «Я присоединяюсь к предложению Ленина с тем, что просит письма и декрета, если т. Червяков уехал был возложен на [того же?] Каменева, а потом послать на заключение ЦБ Белоруссии (Червяков, Кнорин и др.). Опросить, Троцкого, Каменева, Сталина».

Ниже - иным почерком: «За Троцкий. За предложение Ленина безоговорочно тов. Сталин. Тов. Каменев присоединяется к предложению т. Ленина с поправкой т. Крестинского написать письмо и декрет поручить тов. Чичерину».

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.2, оп. 1, д. 25726, л. 1.

Пётра Крэчэўскі – таварышам [у Літве]

13.04.1924 г., Прага

Ад ліста Аляксандра [Цвікевіча] нясе такой затхласцю і гніллю, што проста сумна чытаць. Гэта не ліст маладога байца-адраджэнца за Беларусь, а якогась інваліда, якому ў першай бойцы паадбівалі рукі і ногі і ён жаліцца, што не можа жыць уперадзі, а яго павінны цягнуць ззаду.

Пакуль што нікому не жывацца добра. Вы адарваны ад нас і Вам цяжэй, я гэта разумеў, калі ў свой час цягнуў абавязкова Аляксандра ў Прагу. Гэта не выключана, і цяпер і я пэвен, што хоць не было б лепш, але весялей і больш прадуктыўна, ніж у Коўне. Пакуль аб справе больш нічога не буду пісаць, бо мы толькі чакалі Г[рыба?], каб сумесна падняць справу.

<...> Ёсць чутка і мусіць пэўна ёсць, што з восені Аляксандр збіраецца ў Менск, бо нават аб гэтым сястра яго пісала… Гэта больш падобна на зменавехаўства. Гэта смешна, але падобна праўдзе. Тут не памогуць нам ніякія канкурэнцыі, бо ні з Менску, ні з Вільні мы нікога не дастанем, а лаяцца паміж сабой няма ніякага сэнсу. Трэба цвёрда весьці сваю лінію да канца, не гледзячы ні на якія перашкоды.

Замест пэсымізму, які разводзіш, то бы лепш напісаў мэмарандум Мак-Дональду, абяцаў зрабіць, а разумееца, нічога не зрабіў. А ў яго былі Недзялкоўскі і Жулаўскі: гаварылі аб Усходняй Галіччыне і Беларусі, што гэта справа “не народовосьцёва”*…

Пасля польскай ноты 04.04.24 я паслаў Мак-Дональду тэлеграму з пратэстам. Яна маецца ў Бухава, папрасі, каб надрукаваў.

<...> У Літве мы гаварылі б больш, каб там не было Аляксандра…

P.S. Грошы нам усім зменшылі на 200 крон.

Нацыянальны архіў РБ. Ф.62, воп.1, спр. 198, л.152-153 адв.
Рукапіс. Аўтограф.

*/ narodowościowa – нацыянальная (*польск.*)

Александр Цвикевич

Записка о современном состоянии белорусского вопроса и вероятных возможностях в близком будущем

Общая характеристика.

В белорусском движении в данный момент существует три оправных центра: Минск – во главе с Белорусским Советским Правительством, Вильна (эвентуально Варшава) – во главе с Вил[енским] Нац. Комитетом (эвентуально – Белор. Посольским Клубом) и эмиграция во главе с Белорусским Национальным Правительством.

1. Положение Минска со стороны общеполитической в орбите Советского Союза известно: здесь имеют место все плюсы и минусы, которые характеризуют состояние советского правительства в политической и экономической плоскостях. Что касается Минска как центра специально белорусской национальной работы, то необходимо признать, что его положение - сравнительно с двумя остальными центрами - более выгодно и устойчиво. Общесоюзное советское правительство определенно протежирует Минску, строя на нем (совместно с Сов. Украиной) свою борьбу с Польшей. Минск сознательно поддерживает эту тенденцию Москвы, ибо ничего кроме выгоды для себя от нее не видит: на пути этом он получает поддержку в национальном возрождении Белоруссии и надеется в результате присоединить к себе Западную Белоруссию. Положение Советской власти в деле национального возрождения Белоруссии двойственно: с одной стороны она его поддерживает, с другой стороны она его опасается, что вызывается главным образом неизбежностью национального белорусского сепаратизма ввиду закона национального возрождения. Для противодействия этой неизбежности РКП стремится утвердить в умах минских национальных деятелей так наз. “марксистское” понимание национальной проблемы, чему служат как периодическая местная пресса, так и специальные издания. В последние месяцы минский центр может отметить у себя два крупных успеха: расширение Сов. Белоруссии на восток (Витебская, Могилевская и часть Смоленской губернии) и переход

основной группы партии белорусских С[оциалистов]-Р[еволюционеров] на коммунистическую платформу. Борьба за расширение Сов. Белорусии велась уже два года, причем не только на месте (в Минске и Москве), но и в Западной Белоруссии, под польской оккупацией и в белорусской эмиграции. Все сознательные силы движения, независимо от мест действия и программы, добивались этого расширения – разумеется, каждый на свой способ, ибо видели в этом прежде всего задачу общенациональную. Что касается партии бел. С-Р., бывшей до последнего времени нелегальной, то декларация ее от 1 марта с.г. объясняется, по нашему убеждению, не столько внутренними причинами, сколько внешними – именно признанием СССР великими державами Запада и кризисом белорусских сил, работающих за границей Советского Союза.

2. Центр движения в Западной Белоруссии под польской оккупацией в лице Вил. Нац. Комитета и Посольского Клуба переживает в данный момент весьма серьезный кризис. Здесь уже с достаточной ясностью определился раскол на две группы: первая считает необходимым вести борьбу против оккупации, опираясь на содействие Минска, а вторая ищет выхода из невыносимого положения в союзе с левыми польскими группами. Обе группировки в конечном счете стоят за независимость Белоруссии и в этом смысле поддерживают контакт с нашей группой, но в своей тактике расходятся весьма сильно. Первая группа – наиболее численная – все более и более подпадает влиянию советской политики и считает единственно реальным результатом борьбы объединение Зап. Белоруссии с Минском, а вторая – выдвигает программу автономии Зап. Белоруссии в составе Польши, полагая со своей стороны, что только эта программа наиболее реальна при существующем соотношении сил России и Польши. Весьма понятно, что чем далее будет идти дифференциация в тактике и чем далее будет продолжаться кризис деятельности Белорусского Национального Правительства, тем более будет укрепляться раскол, который, при удачных и своевременных уступках со стороны польского правительства может привести к разрыву до сих пор единого белорусского национального фронта. Таким образом, временное и якобы исключительно тактическое расхождение может повлечь за собой открытую борьбу двух ориентаций, гибельную для всего возрождения Белоруссии. Это положение станет

особенно опасно в том случае, если польскому правительству, весьма, кстати сказать, неумело ведущему свою политику в отношении белорусов, удастся вклинить между двумя тактиками религиозный вопрос и перетянуть на свою сторону белорусское католическое духовенство.

3. <...> Белорусское Национальное Правительство также в настоящее время переживает кризис. Причина кризиса лежит в Литве, которая до последнего времени служила главной базой, главной опорой работы. Нынешняя литовская политика, вдохновляемая христианско-демократической партией, [очевидно?] сознательно ослабила нашу позицию, ибо, во-первых, она опасается роста белорусского движения в Виленском округе, а во-вторых, - и это специальное опасение литовских клерикальных кругов – они боятся поддерживать нашу патриотическую группу, идеологически им неподходящую.

Этими двумя обстоятельствами, говоря коротко, объясняется запутанность и противоречивость нынешней литовской политики в белорусском вопросе. Единственно ясно и твердо проводимое положение литовской политики в отношении белорусов – это стремление лишить их самостоятельной программы и, грубо говоря, взять их на службу с тем, чтобы обезопасить себя в будущем от возможных экспериментов. Бел. Нац. Правительство отвергло подобную служебную роль и тем самым лишило себя литовской поддержки.

<...> Слабость Бел. Нац. Правительства влечет за собой потерю его влияния в Зап. Белоруссии, а это ослабление демократических сил в Сов. Белоруссии, [что] неизбежно ослабит позиции Минска. Вследствие связанности белорусского политического фронта и вследствие отсутствия в белорусском движении ярко враждебных идеологий («марксистское» учение Минска для нац. дела фактор не серьезный) упомянутая связанность вполне понятна.

Поддержка, оказываемая чехословацким правительством белорусскому народу, последним никогда не будет забыта. Но благородный акт Чехословакии может быть серьезно оценен белорусским обществом и широкими массами только при условии, если направление общественной жизни края будет находиться в рамках тех групп, которые наиболее близки идеям и задачам чешской политики. Я смею думать, что именно платформа нашей

группы наиболее близка к этому и потому я считаю для себя возможным, обрисовав вкратце современное состояние белорусского вопроса, возбудить перед Вами вопрос о той роли, которую Вы можете принять в его направлении в данный момент. Необходимо признать и твердо подчеркнуть, что именно в нынешний момент кризиса белорусского движения в Западной Белоруссии Ваше мнение может быть весьма важным и даже решающим.

Июль [19]24.

Национальный архив Республики Беларусь.

Ф.325. Оп.1.Д.217, л.л. 74-78. Машинопись, правленая. Автограф.Публикация В.Д.Селемнева

Операция “БНР”. Московский сценарий

По архивным материалам Историко-документального департамента МИД Российской Федерации (Ф.0215, папки Представителя Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР при Правительстве БССР).

№1

Уполномоченный Наркоминдел в БССР
т.Итви – Зав.Подотделом Прибалтики и Польши т.Б.Е.Штейну.
10.01.1925 г.

«Вопрос этот [о закордонном белорусском движении] особенно после выступления т.Червякова вызвал очень оживленные дебаты и больше всего положение «О немедленном вступлении в переговоры с группой Цвикевича». Тов. Криницкий решительно протестовал против каких бы то ни было переговоров с Цвикевичем. «Хотя я мало, может быть, знаком с белорусским вопросом, тем не менее, по-моему,- это дипломатический фетишизм,» - сказал он, - и [нет смысла] «рассматривать какие-то микроорганизмы как какой-то большой фактор в международной политике». Я вынужден был отвергнуть подобное утверждение, указав, что микроорганический белорусский вопрос играет все же довольно большое значение в общей политике СССР и в частности имеет колоссальное значение для тактики не совсем микроскопической Советской Республики, где работает сам Криницкий <…> Тов.Червяков обращал внимание т.Криницкого, что он не понимает характера его выступления, что он только информировал о предложении НКИД, не внося лично никаких предложений. Я высказал предложение на приезд Цвикевича в Минск на какой-нибудь съезд, не советский, а именно общественный -культурный, научный. На этом съезде можно было бы выявить т. Цвикевича и после этого поставить вопрос о (может быть) самороспуске белорусской организации.

Общее решение вынесено о ликвидации правительства БНР (один из способов – по линии НКИД с обоснованием требования перед Литовским правительством, чтобы на территории Литвы не

было никакой организации, противоречащей международным отношениям дружественных суверенных государств).

Уполномченный Наркоминдел
(Итви)

№2

Протокол заседания НКИД
по белорусскому вопросу 3 апреля 1925 г.

Присутствовали т.т. Аралов, Боркусевич, Гельтман и Славинский
Председателем т.Аралов. Секретарь Боркусевич.
Слушали доклад т. Славинского о положении белорусского вопроса в Польше. Для урегулирования целого ряда белорусских дел Правительство Белоруссии считает необходимым иметь при Полномочном Представительстве в Варшаве Советника, на что Белоруссия имеет право по Конституции. Такой советник руководил бы своей белорусской работой за границей и мел бы связь с одной стороны с БССР, а с другой – с белорусскими закордонными [организациями] и белорусской эмиграцией. Персонально Белорусское Правительство намечает т.Ульянова <…>
Постановили. Тов. Аралову поставить на коллегии НКИД вопрос о назначении Советника от БССР в Варшавском Полпредстве. Рекомендовать на эту должность т. Ульянова.

№3

Выписка из доклада тов. Соболевского от 14 июля 1925 г.
[повереннного в делах СССР в Литве]

13-го [июля], как было условлено, был у меня Цвикевич, - произвел на меня впечатление человека бесхарактерного, но довольно искреннего и порядочного, которого можно подчинить нашему влиянию. <…> Поездке Цвикевича в Минск необходимо содействовать всемерно. Для Цвикевича будет полезно подышать советским воздухом и установить связь с белорусским центром.

Мне кажется, что наша политика по отношению к белорусской эмиграции должна состоять в том, чтобы отколоть все более или менее здоровые элементы и использовать их на той или иной работе в Советской Белоруссии или за рубежом, но под нашим руководством и по нашим определенным заданиям.

Что касается остальных, которых не удастся притянуть к себе, то пусть они гниют и идут ко дну; пусть обивают пороги германских, чешских и литовских передних, получая свои «чаевые» и воображая себя при этом государственными людьми Белорусской Народной Республики.

* * *

Только что был Цвикевич, который явился ко мне, чтобы закончить разговор, начатый им с тов.Лоренцем в моем присутствии 8 июля. Речь шла о дальнейшем существовании в Литве белорусской базы, о незаинтересованности польского правительства белорусским вопросом. Собеседник посоветовал Цвикевичу и Головинскому послать в БССР и убедиться, что только там решается белорусский вопрос. Цвикевич согласен, но только при конспиративных условиях и одному <…>, завтра даст ответ.

Прощаясь, он снова справился выяснить точку зрения Полпредства на вопрос о создании Национального Белорусского Комитета, о сохранении литовской базы. Я ответил, что свою точку зрения выскажу и запрошу Москву.

В заключение Цвикевич с довольно смущенным видом сказал, что если бы Москва отнеслась положительно к их планам, то она, может быть, оказала и финансовую поддержку, что ему очень неловко об этом говорить, что они возьмут в долг, который вернут нам из тех сумм, какие получат от литовского правительства. Я ответил, что напишу в Москву. Я забыл сказать, что Цвикевич довольно торжественно подчеркнул, что он говорит от имени не только ковенской, но и пражской группы белорусских деятелей. Цвикевич просил встречаться с ним конспиративно, так как ему неудобно приходить к нам в Полпредство. Я не возражал против этого.

№4

Уполномоченный Наркоминдел в БССР С.Козюра – в Подотдел Прибалтики НКИД
т.Боркусевичу, 29 августа 1925 г.

При настоящем препровождаю для сведения, согласно Вашей просьбы, 6 экз. письма т.Цвикевича на белорусском языке и 1 экз. перевода на русский язык.

Приложение: упомянутое.

С.Козюра

Копия письма Цвикевича:

Дарагія таварышы,

Што трэба рабіць у сувязі з прадстаячай у Берліне канферэнцыяй. Заміранне беларускага пытання ў палітыцы Літвы і Польшчы. Ілюзія культурнай працы як сродка выбаўлення Беларусі і адваявання Вільні і Віленшчыны.

Мейсца партызанскіх груп заняў Ластоўскі са сваім Слоўнікам. Хаця "Крывіч" піша супраць палякаў, але палякі наогул супраць працы Ластоўскага нічога не маюць. "Культурная акцыя" ім ня страшна.

Ідэя склікання Агульна беларускай канферэнцыі ў Берліне, выказаная намі, была сустрэта Іонасам-Ластоўскім яшчэ больш варожа, чым ідэя Камітэту [Беларускага Нацыянальнага Камітэту ў Літве].

<…> Мы кажам: барацьба супроць Польшчы не павінна другім канцом быць скіравана супроць Менску. Мы павінны тварыць дзейны і дысцыплінаваны трыкутнік: Вільня – Менск - мы за кардонам. Канферэнцыя павінна абраць Цэнтральны Камітэт за кардонам. Гэты Камітэт будзе дагаворвацца з Літвой. Магчыма Канферэнцыя абгавора пытанне мандату БНР. На ёй мы павінны ўсе сустрэцца і абмяняцца думкамі. Наогул аб ўсім далейшым, аб нашай бліжэйшай будучыне.

Грошы на Канферэнцыю дае нам Літва. У нас саміх – поўны брак. Што рабіць – будзем карыстаць. Вам вышлем патрэбную, па магчымасці вялікшую суму, каб хапіла на 4-6 дэлегатаў. Зрабіце ўсё ад Вас залежнае, каб гэтыя дэлегаты прыехалі. Мы будзем мець

“мёртвую барацьбу” з літоўскай дэфензівай. Вы не павінны [два словы нечыт.], бо калі Край будзе маўчаць, дык нам будзе вельмі трудна супроц тых, хто мае за сабой і фінансы, і апарат улады, і халуёў, якія гатовы служыць за грошы самому чорту.

Бывайце здаровы. Моцна цісну руку ўсім таварышам.

(Цвікевіч)

Алоўкам: Ульянов, п/д 24818

№5

Отдел Прибалтики
5 сентября 1925 г.
№24568

Полпреду СССР в
Берлине – тов. Крестинскому
Праге – тов. Антонову-Овсеенко
Риге – тов. Черных
Ковно – тов. Александровскому

При сем сопровождается для сведения копия письма т.Цвикевича от 15 июля с.г.

Приложение: упомянутое

Зав. Подотделом Прибалтики и Польши (Боркусевич)

Референт (Левкович)

№6

Записка [А.Цвикевича]

Копия. Сов.секретно
Машин. 1 экз.

<…> Наше стремление - сохранить литовскую базу борьбы против Польши [через] возникновение в Литве Белорусского Национального Комитета, вопреки группе Ластовского и ее так называемой “культурной работе”.

Комитету без денег очень трудно работать и тем более созывать Конференцию, предполагаемую в Берлине.

Задачи конференции: 1) обезвредить служебную роль Ластовского в отношении Литвы; 2) договориться с Литвой

относительно борьбы против польского захвата; 3) консолидировать белорусские силы за границей, т.е. в Латвии, Литве, Чехословакии и других местах и [определить] твердую политическую линию на будущее. Конференции предполагается обсудить вопрос о мандатах БНР – в форме или передачи их Минску или учреждении Главного Комитета за границей. С точки зрения интересов борьбы с польским захватом последнее представляется белорусам более целесообразным.

<…> Принимая во внимание, что осуществление изложенной программы непосредственно связано с интересами Советского Союза, мы убеждены, что Советское Правительство поможет нам как материально, так и политически.

4 августа 1925 г.

С подлинным верно: (подпись)

№7

Уполномоченный НКИД
При Правительстве БССР
15/VIII.1925 г.
№345

Сов.секретно
Члену Коллегии НКИД СССР
Тов. Аралову

При сем препровождаю постановление ЦК КПБ по вопросу предполагаемого съезда белорусских организаций в Берлине группой Цвикевича [документ №8].

Записка Цвикевича по этому вопросу передана тов. Чичерину по линии ГПУ [документ №6].

Это постановление сообщаю Ульянову и Славинскому, которые сейчас в Данциге.

Уполномоченный НКИД С.Козюра
Подпись. Автограф.

№8

Протокол №
Закрытого заседания Секретариата ЦК КПБ от 14 августа 1925 г.

Присутствовали: т.т. Криницкий, Гессен, Опанский, Иссак, Козюра
Слушали: Информацию Опанского

1. Признать целесообразным созыв группой Цвикевича в Берлине Белорусской конференции при 7-ми обязательных условиях:
а) Предварительное признание Минска как единственного культурного и политического центра, на который должно ориентироваться белорусское движение Польши, Латвии, Литвы и др.; внесение в декларацию (см. п. «В» этого признания). Борьба против попыток иностранных правительств взять белорусское движение в свои руки.
б) Отказ от ориентации на Лигу Наций.
в) Предварительная, до Конференции, передача полномочий БНР Правительству БССР в форме декларации, в крайнем случае, с условием опубликовать ее тогда, когда это не повредит созыву Конференции (учитывая опасность высылок и т.д.).
г) Поддержка всемерно съезда белорусоведов в Минске, недопущение какого бы то ни было противостояния ему Берлинской конференции.
д) Признание нецелесообразности создания центра белорусского движения за границей, в крайнем случае, согласиться на съезд центра в Минске (на территории БССР) с советской ориентацией.
е) Согласие этой группы действовать в полном контакте с Рабоче-Селянской Громадой при Польском Сейме.
ж) Откол на Конференции группы Цвикевича, если большинство Конференции не примет [перечисленных выше] условий.

2. При принятии условий финансировать группы.

Секретарь ЦК КПБ (А.Криницкий)
Печать.

С подлинным верно: (подпись)
Машинопись. 1 экз.

№9

Постановление ЦК КП(б)Б
от 13.09.1925 г.

1. Белорусский Комитет, будь он избран на Берлинской Конференции, даже при условии сложения полномочий БНР, окажется силой против СССР, будет использован в белорусском вопросе, ослабит позиции СССР. Его образование будет рассматриваться БССР как выступление против БССР.

2. Поставить перед группой Цвикевича категорически вопрос: либо принять все условия БССР [документ№8], либо БССР отказывается от каких-либо переговоров с группой Цвикевича в дальнейшем и начинает против них борьбу.

3. Необходима, подтверждаем по-прежнему, наиболее «громкая» декларация Цвикевича в пользу БССР, сложение полностью БНР перед БССР сторонниками ориентации на БССР.

№10

№24722/ПБ
Полномочному Представителю СССР в Литве тов. Александрову
[б/даты]

Уважаемый Сергей Сергеевич,

Только что приехал из Минска т.Козюра, с которым мы имели здесь совещание [по] белорусскому вопросу. Тов. Козюра окончательно убедил нас в правильности позиции Минска. Прилагаю при сем выписку из протокола совещания при ЦК. Просим Вас окончательно договориться с Цвикевичем относительно проведения этого постановления в жизнь (о нецелесообразности создания какого-либо Белорусского комитета за границей, ибо при возвращении Цвикевича в Минск, там остается Ластовский и представитель группы польской охранки в лице Виленского комитета Павлюкевича).

По вопросу о дальнейшем субсидировании Цвикевича. Высылали [слово нечит.] всю переведенную Вам сумму в 3000 рублей, но гарантируйте себя заранее от какого-либо подвоха со стороны Цвикевича, к которому белорусы относятся все-таки настороженно <…>

С коммунистическим приветом,

Боркусевич

№11

Боркусевич – В.В.Молотову
в ЦК ВКП(б) 23.09.1925 г.

Тэкст апублікаваны раней: Скарыніч. Вып. 6.М., 2006.С.77

№12

Протокол
Совещания по белорусскому вопросу
17.10.1925 [НКИД СССР]

Председатель тов. Аралов
Секретарь тов. Карский

Присутствуют т.т. Александров, Боркусевич, Войков. Игнатовский, Козюра, Криницкий, Майский и Славинский.

<…> *Тов. Козюра*. Тенденция к созданию Всебелорусского комитета в Литве вредна. Группа Ластовского не представляет опасности. Положение изменится, если ему удастся белорусских национальных христианских демократов. Общие задачи. Национальное движение перевести в классовое <…>. Эмиграцию разлагать, используя в то же время отдельных лиц или организации.

Тов. Аралов. Указывает, что при обсуждении вопроса необходимо считаться с изменением нашей политики в отношении Польши (поездка т.Чичерина). Открытая ориентация на Минск

противоречит нашей польской политике. Далее т.Аралов зачитывает письмо тов.Чичерина.

Тов. Славинский. Вы говорите намеками. Надо углубить и расшифровать.

Тов. Аралов. Я говорю достаточно ясно. Если центром является Минск и на него ориентируется и эмиграция, и оседлое население, то все движение будет понято как наша работа. Необходимо, чтобы эта работа не мешала нашей линии.

Тов. Криницкий. Как увязать новую линию к Польше с лозунгом КПЗБ и как обстоит дело с укреплением работы?

Тов. Войков. Моя точка зрения. 1) Белорусская работа должна продолжаться; сближение с Польшей не только не должно ее прекратить, но может быть даже усилить

2) Пути, по которым эта работа должна идти, - это 1) партия, 2) Минск, 3) может быть Данциг. Варшавское полпредство должно быть от этого свободно. У поляков создано уже впечатление, что Полпредство этим делом занимается. Тот факт, что т.Ульянов ведет антипольскую работу и его поездка не секрет для поляков, нам очень вредит. Таких моментов надо избегать.

3) Надо избегать таких положений, при которых белорусское движение объединяется вокруг Минска. Это будет использовано не так Польшей, как иностранцами. Все это очень трудно провести организованно, но это необходимо сделать. Нужно дать больше средств и усилить нелегальные организации. Тов. Ульянова нужно послать в Данциг.

Тов. Аралов. Но не надо только вмешивать в нее Полпредство СССР и БССР. Задача заключается в том, чтобы создать национальное движение в Польше, в Латвии (Латгалия); Виленщина – один из важнейших центров этой работы.

Тов. Славинский. Вопрос о взаимодействии государственной и партийной линий - всегда будет две линии: НКИД и ИККИ [Исполнительный Комитет Коминтерна]. Полпредство не может отстраниться от работы. Его роль раскачивать население, создавать противоречия внутри данного государства. Борьба масс должна возглавляться Компартией. Упрек, что мы хотим коммунизировать работу, - неправилен. Полпредства ведут не только дипломатическую, политико-разведывательную работу, и вопрос только в конспирации. Громада является коммунистической лазейкой. Нужно прикрытие, под которым можно вести работу. В

Латвии мы связались только с верхушкой. Езовитов – фигура сомнительная. Он лучше свяжется с социал-демократами, чем с компартией.

Тов. Игнатовский. Речь идет о более осторожной работе. Это вопрос техники. Путь 2-й тов.Войков не сплюсовывал с его 1-м путем. Впутывать Полпредство нужно, но только более осторожно. Не провозглашать Минск центром официально? Выдвижение Минска неизбежно. Нужно дать больше людей в Варшавское Полпредство, тогда будет легче. А т.Ульянов работал один и поставлен в очень плохие условия.

Тов. Войков. <…> С т.Ульяновым у меня нет абсолютно никаких трений, но он совершенно провален. Раньше он был атташе, т.е. шпионом, а теперь он – советник, мой заместитель. И всякий знает, что этот мой зам. ведет работу по отторжению Белоруссии от Польши.

Тов. Майский. Белорусское движение – национально-демократическое движение. Мы имеем достаточный опыт подобных движений (Балканы, Македония). Учитывая нашу постоянную линию в отношении Польши, нужно изменить тактику. Нужно не впутывать Полпредство данной страны. Надо вести работу не из Варшавы, а, например, из Ковно. Минск – идейный центр, Ковно – практический центр. Резолюция Конференции – неосторожная. Нужно декларировать, что «положение белорусского населения в БССР» лучше.

Тов. Александров. Дело не в программе. В Ковно вопрос чересчур большой. В Литве не тянутся к Минску. Едут туда только по требованию. Этим дискредитируется работа. В Ковно необходимо сохранить организацию. Всебелорусский центр нужно было избрать на Конференции; этот центр был бы в наших руках. Белорусские организации должны пользоваться поддержкой края.

Тов. Славинский. Практический вопрос. Как мы должны опубликовать постановление Конференции. Правительство БНР ликвидируется. В пользу кого они складывают мандаты? В пользу БССР. Ульянов провалился? Это далеко не так. Дайте факты <…>. Я замечаю тенденцию в отношении к Ульянову. Необходимо внести ясность в это дело.

Тов. Войков. Тенденции-то у меня к Ульянову нет. По работе он мне не мешает, ибо он провалился. Я не возражаю против работы из Варшавы. Пусть будет белорусский совет нелегальный,

но пусть он не ведет нелегальную работу. Ульянов должен быть отозван.

Тов. Боркусевич. <…> Белорусскую работу нужно вести через Вильно. Руководить ей можно в крайнем случае из Данцига.

Тов. Криницкий. т. Войков не прав относительно Ульянова, но в Варшаве невозможно создать базу. Предлагаю создать комиссию для проработки вопроса по странам.

Тов. Аралов. Нам было бы чрезвычайно иметь центр хотя бы фиктивный.

Тов. Славинский. Под какой вывеской?

Тов. Аралов. Можно раздуть [слово нечит.] П.Головинского. Этот вопрос следует обдумать.

Решили: что т.т. Войков и Александров обсудят с товарищами белорусами вопросы относительно к Польше и Литве. О результатах Уполнаркоминдел сообщит т.Аралову.

Председатель
Секретарь

З ПОШТЫ “СКАРЫНІЧА”

Мікола Купава

Удакладніў сваё аўтарства паштоўкі на 1000-годдзе Беларусі. У папярэднім нумары "Скарыніча" (№ 8-9). Паштоўка была надрукавана пад прозвішчам Яўгена Куліка (яго як мажлівага выканаўцу ў свой час данімалі "сыскные" службы). Дзякуем спадару Міколу за ўдакладненне і віншуем з легалізацыяй свайго выдатнага твору.

Вячаслаў Рагойша

Дарагі Аляксей,

Сардэчна дзякую табе за „Скарыніч" (Вып.8-9.М., 2010), які перадаў мне В.Скалабан (з невялікім спазненнем). Прыпала да сэрца і тваё запрашэнне напісаць пра "маю Маскву". Маскву я люблю – у адрозненне ад некаторых "пісакаў", якія кажуць: "Масква? Фу!.. Вось Пецярбург!" Люблю і Пецярбург, але найперш, відаць, - Маскву. Неаднойчы даводзілася быць у ёй: і калі з'яўляўся вучоным сакратаром секцыі родных моў і літаратур (старшыняваў тады М.Ларчанка) Навукова-метадычнага савета па вышэйшай філалагічнай адукацыі Мінадукацыі СССР, і калі ўваходзіў у склад Савета па мастацкім перакладзе Саюза пісьменнікаў СССР (як старшыня секцыі мастацкага перакладу СП Беларусі), і калі запрашалі на ўсесаюзныя цімафееўскія чытанні ў ІМЛІ імя М.Горкага і інш. У ІМЛІ імя М.Горкага, як ты ведаеш, абараніў доктарскую дысертацыю (дагэтуль дзякую расійскім вучоным і табе асабіста за падтрымку).

У Маскве сустракаўся з М.Улашчыкам, у Маскву ў мяне склаліся добрыя адносіны з Я.Дэйч (дагэтуль перапісваемся), Н.Над'ярных, В.Ганіевым, Л.Озеравым, Я.Хелемскім і інш. У Маскве жыве мая стрыечная сястра, доўга жыла яе маці – мая родная цётка, якая да глыбокай старасці гаварыла па-беларуску, так і не засвоіла рускую мову… Так што Масква - у маім сэрцы. Але, на жаль, для гэтага нумару "Скарыніча" нічога напісаць не змагу. Па-першае, у тыя 3-5 старонак не ўкладуся. А па-другое, няма часу. Ледзь выцягнуў адну нагу (два месяцы цяжка хварэла Таццяна,

ляжала ў інсультным аддзяленні 5-й бальніцы Мінска, цяпер крыху папраўілася), як загразла другая: у нас якраз справаздачы па навуковай працы за год і за ўсю пяцігодку. А чыноўнікі, нягледзячы на заявы самых высокіх улад ("рэзка скараціць справаздачнасць", "адно акно" і інш.), з нас "уюць вяроўкі".Ніколі такой падрабязнай і скрупулёзнай справаздачнасці не было. Мала што для ўніверсітэта трэба нейкіх пісаць дакументаў (акт, справаздача, анатацыя, спіс публікацый, табліцы…), прычым напісаных строга паводле формы (пэўны кегль, параметры старонкі, водступы…), а ўчора яшчэ з Інстытута мовы і літаратуры – гэта наша галоўная арганізацыя – прыйшло новае палажэнне, своеасаблівае, пра справаздачы, дзе трэба адказаць на некалькі дзесяткаў пунктаў… Ды яшчэ толькі на рускай мове! Дзіва дзіўнае: праграма дзяржаўная называецца "беларуская мова і літаратура", беларуская мова – канстытуцыйная, а тут – толькі на рускай мове. Званіў Лукашанцу… Але і ён нават не ведае, чыё такое распараджэнне. Відаць, нейкі высокі чыноўнік беларускай мовы не ведае, хаця есць беларускі хлеб, ды яшчэ з чорнай ікрой.

Так што, дарагі дружа, у будучым пра Маскву напішу і перашлю табе (калі яшчэ трэба будзе). А пакуль – дзякуй!

Што да "Скарыніча", то <... > ён уражвае ўсім: і багаццем арыгінальнага, нідзе не бачанага і не чытанага матэрыялу, і яго разнастайнасцю, і пафасам Беларушчыны… Дай, Божа, і табе, і ўсім, хто мае дачыненне да выдання "Скарыніча", моцы фізічнай. А духоўнай у вас хапае. І ўдач, шанцавання (у тым ліку і на спонсараў) і ў 2011-м годзе, і ва ўсе наступныя гады.

Дасылаю табе канверт са спецгашэннем, якое адбылося ў Оршы, дзе і я быў далучаны да святкавання 80-годдзя Уладзіміра Караткевіча. Юбілей прайшоў на добрым узроўні. Прыязджалі і міністр культуры Латушка, і пасол Швецыі Стэфан Эрыксан, і прадстаўнік пасольства Украіны. На жаль, такая падзея не сталася ў Мінску. Няхай сабе была б і ў Оршы, але - і ў Мінску! Ужо каторы год юбілейныя вечары не атрымліваюць залаў у мінскіх тэатрах, не транслююцца па тэлебачанні. Рэпартаж на радыё (малайчына Галя Шаблінская!), цікавы, паўгадзінны, адбыўся праз тыдзень, але гэта ўсё ж не тое…

Думаю, пра апошнія падзеі ты ведаеш. Што б, аднак, не адбылося, трэба працаваць. Выдаваць "Скарынічы". Выхоўваць маладых філолагаў, беларусістаў. І верыць у лепшае:

Не бядуй, што ветах
Зноў на небе знік:
Не канец жа свету –
Блісне маладзік!

Яшчэ раз і з Новым годам, і з Калядамі! Няхай нараджаецца ўсё лепшае, светлае, маладзіковае!

Твой Вячаслаў Рагойша (да якога далучаецца і Таццяна Кабржыцкая).

Абдымаю!

Мінск, 25.12.2010 (Каляды)

Павел Латушка

МІНІСТЭРСТВА КУЛЬТУРЫ
РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

Праспект Пераможцаў, 11, 220004, г. Мінск

Тэлефон (017) 203 75 74
Факс (017) 203 90 45

e-mail: ministerstvo@kultura.by

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проспект Победителей, 11, 220004, г. Минск

Телефон (017) 203 75 74
Факс (017) 203 90 45

e-mail: ministerstvo@kultura.by

29.07.2010 № 06-14/3371/н
На № ____________ ад ______________

Чайчыцу В.М.
Старасадскі завулак, 7/10,
101000, г. Масква

Паважаны Віктар Мікалаевіч!

Выказваю Вам вялікую ўдзячнасць за магчымасць пазнаёміцца з чарговымі нумарамі літаратурна-навуковага гадавіка "Скарыніч", які выходзіць з 1991 года і працягвае справу беларускага першадрукара і асветніка Ф.Скарыны.

У выданні змяшчаецца цікавая інфармацыя пра беларускіх майстроў слова і праектах нашых суайчыннікаў. Перакананы, што гэта менавіта тое, што аб'ядноўвае і ставарае добрую платформу для развіцця дыялогу і супрацоўніцтва паміж гістарычнай радзімай і беларусамі замежжа.

Шчырае дзякуй Вам і нязменнаму ўкладальніку "Скарыніча" Аляксею Каўку за тое, што адраджаецце, развіваеце і захоўваеце па-за межамі Бацькаўшчыны традыцыі беларускай нацыянальнай культуры, мовы і гісторыі.

Поспехаў Вам, здароўя і дабрабыту. Спадзяемся на далейшае дзелавое супрацоўніцтва.

З павагай,

Міністр П.П.Латушка

06 Шышкін 203 71 76
28.07.2010 Скарыніч

Ганна Запартыка

< ... > Пахавалі ўчора нашага светлага Уладзіміра Конана. Вельмі годна з ім развіталася ўся яго блізкая грамада. Я і Валя Данекіна Вашу просьбу выканалі. Быў букет з белых-белых півоняў і чырвоных гваздзікоў, абвіты жалобнай стужкай з надпісам, слова ў слова Вамі пададзеным. Адпявалі яго ў царкве Пятра і Паўла на Нямізе, служыў а. Ю.Залоска. Пасля ён прамовіў слова, вельмі шчырае слова і глыбокае. Прамаўлялі Алег Бембель (інак Мікалай, яго хросны сын), У.Някляеў, Л.Дранько-Майсюк, А.Марачкін, В.Акудовіч, Н.Загорская, М.Матрунчык. Можа каго прапусціла. Вельмі многа было людзей у царкве, многа кветак, вянкі. Былі сваякі, але я нікога іх не ведаю. Раніцай гэтага ж дня з У. Конанам развітваліся ў Інстытуце філасофіі. Труна з целам была там недзе да 11.00, у царкве жалобная імша пачалася блізу 12.00. Пахавалі яго на Паўночных могілках. Як жа горка, што пакідаюць нас такія шчырыя, чыстыя, як наш Філосаф, людзі. Быў у нас у архіве-музеі ўсяго нейкі месяц таму. Прынёс запоўненую анкету з тэмай на "Узвышаўскія чытанні", атрымаў у падарунак 2-х томнік А.Бабарэкі, прытуліў так добра-шчыра, сказаў, што цяпер будзе яму што пачытаць у шпіталі. Так я даведалася, што ён кладзецца на лячэнне, як сказаў "адразу ад вас". Абяцаў тэлефанаваць, калі выйдзе са шпіталя, ці зможа прыйсці на канферэнцыю. Але не патэлефанаваў і не змог. І гэта была наша апошняя сустрэча. Вечны яму Супакой і Памяць.

< ... > І ў апошні радок - пра "Узвышаўскія чытанні". Прайшлі вельмі актыўна. Праграма была вельмі цікавай. Ваш "незавершаны" даклад я прачытала. Ведаеце, былі апладысменты. Тэма проста ў "дзесятку" Абавязалі Вас "дазавяршыць". Праграму канферэнцыі вышлем Вам поштай. Вось-вось выйдзе пяты зборнік "Пра час "Узвышша" і тады ўсё разам пашлем...

09.06.2011

СКАРЫНІЧ

Литературно-научный ежегодник
Выпуск 10

Сардэчная падзяка спрыяльнікам гэтага выдання:
Софіі Астроўскай, Валерыю Голубу, Ганне Запартыка, Міхасю Скоблу, Алесю Чайчыцу.

На вокладцы: помнік Францішку Скарыну ў Мінску каля Нацыянальнай бібліятэкі (на былых содалевых сотках у Зялёным лузе). Скульптар А.Дранец.

ISBN 978-5-93121-293-7

Издательство "ПКЦ "Альтекс"
Г. Москва, ул. Давыдовская, д. 10

Подписано в печать 06.12.11г. Формат 60х90 1/16
Печ.л.8. Тираж 200 экз. Заказ № 4885

Отпечатано в типографии ООО "Бизнес Континент"
101000, г. Москва, Лучников пер., д.4 стр.2